

Инга Полякова

ДипВлом?!

Очка – Факультет Информатики

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 82-3
ББК 84-4
П54

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Полякова Инга

П54 ДипВлом?! : Очка — Факультет Информатики / Инга Полякова. —
[б. м.] : Издательские решения, 2021. — 316 с.
ISBN 978-5-0053-4152-5

Роман «ДипВлом?!» повествует о студенческой жизни начала двадцать первого века. Он вызывает ностальгию, побуждает читателей вспомнить свои студенческие годы. Продажные преподаватели, студентки, готовые ради оценок на все, взятки, подлог, мошенничество — это страшный и абсолютно реальный мир современного российского вуза.

Есть литература, которая высмеивает пороки современного общества, указывает на проблемы, чтобы изменить этот мир, и роман «ДипВлом?!» относится к этой категории!

УДК 82-3
ББК 84-4

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Посвящается Кольцову Юрию
Владимировичу,
бессменному декану факультета
Прикладной математики, КубГУ
в память о выпуске 2007 года

Эпопея студенческой жизни

Всё познается в сравнении. Роман «ДипВлом» получился неоднозначным. С одной стороны показана ценность высшего образования, с другой «закулисная» жизнь вуза.

«У наивной вчерашней школьницы уже не осталось иллюзий», — вот, пожалуй, основная мысль произведения. Это роман о студенческом братстве, которое рушится после окончания вуза, о банальной силе денег и, конечно же, о любви, которая проверяется серьёзным испытанием.

Наиболее сильные главы в романе — последний пятый курс, где расставлены все точки, где разворачивается настоящая драма, драма взросления и нового восприятия мира.

Действие романа, скорее всего, начинается в начале 2000 годов, точных дат автор не ставит, но появление ЕГЭ к концу пятого курса отсылает нас к началу 21 века. К тому же выводу приводят некоторые детали произведения. В то время как место действия указано четко — город Краснодар.

Главная героиня — Шмонова Ирина, которая, как и все студенты, мечтает о высшем образовании ради того, чтобы устроиться на хорошую работу. Прилежная учёба на первом курсе и двойка на предзащите диплома, такой «неожиданный путь» для Ирины.

Развенчание иллюзий происходит постепенно, как только узнаются все подробности, все детали — учёба перестает быть ценностью и смыслом жизни. Происходит взросление героини.

В романе прописана студенческая жизнь как минимум десяти персонажей. Все они проходят свой период взросления. Вера, Олеся, Тая, Женя и другие молодые люди, которые на время оказались связаны между собой социальными обязательствами. Судьба многих героев трагична, даже те, кто подавал надежды остаются у разбитого корыта. Престижный вуз — и никакой перспективы.

Студенты любым способом пытаются добиться успеха и материального благополучия, не отстают от них и преподаватели, в ход идет всё: интриги, скандалы, подхалимство и, конечно же, взяточничество. В романе представлены разные типы преподавателей, но у всех из них есть «слабые места»: они падки на славу, красивых девушек, деньги.

Коротенькие зарисовки из студенческой жизни, где учёба идёт параллельно с личной жизнью — такова композиция романа. В такое произведение нужно вчитаться, поскольку перед нами предстает галерея персонажей, каждый описан детально по определенной схеме.

Описания всего занимают половину романа. Каждое место действия и новый герой описаны с такой детализацией, что сразу вспоминается

творчество Николая Васильевича Гоголя с его манерой описывать всё подробно. Через детали можно передать многое и автору местами удастся достичь нужного эффекта, однако иногда детализация излишняя, особенно это касается второстепенных героев, которые не несут смысловой нагрузки в романе. Тем не менее, портретные характеристики помогают нам оценить мастерство автора.

Наиболее интересными показались эпизоды, где герои в гостях друг у друга (Новый год у Славы, У старосты, На даче, Проведывание больной, Ночь откровений, Общага, У Таи, У БС и другие). В этих эпизодах представлены внешние условия, в которых живут герои, через описание интерьера раскрывается внутренний мир персонажей, их переживания, страхи, опасения, желания. Нужна железная сила воли, чтобы, не смотря на грустные в большинстве своем обстоятельства, добиться каких-либо успехов.

В эмоциональном плане, на мой взгляд, наиболее сильный эпизод – расставание Таи и Славы. Этот отрывок мелодрама в чистом виде.

Вообще, определить жанр данного романа довольно сложно, перед нами произведение про жизнь, где есть и взлёты и падения, и радости и печали, смех и слёзы. По охвату тем и количеству героев роман стремится к эпосе, но по объёму и тематике роман можно отнести к социально-бытовым романам современности.

Роман «Диплом» заслуживает обсуждения и прочтения. Это история нашего времени, написанная на примере одного факультета престижного вуза.

*Орехова Екатерина,
поэт, прозаик, автор ЛИТО
«Гармония»
январь 2020*

Первый курс

Первое впечатление

К университету шла стройная девушка среднего роста с длинными темными волосами, заплетенными в косичку, одетая в черный брючный костюм... Она шла быстро и целеустремленно, и казалось, она ничего не замечает на своем пути.

В начале октября Ира приехала на сборы и шла в университет уже не сдавать экзамены или писать тестирование, а именно учиться как настоящая полноправная студентка одного из лучших вузов страны! До этого Ирина год ездила в универ на подготовительные курсы по воскресеньям.

Ира училась хорошо и на высшее образование поступала в один из самых престижных вузов города. Мама тогда сказала: — Или сама поступаешь на бюджет, или идешь работать и сама оплачиваешь заочное образование. — Ира окончила школу с золотой медалью и сдавала только один профильный экзамен — математику повышенной сложности, по которому на апрельском тестировании получила три. Если бы получили пять, уже поступила бы, а та со всеми сдавала со всеми вступительный.

Экзамен проводили в начале июля в душной аудитории, и задания полностью совпадали с вариантом апрельского тестирования прошлого года, который Ира хорошо знала и до экзамена уже решала со своим репетитором. После экзамена она как обычно не была уверена в половине решенных примеров. Но когда через несколько дней вывесили результаты, и, пробиваясь через толпу, Ира увидела свою фамилию в списке зачисленных, ее радости не было предела. Поступить на бюджет, в престижнейший вуз — об этом можно только мечтать!

Идя в универ на сборы, Ира вспоминала, как писала апрельское тестирование. На обычной математике с ней в одной аудитории сидел одноклассник троечник Андрей. На тестирование он пошел вместо двоечника Вовы с его паспортом: они были примерно одного роста и внешне немного похожи. Комиссия поверила и пропустила. Но баллов Андрея Вове не хватило даже для договора...

Ира по баллам проходила на две специальности: информатику в экономике и математические методы. Матметоды больше подходили ей по складу мышления. Чтобы поступить на основную специальность, «просто информатику», нужно было сдавать экзамены не только по русскому

и математике, но и информатике, которую Ира не готовила, поэтому пошла на матметоды.

Огромное четырехэтажное здание университета занимало почти весь квартал. Не разрозненные здания по всему городу, как у технического университета, а одно массивное, большое, создающее ощущение величия. Дороги к главному входу сопровождали ухоженные газоны, высокие деревья, березы и каштаны, голубые и зеленые елки, аккуратные клумбы с желтыми и оранжевыми бархатцами или розовыми, красными и желтыми розами. Кое-где торчали оранжевые поливалки.

На аллейке перед университетом, несколько кварталов до и после росли тенистые платаны, с отслаивающейся и опадающей корой. За невысоким черным железным забором с редкими прутьями курили студенты, прячась в тени платанов.

Высокие каштаны маскировали обветшалые потрепанные здания боковых четырехэтажных корпусов. Здание главного входа, белое, с зеркальными стеклами, недавно отремонтированное, было выше остальных корпусов. Огромные позолоченные буквы с названием университета были далеко видны. Грандиозное здание соответствовало храму науки и производило нужное впечатление.

Главный вход «альма-матери» с двумя охранниками, как и полагается, вел в огромный холл и заканчивался широкой лестницей в актовыв зал. Большие пространства... Выложенная мозаикой фигура царицы наук — математики во всю стену с факелом просвещения украшала лицевую стену здания. Просторные светлые аудитории, высокие потолки, широкие коридоры — везде свет просвещения лился в большие распахнутые окна... На втором этаже портреты ректоров университета с самого его основания. Слева от главного входа за тополиной аллейкой новый пятиэтажный светло-серый корпус, в котором располагался Интернет-центр, компьютерные классы и центр работы с иностранцами. Рядом несколько общежитий для студентов и приезжих преподавателей.

В этот солнечный день Ира осторожно заходила в двери главного корпуса уже в новом статусе — студентки и с восхищением и замиранием сердца смотрела по сторонам. Но только ушаченное сердццебием выдавало внутреннее волнение... Все казалось другим: день солнечнее, охранники — входе добрее, воздух чище, а жизнь прекраснее — все было окрашено воображением восторженной первокурсницы. Ира воодушевленно торопилась навстречу высшему образованию, своему будущему, новым друзьям и знаниям!

Университет — храм учебы, место скопления науки, сконцентрированных знаний, сообществ умных людей, где создавали изобретения и делали судьбоносные открытия. Где работники вуза утоляли жажду знаний студентов, вели научную работу и шли навстречу научно-техническому прогрессу. Где становились профессорами и докторами наук, защищали диссертации, получали ученые звания и степени. Центр образования, где посвящали

свою жизнь преподаванию, несли свет знаний в умы студентов и работали над лучшим будущим! Место, которое должно было стать Ире и всем первокурсникам вторым домом на следующие пять лет!

За неделю до сборов сотрудница деканата обзвонила первокурсников и сообщила номер аудитории, где они должны были в первый раз встретиться.

Ира спросила у охранника, где находится факультет информатики. Он ткнул пальцем в левое крыло и буркнул, что сразу за лестницей деканат. На деревянной двери деканата не было никаких объявлений, и Ира отправилась по коридорам университета разыскивать нужную аудиторию, которая оказалась амфитеатром на третьем этаже на другом факультете.

Не без труда отыскав аудиторию, Ира впервые увидела будущих одногруппников. Она удивилась, увидев за одним из боковых столов свою одноклассницу, Моканову Веру, хотя они сидели в одной аудитории на вступительном экзамене.

— Ира, привет, садись со мной! — сказала Вера, высокая худая блондинка с карими глазами и волосами ниже плеч. — Ты тоже на матметодах? — В классе Ира и Вера не были близкими подругами, но Ира обрадовалась, увидев знакомое лицо.

— Классно, что мы попали в одну группу, — сказала Вера, положив голову на согнутые на столе руки. Она полулежала за столом, наверное, устала.

Вера с мамой и младшей сестрой переехала из станицы и с третьего класса училась с Ирой. Она, как и Ира, окончила школу с золотой медалью и поступила на бюджет. Вера еще со школы любила краситься: всегда сильно красила глаза, обводила их черным карандашом, наносила тени на верхнее и нижнее веко и красила черной тушью верхние и нижние ресницы. У нее был маленький аккуратный рот и, как она сама с любовью говорила, «нос уточкой». Она пользовалась тональным кремом и пудрой и совсем не красила губы. Зимой и осенью они иногда обветривались и выглядели шершавыми. У Веры были ногти средней длины с выпуклой длинной ногтевой пластиной, которые она всегда красила в темные цвета — черный или темно-коричневый. Еще со школы Вера, натуральная блондинка, красилась в блонд, сильно обесцвечивая волосы. У Веры была большая грудь, неширокий таз — в школе она считалась красавицей.

— Как твои дела? — спросила Вера, облокотившись на локте.

— Нормально... Как твои? Как лето?

— Хорошо.

Подходили остальные одногруппники, многие из них немного опоздали — тоже долго искали аудиторию.

Группа состояла из пятнадцати человек. Обычно на факультет информатики поступали в основном мальчишки, но именно группа математического моделирования оказалась «женской» — только четыре мальчика.

Немногочисленная шестнадцатая была самой «экономической» из всех групп факультета и поэтому считалась самой легкой.

В ровно назначенное время появилась молоденькая сотрудница деканата, худенькая и миловидная, невысокая, не выше метра пятидесяти, с распущенными русыми волосами по плечи. У нее была немного толстая короткая шея.

— Елена Владимировна, — представилась она. — Это я вас обзванивала перед сборами, — голос у нее был то ли немного «старческий», то ли мультяшный, как будто она недавно глотнула гелия, но приятный.

Она сообщила некоторые организационные моменты и продиктовала расписание пар на первый день учебы.

— Если ко мне нет вопросов, то жду вас на парах, — сказала она и выпорхнула из амфитеатра. Будущие одногруппники начали несмело складывать вещи и собираться расходиться. Ира с Верой тоже сложили блокноты и ручки в сумки.

— Может, пойдем в кафе, познакомимся? — тихо предложила немного полная азиатка с узкими глазами, круглым, плоским лицом, среднего роста с кривыми зубами и черными волосами по плечи. Она была одета просто — футболка и юбка — с небольшой тряпичной сумкой через плечо. Все поддержали... Азиатка быстро вышла из амфитеатра и направилась к выходу в новом корпусе, все впопыхах последовали за ней. Для первого дня в универе она неплохо ориентировалась.

Рядом с Интернет-центром, за голубыми и зелеными елочками, березами и каштанами располагалось летнее кафе, часть — под открытым небом, часть — под крышей. Первокурсники шестнадцатой группы решили занять места в помещении. Одногруппники сдвинули несколько столиков, скромно заказали чай и по кусочку пиццы. Разговор незнакомых людей не клеился — общих тем пока просто не было.

— Ну, сначала давайте представимся по кругу, что ли, — хмыкнув сказала сидящая рядом с мальчишками, смуглая невысокая девушка с длинными, ниже пояса, распущенными черными волосами и мелированной челкой. Она говорила неуверенно и часто хмыкала, прикрывая свою неуверенность, естественную для данной ситуации. — Расскажем немного о себе, как зовут, местные, неместные и откуда приехали, поступили на договор или бюджет, — она опять хмыкнула.

— Пусть начнет самый смелый, — тут же предложила бойкая азиатка.

Самой смелой оказалась белокурая девушка с высоким «конским» хвостом:

— Евгения Резцова, из Краснодара. Бюджет, — она говорила неестественно тягучим голосом, громко и обстоятельно, как будто декламировала доклад со сцены. У нее были маленькие зеленые глаза, продолговатый, длинный череп, бесцветные брови и ресницы, широкий нос и правильно очерченный, крупный рот. Она, точнее ее манера говорить, сразу обратила на себя внимание Иры.

– Таисия Обликова. Из Краснодара, бюджет, – сразу после Евгении сказала бойкая азиатка, которая предложила собраться в кафе. Она сидела по часовой стрелке от Жени, говорила быстро, тихо и немного кривлялась.

– Валерия Курдяева. Краснодар. Бюджет, – продолжила очень высокая и очень худая светловолосая девушка, с широким лицом, орлиным носом и большими глазами, которая Ире чем-то напомнила хищную птицу сову. Она говорила медленно и как будто всегда улыбалась.

– Вероника Молодицына. Можно просто Ника. Из Краснодара. Бюджет – сказала улыбаясь рядом сидящая брюнетка с длинными вьющимися волосами в хвостике, высокая, но ниже Леры, с широким гайморитным носом, пухлыми выпуклыми губами и прыщавыми, замазанными тональным кремом бурундучьими щеками. Она была, как и Вера, сильно накрашена.

– Мы с Никой соседки, рядом живем, учились в одном классе и дружим с детства, – добавила Валерия и улынулась.

– Глеб Бухаров. Из села Великовечное. Бюджет, – медленно и просто произнес темноволосый парень среднего роста и атлетического телосложения, с большими серым глазами, широкой улыбкой и курносый носом.

– Антон Ктавиди. Горячий ключ. Договор, – тихо проговорил высокий, внешне симпатичный парень спортивного телосложения, коротко подстриженный, с темными вьющимися волосами, треугольным носом, продолговатым черепом и толстыми ногами. Он ходил очень ровно, слишком ровно, и Ира решила, что у него больная спина.

– Захаров Дима. Краснодар, бюджет, – быстро и серьезно сказал невысокий светловолосый и синеглазый парень со светлыми бровями, которые были практически не заметны на его лице. У него были неровные зубы: его передние зубы – клыки – выросли выше остальных, поэтому, когда он улыбался, выглядывало два ряда верхних зубов. Он был немного полный и узкоплечий, просто одетый, в джинсах и рубашке навыпуск. Он говорил тихо и немного невнятно, выглядел как подросток и говорил тоже высоким несломавшимся голосом.

– Антошин Роман. Тоже Краснодар. Тоже Бюджет, – сказал маленький, ниже Димы, худенький парень в майке и обтягивающих джинсах. И улынулся, глядя исподлобья. Ире показалось, что у него задвигались уши. У него был острый нос, светло-русые волосы и небольшие карие глаза под еле заметными на загорелом лице бровями с ярко выраженными надбровными дугами, очень пухлые, хорошо очерченные губы и большая волосатая родинка на подбородке. У него был очень узкий таз. Его голова была существенно больше туловища, а тело само по себе пропорциональным, но значительно меньше головы. Как будто голова на уменьшенном теле. Казалось, что его голове нужно тело побольше. Маленькое тело и большая голова создавали ощущение неполноценности. Его рост был около метра пятидесяти пяти, и даже невысокому Диме он был по плечо. Рома был таким маленьким, что казался еще мальчиком и по его виду должен был го-

ворить высоким мальчишеским голосом. Но он говорил низким басом с хрипотцой взрослого мужчины. Его голос никак не подходил его маленькому «детскому» росту.

– Настя Тюканова. Из Армавира. Бюджет, – сказала девушка среднего роста, со светло-русыми волосами по плечи и отросшей челкой, разделенной на две половины, чтобы не закрывать глаза. Она сделала акцент на слове «бюджет», как будто бюджет – нечто само собой разумеющееся. Настя была немного полная, с толстыми бедрами и худыми икрами, с небольшими глазами под заросшими светлыми бровями и выступающей нижней губой. Она была вообще не накрашена. У нее было много внутренних прыщей, поэтому все лицо выглядело красновато-пупырчатым, и через разделенную челку был виден очень прыщавый лоб. У нее были крупные, немного выступающие вперед зубы. Настя улыбалась «как зайчик», показывая крупные верхние зубы и немного закусив нижнюю губу, и внимательно, с нескрываемым интересом смотрела на одноклассников.

– Шмонова Ира, бюджет, Краснодар.

– Вера Моканова, бюджет, Краснодар, – представилась Вера.

– Диана Усанова. Темрюк. Договор, – сказала белокожая худая девушка с подстриженными под каре, светло-русыми волосами. У нее все черты лица были мелкие: маленькие глаза, аккуратный ровный нос, маленький рот с тонкими, но не плоскими губами. Она была не сильно накрашена, только немного туши и блеск для губ. Ее речь выдавала негородское происхождение. Она говорила немного по-деревенски, произнося звук [г] с выдохом, как твердый. Она смотрела немного высокомерно, говорила мало и как бы сквозь зубы. У нее были очень худые икры. Она ходила, сильно сутулясь, и заметно косолапила.

– Пожарова Диана. Краснодар. Бюджет, – сказала смуглая девушка с большим ртом, которая предложила знакомиться по кругу, черноволосая и кареглазая, наверное, с адыгейскими или какими-то кавказскими кровями. Она говорила без акцента. Диана тут же просто спросила:

– Кто хочет стать старостой? – ответа не последовало. – Значит, буду я! – И хмыкнув пустила листик по кругу, где все записали фамилии и номера телефонов.

– Олеся Антоненко, Тихорецк. Бюджет, – сказала брюнетка среднего роста, полная, но с худыми однобокими икрами. У нее были волнистые волосы, красивое, круглое лицо с ярко выраженными угловатыми скулами над щеками, небольшие карие глаза под темными бровями, острый нос и пухлые губы.

– Анжела Саферова. Краснодар. Договор, – медленно проговорила с небольшим акцентом богато одетая невысокая адыгейка, немного полная, смуглая, с маленькими глазами, треугольным носом, большим ртом и намазанными гелем волосами по плечи.

Ира, сама поступившая на бюджет, из-за юношеского максимализма уже немного презирала договорников.

Новоявленные одгруппники представились, посидели, помолчали, поели пиццу. Тая позвонила, ее уже ждали несколько парней из параллельной группы: один светлый невысокий, двое повыше, темноволосых. Тая извинилась, сказала, что уходит, и направилась к ним. Приезжие обменялись телефонами, чтобы совместно снимать жилье. Все быстро неловко попрощались и разъехались по домам.

Факультет информатики

Факультет информатики располагался на первом этаже главного корпуса университета. Он отличался от обычного математического новой мебелью, металлопластиковыми окнами и современными компьютерными классами. Рядом с деканатом висела доска с расписанием групп всех курсов, организационные объявления факультета и разных фирм о приеме на работу выпускников. На факультете выделялись большие, почти на всю стену железные двери кафедр, с несколькими замками и новыми под золото табличками. Широкая лестница вела от холла с расписанием на верхние этажи главного корпуса. Один коридор вел к лекционным аудиториям, кафедрам математического моделирования и информационных технологий и кафешке. Второй коридор — с одной стороны к кафедре прикладной математики и дальше к компьютерным классам, с другой — к читальному залу и кафедре численного анализа.

Напротив расписания всегда продавали дешевые слойки, пирожки, булочки и сочники и выстраивалась длинная очередь «вечно голодных» студентов разных факультетов. Ира удивилась: цена в универской кафешке и выносных лотках всегда была десятичная.

Первый месяц — октябрь — преподаватели начитывали лекции. Практики начались со второго месяца. Студенты факультета учились на пятидневке. «Экономисты» слушали лекции по информатике и разновидностям высшей математики — математическому анализу и линейной алгебре.

Полурочасовые лекции проходили в большой просторной аудитории 141, объединенной из двух. Студенты сидели на лавочках за неновыми обшарпанными деревянными столами, уже сильно исписанными прошлыми курсами. Столы, высокие, «четырёхместные», стояли в два ряда. В начале аудитории на всю стену висела трехстворчатая зеленая доска. Рядом стояла трибуна и стол преподавателя, «двуместный», меньше, чем у студентов. В одной лекционной аудитории помещалось все три «экономические» группы — информатика лайт, как окрестила их основная специальность: одна — шестнадцатая группа — по математическому моделированию и две — семнадцатая и восемнадцатая — информатика в экономике.

Первая лекция – по информатике декана факультета в девять сорок. Начинать обучение с лекции декана казалось символично.

Ира сразу села за первый стол поближе к доске и преподавателю. И оказалась за столом с парнями с семнадцатой группы. Вера отсела подальше на задние парты за один стол с полненькой Олесей Антоненко. За первый стол у окна сели Женя, Тая, Вероника и Лера.

Молодым деканом факультета информатики был Кругов Антон Дмитриевич, высокий, худой, в очках, с густыми черными бровями и жидкими усами. Кругов был доцентом, кандидатом физико-математических наук, а также заведующим кафедрой информационных технологий.

Кругов красился под седину, чтобы казаться представительнее, и в свои сорок с небольшим выглядел на пятьдесят. Он стал деканом только четыре года назад. Кругов был женат и воспитывал двух сыновей, один учился на факультете информатики, где деканом был его отец, другой – еще в школе. Младший Кругов, троечник-третьекурсник, непохожий на отца, со светлыми волосами и черными бровями, неуверенно ходил по факультету и несмело улыбался. Говорили, что у Кругова была еще дочь, но она погибла в автокатастрофе, и Кругов на месте трагедии установил ей памятник. Ему писали на форуме хвалебные темы: «Какой классный мужик Кругов», обсуждая, какая у него хорошая машина и как он здорово программирует.

В начале лекции Кругов обратился к первокурсникам:

– Я хочу поздравить всех присутствующих с поступлением на факультет информатики!

У Кругова был не низкий, располагающий к себе голос не старого мужчины, в котором было что-то отеческое. Когда Ира впервые услышала голос Кругова, он напомнил ей голос отца. Ира подумала, что так и должно быть, ведь декан был отцом всего факультета. Когда декан говорил, он несильно жестикулировал на уровне груди, показывая руки.

– Вы все хорошо постарались, успешно сдали вступительные экзамены. И поступили на наш факультет! Обошли конкурентов, оказались лучшими! На факультет информатики вообще большой конкурс, а на ваши специальности – особенно. По десять человек на место!

Речь декана встречали аплодисментами, когда он говорил о конкурентах, начались овации.

– Но я не советую вам расслабляться. Мало поступить, надо еще закончить!

По аудитории раздалось дружное «У-у-у», намек на отчисление не понравился первокурсникам.

– Да-да! Впереди пять лет учебы! Я желаю вам успехов!.. И получить дипломы в том же составе, как сейчас!

Опять овации по аудитории: первокурсники поддержали эту идею.

– А теперь давайте начнем...

Студенты зашуршали тетрадками.

На первую лекцию Кругов стильно оделся в хороший костюм зеленоватого цвета из дорогой ткани и туфли из крокодиловой кожи, на которые смотрели все слушатели лекции, кроме, наверное, Насти Тюкановой. И разве можно было запомнить, о чем говорил декан на первой лекции, если он ходил возле доски взад и вперед в таких туфлях. Какое там программирование! А Кругов читал вводную лекцию по языкам программирования, которую рассказывал полностью сам и даже не принес конспект или план.

После первой лекции почти все девушки влюбились в своего декана. Многие парни завосхищались им.

— Если он и дальше будет так одеваться, выпендриваться, на него все остальные преподады обидятся, и Горовой, и Ушанков, и Галина Павловна, — говорила староста Диана Пожарова Ире. — Конечно, они намного меньше его зарабатывают и такие костюмы покупать не могут. Преподады говорят, что Кругов на первокурсников впечатление производит. На нас, то бишь...

Весь первый месяц Кругов ходил в дорогом зеленом костюме и крокодиловых туфлях. А через месяц уже в обычных тщательно накрамленных коричневых кожаных туфлях с квадратным носом и хорошо выглаженном сером костюме, практически какой носил завкафедрой численного анализа Горовой или замдекана Околов...

На третьем курсе Кругов уже ходил в теплом светлом свитере крупной вязки и выглядел обычным деревенским мужиком. Половина влюбившихся в него когда-то студенток его тут же разлюбила...

Кругов рассказывал лекции по информатике, программированию на одном из базовых языков просто и доходчиво, пары по информатики были самыми понятными. Кругов говорил, что в жизни абсолютно все можно запрограммировать и приводил пример шахматной игры.

Пары по информатике проходили весело. Пару раз Кругов рассказал корректные анекдоты про советских лидеров, артистично, вживаясь в роль, безо всякого стеснения, и вызывал искренний корректный смех аудитории, и тем, что такой серьезный преподаватель, декан факультета, не лишен чувства юмора, еще больше понравился первокурсникам.

Опоздавших Кругов не пускал: — Гуляйте до следующей пары, — громко говорил он и уверенно закрывал дверь перед самым носом опоздавших. На пары Кругова старались приходиться вовремя. Правда, через два месяца он начал делать исключение для приезжих.

Все лекции Кругов рассказывал сам без конспекта или бумажки и за весь год преподавания курса введения в информатику только один раз принес конспект на лекцию, когда читал алгоритм пузырьковой сортировки:

— Ну, можно же один раз подсмотреть алгоритм, — сказал он, ища понимания в аудитории, и пошел к кафедре заглянуть в конспект.

Доровская Олеся Викторовна — лектор по линейной алгебре, молодой преподаватель кафедры численного анализа, невысокая, стройная, с кари-

ми глазами и волнистыми темными волосами по плечи, выглядела как вчерашняя студентка. Как будто она только в прошлом году закончила вуз, поступила в аспирантуру и начала преподавать. Она практически всегда носила джинсы или брюки и недлинные свитера. Зимой она увлекалась сноубордом, а летом серфингом...

Лекции она тоже читала, как вчерашняя студентка, с доверительно дружеской интонацией, как будто она не лектор по высшей математике, преподаватель вуза, а одноклассница, объясняющая подруге новую тему или отвечающая у доски новый разобранный дома материал. Она всем сразу понравилась. Невозможно было представить, что из-за нее кого-то могли отчислить или кому-то она могла поставить двойку... Она часто заглядывала в конспекты, но объясняла понятно, и ее предмет Ире показался легким.

Заместитель декана по хозяйственной части, доцент кафедры прикладной математики, кандидат физико-математических наук, Ушанков Иван Дмитриевич, преподавал математический анализ. Один парень из семнадцатой его очень быстро прозвал: «Тюлень». Ушанков на самом деле был чем-то похож на тюленя... Плоское круглое лицо, полулысая голова, большие бесцветные глаза, длинные седые усы, свисающие до подбородка, всегда аккуратные, с немного закрученными кончиками... Ушанков тщательно и с любовью ухаживал за своими усами и очень гордился ими. Он почти всегда ходил в водолазках и длинных пиджаках. Всегда в темном. Говорил тихо, как все лекторы, кроме Кругова, и заметно шепелявил. Он читал лекции нудным монотонным голосом и постоянно улыбался, показывая крупные передние зубы, как будто не читал лекцию по высшей математике, а рассказывал анекдот. Он читал лекции по своим написанным от руки конспектам на пожелтевших от времени листах формата «а-четыре». Он улыбался, когда читал лекции, улыбался, когда отвечал на заданный из аудитории вопрос, улыбался, когда забывал, что рассказывать дальше и шел к трибуне посмотреть конспекты, улыбался, когда вспоминал, что говорить, и возвращался к доске продолжать лекцию.

Как и Кругов, Доровская и Ушанков категорично не пускали опоздавших.

Преподаватели вузов учили несколько тем и рассказывали их десятилетиями. Параллельно вели научную работу. Говорили, что Ушанков совсем не разбирается в линейной алгебре, а Доровская плохо программирует.

Каждый день Ира ездила больше часа в универ на трамвае, хотя один из корпусов технологического университета был через дорогу, но семейный совет — бабушка, мама и дедушка — решил, что в технический университет Ира поступать не будет.

После школы все казалось другим. На первом курсе впечатлительные вчерашние ученики ходили, раскрыв рты, не зная, чего ждать впереди... А впереди были лекции, практики, курсовые и практические работы.

В восемнадцатой группе училось три чернокожих иностранца из Мозамбик: двое парней и девушка. Они приехали по обмену и держались вместе. Кругов сотрудничал с иностранными вузами. Негритянка Амака, стройная и высокая, с большими глазами и широким лицом поступила на договор. Бокари, невысокий и худой, поступил сам на бюджет, и его друзья считали его очень умным, Бузиба, немного выше и шире Бокари, был из очень богатой семьи и поступил на договор. Иностранцы по-русски говорили плохо, только начинали его учить и ходили на дополнительные занятия. Для них все учебники и дополнительные были на французском, который тоже был для них неродным. Между собой они говорили на одном языке, с одноклассниками и преподавателями — на другом, а учебники читали на третьем. Одноклассники сразу пошли к ним в общагу знакомиться.

В середине октября отмечали день первокурсника в актовом зале университета. Весь месяц три «экономические» группы занимались вместе, и пятьдесят человек начали постепенно общаться и знакомиться. Ира стремилась побыстрее выучить имена одноклассников: подружки Вероника и Лера, невысокий Дима, азиатка Тая, девушка с манерным голосом Женя, полная Олеся с темными волнистыми волосами, эмоциональная, постоянно смеющаяся громким смехом и запрокидывающая голову Настя под руку с сутулой Дианой, спортивный Глеб, смуглый Антон, быстрая юркая маленькая староста Диана и не посещающая пары Анжела...

Однажды Ира с Тасей задержались в аудитории после пар. Когда Ира ушла домой и вышла в коридор, услышала голос Таи в спину: «Сука». Ира решила, что ослышалась...

На переменах Тая уже обнималась с невысоким парнем из семнадцатой — Славой, который звонил ей в первый день сборов. — У Таи старший брат на третьем курсе факультета, он их и познакомил, — объяснила Диана Пожарова Ире. Она тоже уже обнималась с Антоном Ктавиди.

Ира еще путала имена одноклассников и не успела выучить, как выглядят студенты из параллельных групп, а Тая уже встречалась с парнем из семнадцатой и успела подружиться с ломотной Женей с тягучим голосом. А Слава везде ходил с одноклассниками — высоким Егором и чуть ниже Степаном — так образовалась первая студенческая компания.

Владислав Якушенко — невысокий, немного ниже Таи, крепкий, светловолосый, синеглазый, с большим ртом, ямочками на щеках и опущенными вниз уголками глаз и бровей. У него были глубокие гнойные прыщи по всему лицу. Он говорил картавым голосом и Ире чем-то напоминал игрушку-скомороха, не хватало только колпака и балалайки. Он учился на договоре. — Мне так нравятся его ямочки на щеках! — однажды сказала Тая Ире.

Степан Дашевицкий — высокий, немного полный, темноволосый, с небольшим ртом и маленькими глазами под густыми длинными ресницами. Его родители приехали с севера и обосновались в Славянске. Он

хорошо учился, окончил школу с серебряной медалью, но поступил на договор.

Егор Соколов на голову выше Степана, темноволосый, с тонкими, мелкими чертами лица. Он с серебряной медалью окончил школу в Краснодаре и поступил на бюджет. Как и Пожарова Диана, он сразу сам вызвался стать старостой семнадцатой. Именно Егор окрестил Ушанкова тюленем.

Дискач

В середине октября студенты с экономспециальности — кто сможет — собирались пойти на дискотеку. Многие некреснодарские разъехались по домам, Олеся уехала, Вера не пошла. Ира решила пойти и держаться поближе к одноклассникам. Из шестнадцатой группы была только Тая Обликова. Ира с Тайей созвонились и договорились встретиться у входа. Тая была со Славой и другими парнями из семнадцатой и восемнадцатой. Из девчонок были только Катя Сидорова и Настя Тмакова — две из пяти немногочисленных девчонок восемнадцатой.

Катя Сидорова — очень худая, среднего роста, с худыми ногами и однобоковыми икрами. У нее были крашенные в иссиня-черный цвет волосы ниже пояса, острый выступающий подбородок, длинный треугольный нос крючком, маленькие впалые глаза практически без ресниц и бровей и аккуратный маленький рот. Она приехала из Тимашевска и поступила на договор.

Невысокая блондинка Настя Тмакова с коротким хвостиком, синими без ресниц глазами и полузакрытыми веками, казалось, всегда хотела спать. Говорила она тоже однотонным, засыпающим голосом без выражения... Без ее согласия одноклассники сделали ее старостой — вроде бы ответственная. Она начала было сопротивляться... но в итоге смирилась.

Ночной клуб располагался практически за городом недалеко от затона. Двухэтажное здание с плоской крышей и мигающей неоновой вывеской завлекало посетителей — яркое название было издали видно в темноте.

Октябрь в южном Краснодаре выдался как обычно теплый — плюс двадцать. Все были одеты по-летнему, в футболках и джинсах. Только Катя была в очень короткой юбке, топе на ляпочках с открытым животом, в черных туфлях на каблучках, завязанных атласными бантиками на шиколотках. Ира заметила, что у нее проколот пупок. Тая заранее предупредила не приходить в спортивных костюмах, поэтому все одноклассники прошли нестрогий фейс-контроль.

На входе охранники проверяли сумки, и поток входящих и выходящих сносил Таю, Слава прижал ее к себе. Пока не зашли на танцпол

и не заняли столик, у самого входа, на лестнице, ведущей в зал, к компании подошел невысокий блондин в очках с темными стеклами, Дима из семнадцатой группы. Ира никак не могла запомнить его смешную, странную фамилию. Он перевелся с эконома на договор с потерей года и по здоровью не попал в армию. Говорили, что он очень богатый.

Дима подошел к Ире, Тае и Славе и, стоя на несколько ступеней выше, предложил:

— Ну, что... Кто хочет расслабиться? Повеселиться? У меня кое-что есть, — и показал несколько темно-синих капсул.

— Нет, спасибо, — Ира энергично замотала головой. Остальные тоже отказались.

— Может, покурим травку? — голос у Димы был тихий и простой. Говорил он скромно и естественно, как будто предлагать всем подряд наркотики на дискотеке за спиной секьюрити было для него самым обычным делом.

— Не надо... — отказалась Ира.

Дима подошел к остальным, предложил таблетки со смайликами, капсулы и сигареты. — Живем один раз! Надо все попробовать, — сказала Катя и взяла капсулу.

— Дима сказал, что эти таблетки для кайфа. Они не вызывают привыкания, — как будто оправдывалась Катя.

— Думаешь, не вызывают? Что-то слабо верится, — ответила ей Ира.

Зашли в зал, отправились искать столики. В полутемном зале с яркими разноцветными огнями было душно, мигала светомузыка, толпа отплясывающих дергалась в такт ритму.

— Дима начал встречаться с девчонкой с эконома, вот посмотрите, скоро женится, — кричал на ухо Тае Слава.

— Что-то он быстро женится... — кричала в ответ Тая.

Ира села за один столик с Таей и Славой. Рядом за столиком сидели Катя с Настей Тмаковой и еще несколько парней из восемнадцатой. Нормально разговаривать при такой громкой музыке не получалось.

Музыка заглушала все. Неполный танцпол, с блестящими шарами под потолком, был окутан лазерными лучами искусственного света и дымом. Как в тумане, танцующие, в основном пьяные, дрыгались, подпрыгивали и синхронно по просьбе ди-джея поднимали руки. Все становилось то кислотно-зеленым, то синим, то красным. Включили ультрафиолет, и все белое засияло, стало космическо-голубым... Тая — завсегдаятай дискотек — надела белую футболку и сверкала в ультрафиолетовом свете.

— Как вам туса? — весело прокричал уже подвыпивший Слава Ире и Тае, дергая руками в такт музыке.

— Интересно, — прокричала в ответ Ира. Включили неоновую подсветку, и белая майка Таи опять заблестела.

Ира осматривалась, и у нее перед глазами все мерцало сине-красно-зеленым. А Катя уже зажигала на танцполе.

Слава редко и смешно танцевал, оставившись в пол и быстро перебирая ногами, как будто куда-то бежал. Тая танцевала раскрепощенно и одновременно, никого не стесняясь... Ира в основном копировала Таю. На медленных танцах Слава с Таяй прилипали друг к другу, и Ира чувствовала себя лишней.

— Третий не последний. Третий запасной, — успокоил ее Слава.

Попсовая зарубежная музыка иногда прерывалась конкурсами. Ведущий приглашал на небольшую сцену посреди танцпола добровольцев, которые по очереди угадывали популярные мелодии или танцевали под музыку, а зрители, хлопая, решали, кто победил или проиграл. Чем громче были аплодисменты, тем больше нравился танец, тем больше шансов было выиграть в конкурсе. Громче всего хлопали раздевающимся участникам — своеобразный импровизированный стриптиз — и чем больше одежды они снимали, тем громче были аплодисменты. Победительницы обычно оставались в одном нижнем белье или даже без него... Иногда они крутили снятые бюстгалтеры над головой и бросали их в зал...

Несколько раз профессиональные танцовщицы исполняли стриптиз. Полураздетые, на пятисантиметровых платформах и высоких каблуках стриптизерши танцевали у шеста в черных бюстгалтерах, длинных юбках с разрезом до талии или коротких платьях и чулках в крупную сеточку. Они ползали на коленках по сцене, под ритмичную мелодию задирали ноги, демонстрируя растяжку, поднимали юбки, гладили себя между ног, карабкались на шест, свешивались вниз головой, раздвигая ноги, крутились вокруг шеста, извивались как змеи, растягивались в продольные и поперечные шпагаты и медленно раздевались. Сначала снимали юбки-плащи, потом по одному чулки и напоследок обычно эффектно расстегивали лифчик. Потом они запрыгивали на шест, голыми вертелись и скакали на шесте, переворачивались вниз головой, показывая тонкие полосочки стрингов. И, когда заканчивалось эротическое раздевание, оставались в одних трусиках и туфлях и, скромно прикрыв голую грудь, убегали переодеваться.

Тая и Слава покупали дополнительные напитки за полукруглой подsvеченной стойкой, где на полках за спиной бармена стояли бутылки разных форм. Над стойкой висели перевернутые бокалы для всевозможных напитков, и бармен мастерски делал коктейли. Он прямо перед клиентами выбирал напитки, смешивал их и взбивал в шейкере. Иногда по просьбе клиента поджигал необычную смесь. Потом в приглушенном свете под музыку бармен показывал свои трюки. Он подбрасывал бутылки, ловил их то одной, то другой рукой, забрасывал за спину, ловил из-за спины и профессионально жонглировал бутылками и стаканчиками. В конце шоу он сложил полные разноцветные стаканчики в ряд один в другой и, под аханье и оханье толпы, держа в руках ряд стаканчиков за первый и последний, наливал из них спиртное в бокалы на барной стойке.

Слава часто покупал крепкие дорогие коктейли, много пил и курил за столиком. Тая и Ира заказали по некрепкому коктейлю и старались не напиваться.

Катя много пила и мешала спиртное, усиливая действие капсулы. Она танцевала до упада — звезда танцпола, хорошо, что не начала раздеваться. Она подходила к столику Таи и Славы и кричала:

— Как классно! Ребята, чего вы все сидите? Так весело! Пойдемте, — и снова и снова тянула всех танцевать.

Ира через несколько часов поехала домой на такси. Тая со Славой приехали к дискотекам, плясали до утра, а потом пошли встречать рассвет на набережную.

В кафешке

Замелькали однообразные лекции. Скучные, в первое время совсем непонятные лекции по высшей математике Ира прилежно записывала за преподами. Только через месяц, в ноябре, на практиках, многое прояснилось, и Ира, наконец-то, начала знакомиться непосредственно со своей группой.

В группе из пятнадцати человек училось четыре золотые медалистки — Женя, Настя, Ира и Вера. И три серебряных — Дима, Вероника и Диана Пожарова. Полгруппы медалистов.

После первых практик шестнадцатая группа решила познакомиться еще раз — пойти в небольшую кафешку напротив 142, которую недавно открыли около кафедры математического моделирования. Пять квадратных синих пластиковых столиков с пластиковыми стульчиками, за стойкой небольшое меню, практически одно и тоже каждый день, включающее те самые слойки и сочники, которые продавались напротив расписания...

Говорили, что сначала Кругов не обедал в этом кафе, приносил из дома баночки с супчиками жены. Но через месяц декан тоже начал есть в факультетском кафе и окончательно развеял все сомнения студентов по поводу свежести продуктов и качества блюд.

Студенты шестнадцатой группы сдвинули два столика, заказали черный чай. Препода — лучшая тема для разговора. Бойкая Олеся Антоненко заговорила первой:

— Как вам Доровская?

— Молодая. Она, наверное, только универ закончила, — сказала, щуря очень накрашенные глаза, Вероника Молодицына. Ее верхние и нижние ресницы обычно были так сильно накрашены, что практически слипались и походили на лапки паука.

– Ей уже тридцать два, – Тая через старшего брата все про всех знала.
– Да ладно! Серьезно! – Ника неестественно ударила рукой по столу и смеясь откинулась на стуле назад, потом вернулась в прежнее положение. – Ей нельзя дать больше двадцати трех-двадцати четырех! Она выглядит практически как наша ровесница!

– Только заметны небольшие морщинки вокруг глаз, – добавила Тая. – Она в разводе, сын уже в школу идет.

– А «Шапка-ушанка»? – мальчишки шестнадцатой начали называть Ушанкова ушанкой.

– Скучный какой-то. Но, по-моему, безвредный. Думаю, ему легко будет сдать, – сказала Женя Резцова. – Не то, что Никитов с основной специальности или Горовой. У основной Никитов матан ведет... А Горовой линейку... Вот они стонут... Не повезло им...

С подачи старших курсов математический анализ первокурсники скоро стали называть матаном, а линейную алгебру – линейкой.

– Вот Кругов классно лекции читает! – сказала улыбаясь Лера Курдяева.

Раздалось дружное одобрительное кивание: все поддержали, что Кругов хороший лектор.

– А кто такой Горовой? Почему его все так бояться? – спросила Ира.

Все взгляды оказались прикованы к Ире, и ей стало неудобно от лишнего внимания. Многие одноклассники удивились Ириному незнанию, и раздалось дружное: «У-у».

– Не знать Горового! – Глеб Бухаров широко улыбнулся.

– Ну, ты даешь!

– Ты не знаешь Горового? – повторила улыбаясь Лера. Она часто говорила, как будто доверяла что-то сокровенное, личную тайну.

– Ооо, он гроза факультета, – тихо и быстро сказал Антон Ктавиди. Он говорил немного неуверенно, как будто постоянно сомневался в себе.

– Ну... ты Горового не знаешь? Из-за него половину первых курсов отчисляют... – сказала Женя.

– Горовой серьезный препод. Его все старшие курсы боятся, – сказала староста Диана, которая сидела в обнимку с Антоном.

– У меня родители про него рассказывали. Когда они учились, он был еще молодым преподавателем, но уже тогда зверствовал, – сказала Настя Тюканова и улыбнулась, показывая крупные передние зубы. – Он, когда женился, смягчился и подобрел. До этого ему вообще было сдать нереально.

– Так он сейчас уже подобревший? – усмехнулся Глеб.

– Никитов тоже, говорят, зверь. Выше тройки оценку получить нереально. Все отличники тройкам радуются, – сказала Настя.

– Так твои родители с факультета информатики? – обратилась Тая к Насте.

– Да, они с основной специальности, в одной группе учились, на втором курсе поженились... А после пятого курса в Армавир переехали...

– Так ты дитя факультета?.. – спросила Тая.

– Так можно сказать, – Настя громко засмеялась, запрокинув голову и откинувшись на стуле. – Поэтому рассчитываю на «самокрасный само-диплом», – она опять улыбнулась и смахнула со лба челку.

– «Самокрасный самодиплом?» – Глеб рассмеялся и покачал головой. – Ну-ну.

Глеб говорил просто и естественно и производил впечатление «рубяхи парня», «своего в доску».

– Говорят, если до третьего курса не отчислили, то уже не отчислят. Первые курсы нужно учиться, а потом все работают, – быстро и серьезно проговорил Дима Захаров, или Димчик, как его часто называл Глеб. Ира заметила, что Димчик мало улыбался.

– Да, как говорится: «Первые три года ты работаешь на зачетку, а потом зачетка работает на тебя», – тихо проговорила Тая.

– На последних курсах вообще легко учиться – факультету же надо кого-то выпустить, уже никого не отчисляют, там тянут, как могут, – добавил Дима.

– Главное, дожить до третьего курса, – весело заключила Олеся, подытожив сказанное.

Ира и Вера практически все время молчали. Пообщавшись, одногруппники собрались на следующую практику...

– Вот преподам кости перемывают. Вот у них, наверное, уши горят, – говорил на следующий день Степан Дашевицкий Таяе и Жене.

– У Доровской вчера уши горели, вы ее не обсуждали? – спросил Егор Соколов.

– Именно, когда в кафешке сидели, – улыбнулась Тая.

– Ничего особенного про нее не говорили, – добавила манерная Женья. – О ком еще говорить, если не о преподах?

После разговора в кафе Ира попросила старосту:

– Диана, а покажешь мне, пожалуйста, Горового? А то все его знают, а я нет...

– Хорошо, как увижу, покажу.

Через пару дней Диана ткнула пальцем в преподавателя среднего роста, который в коридоре смотрел расписание.

– Смотри, это Горовой...

Александр Викторович Горовой был в сером костюме, толстых роговых очках и коричневых туфлях с квадратным носом, которые никак не шли к его костюму. Ему было немного за пятьдесят, у него начали седеть виски, но на макушке и затылке остались темные волосы. Его большие округлые щеки свисали до маленького, еле заметного между щеками подбородка. У него были аккуратные густые недлинные усы, темные, без проседи. И если сам Горовой немного поседел, то его усы оставались такими же темными, как в молодости. У него было какое-то хитрое или немного лукавое выражение глаз, которые он часто прищуривал, когда ухмылялся. Горовой

чем-то напоминал довольного, улыбающегося кота, который только что наелся до отвала. Он спешил на пару и, посмотрев расписание, пошел быстро к аудитории, наклонив корпус вперед, с большой тяжелой сумкой с ноутбуком через плечо...

Вообще, он серьезный ученый, занимается численным анализом, и некоторые его разработки известны по всему миру, рассказывала Диана, пока Ира рассматривала Горового...

Практические занятия проводились отдельно для каждой группы, в маленьких аудиториях с тоже трехстворчатой зеленой доской и «двухместными» столами в три ряда. У шестнадцатой группы практики по матану и линейке проходили в 142 рядом с лекционной 141, напротив кафешки. Ушанков и Доровская сами вели практику, сказали, какие учебники взять из университетской библиотеки. Декану практику не доверили, не «деканское» занятие – практику вести. Практику по информатике вела Бисарян Анна Григорьевна – молодой кандидат наук кафедры информационных технологий, маленькая пухленькая адыгейка, всегда сильно накрашенная, с большим ртом и кучерявыми недлинными волосами, намазанными гелем.

Практики по информатике проходили в компьютерных классах. На факультете таких класса было четыре: на первом этаже, все под начальством Кругова, 111, 115 и 116. И на втором этаже 216 в переходе к новому корпусу под начальством Галины Павловны Никоненко – замдекана по воспитательной работе. Кругов заведовал несколькими маленькими классами. Галина Павловна – одним большим.

115 и 116 были совсем маленькие, совмещенные. Их разделяла только прозрачная перегородка, на которой висело расписание дежурств в компьютерных классах. Аудитории со столами вдоль стен, на каждом из которых стояли коробки-мониторы с системными блоками, издающие постоянное гудение. Около прозрачной перегородки сидел сисадминистратор, иногда один на два класса. На каждой паре, где использовались компьютеры, обязаны были сидеть сисадминистратор и лаборант, чаще всего из студентов-старшекурсников, которые работали за символическую зарплату, для опыта.

216 и 111 были большие и просторные аудитории, состоящие из двух комнат – непосредственно класса и маленькой лаборантской, в которой обычно сидели сотрудники, лаборанты, а на парах работали сисадминистраторы, пили чай, болтали. В лаборантской 216 Галина Павловна хранила стопки книг по предметам, которые преподавала, сисадминистрированию и «железу». В ее лаборантской все было завалено книгами.

Лаборанты следили за состоянием компьютеров, решали непредвиденные вопросы, вытирали пыль и мыли полы в компьютерных аудиториях, раз в несколько недель проводили диагностику компьютеров. Обычно они просто сидели часами в аудиториях, слушали пары других преподавателей и занимались своими делами, готовились к парам, писали курсовые, читали.

Если происходило что-то непредвиденное, они вызывали сисадминистраторов из лаборантских.

Практика по информатике у шестнадцатой группы проходила в 111. На практиках разбирали решение несложных задач на одном из фундаментальных языков программирования. Олеся и Ира, как и несколько студентов из восемнадцатой, видели компьютеры только в универе, у них дома еще не было компьютеров, они решала задачи на листочке, а потом набирали после пар в компьютерном классе. Чтобы зайти в интернет, вместе ходили в Интернет центр в университете. Настя Тюканова вовсю шарила по сети, имела Интернет дома, мгновенно заходила на сайты и находила нужную информацию. Ира как будто отставала от большинства одногруппников, которые уже давно учили программирование и сидели в Интернете.

На практиках по манату и линейке Ушанков и Доровская прорешивали конкретные примеры из учебников по уже рассказанным на лекциях темам, задавали обширное домашнее задание.

На одной из практик Глеб спросил Ушанкова:

Иван Дмитриевич, а как вы отдыхаете, как проводите свободное время?

Ушанков улыбаясь ответил:

— Прихожу домой и начинаю решать примеры по матанализу. Открываю ваш учебник и решаю... — Он взял в руки толстый учебник и повел рукой по боковинам страниц, как будто пересчитав их, — и решаю. Так и провожу свободное время, — когда Ушанков говорил, он как всегда улыбался, и было непонятно, шутит он или нет.

— Видите, какие у нас преподы на факультете информатики, — заключил Глеб.

— Стесняюсь спросить, это тюлень так шутит? — удивлялась Настя после пары.

— Да, просто шутит, — говорила Тая.

— Не знаю, не знаю, — как обычно отвечал Глеб, качая головой.

Остальные одногруппники только разводили руками: «Неужели Ушанков на самом деле все свободное время решает матанализ, и у него нет никакой другой жизни, нет ни семьи, ни детей? Ему больше совсем нечем заняться, только решать матан с утра до вечера?.. На работе решает матан, дома решает матан. И это жизнь?»

Дима с Ромой везде ходили вместе. В первый день сборов они долго стояли на остановке, ожидая одну и ту же маршрутку, потом оказалось, что им выходить на одной остановке — конечной. На следующий день они на той же остановке встретились, чтобы ехать в универ. В маршрутке разговорились, и оказалось, что у них много общего. Они оба были из семей военнослужащих. Их отцы были военные, и они жили в микрорайоне для военных. Их семьи не так давно переехали с севера. У Димы была старшая сестра, у Ромы — младшая. Только родители Димы недавно развелись.

Рома и Дима жили в соседних домах и оказались в одной группе. Они стали вместе ездить на пары и возвращаться с пар и... подружились. Одногруппники были уверены, что они знали друг друга давно и дружили до университета.

Ира внимательно смотрела на одногруппников. Тая уже успела подружиться со всеми мальчишками, особенно с Антоном. Она называла себя корейской. Ее мама работала экономистом в крупной фирме, а папа преподавал высшую математику в технологическом университете. В школе она училась хорошо. Отличницей не была, пара четверок всегда мелькала в ее итоговых оценках. Папа ее неплохо подготовил, и она поступила на бюджет. Ее старший брат Андрей тоже учился на факультете информатики. Когда Тая поступала, он был уже на третьем курсе. Тая заглядывала в глаза, корчила рожицы, показывала зубы и улыбалась. Она не боялась быть смешной. Она говорила немного неуверенно, но, что говорила, было значимо и правильно, поэтому ее слова имели вес, к ней прислушивались.

Антон Ктавиди сам называл себя греком, хотя все знали, что он адыгеец. В доказательство своего происхождения он рассказывал историю известной греческой фамилии, созвучной с его. Оказывается, Антон в день сборов звонил маме и узнавал, на какой факультет и какую специальность он поступил. Романтические отношения Антона и Дианы продлились недолго – в ноябре они уже расстались. Тая однажды сказала Ире: – Не знаю, как она с ним справляется, у него такой трудный характер.

Антон, демонстрируя Глебу кавказское гостеприимство, пригласил его в ресторан за свой счет и сказал ни в чем себе не отказывать. А потом оставшийся месяц жил на полторы тысячи и занимал деньги на продукты у того же Глеба.

Соседки-однокурсницы Вероника и Лера жили недалеко от универа и всегда ходили вместе. Ника одевалась как фотомоделль, практически всегда на высоких каблуках, и без косметики из дома не выходила. Она постоянно пользовалась тональным кремом, чтобы маскировать проблемную кожу.

Однажды Ника опоздала на лекцию. Ее младший брат, семиклассник, подшутил над ней, выключил будильник. Она проспала и приехала ко второй паре, едва проснувшись. Она появилась в университете ненакрашенная, невыспавшаяся, с незамазанными тональным кремом глубокими прыщами на пухлых щеках. У нее неприятно пахло изо рта - зубы тоже не почистила. Ника продолжила со всеми писать теорию по линейной алгебре. И возможно, к третьей паре поняла, что ничего не пропустила и могла приехать позже, но успеть накраситься. А можно было совсем остаться дома и не ехать в универ вообще. А лекции переписать у Леры или Жени. Это был единственный раз, когда Ира видела Нику ненакрашенной. Ника иногда пропускала пары, не ходила на лекции, но всегда была сильно накрашена, «затонирована», надушена и припудрена. Одевалась по последним веяниям моды, почти всегда на высоких каблуках

и платформах, всегда с ярко покрашенными ногтями на руках и ногах. Она любила красиво одеваться, часто ходила в брендовых джинсах, плотно обтягивающих ее достаточно широкие бедра, коротких юбках и глубоких декольте, у нее была маленькая плоская грудь, и иногда под открытые майки и спортивные топы она вообще не носила бюстгалтер.

Диана Усанова с Настей Тюкановой, две приезжие, договорились вместе снимать комнату у одинокой бабушки недалеко от универа и быстро подружились. Они тоже обнаружили, что имеют много общего – у них были младшие сестры, правда, Диану воспитывал отчим. Теперь Ира поняла, почему Диана сутулилась: у нее было заметное искривление в верхнем отделе позвоночника, образующее горб, поэтому она носила кофты с капюшоном или большим воротником. Если бы Диана захотела, то по инвалидности поступила практически без конкурса на бюджет и не пошла в основную группу на физре... Но она комплексовала из-за своего заболевания, поэтому ее семья оплачивала договор, а на физкультуре Диана занималась наравне со здоровыми студентами и вызывала серьезные опасения физруков.

Настя, которая делила комнату с Дианой, рассказывала, что она носила мешковатые пижамы, переодевалась, спрятавшись в ванне, и только спустя полгода, заливаясь слезами, показала Насте свою горбатую спину. – Было бы из-за чего так переживать! – по совету отца поддержала Настя Диану, увидев ее горб, и благодаря одной этой фразе сразу стала пользоваться ее безграничным доверием и незаслуженной дружбой.

Настя лучше всех делала домашние задачи по информатике, чем удивляла всех фанатичных программистов экономспециальностей и сразу привлекала внимание Димы Захарова. – Не думал, что она так хорошо задачи по информатике сделает... – сказал он однажды Ире.

На лекциях и практиках Ира садилась на первую парту и часто оказывалась рядом с Артемом Джанаровым из семнадцатой, золотым медалистом и отличником. Он был среднего роста, худой, белокожий, со светло-рыжими волосами, «стариковским» скрипучим голосом и впалыми глазами с большим синяками. Из-за светло-рыжих волос и немного вывернутых губ он Ире чем-то напоминал утенка. Артем часто носил белое, оттеняя цвет кожи и постоянно «гыгыкал». В семнадцатой говорили, что он армянин, но его светлая кожа и волосы никак не сочетались с «армянской» фамилией. Артем был поздним ребенком. Его воспитывали бабушка и мама, которая была известным во всем городе хирургом и родила Артема от еще более известного по всему краю врача.

Ира держалась вместе с одноклассницей Верой, которая быстро подружилась с полненькой Олесей. Так они и остались дружить троим: из бедных семей, росли без отцов, учились неплохо и сами, без покровителей и денег поступали. Они сразу «нашли друг друга».

Футбол

В ноябре шестнадцатая группа решила провести объединяющее мероприятие, укрепить «групповой» дух и пойти на футбол. Староста Диана заранее купила билеты. Матч был в воскресенье в пять вечера. Все добирались сами и встретились у входа на стадион. Вера не поехала, Ира была с Олесей. Настя шла под руку с Дианой Усановой. Вокруг них крутился Димчик: он уже начинал заигрывать с Настей.

Заранее подготовились — купили полторалитровые бутылки пива, полторашки, как называли их Дима и Глеб, большие пакетики тыквенных и подсолнечных семечек и сухарики.

Ноябрь был теплый, но к вечеру заметно холодало. Девчонки были одеты в джинсы с завязанными на шеях или талиях кофтами, свитерами или толстовками, которые собирались вечером надеть, если похолодает.

Рома Антошин шел рядом с Женей и нес ее нетяжелый пакет, из всех сил пытаясь завести разговор. Женя односложно отвечала на его вопросы, но разговор не поддерживала — Рома для Жени был недостаточно представителен.

Стадион ломился от болельщиков, и полицейские тщательно всех проверяли, срезали горлышки у пластиковых бутылок, чтобы пьяные фанаты, радостные после забитого гола, не начали бросать бутылки на нижесидящих. Большинство болельщиков на стадионе поддерживали местную команду, и только небольшая группа приезжих — команду-соперницу.

— Ура! Идем на футбол! — прокричала Ника немного присев и вытянув вверх руки.

— Не знаешь, почему Вера не пошла? — спросила Диана Олесю, когда через толпу болельщиков одnogруппники пробирались на свои места.

— Не знаю, вроде собиралась.

— Что-то Вера от компании отбивается. Нехорошо-нехорошо... — покачал головой Глеб...

Скамейки были бетонные с деревянными сидениями, раскрашенными в разные цвета. Билеты шестнадцатой группы были на верхних, практически самых последних трибунах. Одnogруппники поднялись на свои места. Ира с Олесей и Дианой уместились на последней скамейке. Рядом — Настя с Дианой Усановой, а дальше всех — Лера и Ника.

Тая с Женей сидели с мальчишками рядом ниже. Глеб, рьяный болельщик, пришел в шарфике с логотипом любимой команды и начал истошно орать футбольные кричалки.

Звуковая поддержка команде, за которую все болели, была обеспечена: самые закоренелые болельщики пришли с плакатами, флагами и в майках под цвет своей команды, со свистками или дудочками и отсвистывали известные футбольные кричалки. Некоторые фанаты стоя, некото-

рые в рупор, горланили имя своей команды, хлопали три раза в ладоши, потом кричали во все горло, что команда-соперница «чемпион по нырянию в бетон» и отправляли судью «на мыло». Кто-то с флагом команды подпрыгивал.

Староста Диана ходила между одноклассниками, наклонив голову и держа руки за спиной, и заискивающе улыбалась. После расставания Антон с Дианой не разговаривали и старались друг на друга даже не смотреть. Теперь Антон ходил обиженный и недовольный.

Ира на футболе была впервые, толпа пьяных шумных болельщиков вызвала у нее опасение. Со всех сторон драли глотки футбольные фанаты, полупьяные и очень активные... Одноклассники щелкали семечки, грызли сухарики, пацаны глушили пиво и смотрели вниз на бегающих по полю человечков, которые лениво пинали мяч. — Они не бегают, а пешком ходят! — недовольно кричал Глеб. Иногда надрываясь вопили ободряющие слова.

На скучном футболе без голов поговорить было не о чем, решили поговорить об учебе: так обычно поступали новоявленные одноклассники, если не было общих тем для разговора.

— Ты уже сделала матан на завтра? — спросила Ира Олеся. — У меня пару примеров не сходится с ответами...

— Да, у меня тоже не все сходится... — ответила за Олеся Диана. — Может, там опечатки в ответах?

Олеся громко рассмеялась и похлопала Диану по плечу:

— Думаешь? Скорее, это мы решать не умеем!

— Смешно, — полусерьезно сказала Диана.

— А линейку? Кто на вторник сделал линейку? — спросила Ира.

— Я думаю, еще никто не сделал. Все начнут делать в понедельник вечером... А какие у нас экзамены в сессию? — через некоторое время спросила Олеся Диану.

— У нас в эту сессию три экзамена и семь зачетов. Экзамены по матану, линейке и информатике. — Диана, как староста, информировала одноклассников.

— Я вообще не представляю, как мы экзамены сдавать будем, — делилась Ира.

— Я не сдам. Я реально не сдам. Я вообще ничего не знаю и не понимаю... — паниковала Олеся. Она говорила бойко и громко, всегда сильно жестикулировала и, как думала Ира, любила преувеличивать.

— Не драматизируй. Еще есть время выучить, — успокаивала ее Ира.

— Я даже не представляю, как теорию по матанализу можно сдать. Там вообще ничего не понятно. Практика нормально. Линейка еще куда ни шло. Но матан...

— Точно. Не теория, а набор иероглифов.

Одноклассники на нижнем ряду встали и начали, поднимая руки, кричать: — Нужен гол! — Олеся с Ирой и Дианой тоже встали и синхронно со всеми заорали во все горло.

— Джанаров из семнадцатой уже с Ушанковым дополнительно стал заниматься, — сказала Диана, когда одnogруппники закончили надрываться.

— И че? — спросила Ира.

— Говорит, после пары занятий все начал понимать. Бисарян тоже с кем-то из восемнадцатой занимается, задачи на компьютере решает.

— Представляю, сколько занятие стоит.

— Тысяча двести два часа — сто двадцать минут. Как-то так, — хмыкнула староста.

— Диана, ты как ходячий справочник... За такие деньги я сама как-нибудь выучу. И в иероглифах разберусь, — разоткровенничалась Ира.

— Артем говорит, что когда он не понимает, то Ушанков с ним задерживается, то есть не сразу, как время закончилось, прощается с ним, выпроваживает его, а объясняет, пока Артем не поймет.

Одногруппники опять встали надрывать горло и требовать гол. Олеса, Ира и Диана к ним присоединились.

— Степан тоже с Доровской дополнительно занимается. Говорит, она тоже с учениками сидит, пока они не поймут.

— Вот препода, наверное, получают. Два часа тысяча двести. В день можно по пять тысяч зарабатывать.

— Но у них же не с утра до вечера уроки. Так... только перед сессией несколько дополнительных занятий, когда студенты к экзаменам готовятся, — объясняла Диана. — Я вообще видела, как Ушанков живет. Заезжала за учебниками. Частичка, похожая на времянку на окраине города, забор по колено. Ужас, одним словом! Ни удобств, ни транспорта... Вот так у нас преподаватели университета живут!

Болельщики заорали как резаные. Нижний ряд встал кричать подбадривающие лозунги, Олеса, Ира и Диана тоже встали покричать.

Игроки на поле также неторопливо бегали и, казалось, совсем не внимали крикам ревущей толпы фанатов.

Настя постоянно теребила Диму и Рому и залиvisto смеялась. Она складывала на Диму руки, обнимая его сзади, а потом он перетасил ее на нижний ряд и начал делать ей массаж. Дима с Ромой постоянно шутили. В ответ на их шутки Настя от всей души хохотала, а Усанова Диана осторожно хихикала, прикрывая рукой рот. Настя от смеха иногда запрокидывала голову или, опуская голову, прислоняла кулак ко лбу.

Команда, за которую все болели, проиграла со счетом ноль-один. Расстроенные одnogруппники отправились по домам. Дима пошел провожать Настю и Диану. Рома попросился провожать Женю. Остальных девушек посадили на такси.

Олеса снимала комнату у бабульки недалеко от универа и должна была вернуться не позднее девяти. Ира жила с бабушкой, дедушкой и мамой в двухкомнатной хрущевке, и ей тоже надо было вернуться пораньше.

На стадионе одnogруппники так кричали, что охрипли и в понедельник в универе разговаривали шепотом. Антон на стадионе орал громче

всех и на учебу не пришел, а лежал дома с температурой тридцать девять.

Перед информатикой

В середине первого семестра в шестнадцатой группе появился новенький — Вася Нечаев. Он приехал из Новощербиновки и оказался на бюджете. Вася был высокий, светлоглазый, широколицый парень, с глубокими гнойными прыщами по всему лицу, светло-русыми волосами и накачанной атлетической фигурой. Говорили, что он из богатой семьи. Сам Вася говорил мало и часто просто улыбался в ответ на заданный ему вопрос.

Появление новенького группа восприняла равнодушно, только Тюканова Настя сказала, мечтательно закатив глаза:

— Какая у Васи попка... его фигура — то, что нужно... — после нескольких совместных пар Настя уже успела рассмотреть новоприбывшего.

— Настя, ты и учиться успеваешь, и Васину попку рассматривать! Нам бы так! — Олеся не устала восхищаться Тюкановой.

В начале семестра начали возникать и тухнуть неминуемые симпатии: Диана Пожарова уже рассталась с Антоном, Дима напропалую заигрывал с Настей, Рома ухаживал за Женей, а Олеся начал нравится Степан из шестнадцатой. — Какой мальчик! — любила повторять она. На парах Олеся стремилась сесть поближе к нему и, когда он проходил мимо, хихикала и отворачивалась. На переменах она становилась рядышком со Степаном, улыбалась и краснела. Степан только смущенно отходил.

Одногруппники продолжали узнавать друг друга. Однажды около часа ночи у Иры дома раздался звонок. Она подскочила, побежала разыскивать телефон и отвечать. — Алло, — сонным голосом пробормотала она. Телефонный номер не определился.

— Вас вызывает Кремль. — Кремль говорил голосом Антона Ктавиди.

— Антон, это ты?

— С вами говорит Кремль!

Ира повесила трубку.

На следующий день студенты шестнадцатой группы стояли около 111 в кружочке, разговаривали, ждали Бисарян, которая опаздывала, и обсуждали решение домашних задач.

— Антон, скажи, это ты мне ночью звонил? — спросила Ира. Обычно она говорила быстро, тихо и немного невнятно. Ее часто просили повторить...

— Я? Нет... Не понимаю, о чем ты... — ответил Антон.

— Да ладно, брось! Антону ночью делать нечего, вот он девушкам из группы названивает, — прокомментировал Глеб.

- Ты еще нормально держалась, – Антон больше не отпирался.
– Спасибо.
– Нормально отказалась с ним разговаривать, – поправила Олеся.
– Как-то мы с Таей до четырех ночи разговаривали. Женька тоже почти сразу бросила трубку, – рассказывал Антон.
– Вот Антон шутит, – сказал Рома своим мужским басом. Маленький и худенький, он постоянно ходил в обтягивающих штанах и казался еще меньше и худее.
– А вы не знаете, на факультете есть заочка? – спросила Ира.
– Нет, на информатике нет заочки, – ответила староста Диана. – Сложный факультет...
– А ты собралась учиться и работать?
– Нет, я просто спросила...

В середине первого семестра староста Диана постриглась и сделала мелирование. В деканате пообщалась с Горовым, который ее и надомил. – Тебе не тяжело с такими длинными волосами? Голове не тяжело? Подстригись – легче станет, – добродушно советовал он. Диана подстриглась, сделала очень короткое каре. Голове на самом деле стало легче.

- А кто-то уже учит теорию по экзаменам? – спросила Тая.
– Ну, я учу, – уверенно ответила только Женя. – Учу доказательства наизусть.

Мимо компьютерных аудиторий прошла Доровская с сыном, темноволосям мальчиком с волнистыми волосами, очень на нее похожим. Она ему что-то сосредоточенно говорила, он молча слушал.

По коридору быстро с сумкой на плече, как почтальон, туда-сюда ходил Горовой, и от одного его вида уже бросало в дрожь основную специальность.

Подбежала впопыхах Настя под руку с Дианой Усановой:

– Я только из Задрыпайловска приехала, – так Настя называла Армавир. – Слава Богу, что успела!

Настя встретилась с Дианой у главного входа. Если бы Настя опоздала, то Диана сама не пошла бы на пару. Настя не выщипывала брови, вообще не красилась, часто ходила с распущенными волосами и редко – с хвостиком.

– Представляете, недавно папа взломал мой ящик, – Настя сразу начала жаловаться одноклассникам. – Никакой частной жизни! – она эмоционально всплеснула руками.

– Ну, есть специальные программы для подбора паролей, – быстро сказал знающий Дима.

– Да какая там программа! Он сбросил мой пароль и получил контрольный вопрос: «Девичья фамилия матери», – Настя опять громко рассмеялась, запрокинув голову. Когда она смеялась, ее смех был слышен по всему коридору. Она смеялась вся, от макушки до пальцев ног, то запрокидывала голову, то нагибалась и складывалась пополам. И рядом

с ней тихо, прикрывая рот рукой, смеялась Усанова Диана. И остальные, видя, как Насте весело, тоже не могли удержаться если не от смеха, то от улыбки.

— Я назвала Настю в телефоне «Чудо», — манерно сказала Женя, выставив вперед левую ногу и вывернув ее углом на девяносто градусов: ее нога стояла практически перпендикулярно всему остальному корпусу. Она часто стояла, вывернув свои ровные ноги немислимим образом, привычка, приобретенная на художественной гимнастике, которой Женя занималась в школе.

— Спасибо, я тебя тоже очень люблю, — как обычно сказала Настя. И опять смахнула с лица челку. Она все время ходила с немного отросшей челкой, прикрывающей глаза и всегда ей мешающей, с которой она постоянно не знала, что делать, поэтому делила на две половины или смахивала с лица то влево, то вправо, но не отращивала и не обрезала.

На самом деле Настя очень выделялась из группы и сразу обращала на себя внимание необычной походкой — она ходила очень быстро, широко шагая и наклонив корпус вперед. Только у нее был такой громкий, естественный залиvistый смех, своеобразное откровенное чувство юмора. И всегда правильное домашнее задание. Наверное, она одна на всем факультете, точно на экономспециальности, когда смеялась, запрокидывала голову, морщила нос или прикладывала кулак ко лбу и опускала голову. Когда расстраивалась, только она так оттопыривала и без того выпуклую нижнюю губу и совершала чмокательные движения. Любила повторять: «Я вас тоже очень люблю» и постоянно стеснялась что-либо спрашивать. Настя часто рассказывала о счастливой семейной жизни родителей. После окончания универа они переехали в Армавир. Папа работал программистом, а мама бухгалтером. У Насти была еще младшая сестра, которая тоже через несколько лет собиралась поступать в универ Краснодара.

На компьютере Настя всегда умещала две страницы текста: она использовала масштаб страницы восемьдесят процентов. И скоро вся группа так делала — всем понравилось видеть на экране больше текста...

— Ну, стесняюсь спросить, кто меня еще как назвал? — спросила Настя.

— Я назвала тебя «солнце», — сказала Тая, — ты у нас как солнышко, все озаряешь.

Остальные молчали.

— А нельзя меня назвать просто Настей? — она говорила серьезно, необиженно и сильно жестикулировала...

— Я назвал тебя просто Настей, — сказал редко что-либо говоривший Вася.

— Ну, хоть кто-то. Спасибо!

Вася стоял, немного подняв голову и выставив шею, смотрел на других как будто немного свысока и как всегда улыбался.

— Папа говорит, что мелкая — так Настя называла сестру — у него получилась! И красивее, и умнее меня! Просто когда папа делал детей, меня,

у него еще не было опыта делать детей, поэтому я не получилась, — она говорила, постоянно звонко смеясь. — А вот Танечка, то, что надо. Такая девочка! — она чмокала губами, изображая поцелуи...

— Так ты первый блин — комом? — спросил Глеб.

— Ты у папы не получилась? — подзадоривал Рома.

Все засмеялись, в том числе Настя, которая потом на эти слова все-таки обиделась. Подошла опоздавшая Бисарян, и одногруппники пошли на информатику...

В университете не было периодического контроля успеваемости. Ушанков и Доровская иногда устраивали самостоятельные, но по сравнению со школой в начале первого семестра универ казался «халявой». Домашнее задание никто не проверял, препод по практике только иногда спрашивал: — Есть вопросы? — И разбирал неполучившиеся примеры. Обращение было отдано под личную ответственность.

— На пары вообще можно не ходить, а все лекции перед сессией отскерить, — говорил Ире Дима со смешной фамилией. Но Ира, как сто-процентная отличница, исполнительно ходила на все пары и делала все домашние задания еще по школьной привычке.

После школы казалось, что в вузе учиться легко. Некоторые не ходили на лекции и практики. В школе нужно было делать каждый день уроки, делать домашнее задание, здесь только раз в полгода. Эта обманчивая легкость, атмосфера безделья многих расслабила, незаметно подкралась сессия.

За месяц до начала экзаменов преподавы раздали вопросы. Зачетная неделя для Иры прошла легко. По большинству предметов у нее были самозачеты. С начала января у первокурсников начинались первые экзамены.

Новый год у Славы

Тая со Славой пригласили одногруппников отмечать Новый год к Славе. Некраснодарские разъехались по домам: Степан уехал к родителям. Егор праздновал с одноклассниками. Вера как обычно не смогла пойти. Староста Диана тоже не присоединилась к большинству в группе и отмечала новый год дома. Ира решила в первый раз встретить новый год не с семьей, а в веселой компании однокурсников.

На новый год погода обычно не баловала краснодарцев снегом. Этот новый год не стал исключением, тридцать первого декабря снега практически не было. Случайный снег, недавно выпавший, почти весь растаял. Кое-где он еще остался, и его тонкий полуледяной слой был перемешан

с грязью. Дороги давно расчистили, и под ногами хрустел песок: им посыпали дороги, чтобы не скользить. Снег с дорог сгребли к обочинам, где образовались заледенелые серые сугробы, покрытые грязью. С неба срывался то ли мелкий дождь, то ли мелкий снег. Лужи были покрыты тонкой коркой льда. Такая новогодняя погода была типична для южного Краснодара.

Якушенко Слава жил с мамой в четырехкомнатной квартире в старом центре Краснодара. Его мама работала в администрации города, была большим начальником и отмечала Новый год с коллегами. Она много работала, на выходных и праздниках, часто была в бесчисленных разъездах, и практически каждый день задерживалась допоздна. Она родила единственного сына, Славу, уже за сорок. Слава был поздним ребенком и отца никогда не знал. Славу в основном воспитывала бабушка, которая недавно умерла.

Дом Славы было сложно найти, одноклассники долго бродили по близлежащим кварталам, потом нарезали круги вокруг дома в поисках нужного переулка, прохода к дому. Некоторые отчаявшись звонили Славе с просьбой встретить их.

В тихом дворике большая пятиэтажная «сталинка» скрывалась от сторонних глаз. Закрытый двор со шлагбаумом прятался в укромном закутке. И даже не скажешь, что в двух шагах была центральная улица города и до всех достопримечательностей «старого центра» рукой подать. Что в двух шагах концертный зал, а за деревьями здание законодательного собрания. И меньше квартала до художественного музея и здания краевого суда, огромного, зеркального, с колоннами во всю высоту. И пять минут до городского парка, с которого в 1793 году начался Краснодар. Все достопримечательности, до которых жители окраин добирались по три часа на общественном транспорте, или своем авто, ожидая неизбежные проблемы с парковкой, Слава видел из окна своей комнаты или ходил пешком мимо них каждый день... Все уличные концерты, которые устраивала администрации, были в шаговой доступности. Все гуляния по выходным и праздникам, когда перекрывали центральную улицу и полгорода выходило на Красную, соблюдая негласные правила автомобильного движения, были для него само собой разумеющимися, как прогуляться во дворе.

Дверь в подъезд Славы была железная, с домофоном. Через несколько лет железные двери с домофоном появятся практически во всех многоквартирных домах, но когда одноклассники стекались на новогоднюю вечеринку к Славе, такие двери были только в элитных домах богачей.

«Сталинка» на втором этаже с высокими потолками и евроремонтom была «нашпигована» современной техникой. Металлопластиковые окна, дверь в квартиру больше походила на дверь от сейфа или банковского хранилища — толстая, с несколькими замками... За дверью-сейфом была еще одна дверь, обычная, деревянная, с дополнительным замком.

В зале стоял огромный плазменный телевизор – последнее изобретение техники, мягкий светло-кремовый кожаный диван и два таких же кресла. На окнах висели дорогие тяжелые занавески, спускающиеся до пола полукруглыми завитками.

У Славы не было новогодней елки, но шторы были украшены разноцветной мишурой и ощущение приближающегося праздника дополнял запах мандаринов.

На стенах висели картины современных краснодарских художников – мама Славы разбиралась в искусстве. Везде паркет поблескивал лаком. Кухня была большая со встроенной мебелью, микроволновкой, посудомоечной машиной и комбайном – всем, что упрощало жизнь вечно занятой маме Славы.

На вечеринке был еще одноклассник Славы, высокий худой темноволосяй Витя. Он учился на экономе. У него был хитрый взгляд – постоянно смеющиеся, бегающие глаза, он постоянно улыбался, и его откровенная и лукавая улыбка смущала девчонок.

Тая с Женей приехали заранее, около четырех, и все готовили к приходу гостей. Остальные собирались приехать к восьми.

Из подгруппников Ира пришла раньше всех. Через несколько минут после нее пришли Дима и Рома, они немного заблудились, но сами смогли найти дорогу.

Гостей встречала Тая, одетая по-хозяйски, в разноцветной майке и темных джинсах:

– Привет, проходите, – Тая говорила торопливо, она была занята на кухне. – Сумки можно оставить здесь, – Тая показала боковую комнату, где на диване были свалены в кучу сумки и верхняя одежда гостей.

Вероника и Лера опоздали, они никак не могли найти дом Славы, долго блуждали по району, названивали Славе и Тае. В итоге Слава отправил Витю их встретить.

Договорились, что девушки принесут одно блюдо собственного приготовления, и все скинулись на спиртное, закуски и фейерверки. Ира принесла кальмаровый салат, Женя – селедку под шубой. Ника – оливье, а Лера – «гранатовый браслет».

Посреди гостиной стоял большой деревянный стол, уже приготовленный для праздника. Чтобы все гости поместились, к деревянному столу был сбоку приставлен еще один раскладывающийся темный стол, покрытый толстым слоем блестящего лака. Он был немного ниже первого, и на стык столов блюда не ставили. Столы были накрыты двумя скатертями, одной белой, вышитой вручную, а другой клеенчатой, чтобы не пачкать первую. Скатерти тоже не покрывали оба стола и заканчивались на середине низкого темного. На ненакрытую поверхность Тая поставила вазочки с фруктами и хлебом. Стол стоял у дивана, гости рассаживались на диване, креслах и высоких деревянных стульях с резными спинками из одного комплекта с деревянным столом.

Тая чувствовала себя в квартире Славы, как у себя дома. Она быстро освоилась, не стала долго сидеть в сторонке, не зная, что делать, и несмело заглядывать в чужие кухонные шкафы, а быстро начала главенствовать на кухне, хотя сама призналась, что была у Славы только в третий раз.

Она хозяйничала со знанием дела, лазила по шкафам в поисках нужных приправ и ингредиентов, заглядывала в баночки и шныряла по полкам. Трудолюбивая Тая ни минуты не сидела без дела, постоянно что-то готовила, мыла, чистила, резала. Она была хорошая, расторопная хозяйка и смело командовала остальными помощниками: Ника с Лерой резали овощи, Женя делала бутерброды. Ира помогала Тае. Мальчики расставляли на столе посуду и приборы и приносили с кухни салаты.

— Давайте начинать! — в десять Слава, как хозяин вечера, пригласил всех за стол провожать старый год.

— Как Тая по чужим шкафам лазит! — сказал смеясь Рома Антошин Славе, садясь за стол. — Как будто тут живет! — Слава в это время нес дополнительный стул. — Вы меньше полугода встречаетесь, а Тая уже ведет себя как твоя жена! Как хозяйка в твоей квартире!

— Ну, гражданская жена, — поправил его Слава. — А что? Разве плохо? Посмотри, — и Слава указал на новогодний стол.

Праздничный стол был хорошо сервирован, стаканы и тарелки перемыты и красиво расставлены; салфетки скручены, соки, горячительные напитки куплены — для девушек мартини, для парней дорогой коньяк, для всех шампанское. На столе было много разных блюд, основные новогодние салаты представлены — тазик «ольвье» и селедка под шубой, закуски приготовлены, овощи нарезаны, мясо вовремя подано и не пересушено.

И многие гости, садясь за новогодний стол, подумали, что хорошо, что Тая не стала ложно скромничать и взяла бразды правления хозяйством Славы в свои цепкие ручки.

Прежде, чем сесть за стол, Тая достала из сумки лекции по матану:

— Женя, объяснишь мне одно непонятное доказательство? — она показала Жене конспект. Женя, взглядываясь в чужой почерк, начала вспоминать доказательство теоремы.

— Давайте только не об учебе! — увидев тетрадку, сказал Слава. — Пожалуйста, Тая, не сейчас!

— О Боже! Тая принесла конспекты по матану! — рассмеялся Рома.

— Девчонки, только не в Новый год! Тая, я прошу тебя! Пожалуйста, не сегодня! — умолял Слава.

Ника выхватила конспекты у Таи и хотела засунуть их обратно в сумку:

— Сегодня Новый год! Давайте забудем об учебе, — сказала Ника. Она всегда говорила быстро и как будто прикрывала неуверенность в себе излишними эмоциями...

Тая нехотя убрала конспекты и присоединилась ко всем за столом.

Астрологи советовали встречать новый год козы в светлом, и Тая переоделась в белую рубашку, оставив темные джинсы, «белый верх, черный

низ», как в школе на праздниках. Лера тоже пришла в белой рубашке и черных штанах. Первые пуговицы на ее рубашке не были застегнуты, и в вырезе виднелся черный бюстгальтер. Ника – в вишневой открытой кофте и обтягивающих синих джинсах. Вишневый – был ее любимый цвет. Никин праздничный макияж был как повседневный – сильно и ярко она красилась каждый день. Ира была в блестящей красной кофте, Женя – в обтягивающей бежевой кофте и джинсах, с распущенными волосами. Она редко распускала длинные, ниже пояса волосы – только по особенным случаям, а Новый год как раз был таким случаем. В основном Женя ходила с высоким конским хвостом.

Пацаны сразу открыли коньяк и начали наполнять бокалы.

Слава, как хозяин вечера, сел во главе стола. Рядом на стульчике при-мостилась Тая, чтобы быть поближе к кухне. С другой стороны на диване присела Женя. По одну сторону от Славы сидела Тая, по другую – Женя. Теперь у Таи со Славой третьей лишней стала Женя.

– Начинаем нашу опохмел-пати! Кто первый говорит тост? – картавил Слава.

– Давайте я! – вызвался Рома. – Давайте выпьем за старый год лошади. Прошлый год был для нас удачным, мы все хорошо поработали, можно сказать, как лошади, и поступили на факультет информатики! С чем я нас всех и поздравляю! – он поднял бокал, и все радостно загугукали. – Осталось только доучиться до пятого курса! – добавил Рома, немного злобно улыбнувшись и практически незаметно шевельнув ушами.

– Да, давайте за это выпьем! Чтобы мы все доучились до пятого курса и закончили с красными дипломами! – подхватил тост Витя. – Пьем до дна!

Тост всем понравился и послышался звон слегка соударяющихся бокалов. Все выпили, потянулись за салатами, бутербродами, задвигали челюстями и замолчали.

– Да, скоро сессия...

– Вспомнили...

– Через два дня экзамен, матан...

– Самый сложный экзамен первым поставили!

– Какой-то грустный тост.

– Начали за упокой...

– А мы через два дня сдаем линейку, – похвастался Слава.

– Ну, думаю, что сдать Доровской легче, чем Ушанкову, – сказала Женя.

– Ой, давайте не будем об экзаменах! – запротестовал Рома

– Да! Не будем о грустном! – пытаюсь вернуть разговор к праздничному руслу сказал Дима.

Как только напомнили о скорых экзаменах, все немного приуныли.

– Не будем об экзаменах, сегодня ведь Новый год! Праздник! – сказал Рома.

– Правильно! – подхватили остальные и опять наполнили бокалы...
– Как говорить, между первой и второй промежутков небольшой! –
Слава, немного закусив и наливая коньяк себе и Вите, встал говорить тост:
– Я хочу поздравить всех присутствующих с наступающим новым годом. И пожелать всем счастья и здоровья в новом году! С наступающим! –
сказал Слава стандартный тост.

– Пусть все невзгоды останутся в прошлом году!

– С наступающим!

Все еще раз выпили и опять дружно зачавкали. Через несколько минут встал Витя, поднял бокал и, хитро улыбаясь, сказал:

– Давайте выпьем за девушек! Девушки, за вас! Пейте! Вы когда пьяные, можете позволить себе намного больше, чем, когда вы трезвые! Пейте! – он высоко поднял бокал, и все выпили за пьяных девушек.

– Пожалуйста, зайчик, не пей много, – тихо попросила Тая Славу после третьей рюмки коньяка.

– Ну, кто скажет следующий тост? – спросил Слава. – Может, Резцова? – И Слава поднял бокал в знак просьбы.

– Да, Женька, говори тост! – подхватила Ника.

– Ну Резцова, – сказал Слава с такой интонацией, как будто говорил о ком-то влиятельном человеке, знаменитости или «большой шишке».

– Резцова! Просим-просим! – Витя захлопал в ладоши, как будто вызывал Женю на бис, как известного музыканта или актера.

Женя поднялась с места, подняла бокал с мартини и рассказала длинный красивый тост о важности дружбы.

– Когда мы все ехали сюда, мы замерзли, вон какая погода на улице! А здесь нам тепло и хорошо. И это не по тому, что здесь греют батареи! Самое ценное в доме – это не дорогая мебель, а люди, настоящие, преданные и верные! Так выпьем же людей за этим новогодним столом, собравшихся сегодня вместе! За дружбу и настоящих друзей, которые и являются настоящей ценностью этого дома!

Слава и Витя усиленно заплодировали Жене, как будто она сказала не заранее приготовленный тост, а что-то выдающееся, из ряда вон выходящее.

– Друзья – это самое главное! Но без теплых батарей нам было бы плохо! – добавил долговязый Витя, который успел обратить внимание на Резцову Женю и сразу же не понравился Роме.

Ника и Дима произнесли такие же заранее подготовленные тосты-притчи, Дима – тоже о счастье, которое у каждого свое, а Ника – о любви.

Когда приготовленные дома тосты закончились, Витя и Слава стали пить за все подряд и говорить первое, что придет в голову. Парни сидели за столом и пили, произнося тосты, как будто стремились по сильнее напоить друг друга или соревновались, кто больше выпьет. Слава с Витей часто отходили покурить и дымили как паровозы.

Тая часто убегала на кухню за дополнительными тарелками или прибо-

рами, добавками салатов и закусок, убирала грязную посуду, приносила чистую. Она постоянно пропускала тосты, весь вечер суетилась и ни минуты не сидела спокойно.

– Успокойся, пожалуйста... садись, отдохни... – сказал ей Слава, и Тая благодарно опустилась на стул и минут десять ела, пила и нормально поднимала бокалы вместе со всеми, а потом опять убежала на кухню за добавкой пюре.

Женя тоже часто вскакивала и бежала на кухню помогать Тае, даже когда в этом не было необходимости.

За столом продолжалось веселье, звучали тосты и уже наевшиеся гости искали общие темы для разговора. Приближающийся экзамен не давал о себе забыть.

– Кто-то уже учил матан? – спросила Лера.

– Ну, я учил, – неуверенно поднял руку Дима.

– Девочки, только не начинайте! – потребовал Витя.

– Боже мой, они решили поговорить в новогоднюю ночь об учебе! – Рома безнадежным жестом притворно закрыл лицо ладонью с растопыренными пальцами.

– Ну, кто делал шпаргалки? Признавайтесь! – не снимая наигранную улыбку с лица, спросила Ника.

– Скажу по секрету, я уже шпоры писала... – перейдя на шепот, сказала Лера.

– Кто еще писал шпаргалки?

Все сидели как партизаны.

– Ну, я несколько, – наконец признался Дима.

– Я тоже, – сказала Ника не улыбаясь, как будто говорила совсем о другом.

– Я, представляете, тоже шпаргалки пишу! – разоткровенничалась Лера. – А как по-другому матан сдавать?

Ира тоже писала, но решила не признаваться.

– Да, какие шпаргалки! О чем вы? Новый год! Шпоры будем делать в ночь перед экзаменом! – заключил уже изрядно выпивший Слава. – И давайте еще выпьем! За шпаргалки! Великое изобретение науки!

За шпаргалки выпили стоя.

– А давайте еще выпьем за ксерокс! – Слава на лекции практически не ходил, а отксерил их у Таи. – Ксерокс – какое изобретение человечества! Как студенты вообще жили без ксерокса? Что было раньше, когда у студентов не было такого помощника? Все лекции переписывали? Вот ужас! Хорошо, что мы можем просто отксерить! – выпивший Слава разговорился. – Надо поставить памятник изобретателю ксерокса! За изобретателя ксерокса! – за ксерокс тоже выпили стоя.

– Ну что? Пойдем покурить? – предложил Слава Вите.

Тая опять ушла на кухню убирать тарелки и готовить праздничный кекс. Ей поспешила помочь Женя...

— И как жить в центре? — спросил Славу Рома, житель окраины, когда Слава с Витей вернулись с перекура, — расскажи, поделись впечатлениями! У тебя такая большая квартира!

— Это дом администрации. Здесь административные квартиры. У нас в соседнем доме квартира губернатора края, а этажом выше живет начальники управления сельского хозяйства города. Мама работает в отделе экономики края. Начальников в администрации удобно селить рядом: они ходят друг к другу в гости в одном доме и обсуждают разные рабочие проблемы.

— Да, Слава по праву может сказать: «Хорошо жить в центре».

— С парковкой в центре, наверное, проблем нет, — сказал Витя, который водил дорогую иномарку.

— У Славы всегда есть парковка в центре — в собственном дворе.

— Кто-то говорит: «прогуляться во дворе», а кто-то — «прогуляться по Красной», — завистливо сказал Рома.

— И набережная недалеко, три квартала, наверное?

— Да, мы с Таем пешком ходим гулять по набережной.

— У тебя такой вид из окна!

Из окна был вид на здание законодательного собрания, площадь с замерзшим неработающим фонтаном и за обледенелыми деревьями сквер, а в конце улицы виднелся белый златоглавый собор.

— Ну что, Слава, хорошо жить в центре? Расскажи! Нравится? — все попытался Рома.

— Ну, в принципе, да... хорошо! А как ты думаешь? Все рядом, все близко! Я в детстве в школу пешком ходил. Там через дорогу лицей... По ночам, правда, шумно. Толпы пьяных по Красной гуляют! Песни под окнами горланят! Как-то бомж бутылку в окно кинул, окно разбил! На праздники вообще! От криков заснуть невозможно было! Хорошо, что металлопластиковые окна изобрели, спокойнее стало. Раньше такая слышимость была! Вообще, район беспокойный. Драки, пьяные постоянно шастают, — жаловался Слава. — Пробки, утром вообще не уехать!

К хорошему быстро привыкаешь, и Слава, как каждый житель «старого центра» был избалован и красотой архитектуры района, и достопримечательностями на каждом шагу, и близостью основных музеев и концертных залов, и развитой инфраструктурой. И не ценил все достоинства жизни в центре.

— Ну, заелся, одним словом, — единогласно решили однокурсники...

К Славе подошла расстроенная Тая, которая была на кухне и не участвовала в дискуссии, и виновато протянула небольшую железную кастрюлю:

— Смотри, я тут напутала с рецептом кекса... — она показывала испорченное тесто. — Я взбила яйца с сахаром, а надо было взбить только желтки, а потом уже влить белки, чтобы кекс был пышным и нормально поднялся. — Тая объясняла Славе тонкости кулинарии, расстроено глядя в пол

и смущенно показывая кастрюлю с жидкими желтыми яйцами с блестящими кристалликами сахара. — Не знаю, что теперь делать, — сказала Тая неуверенно, ища совета у Славы:

— Не расстраивайся... Сделай еще раз... — Слава заглянул в кастрюлю.

— А что с этим тестом сделать? Выбросить?

— Да, выбрасывай, — сказал Слава не задумываясь.

Тая послушно поплелась на кухню делать кекс еще раз: на этот раз взбивать с сахаром только желтки и выливать «испорченные тесто» — сахар с яйцами.

Через сорок минут Тая победоносно принесла высокий кекс, который, правда, немного подгорел, а в полдвенадцатого — на большом железном подносе фрукты.

За разговорами незаметно пролетело время. Приближалась единственная в году полночь, когда весь мир не спал, а напряженно смотрел на часы и отсчитывал последние секунды уходящего года.

Парни встречали новый год уже изрядно выпившими. — Новый год еще не начался, а парни уже напились! — жаловалась Тая Жене, глядя на пьяных Славу, Витю и Диму.

— Я бы на твоём месте не мешал напиток, — советовал Витя Диме, когда тот решил после коньяка пить шампанское.

— Как же новый год без шампанского? — ответил Дима.

Слава и Витя встречали новый год коньяком.

— А вы знаете, есть такая примета, если, пока бьют куранты, успеть написать записку с желанием, сжечь ее и выпить шампанское с пеплом, то желание обязательно исполнится! Кто-нибудь хочет попробовать? — спросил Витя.

— Я думаю, я успею! — вызвался Дима. И заранее подготовил листок бумаги, ручку и спички.

Новый год как обычно встречали традиционной пятиминутной речью президента и загадыванием желаний под бой курантов.

Витя заранее откупорил бутылку шампанского, предварительно потряс ее и, не вынимая пробку, под дружный хохот обрызгал всех присутствующих липким светло-желтым шампанским. Ника сильно расстроилась из-за обрызганной шампанским кофточка. Решили откупорить вторую бутылку, одной бутылкой обрызгали гостей, другой — наполнили бокалы.

Без пяти двенадцать в бокалах пенилось и искрилось шампанское, в телевизоре президент как всегда желал всем счастья и здоровья в новом году, вкратце подводил итоги уходящего года и призывал в новогоднюю ночь не забывать про родителей и старых друзей.

Не успел президент из телевизора первым поздравить с наступающим через пару секунд новым годом, как Кремлевские часы начали отбивать заветные двенадцать ударов.

Под равномерный бой курантов загадывали желания. Дима написал свое желание на бумаге, успел спалить, пепел добавить в бокал с шампан-

ским и залпом опустошить бокал. И был уверен, что после такого героического поступка его желание обязательно сбудется.

За окном уже грохотали петарды, в окне вспыхивали разноцветные фейерверки. Под звуки гимна однокурсники поздравляли друг друга:

— Ну, с новым годом! С новым счастьем!

— Счастья, здоровья, любви, исполнения всех желаний!

— Ууу! С новым годом! — Вероника радостно угукала. — Я знаю, какое все загадали желание — сдать эту сессию!

— У нас одно желание на всех!

В первые минуты нового года по совету президента звонили забытым родителям и друзьям. Тая со Славой наедине обменялись подарками.

Новый год наступил, и каждый с надеждой смотрел в будущее.

Слава принес бенгальские огни. Выключив свет, смотрели, как сверкающие огоньки поднимаются по железным проволокам, сияющие искры отлетают во все стороны. Одна искра отскочила и прожгла скатерть. Слава как обычно сказал не расстраиваться.

Потом пошли на улицу пускать фейерверки и петарды. Небо Краснодара было разукрашено огнями и сверкало вновь и вновь загорающимися фейерверками... Со всех сторон грохотало. Слава с Витей тоже запустили несколько фейерверков — два получилось запустить, два — нет, внося свой вклад в новогоднее небо Краснодара, озарявшееся праздничными салютами. На земле установили два фейерверка-фонтана, отошли на безопасное расстояние и несколько секунд наблюдали, как поднимались высокие потоки ярких искр.

Когда выпусти все петарды и запустили все фейерверки, однокурсники решили вернуться в квартиру Славы. Уже сытые все равно сели за праздничный стол. На улице долго грохотало. В телевизоре звезды в карнавальных костюмах пели известные песни прошлых лет. Под телевизор, как фон, продолжали пить и праздновать... в основном пить.

Ника с Лерой приготовили конкурсы, в шапочках деда Мороза задавали интеллектуальные или шуточные вопросы и дарили небольшие подарки за правильные ответы — блокноты, ручки и брелки.

Достали шарик, наполненный гелием, и по очереди вдыхали из него гелий, а потом высоким голосом мультишешек пели песенки. Устроили танцы.

В чужой богатой квартире Ника и Лера делали фотографии в разных местах интерьера: сидя на диване, креслах или их спинках, у картин и праздничного стола, в коридоре.

Слава уже плохо держался на ногах. И верный друг Витя был готов в любую минуту его поддержать. Тая убирала со стола грязные тарелки и загружала посудомоечную машинку. Остальные девчонки ей помогали. Парни также сидели за столом и поднимали бокалы, иногда выходя покурить.

— Только не понижай градус! — говорил Диме Витя. Но Дима не слушался и мешал спиртное. Витя со Славой весь вечер пили только коньяк.

— А Витя пьет и не пьянеет! Вот он пить умеет, — показывал на Витю Слава. — Уже две бутылки коньяка один выпел. И хоть бы хны. Как огурчик!

Около трех Диме стало плохо. Его рвало в туалете, и Слава с Витей тыкали ему какие-то таблетки.

— Говоришь ты тебе: «Не понижай градус!» — все повторял Витя.

Диму сильно скрутило, болел живот, собирались вызвать скорую, но он отказался:

— Все нормально. Ничего не надо, — повторял Дима сине-зеленого цвета. Он стоял, слегка согнувшись, и держался за живот. Его отправили на такси домой. Рома не поехал с ним, захотел остаться на вечеринке с остальными.

Как только уехал Дима, все немного присмирели, и праздничное веселье поутихло. Лицо синего Димчика, скрючившегося, схватившегося за живот, ни у кого не шло из головы. Подумав, решили ложиться спать.

В стельку пьяного Славу Тая отправила спать в его комнату.

Тая положила остальных в разные комнаты. Леру и Нику в зале, Женя собиралась лечь с Таей. Рома и Витя планировали не спать до утра, но сказали, что если не выдержат, пойдут спать в комнату к Славе. Иру Тая положила в боковой комнате, где одноклассники оставляли вещи.

— Я постелю тебе здесь, — Тая достала большой плед и расстелила его на уже разложенном диване.

— Спасибо.

У окна стоял диван, в углу комнаты большой зеркальный шкаф, а напротив — натюрморт, ваза с цветами. У Иры в сумке были лекции матанализа. Оставшись одна, она достала их и начала быстро повторять теорию, а потом уснула.

Рома в зале разговаривал с Витей. Женя, Ника и Лера секретничали на кухне. Тая, как и Ира, читала лекции по приближающемуся экзамену. Женя тоже взяла лекции на новогоднюю вечеринку, но постеснялась их достать.

В квартире Славы стало тихо. Только пьяный храп хозяина квартиры раздавался в коридоре, разнося по всей квартире кислый запах алкоголя: Тая не закрыла дверь в его комнату.

Всю новогоднюю ночь где-то в подсознании каждого студента-первокурсника пульсировала мысль о скорых экзаменах. Кто-то отмахивался от нее, как от надоедливой мухи, как Слава или Рома. Кто-то, как Тая и Ира, втихомолку готовился к экзамену, читая конспекты. Кто-то, как Женя, Ника и Лера, отложил эту мысль на потом. Но часики тикали, время шло, и первый в их жизни вузовский экзамен приближался, упрямо и неминуемо...

Утром первого января одноклассники проснулись на удивление рано. Раньше всех, около восьми, проснулась Ника и ждала на кухне остальных. В полдевятого все уже пили бодрящий чай и завтракали бутербродами.

Одним из последних с головной болью проснулся Слава. Он появился в дверях кухни шатаясь и скривившись держался за голову:

– Всем привет! – поздоровался Слава. Тая молча достала из холодильника заранее купленную на слычай похмелья минералку.

Откуда ни возьмись, появился Витя, улыбочивый и веселый, абсолютно без похмельного синдрома, бодрый, счастливый, и даже как будто выпавшийся.

– Поздравляю с первым утром нового года! – радостно сказал он.

– Спасибо, – невесело ответил Слава. – У меня сушняк...

Около девяти решили разъезжаться по домам. Слава с Таей вызвали несколько такси, Слава, как хозяин вечеринки, пошел провожать гостей. Он еле держался на ногах, но все равно отправился рассаживать гостей по такси.

Слава вышел на улицу, держа в одной руке пластиковую бутылку. Он уже пил минералку, чтобы справиться с похмельем. Дома его ждал еще кефир. А друг Витя предлагал ему:

– Как справиться с похмельем? Надо еще выпить! Еще опохмелимся! Слышишь? Сегодня только первое января!.. Первое января все-таки наступило! Это надо отпраздновать! Экзамены только через два дня! Продолжаем бухать! – он шел в обнимку со Славой, выглядел, как будто накануне не выпил ни капельки спиртного и предлагал опять напиток.

– Подожди ты! – отмахивался Слава. – Только девчонок домой отправлю. – Он подходил к каждой машине и говорил таксисту:

– Ну, вы довезете? Смотрите! За них головой отвечаете!

А сажая в машину Резцову Женю:

– Смотрите! Самое ценное, что есть на факультете информатики, везете! Посмотрите, какая красавица! С новым годом! С новым счастьем!

Отправив всех по домам, Слава с Витей решили продолжить отмечать и тянули с собой Таю.

– Тайка, может, ты останешься с нами! Сегодня только первое января. Еще два дня до экзамена! Ты еще все успеешь выучить! – подбивал Таю Слава.

– Тайка, правильно! Оставайся с нами! – подхватывал Роман.

– Я накрою вам стол и поеду домой, – непреклонно отвечала Тая. – Мне надо матан учить!

– Ты все еще выучишь! Еще два дня впереди! Сколько можно учиться? Ты только об учебе думаешь! Оставайся!

Но Тая стойко отказывалась.

Похмельным утром первого января гости разъехались по домам... А третьего января в восемь утра шестнадцатая группа встретилась на экзамене по матанализу.

Первые экзамены

Экзамен Ушанкова шестнадцатая группа сдавала в 206 на втором этаже, около перехода в новый корпус, между коридором с 216 и географическим факультетом. Аудитория была просторная, с большими окнами, выходящими к главному входу. В три ряда стояли высокие деревянные столы темно-коричневого цвета на черных железных ножках. Столы были без внутренних полочек, поэтому конспекты было некуда спрятать. Вся группа приехала к восьми утра. Перед экзаменом обменялись новогодними подарками. Олеся подарила Ире и Вере по маленькому новому блоку, в котором удобно писать шпательки – удобный подарок!

Антон и Глеб после празднования Нового года пришли на экзамен немного помятые. Впервые за несколько месяцев одноклассники увидели Анжелу, она не ходила весь семестр, но чудесным образом оказалась допущена к сессии. Анжела тоже наверняка хорошо отмечала Новый год, по крайней мере, она выглядела так плохо, как будто Новый год удался, перегар не выветрился до сих пор.

– Ну что, как будем сдавать? – спросила Анжела улыбаясь. Она всегда говорила медленно и размеренно.

Все молчали, пожимая плечами.

– Анжела, как тебе удалось проснуться к восьми, ты же просыпаешься обычно не раньше одиннадцати? – спросил Глеб.

– Экзамены, что поделаешь, – пожала плечами Анжела.

– Вы готовились? – спросила Олеся у Глеба.

– Готовились, да... – протянул Глеб с такой интонацией, как будто конспекты он не открывал, – но Новый год, вы же понимаете! Как говорится, лучше красная морда и синий диплом, чем синяя морда и красный диплом. – Ира считала, что лучше красная морда и красный диплом.

– Да, в новогодние праздники учиться сложно, – сказал заспанный Антон.

– Признавайтесь, кто учил? – спросила Анжела.

– Ну я учила, – с вызовом ответила Женя, как бы противопоставляя себя Анжеле. На вопросы, в ответ на которые большинство что-то неуверенно мычали или прятали глаза, как бы за что-то извиняясь, Женя уверенно отвечала первой, и в ее ответе всегда был вызов или своеобразный «облом» задавшему вопрос. В ее необычной манере говорить была определенная опора и уверенность в себе. Как будто она искала поддержку для своих знаний и находила ее в своей манере говорить.

– Мы учили, – ответила уже менее уверенно Ника. Тая и Лера тоже покивали.

– Прям первого января все проснулись и стали учить матан, – еще сомневалась Анжела.

– Вообще-то я так и сделала, – сказала Женя, опять противопоставив себя Анжеле и остальным.

– У меня прям мозги переворачиваются от всех этих формул и доказательств, – призналась Ира Олеся. – Если и дальше так пойдет, мои мозги скоро начнут закипать.

– Я не сдам... Я не умею решать... Ужас! Я вообще ничего не понимаю... Я точно не сдам, – говорила Вера нежным полушепотом, с придыханием... Она иногда произносила то ли «Эть», то ли «Ить». У нее часто было восторженное выражение глаз и легкий с придыханием полушепот. Вера любила преуменьшать свои достоинства, чтобы окружающие убеждали ее в обратном.

Из аудитории вышел Ушанков и пригласил самых смелых идти «сдаваться». Ира на экзамен зашла в первой пятерке, чтобы не дрожать под дверью. Вместе с Настей, Женей, Тайей и Вероникой.

Ушанков разложил написанные от руки билеты, потом раздал примеры.

Дома Ира сделала шпаргалки по всей теории, маленькие листочки, написанные от руки. Шпаргалки грели ей карман брюк и вносили успокоение в экзаменационный мандраж. Но шпаргалками она не воспользовалась, все и так выучила и написала.

Ушанков ходил между рядами, заглядывал под парты, не давая спить, усиливая экзаменационное напряжение. У студентов тряслись руки, и их бросало то в жар, то в холод при приближении преподавателя. Через сорок минут Настя пошла отвечать. Ушанков посмотрел теорию, решения примеров и спросил пару определений.

– Пять! – сказала Настя, когда вышла из аудитории. Кто сдал – выходил в коридор с оценкой, и заходил следующий сдающий. В 206 зашла староста Диана.

– Как прошел экзамен? – спросил Глеб у Насти.

– Как говорить: быстро и небольно, – Настя ответила как обычно откровенно, в своем немного пошлом стиле. – В билете два вопроса, Ушанков сам раздает задачи по практике.

– Ты на один шаг ближе к «самокрасному самодиплому»? – сказал Рома. В ответ Настя громко засмеялась.

Ира отвечала третьей, после пятерочниц Насти и Жени. Получила пять. Вышла к остальным одногруппникам, рассказала, какой попался билет и какие примеры по практике.

– Ира, а можно шпаргалки? – попросил Глеб.

– Да, только почерк может быть не понятен, – Ира достала шпоры.

– Мы разберемся, – сказал Антон и забрал Ирины шпаргалки вместо Глеба.

– Так ты все-таки делала шпаргалки! – радостно сказала Олеся. – Антон у всех шпаргалки забирает, Женькины тоже взял.

– А какие у тебя были вопросы? – спросил у Иры Антон, показывая список, где были зачеркнуты вопросы, на которые уже ответили.

Ира назвала свои вопросы.

— Смотри, вот эти вопросы уже выпали. Их можно не учить! — Антон показал список Глебу. — А кто следующий заходит? Дима, ты? Вытащи, пожалуйста, билет с двадцать восьмым вопросом. Он самый сложный... Самое длинное доказательство.

Все рассмеялись.

— Спасибо.

— Дима тебя тоже очень любит! — Настя Тюканова громко рассмеялась, опять запрокинув голову. Вера нервно захихикала.

— А Ушанков может билет, по которому ответили, положить обратно?

— Теоретически может... — быстро сказал Дима.

— Не знаю... — покачал головой Глеб.

Одногруппники, которые еще не ответили, что-то учили и читали конспекты под дверью аудитории. Ира, как и другие сдавшие, осталась ждать остальных и еще три часа сидела в универе, успокаивала Веру, объясняла решение сложных примеров Олеся, Антону и Васе и узнавала оценки других одногруппников.

— Я боюсь. Как я буду сдавать? Я ничего не знаю! — все повторяла Вера, слушая объяснения задач. Она на корточках у аудитории напряженно читала лекции и задавала Ире вопросы. Вера призналась, что не очень понимает матан и совсем не понимает программирование. — Ну, блондинка... — говорила молодые люди и преподы.

Олеся, хорошистка в школе, тоже судорожно решала примеры и надеялась в последний момент понять до сих пор непонятое и выучить еще невыученное.

— Перед смертью не надышишься, — сказал Дима и вошел в кабинет, когда появилась Тая с четверкой.

Через несколько минут вышла Ника с победным криком: «Сдала!», она присела и подняла руки над головой, ее лицо светилось счастьем.

— Молодец, а на что сдала-то? — все бросились ее поздравлять.

— На три! — не менее победоносно прокричала серебряная медалистка Ника. — Главное, сдать. Зачем париться? Три поставили, и нормально!

— Ну, поздравляю, — сказала Женя. Тая была не очень рада четверке.

— Пошел сдаваться, — Рома отправился отвечать.

— Удачи!

— Ни пуха!

— К черту!

Серебряная медалистка Диана Пожарова получила четыре и выглядела не очень счастливой.

К Резцовой Жене подошел высокий, худой кучерявый брюнет с веселыми карими глазами — Саша Бнидерт с основной специальности — и уверенно чмокнул ее в губы, ошарашив тем самым девчонок шестнадцатой: «Ого! Резцова с парнем в губы целуется!» Саша с Женей расцеловались, как старые знакомые, и Женя представила его одногруппникам:

— Это Саша Бнидерт. Мы в старших классах вместе учились в частном колледже при техническом университете. — Женя не забыла упомянуть, что она училась именно в «частном» колледже. Колледж был единственным в городе, и многие мечтали там учиться. — Папа с директором друзья, мы вместе ходили в походы и ездили отдыхать на природу.

— Мы в разных классах учились, — добавил Саша. Он говорил с веселой интонацией и постоянно улыбался глазами.

Чмокнувшись с другом, Резцова показала одноклассникам, что у нее есть друзья среди парней, с которыми она целуется в губы, вот такая она продвинутая.

Бнидерт без комплексов остался около 206 аудитории рассказывать анекдоты, смешить девчонок и быстро разговорился с Настей и Дианой Усановой. Мимо проходил Джанаров Артем, он подошел к Бнидерту и пожал ему руку. Артем уже сдал линейку на отлично. Оказалось, что Бнидерт и Джанаров давно знали друг друга и были чуть ли не лучшими друзьями. Оба со школы увлекались программированием.

— Можете меня материть, только душой не называйте, — сказала Диана Усанова и зашла в аудиторию одной из последних.

— Будем тебя ругать! — заверили ее Бнидерт и Настя.

Дима и Рома сдали на три, но совсем не расстроились. Лера и Олеся тоже получили тройки и вздохнули с облегчением. — Ну, три и три! Главное, сдать! Тройка — это положительная отметка. — Точно! — поддерживала их Ира.

Золотая медалистка Вера Моканова тоже была рада тройке.

Ушанков принимал экзамен строго, не делая никаких поблажек из-за новогодних праздников, он не давал списать со шпаргалок и задавал дополнительные вопросы и задачи. Но группа подобралась на редкость умная — сплошные золотые и серебряные медалисты. Некоторые были рады, что просто сдали, и не важно, на какую оценку. Глеб с Антоном не сдали — чужие шпоры не помогли. Вася и Усанова Дина получили тройки. Анжела не сдала и в единый день пересдач собиралась на пересдачу.

Когда около двенадцати последний одноклассник вышел из 206, все разъехались по домам. Бнидерт, Настя и Диана пошли в кафе отмечать сдачу первого экзамена. Ира один день отдохнула и со следующего дня начала готовиться к следующему экзамену — информатике. Экзамены поставили раз в неделю, каждую пятницу.

В начале января у Веры Мокановой был день рождения. Одноклассники обычно скидывались и почти всей группой ездили выбирать подарки на день рождения. Но в сессию все учили информатику, и за подарком Вере поехали только староста Диана и Верины подруги — Ира и Олеся. Они решили подарить ей большую открытку. Специально ездили на главпочтамт рядом с центральным рынком, чтобы выбрать самую большую открытку из возможных. Выбрали открытку формата «а-один», привезли в универ на консультацию по информатике, чтобы вместе с одноклассни-

ками подписать, раскрасить разноцветными фломастерами и написать стихотворные поздравления. Вере открытка понравилась, и она, радостная и счастливая, повезла открытку домой, показывать маме и младшей сестре...

Десятого января сдавали декану информатику. Старшие курсы сразу предупредили, что у Кругова списать нереально и советовали все учить.

Информатика проходила в соседней аудитории — 207. Студенты шли к столу преподавателя через весь класс, как на эшафот. В 206 стол преподавателя стоял у входа в аудиторию, и каждый экзаменуемый входил и сразу брал билет. В 207 стол преподавателя стоял в конце аудитории и нужно было пройти через весь класс, посмотреть на спины всех сдающих одногруппников. У кого-то увидеть шпаргалки или конспекты на коленях. В это время за вновь вошедшим наблюдал декан и мог понять по взгляду, у кого шпаргалки. Дойдя до стола декана можно было выдать других одногруппников. Поэтому одногруппники заранее предупреждали сдающих: — Будешь заходить, не смотри по сторонам, смотри только вперед, на Кругова и билеты.

Билеты тоже были написаны от руки, наверное, все преподаватели на «компьютерном» факультете информатики писали билеты от руки, а не набирали их на компьютере.

На экзамене было два теоретических вопроса и задача, которую сдавали на листочках. Перед экзаменом возмущению Димы не было предела:

— Как можно программирование сдавать не в компьютерном классе? Обычно пишешь программу, проверяешь, как она работает, смотришь сообщение об ошибке, запускаешь пошаговую проверку. А как на листике, без компьютера?

— Да вообще! — Настя, второе поколение программистов, хорошо понимала Диму.

Ира и Олеся сдавали информатику, не имея дома компьютера — они учились программировать по тетрадке. Для них сдавать на листике было нормально.

К Насте с Дианой подошел вечно веселый Бнидерт. Они успели подружиться. Ире первое время казалось, что Бнидерт — это имя, а не фамилия.

— Можете пожелать мне удачи, я иду сдавать линейку Горовому!

— Ни пуха! — сказала Бнидерту Диана.

— А мы собираемся пехаться с компьютером без компьютера! — весело сказала Настя.

— Пошлячка! — так Бнидерт называл Настю.

Вера очень нервничала перед информатикой. Она стояла, положив голову на плечо Олеся, и читала свои лекции. Ей постоянно надо было на что-то опереться или к чему-то прислониться. Вера часто вздыхала и тряслась: — Ох, я не сдам, я точно не сдам...

Трястись перед экзаменом было своеобразным ритуалом. Стоять под дверью аудитории и повторять:

– Я не сдам. Просто потому, что я ничего не знаю. А все, что знаю, уже забыла. И вообще ничего не помню.

– Ничего не знала, да еще и забыла.

– Это понять вообще нереально.

– Как это вообще можно сдать?

– Я просто не сдам и все. Просто потому, что я не сдам. Я не сдам в жизни.

Естественный предэкзаменационный мандраж нагнетался одногруппниками. И зачем искать, о чем поговорить, поддерживать новые темы для разговора, если можно, как заведенный, твердить, что ничего не знаешь и не сдашь. И все тебя поймут и поддержат, согласно закивают и будут вторить. Оказывается, что не ты один ничего не знаешь, а никто ничего не знает и никто вообще не сдаст. Можно найти сочувствие и понимание... Вот только обычно сдавали почти все, кто трясся под дверью аудитории и причитал, что не сдаст. Все, кроме Веры, Глеба и Антона... Анжела на информатике даже не появилась.

Ира вошла, как на матанализе, в первой пятерке. Сначала ответили Настя и Женя, получили заслуженные пятерки. Настя росла в семье программистов и была с детства с компьютером на «ты». Женя училась программированию в колледже и современные языки программирования знала еще со школы. Ира как обычно быстро написала теорию. Задача была стандартная.

Ира отвечала после Таи, которая получила четыре. Кругов проверил теорию и задачу:

– У вас в задаче ошибка. Посмотрите, пожалуйста.

Ира ошибки не увидела.

– Вы переназвали элемент и испортили массив. Для программиста важно сохранить исходные данные. Только четыре.

Ира забрала зачетку и осталась в коридоре ждать остальных. Информатику сдавали неплохо. Было много четверок. В основном все выходили довольные со словами: «Какой классный мужик Кругов».

Олеся вышла из аудитории, счастливая, с четверкой.

Кругов обнаружил конспекты на коленках у Глеба и Антона и сразу отправил их на пересдачу. Вася получил четыре.

Вера не сдала информатику, накаркала себе пересдачу. Ира не видела, как она сдавала, но, говорили, что она начала заигрывать с деканом, теорию кое-как написала и не смогла ответить на вопросы по задаче. Вера надеялась на единый день пересдач в конце сессии.

Дима готовился к поступлению с Круговым и, наверное, рассчитывал на легкий экзамен... Но к нему Кругов отнесся даже строже, чем к остальным. Дима остался последним в аудитории, Кругов ставил ему четыре, но по программированию Дима хотел только пять. Кругов задавал ему дополнительные задачи и вопросы по ним... В программировании Дима разбирался.

– Пять, – Дима радостный, последним вышел из аудитории. – Иди, Кругов думает, что ты тоже будешь настаивать на пятерке, – сказал он Ире.

– Нет, я не буду, – Ира не была уверена в знаниях по информатике, она учила предмет совсем недавно...

У старосты

После экзамена по информатике староста Диана пригласила одногруппников к себе домой. Ее семья переехала в Краснодар, когда Диана училась в старших классах. Они купили небольшой дом. В гости отправилась вся группа, кроме еще обиженного Антона, Глеба и Васи. Усанова Диана после экзамена торопилась на вокзал, боясь опоздать на автобус: во время сессии она приезжала в Краснодар только в дни экзаменов. Вера, не сдав информатику, тоже отказалась идти к Диане. Она поехала сразу домой шокировать маму неудом.

Диана жила в частном доме недалеко от вещевого рынка и футбольного стадиона. Одногогруппники долго шли за Дианой по узким улочкам одноэтажных домов частного сектора. Улицы не были расчищены от обледенелого снега и были покрыты коркой льда. Одногогруппники осторожно скользили по льду, как по катку. Кое-где был посыпан песок. Девушки на каблуках старались не упасть. Стоял неприятный запах, в некоторых дворах не было удобств, и помои сливали прямо на улицу. Вонючие желтые следы в снегу и на льду приходилось обходить, иногда выходя на проезжую часть.

Наконец, Диана остановилась около синих железных ворот и открыла скрипучую дверь, одногогруппники оказались в длинном частном дворе.

Когда-то общий двор принадлежал одному владельцу. Потом наследники его разделили на несколько частей, какие-то из них продали. Новые владельцы делали пристройки, надстройки и, как могли, расширяли жизненное пространство. Где-то пристроили выступающий деревянный коридор, где-то – нависающий второй этаж, где-то кирпичный сарайчик или гараж для авто. В итоге этих пристроек общий двор стал похож на неорганизованный скворечник. Диана показывала путь мимо соседских домов, по узкому петляющему двору, частично заасфальтированному, частично нет.

В самой глубине частного двора оказался дом Дианы. Пока одногогруппники озирались, за Дианой добирались до низкого черного железного забора, состоящего из узких тонких прутьев и доходившего максимум до колен, Диана открыла дверь калитки, и ей навстречу выбежала малень-

кая черная дворняжка, которая истошно залаяла на незнакомых гостей. Собака была на длинной цепи, но выглядела серьезной и злой и вызывала опасение одногруппников.

У Дианы был небольшой незаасфальтированный двор, где летом выращивали малопривлекательные овощи, зелень и цветы. В углу двора стоял непокрашенный деревянный туалет-будка, от которого шел неприятный запах. Диана рассказала, что летом они ходили в туалет во дворе, а зимой в ведро, которое, чтобы не воняло, закрывали в коридоре, а потом выливали в туалет на улице. Но они делали ремонт и собирались устроить удобства в доме.

Диана закрыла громко лаящую собаку собой, и одногруппники быстро прошли в дом, саманный, одноэтажный, также с достроенным кирпичным коридором, надстройками и пристройками.

Диана рассказала, что ее мама работала бухгалтером в торговой фирме и была кормильцем в семье, а папа подрабатывал прорабом на стройке, он-то и достраивал и ремонтировал их дом. Зарабатывал он мало и находился на содержании жены. Как рассказывала Диана, он занимался домом, готовил еду, делал ремонт и воспитывал Диану.

Диана пригласила всех на кухню. Довольно вместительная кухня была построена недавно, стены еще не отделаны, только голый кирпич, скрепленный неровным слоем цемента, и бетонный пол, застеленный потертыми тонкими коврами. Окна были занавешены светлыми шторами в крупную розу. Диана включила стоящий около стола маленький белый обогреватель. Он зашумел и подул теплом на ноги одногруппников.

Мелькнул папа Дианы – толстый, невысокий, начинающий лысеть, с красным лицом, побитым корью, бородой и выступающей нижней челюстью, он быстро поздоровался с одногруппниками дочери и вышел на улицу.

Посреди кухни стол, совмещенный с двумя лавочками по бокам, был застелен бело-синей клеенкой. На лавочках все не поместились, и Диана принесла дополнительные табуретки для Димы и Леры.

Расторопно, как хозяйка дома, Диана заварила черный чай в полосатом бело-красном чайничке, нарезала хлеб, открыла варенье и раздала пиалки. Достала чашки из прозрачного черного стекла. На столе стояла еще бутылка коньяка Дианиного папы, и Диана предложила выпить:

– Наливай! – сказал Дима, – чтобы согреться!

Остальные отказались.

Стали пить чай и есть хлеб с вареньем, согрелись и оживились. Завязался разговор как обычно об учебе:

– Как вам экзамен по информатике?

– Кругов – классный мужик! – с выражением сказала еще раз Олеся.

– Вообще информатика нормально прошла, я думала, будет хуже, – улыбаясь сказала Лера. – Какой классный Кругов! Он справедливый. Кто что заслужил, то он и поставил! – Лера не уставала петь дифирамбы декану.

– Да, нормально сдали, – задумчиво подтвердила Тая.
– Все выучили, все ответили!
– Декану, слава Богу, сдали! – выдохнула с облегчением Женя.
– Быстро и не больно, – как обычно добавила Настя.
– Экзамены вообще пока нормально проходят, – добавила Женя.
– Тьфу-тьфу-тьфу, лишь бы не сглазить, – Диана хмыкнула и постучала по своей голове, как по дереву.
– Какой мужчина Кругов! Какой мужчина! Не мужчина, а мечта! – Настя закатила глаза.
– Ну да, – хмыкнула Диана. Она практически всегда говорила неуверенно и часто хмыкала. Нижняя челюсть у Дианы была немного смещена вбок – она когда-то носила брекеты и исправляла прикус.
– Только Веруха не сдала, – грустно сказала Олеся.
– Ну, впереди единый день пересдач... – сказала неунывающая Женя.
– И Глеб с Антоном! – сказала Ника.
– Ну они списывали! Придумали тоже, списывать у декана! Им сразу сказали, что не прокатит! – категорично сказала Женя.

Ира как всегда молчала.

Допили чай, Диана предложила пойти в зал. Из просторной кухни с высоким потолком через низкие двери попали в маленькую проходную комнатку с вишнево-коричневым фанерными полами и низким потолком. Из зала вели еще две двери в комнату Дианы и спальню родителей. На одной из стен висело сразу два небольших похожих ковра. Сбоку стояло скрипучее старое желтое кресло, застеленное покрывалом. На коврах висели самодельные снежинки и мишура еще с Нового года. По периметру комнаты над дверьми мигала гирлянда – Диана ее включила для одноклассников. В углу часть стены была обложена розовой квадратной плиткой – там находилась печь, которую топили дровами. Диана перенесла обогреватель из кухни в зал и включила его.

Диана махнула рукой в сторону закрытой двери в спальню родителей, которую не стала демонстрировать и пригласила одноклассников в свою крохотную комнату, в которой помещалась только кровать, шкаф и компьютерный стол. Учебники на полу были сложены аккуратными стопочками.

Дима сразу заинтересовался компьютером, быстро сел за комп, загрузил операционную систему, начал смотреть технические параметры компьютера, установленные программы и игрушки. Не успели оглянуться, как Дима запустил популярную игрушку-стрелялку. Рома менее фанатично отнесился к технике и болтал с одноклассниками.

– Не пускай его к компьютеру! Мы его теряем! – закричала Настя и стала шуточно оттащить Диму от компа. Он несерьезно отбивался.

– Мы его теряем! Пациент! Пульс! – Олеся радостно подбежала к Диме, схватила его за запястье, как врач, и стала щупать пульс.

– Мы в гости пришли или в комп играть? – спросила Настя.

— Ну оставьте его, пусть поиграет, — поддержала Диму Женя. И Дима в гостях остался за компом играть в компьютерную игру.

Диана крутилась вокруг Ромы и имела на него виды, она уже забыла Антона Ктавиди. Она по секрету сказала Ире: — Какой мальчик. Прямо такой мужчина! — Диана закатывала глаза и прислоняла ладонь с растопыренными пальцами к лицу. Она заглядывала Роме в глаза и старалась понравиться. А Рома иногда предлагал Жене носить ее пакеты и провожать домой. Но Женя всегда отказывалась.

Диана принесла несколько толстых фотоальбомов и стала показывать свои детские фотографии, родителей, школу, себя еще с длинными волосами и брекетами. Все внимательно, вежливо и терпеливо смотрели ее фотки...

Напоследок решили на память сфоткаться. Тая сделала несколько совместных фотографий на кухне и в зале. Девчонки развеселились, встали, как в кордебалете, и подняли ноги, сделав последний снимок. Одногруппники посидели еще немного и разъехались по домам готовиться к последнему экзамену — линейной алгебре.

Линейка

Семнадцатого января сдавали линейку Доровской. Экзамен поставили на факультете философии, в полутемной маленькой аудитории, с обшарпанными желтыми столами-партами, как в Ириной школе. Доровская немного опоздала. Пока ждали преподавателя, в последний раз листали конспекты.

Антон, уже с двумя хвостами, не успел подготовиться к линейке и принес купленную у врача справку, что он болен и не может сдавать. Экзамен ему перенесли. Ангела пропустила экзамен Кругова — у нее было уже два хвоста, и на экзамен Доровской даже не пришла, тоже купила справку.

Экзамен сдавали при свете тусклой желтой лампы, заходили, тянули билеты, отвечали теорию, решали задачи.

Легче всего Ире было сдавать линейку, где не было сложных абстрактных доказательств, как в матане. Линейная алгебра была ближе всего к обычной, школьной математике. Ире нравился препод. Олеся Викторовна говорила просто, объясняла понятно, несколько раз повторяла для тех, кто не понимал, для некоторых примеров предлагала альтернативные решения, самые сложные номера разбирала сама. Ира ответила третьей, как всегда после Насти и Жени. Экзамен прошел легко — Ира получила пять и вздохнула с облегчением — сессию она закрыла!

Ира вышла с линейки, как всегда отдала шпаргалки и стала ждать остальных. В коридоре обсуждали первую сессию на основной специальности:

— У Бнидерта четверка по матану? Он все равно хочет побороться за красный диплом! — сказала Настя.

— А для красного диплома можно получать четверки? — искренне удивилась Ира. — Я думала, что в дипломе должны быть только пятерки!

— Можно иметь десять процентов четверок. Так что не переживай из-за четверки по информатике, — сказала староста Диана.

После четверки по информатике Ира была уверена, что красного диплома у нее уже не будет. Одногруппники выходили из аудитории, оглашая свои оценки.

— Вот Горовой основную специальность имеет, — рассказывала Настя, делая согнутыми руками поступательные движения к себе, показывая, как Горовой «имеет» основную специальность. — Он у них линейку преподает. Вот они там стонут. Вот он их жахает. Говорят, человек двадцать отчислят!

— У них информатику не Кругов преподает, а Кужухов. Это нам с Круговым повезло. А Кужухову вообще сдать нереально... — рассказывал Глеб.

— И Никитов тоже зверствует! — добавила Тая.

— Нам вообще с преподами повезло... — добавила Лера.

— На основной все тройкам радуются! Но тройку еще надо заработать! В школе отличники, в универе сразу троечниками становятся! Лишь бы сдать! — рассказывала Тая.

— У нас матан и линейка будут до третьего курса, — сказала староста Диана.

— До третьего? Ого! — удивился Антон.

Вера и Ника готовилась к поступлению с Доровской. Вера сдала на четыре. Ника — на пять. Дима был между тройкой и четверкой.

— Ну что вам поставить? На четверку еще нужно решить пару примеров, — сказала Доровская Диме.

— Да ставьте три, и я сессию закрыл!

— Ну хорошо, это сейчас вы соглашаетесь на тройки, а на пятом курсе будете жалеть, потому что именно из-за этих троек первых курсов потом не получите красные дипломы, — сказала Доровская и протянула Диме зачетку. Рома и староста Диана получили четыре.

Последним отвечал Глеб. Он долго сидел в аудитории, одногруппники его решили не ждать. Глеб знал, что если не сдаст линейку — у него будет третий хвост, это уже серьезно. И если он не сдаст один из хвостов в единый день пересдач, то с тремя хвостами его сразу отчислят, без разговоров.

На экзамене Глеб теорию кое-как списал с чужих шпаргалок, задачи решил с ошибками, на дополнительные вопросы ответить не смог и был между двойкой и тройкой. Доровская задала ему несколько дополнитель-

ных задач: преподавательница почему-то тянула Глеба. Он рассказывал одноклассникам, что в школе был хорошистом и закончил без троек, но знаний Глеба по математике явно не хватало – что-то он решил правильно, что-то нет.

Посмотрев исписанные Глебом листочки, проверив последние примеры, Доровская взялась за голову. Она видела его зачетку: две пустые строчки говорили о двух хвостах. Она понимала, что линейная алгебра не его предмет. Доровская внимательно посмотрела на Глеба и вздохнула:

– Ладно, идите, три, – она протянула зачетку. Доровская решила закрыть глаза на его незнание.

– Спасибо, Олеся Викторовна, – Глеб схватил зачетку. – Спасибо большое!

Глеб сразу пошел «бухать» с друзьями-спортсменами – праздновать пивом сдачу первого экзамена и готовиться к единому дню пересдач – пересдавать информатику. Многие, в том числе Ира и Олеся, праздновали закрытие сессии...

В единый день пересдач Вера во второй раз сдавала информатику декану. Некоторые особо фанатичные студенты шестнадцатой группы, закрывшие сессию, приехали в универ «болеть» за пересдающих одноклассников. Олеся пришла болеть за Веру.

Вера, в школе отличница, в универе бы благодарно согласилась на тройку по информатике. Но тройку никто не предлагал. Вера строила глазки Кругову, с любовью рассматривала его лицо, смотрела на его губы мутным взглядом и томно заглядывала в глаза. Вера не знала, как себя вести и что ей нужно сделать, чтобы сдать информатику.

Вера опять не смогла ответить на дополнительные вопросы, напутала в программе. Кругов предложил пройти к нему на кафедру – Вера не пошла.

– Да, если бы она себя так с Круговым не вела, может быть, и сдача бы сразу... – говорил Глеб.

Вера осталась с одним хвостом до следующей сессии. Диана успокаивала ее, что с одним хвостом не отчислят.

А после единого дня пересдач Ушанков говорил Ханзадяну, преподавателю с кафедры прикладной математики:

– Ну, тупые студенты пошли. Ну, тупые.

– Это ведь хорошо, хоть конкуренции не будет...

Некоторые заядлые ботаники, такие как Бнидерт и Джанаров, на каникулах приезжали в универ. Сначала они приехали в единый день пересдач поддержать одноклассников. Потом от нечего делать Бнидерт приехал несколько раз в универ, а Джанаров Артем, который закрыл первую сессию без четверок, на зимних каникулах целую неделю каждый день ездил в университет и просто шатался по универу с кем попало. После напряженной сессии он не знал, как еще провести вдруг появившееся свободное время. Он настолько привык ездить каждый день в универ, что не мог представить, что может быть иначе...

Дима тоже, закрыв сессию, собирался поехать в универ, но сосед Рома вовремя остановил его.

Некоторые программисты на зимних каникулах писали «для себя» от нечего делать программы. Им некуда было идти и не с кем общаться. Они не умели расслабляться или отдыхать... Они сидели наедине с компьютером, писали никому, в том числе и им самим, не нужные программы, и чувствовали себя счастливыми. Иногда они эти программы дописывали, иногда нет. Это было интересно и весело. Так Дима Захаров все зимние каникулы сидел перед компьютером и писал никому не нужную программу. Он смеялся и радовался, когда получалось. Он разговаривал с железным ящиком, как с живым, ругал его, когда появлялось сообщение об ошибке. И грустил, бил по клавиатуре, пинал компьютер ногами, материл его и называл последними словами, когда нет. И так счастливо сам с собой проводил зимние каникулы. «Зачем нужна девушка, если есть компьютер», — известная фраза на факультете...

Настя и Женя сдали первую сессию без четверок, стали получать повышенную стипендию и участвовали в конкурсе молодых управленцев только для круглых отличников. Они прошли первый тур, но во втором провалялись. Ира с одной четверкой, на конкурс не попадала.

После первой сессии фанатичные программисты, Джанаров и Дима Захаров начали называть Настю уважительно Анастасией Сергеевной.

Кто сдали первую сессию, стали полноправными студентами. В целом, шестнадцатая группа хорошо сдала первые экзамены. Большинство сдали экзамены в срок, Глеб и Антон рассчитывали пересдать хвосты до следующей сессии, Анжела, которая не ходила весь семестр, думала, что сможет договориться.

После первой сессии на основной специальности многих перевели на договор или отчислили, особенно многих отчислили из-за Горowego и Никитова. У «экономистов» никого не отчислили. Повезло. И только сдав первую сессию с одной четверкой, Ира поняла, что нужно каждый день ходить на пары и каждый день делать домашнее задание, как в школе.

Второй семестр

— Ну что? Что у нас нового? — спросил Глеб, заходя в аудиторию после зимних каникул.

В шестнадцатой группе было много нового. Староста Диана устроилась работать в деканат.

К поступлению Диана готовилась с Никитовым, преподавателем матанализа у основной специальности. Он и порекомендовал Диану Кругову.

За полгода к ней присмотрелись, она проявила себя ответственной, способной и добросовестной, и ее взяли работать в деканат помощницей Елены Владимировны, секретаря Кругова, которая в день сборов диктовала расписание.

Диана сама рассказала Ире:

— У меня астма. Я инвалид третьей группы, — Диана показала Ире ингалятор и косметичку с таблетками внушительных размеров, которые она всегда носила с собой в сумочке... — Я поступила по льготам. Для инвалидов главное экзамены не на двойки сдать...

— Понятно.

— Вообще предприятиям выгодно инвалидов трудоустраивать. У них по законодательству тогда льготы. Меньше налогов платят, если есть сотрудники-инвалиды.

Не все благосклонно восприняли признание Дианы.

— Тебе не кажется, что инвалиды занимают чьи-то места? — спросил у Иры Дима после пар. — Вот у меня друг не поступил, хорошист, почти отличник... Это несправедливо. Там инвалиды уже все бюджетные места заняли. Или осталось одно-два места. Ни них конкурс по тридцать человек на место. На факультете лингвистики двадцать бюджетных мест, из них пятнадцать занимают инвалиды. Поступить нереально!

— Я не знаю... — Ира как обычно была немногословна...

В начале второго семестра Глеб получил место в общеаг.

Общежитие давали в основном старшекурсникам, младшим курсам только в редких случаях. Глеб — спортсмен-легкоатлет, был как раз таким случаем.

— Глеб с детства занимался легкой атлетикой, участвовал в соревнованиях. Его тренер устроил на бюджет в вуз. А сейчас вот и общеаг подсуетил, — рассказывал Ире друг Глеба Антон Ктавиди. — Вот посмотришь, он и до пятого курса доучится и закончит нормально. Его в вузе поэтому и держат, чтобы он защищал честь универа на всех соревнованиях. Нечестно... — Антон говорил немного обиженно, как будто рассказывал об увиденной несправедливости. Антону родители снимали однокомнатную квартиру.

— Не знаю...

Антон пошел жаловаться на друга Кругову.

Олеся, не спортсменка-легкоатлетка, поступившая как малоимущая, все также мыкалась по съемным квартирам.

Неожиданно для всех на парах появилась Анжела. Как она сдала сессию, было неизвестно, она сама говорила, что ее дядя договорился с Круговым.

В восемнадцатую группу с основной специальности на договор перевелась Аня Рябцева — блондинка с волосами по плечи и большими синими глазами, она приехала из Тихорецка. Аня быстро подружилась с одногруппницей Катей Сидоровой.

В первом семестре все ходили общей компанией, знакомились, присматривались. Во втором семестре все уже разбились на «кучки» и ходили «со своими». Тая со Славой, Женей, Егором и Степаном из семнадцатой. Глеб с Антоном и Васей, Дима с Ромой, Диана с Настей, одноклассницы Ника с Лерой. Ира — с Олесей и одноклассницей Верой. Староста Диана все свободное время была в деканате, но иногда присоединялась или к Насте с Дианой, или к Олеся с Верой.

Разделение «на группы» у многих однокурсников вызывало чувство обиды и грусти:

— Это как стакан с песком... — объяснил Ире Дима из семнадцатой, который на дискотеке предлагал синие капсулы. — Когда все песчинки перемешали, они плавают вместе, а через некоторое время одни песчинки опускаются на дно, другие всплывают.

Все разбились на группы — так было проще учиться, было, у кого списать лекции и практики, с кем сверить домашнее задание, у кого попросить шпаргалки перед экзаменом или списать задачи для зачета. Да и веселее, было с кем пообсуждать преподавов, переменить косточки одноклассникам, по секрету доверить неизбежные симпатии... Большинство этих дружеских связей после окончания универа разрушатся, когда необходимость в чужих конспектах и шпаргалках отпадет и будут совсем другие привязанности и симпатии. Тогда будет просто, видясь раз в пять-десять лет, приходиться на день встречи выпускников и хвалить достижения друг друга: у кого-то успешную карьеру, у кого-то счастливую семью, у кого-то и то и другое. Уже будет легко, похвалить друг друга, высветить чужие достижения, поулыбаться, вспомнить былые времена, любимых и не очень преподавов, добродушно посмеяться над универскими историями, зная, что следующая встреча произойдет еще через пять-десять лет.

В начале февраля у Джанарова Артема был день рождения. Его подруга Настя Тюканова подарила ему «Камасутру».

— А где ты нашла «Камасутру»? — спросила у Насти Тая.

— «Камасутра» — это книга, а где может продаваться книга? В книжном магазине...

Настя решила, что Джанарову пора взрослеть и пыталась разбудить его сексуальность.

Мама Артема каждый год дарила ему на день рождения белые розы. Ира тоже подарила Артему розу, только красную — Артем обиделся. — Мама — одно дело, а однокурсница — совсем другое, — говорил обиженным голосом Артем. Больше Ира Артему ничего не дарила...

Откровенная Катя Сидоровская из интереса, для опыта переспала с чернокожим Бокари и рассказывала всем, как ей понравилось. Она подстригла волосы — теперь они были немного ниже плеч — и нарастила ногти. Катя уже выбрала себе пару среди однокурсников — Степана Дашевицкого: — Да, Степан будет мой. Передай, что я приглашаю его на свидание в кафе, — сказала она Якушенко Славе. Степан через Славу ответил, что

не пойдет. — Да, он, наверное, гомик... — только и сказала Катя... Степан пользовался популярностью среди девочек.

Во втором семестре у шестнадцатой группы также вели Ушанков, Доровская и Кругов. Добавились лекции и практики по линейному программированию Горового и пары по экономике — в летнюю сессию по экономике поставили экзамен.

Однажды Егор спросил Доровскую:

— Олеся Викторовна, зачем учить все эти теоремы и доказательства по линейной алгебре, если все равно в дальнейшей жизни они не пригодятся и в работе их не нужно будет использовать?

— Для общего развития. Они формируют правильное мышление.

После этого ответа половина студентов на лекции больше не ходила. Они решили перед сессией отскерокопировать их у посещающих.

Кругов обычно просил не ставить свои пары в восемь утра, любил выспаться и приходил ко второй паре — к девяти сорока, староста Диана делалась подробностями составления расписания для декана. Он также без конспектов рассказывал свои лекции и на пары декана ходили практически все студенты экономспециальности. Многие приезжали только на пару декана, а с остальных пар уезжали.

Горовой Александр Викторович пятидесятидвухлетний доктор физико-математических наук и профессор, завкафедрой численного анализа. Он занимался вычислительными методами линейной алгебры и криптографией. Он с женой и двумя сыновьями приехал в Краснодар с Украины. На семейных фото он неизменно крепко обнимал жену и обычно подписывал фото: «Моя Наташа». Он и его предметы являлись причиной большинства отчислений на факультете. Основная специальность производила его имя шепотом и рассказывала, что после неудачного ответа он любил повторять несдавшему студенту: «Иди — учись портянки завязывать», или «Надо помочь военкомату, а то у них в весенний призыв недобор». Если Кругов говорил высоким «отеческим» голосом, то голос Горового был низким глубоким грудным. На первом курсе у «экономистов» он вел линейное программирование.

Лекции Горового казались Ире сумбурными, с нечеткой логикой. Многие выводы были неочевидны или надуманы... Но препод производил впечатление веселого и остроумного. Он сам вел практики по своему предмету, на его лекциях и практиках было нескучно. Горовой как будто постоянно «стебался» над студентами.... На лекциях он часто шутил и рассказывал анекдоты, типа «Идут две девушки, одна красивая, другая с факультета информатики» или «Кому нужна умная жена?», говорил, что «девочки с факультета информатики похожи на мальчиков с факультета лингвистики». Он учил эффективному инвестированию и диверсификации, что «нужно хранить яйца в разных корзинах». Объяснял он в принципе понятно, и по учебникам дома можно было во всем разобраться. Ира ждала первого экзамена. Основная специальность говорила, что на экзаменах Горовой беспощаден.

Начало февраля выдалось на редкость холодным. Для Краснодара минус двадцать днем и минус тридцать ночью были равны апокалипсису. Трамваи не ходили, на улицах прохожие расчищали снег. Не работали школы и садики.

Даже Кругов однажды на второй паре сказал:

— Сегодня пускаем опоздавших, — и махнул рукой в сторону столпившейся в дверях кучки замерзших студентов. — На улице минус двадцать все-таки. — Студенты быстро забежали в аудиторию и сели на задние парты.

Когда наступили морозы, неожиданно появилась Анжела Саферова. Она пришла с Никитой Матродским из восемнадцатой, они уже подружились и вместе не ходили на пары. Никита Матродский — высокий и очень худой, с небольшими голубыми глазами, носом крючком и темными прямыми волосами. Он ходил сгорбившись и не отходил от Анжелы, выполняя каждое ее желание. Но Никита в отличие от Анжелы, на парах иногда мелькал. Анжела пару раз приезжала в универ, как раз на пары декана. В этот раз она появилась, чтобы продемонстрировать норковую шубу. На факультете информатики из студенток в такой шубе пришла только она одна и вызвала зависть большинства студенток. Даже не все преподавательницы могли позволить себе такие дорогие шубы. — Анжела очень богатая. Она не ходила на пары, но сегодня пришла... в норковой шубе, — сказала Ника расстроено: она просто умирала от зависти. И Анжела до сессии больше не появлялась... Ника зимой ходила в бордовом кожаном пальто с большим меховым воротником и бордовой кожаной бандане с двумя завязками сзади, как у пирата, и выглядела тоже в общем-то богато.

Несколько дней держались морозы и все думали, что пары отменят, но универ стойко продолжал работать даже в катастрофические для Краснодара холода. Все краснодарцы достали свои самые теплые вещи и по возможности старались не выходить из дома. Через неделю морозы спали.

— Позавчера было минус двадцать, а сегодня только минус пятнадцать — потеплело, — улыбнулась Вера и пришла в универ в коротенькой легкой куртке, мини-юбочке в синий цветочек, черных колготках и своих любимых фиолетовых сапогах на высоких каблуках под змеиную кожу.

— Точно. Потеплело, — повторила ее слова Олеся. — А завтра будет минус десять, и ты без куртки придешь?..

— А тебе удобно в галолед на таких высоких каблуках? — спросила у Веры Ира.

— Удобно. Шпильки в снег и лед втыкаются, и я иду. Можно сказать, на каблуки опираюсь.

— Понятно...

Первое свидание

Вера Моканова считала, что высоким девушкам непросто найти себе пару. Вера была девушка высокая, метр семьдесят пять, крупная, ширококостная. И она любила носить высокие каблуки, от восьми сантиметров и выше. Поэтому большинство парней были, в лучшем случае, с ней одного роста. Она привыкла смотреть на мужчин сверху вниз. Поэтому она старалась выбирать себе крупных молодых людей. Таких даже на мальчишеском факультете информатики оказалось немного. На экономспециальности училось около шестидесяти человек, и только пять парней были выше Веры на высоких каблуках. Из них самым симпатичным был Егор. Вера сразу обратила внимание на его высокую фигуру – на голову выше остальных парней – среди мелких сверстников. И. Верино внимание не осталось незамеченным.

В начале второго семестра Егор стесняясь пригласил Веру на свидание, и Вера стесняясь согласилась. Они договорились увидеться вечером и весь день писали друг другу приятные эсэмэски.

Вера очень нервничала перед свиданием с Егором. Она тщательно готовилась, несколько часов лежала в ванне, долго прихорашивалась, настаиваясь на романтический лад. Для свидания Вера выбрала самый сексуальный наряд.

Вера постоянно ходила с распущенными волосами. Все ее наряды были откровенны – кофты с декольте, подчеркивающие грудь четвертого размера, мини-юбки или короткие обтягивающие платья, которые часто задирались, и она их стыдливо одергивала. Она редко носила штаны или джинсы. Вера всегда ходила на высоких каблуках и немного сутулилась, комплексую из-за высокого роста.

Вера любила бижутерию, на ее запястьях было много дешевых тонких браслетов, от десяти до двадцати штук на каждом. На предплечьях летом она тоже носила браслеты-полукольца с темным рисунком. У Веры на руках было много массивных продолговатых бижутерных колец: на указательных и средних пальцах. Даже на больших пальцах были крупные металлические односторонние кольца. В ушах Вера носила сержки – большие кольца, у нее было несколько пар и самые огромные только на пару сантиметров не касались плеч.

Егор пригласил Веру в дорогой ресторан, накрыл роскошный стол – занял деньги у Степана, сначала был вежлив и галантен, но потом полез обниматься, целоваться и практически сразу полез под юбку. Вера его оттолкнула и отказала. Егор, разгневанный, ушел и даже не проводил Веру домой. Хорошо, что счет оплатил. Вера вернулась домой одна.

На следующий день Егор рассказывал одноклассникам об их свидании и говорил смеясь:

— Вера шалава, спит со всеми подряд! Она просто шлюха!

Вере, конечно, тут же донесли.

— У нас же ничего не было, — оправдывалась Вера. — Просто посидели в ресторане. Он хотел сразу секса, я ему отказала.

— Вот козел! — Олеся задыхалась от возмущения. — Этот Егор просто козел! Он не должен был так о Вере говорить. Их свидание даже свиданием нельзя назвать. Вот придурок!

— Да, он, конечно, поступил не как джентльмен... — иронически произнесла Ира.

— Ужас, — только и причитала Вера. — Это просто ужас! Какой кошмар! Боже мой! — она закрывала глаза руками, хваталась за голову и истерически смеялась.

Когда смеялась Олеся, она смеялась громко, открыто и искренне, а Вера обычно тихо и нервно хихикала, и ее смех напоминал смех нервного больного.

Не веря своим ушам, Вера быстро сбежала с пар и пошла с подружкой-соседкой Алиной заливать горе джин-тоником. Вера напилась и, придя домой, проплакала весь вечер. Она не понимала, почему кажется легкодоступной, почему производит именно такое впечатление на малознакомых парней — к ней сразу лезут переспать. Она спрашивала себя, что с ней не так. Дома она продолжала пить. Она все плакала и пила. Пила и плакала. Ей было так плохо, что она не знала, как избавиться от внутреннего напряжения и что ей начать разрушать. И она начала разрушать себя. Подойдя к зеркалу, Вера начала кромсать свои длинные ногти и, задыхаясь от рыданий, резать красивые белокурые волосы...

На следующий день Вера не пришла в универ. Она боялась показаться на глаза однокурсникам, боялась снова увидеть Егора. И снова до забытья напилась с Алиной. Олеся разговаривала с Верой каждый день по телефону и убеждала поехать на пары. Говорила, что она все равно не спрячется, а если не будет посещать занятия, ее могут отчислить.

Больше всего Олеся удивлялась тому, что Верина мама даже не знала, какие проблемы у ее дочери, что она не ходит в универ и много пьет. А Верина мама, вдова военного, старалась изо всех сил, много работала и была занята, как ей казалось, более насущными проблемами: ей нужно было накормить, одеть, обуть и дать образование двум дочерям, которых она воспитывала одна...

Через неделю Олеся решила сама поехать к Вере домой и привезти ее в универ. Олеся просто вытащила Веру из постели, сложила ее тетрадки в сумку, выпихала из дома и силком потащила на пары.

Вера, употребив джин-тоника для храбрости, под руку с Олесей появилась в дверях 141 — они приехали к третьей паре, на лекцию по матанализу, пропустив лекцию Доровской. Вера пришла с порезанными ногтями, окрашенными черным лаком и неровно подстриженными волосами, в фиолетовых сапогах с квадратным носом и очень коротком платье. Она

всегда ходила, наклонив голову вбок и уставившись в пол. А сейчас она, краснея и ничего не видя на своем пути, уже сильно пьяная, немного шатаясь, быстро прошла мимо однокурсников и села с Олесей на заднюю парту. Вера с Егором обменялась сухими приветствиями. Вера при поддержке Олеси высидела общую лекцию и даже осталась на практику по матанализу только для шестнадцатой.

Но в универе драмы разыгрываются часто, а трагедии забываются быстро, и уже через неделю никто, кроме отвергнутого Егора и опозоренной Веры, не вспоминал об их первом и единственном свидании.

Четырнадцатое февраля

В день святого Валентина работники деканата ходили в костюмах Купидона, Диана и Елена Владимировна с крылышками, а Кругов с луком и стрелами. Они разносили коробки в форме сердечка и раздавали иногда анонимные, иногда подписанные валентинки. Девчонки шестнадцатой дали открытки-сердечки друг другу.

Женя Резцова в разговорах пару раз упоминала своего молодого человека, которого звали, как ее старшего брата. И предполагалось, что ей есть, кого поздравлять с днем святого Валентина.

Диана Пожарова в день всех влюбленных сильно грустила. Раздав валентинки, она с сотовым телефоном, висящим на поясе, без куртки бегала по улице, покуривала и рассказывала, что она «послана любовью», то есть «любовь ее послала». Диана одиночество воспринимала как личную трагедию... Олеся послала неподписанную валентинку Степану, и, не получив обратной валентинки, громко советовала все еще одинокой Ире: — Достали эти отношения с ровесниками. Надо найди себе какого-нибудь старичка и все! — Вера вздыхала-переживала из-за Егора. Ира не тяготилась своим одиночеством. Но все вокруг переживали из-за одиночества. Ира почувствовала, что она отличается от других, а она не хотела отличаться и тоже решила начать переживать... И она начала...

Весь день всех влюбленных в воздухе витали несбывшиеся мечты, тайные симпатии, невысказанные любовные признания, неловкие взгляды и глубокие вздохи. В этот день особенно остро чувствовалось счастье и благополучие, если его было с кем разделить, и одиночество, если нет. Нормальное желание практически каждого человека быть понятым и любимым, найти себе пару было усиленно. Робкие мечты о счастье обострены. Одиночество гипертрофировано. Завистливые взгляды сопровождали влюбленные парочки. На первом курсе парочек было мало, на экономспе-

циальности только Тая и Слава, и завистливые взгляды облепили их обнимающиеся или держащиеся за ручки фигуры...

Студенты в поисках своих вторых половинок вглядывались в лица однокурсников, пытаясь найти признаки симпатии и заинтересованности. Иногда любой взгляд мог приравняться к признанию в любви и обещаю семейного счастья до гроба.

Все еще одинокие однокурсники договорились после пар «пошататься» по городу, отметить день всех влюбленных. Встретились у входа в университет. Из шестнадцатой пошли Диана Пожарова, неразлучные Дима и Рома, Настя и Диана Усанова, троица Ира, Олеся и Вера. Настя пригласила свою красивую подругу из Армавира, которая училась в техническом университете. Из семнадцатой собирался Джанаров Артем.

Собравшиеся стояли перед главным входом, как всегда несчастная Диана Пожарова обиженно заискивающе смотрела на Настю, подняв и немного наклонив голову вверх и сцепив руки за спиной.

— Хватит уже обижать ребенка, — Настя обняла Диану. — Ну, кто тебя обижает? Дианочка, расскажи мне, кто тебя обидел?

— Меня обидела любовь! — и Диана начинала несчастно жаловаться Насте: — В день всех влюбленных меня никто не любит! — Диана притворно заплакала, уткнувшись Насте в зеленую дубленку. А потом по-детски начала бить ее ладони о свои.

— Нас тут всех никто не любит и нормально, — громко сказала Олеся.

У Пожаровой Дианы обычно был спортивный стиль в одежде, и зимой она ходила в коротких спортивных куртках. Олеся была в коричневом широком пальто выше колена и черных сапогах на высоком каблуке с квадратным носом.

Джанаров Артем опаздывал, его ждали. Стояли около главного входа и мерзли. На звонки Дианы Пожаровой Артем не отвечал, только прислал Диане эсэмэс: «Подъезжаю». Подъезжал он следующие сорок минут.

Тая со Славой вышли из универа, попрощались с однокурсниками, Тая была в короткой серой дубленке с синим внутренним мехом, а Слава в коричневой дубленке с вывернутыми манжетами и воротником. Они решили дома устроить романтический ужин при свечах. Им не надо было искать свою вторую половинку, они уже нашли друг друга.

Пока ждали опаздывающего Артема, Диана начала веселить одногруппников. Она, стоя спиной к Насте и немного вывернув свою руку, держала Настю за руку, ища ее поддержки, и рассказывала:

— У нас на уроке ОБЖ военрук говорил, что при встрече с ним надо отдавать честь, приставлять руку к голове. Я ему, значит, хожу, весь день честь отдаю. А он мне на следующий день говорит, что честь надо отдавать только с покрытой головой, к непокрытой голове руку не приставляют. Или надо ладонь на голову положить, а потом руку приставлять. Я потом ходила, голову ладонью закрывала.

Все рассмеялись.

— Ира, у тебя же одна четверка? — спросила Настя у Иры, уже обнимающая Диану.

— Да, по информатике.

— Одна случайная четверка. Практически отлично. Наверное, следующая сессия будет без четверок.

— Посмотрим.

Настя была в короткой светло-зеленой дубленке, короткой черной кожаной юбке, колготках и высоких черных сапогах. Ира — в длинной серой куртке. Диана Усанова была в рыже-оранжевом кожаном пальто с большим меховым воротником и, покрашенная в рыжий, одеждой и цветом волос напоминала лисичку. Рома и Дима были в черных кожаных куртках и синих джинсах — Рома обтягивающих, Дима — свободных. В сильные холода они оба носили похожие коричневые дубленки на ненатуральном меху.

— Что Джанаров делает дома? Пехается с компьютером? — риторически спросила Настя.

Вера нервно захихикала. Она обычно ходила в короткой черной кожаной куртке, в сильные холода — в короткой темно-зеленой дубленке. Сегодня она была в куртке.

— Давайте не будем ждать Джанарова!

— Давайте! Он к нам потом подъедет, — поддержали остальные, вызвали несколько такси и поехали в центр. Староста Диана послала Артему эсэмэс.

В Краснодаре резкое похолодание сменилось не менее резким потеплением, и четырнадцатое февраля было ветреное и дождливое, плюс семь. Приехали на центральную улицу Красную. Моросил мелкий дождь, дул несильный ветер. В четверг на Красной не было толп, однокурсники после пар были без зонтов. Болтая, немного прогулялись по Красной. На улице было пасмурно и неприятно. Решили «прибоббиться» в недорогой пиццерии около кинотеатра.

Когда уже подходили к пицце, на такси подъехал Артем:

— Все привет! А вот и я, — сказал он, вылезая из машины. Артем был в светло-коричневой дубленке с вывернутыми манжетами рукавов и светлых штанах. Он сразу полез целоваться к Насте Тюкановой и Диане Усановой.

К Джанарову подошла Диана Пожарова. Артем положил руку ей на голову.

— Как удобно быть маленькой! — сказал Артем, несильно тормоша Диану по голове. — Как удобно, как раз подставка для руки, — голова Дианы была подставкой для руки Артема.

Пиццерия была типичная: с витражными окнами, пластиковыми квадратными столами темно-синего цвета, мягкими круглыми стульями на железных ножках, одноразовыми тарелками и приборами и белыми, стопочками сложенными у кассы салфетками. Многие парочки грелись

и прятались от пасмурной погоды... Но однокурсникам посчастливилось занять несколько столиков.

Диана, как староста, «рулила». Дима и Рома ей помогали. Быстренько сделали один общий заказ — несколько пицц и чай. Салаты, десерты или дополнительные напитки заказывали сами. Пацаны заказали пиво.

Артем сразу подсел к Диане Усановой.

Дима заказал фруктовый десерт: целые дольки ананасов, залитые желтым полупрозрачным желе в пластиковом прямоугольном контейнере. Дима попробовал одну ложечку и сразу же предложил:

— Может, кто-то будет десерт, — сказал Дима, глядя только на Настю.

— Ну, давай, — ответила Настя, вроде бы немного сомневаясь, но потом согласившись.

Дима достал одноразовой пластиковой ложкой небольшой прозрачно-желтый железистый кусочек и протянул через весь стол Насте. Она отъела с его ложки:

— Очень вкусно. Давай еще, если не жалко!

— Для тебя не жалко, — не потерялся Дима и добавил. — Для тебя все что угодно!

И снова потянулся с белой одноразовой ложкой через весь стол к Насте.

— Одноразовая ложка — не то, — и Дима пошел к кассе просить обычную железную ложку специально для Насти.

Но кормить Настю с ложечки через весь стол было неудобно, один раз даже его ложка натолкнулась на появившуюся чашку с чаем Настиной подруги, и еще через пару «ложек» Настя демонстративно отсела к Диме, и он продолжил кормить ее своим десертом.

Дима кормил Настю со знанием дела, выгребая все желе до остатка, разрезая ложкой ломтики ананасов, чтобы не осталось ни капельки — так он обычно дома кормил маленькую трехлетнюю племянницу, дочку старшей сестры.

Диана крутилась вокруг Ромы Антошина. Она ходила около его стола, заглядывала ему в рот, пыталась шутить, а потом хихикая предложила покормить Рому пиццей. Он посмотрел на нее серьезно и укоризненно покачал головой:

— Диана, перестань, пожалуйста... — у Ромы тоже была смещенная нижняя челюсть, в школе он носил брекетки.

Диана заискивающе посмотрела ему в глаза, захихикала, но все равно поднесла кусочек пиццы к его рту. — Диана, прекрати! — так же серьезно одернул ее Рома. Диана послушно опустила руку на стул рядом с Ромой и больше не пыталась его накормить.

Артем заигрывал с красавицей Дианой Усановой. Сначала он кормил ее кусочками пиццы.

— Ну, возьми вот этот кусочек! Совсем маленький! Или он не помещается в твой маленький ротик? — говорил Артем, поднося кусочек пиццы ко

рту Дианы. Она сначала осторожно откусила пару кусочков, потом начала отказываться.

– Ну еще один.

– Не хочу я больше, – ненастойчиво говорила она, отодвигая пиццу рукой.

– Тогда может быть мороженое? – Артем заказал еще мороженое в фигурной стеклянной вазочке, достал одноразовую ложку и начал кормить Диану из ложечки, повторяя:

– В твой маленький ротик большая ложечка не поместится. Ну еще кусочек... Ну еще один маленький... – Диана сначала съела пару ложек, а потом смеясь отодвигала ложку рукой, кокетливо улыбалась и отворачивалась:

– Не хочу я больше, – говорила она ненастойчиво и ее тон и интонация подразумевали, что она как раз не против еще ложечки.

– Еще один маленький! Что это за ложка такая! – и Артем пошел к кассе, как и Дима, просить не одноразовую ложку, а обычную железную, самую маленькую, какую только могли найти в пиццерии.

– Вот смотри, маленькая ложечка, как раз для твоего маленького ротика! – Артем пришел с десертной ложкой и предложил Диане еще мороженого.

– Ну, хватит, – Диана игриво отодвигала ложку. – Я не хочу, я уже наелась! – Она обворожительно осторожно смеялась, прикрывая рот рукой.

– Ну еще один... – настойчиво продолжал Артем, – маленький... Неужели уже наелась? Ты ешь совсем мало... Тебя легко прокормить. Женюсь!

Артем решительно поставил вазочку с мороженым на стол и не колебась сказал:

– Раз ты мало ешь, женюсь! Такая жена в хозяйстве пригодится.

– Да ты что! – Диана очаровательно негромко рассмеялась, прикрыв рот рукой. – Да что ты говоришь! – Диана всплеснула белыми руками, не зная, что ответить на это предложение руки и сердца, но, услышав звук полученного эсэмэс, полезла в сумку за телефоном.

– Диану все пытается накормить, и Бнидерт, и Джанаров, – завистливо сказала Диана Пожарова, глядя на них.

– Ну что вы там, голубки? Уже пожениться собрались? – спросил Дима, докармливая Настю, которая смотрела на него влюбленными глазами.

– Да, Джанаров уже женится, – сказала с насмешкой в голосе Олеся...

Диана прочитала эсэмэс и быстро набрала ответ. Буквально через несколько секунд раздался сигнал еще одного эсэмэс.

– Ну что ты все время в телефон смотришь? Это кто тебе пишет? – спрашивал Артем своим стариковским голосом, доверчиво и беззащитно глядя на Диану. – Ну положи телефон. Я же здесь! – Артем несколько раз заглядывал Диане через плечо, чтобы посмотреть на экран ее сотового.

Диана отворачивалась, пряча телефон, смеялась, но все равно читала эсэмэски и быстро отвечала на них:

– Это твой друг мне пишет. Бнидерт.

– Что он тебе пишет? Отложи телефон, – Артем пытался аккуратно забрать у Дианы сотовый, но она быстро убрала телефон в сумку. – Ну иди ко мне, садись ко мне... садись на коленки... – Артем нежно подтянул Диану к себе.

Диана стыдливо пересела на колени к Артему. Пришло еще одно эсэмэс, и опять Диана достала телефон, чтобы ответить Бнидерту.

– Ну что у тебя в телефоне. Выкинь же ты его. Ну вот съешь еще ложечку мороженого! – Артем ненастойчиво пытался забрать у Дианы телефон, она заигрывала с ним, смеялась, но сотовый не отдавала.

– Ну зачем тебе этот телефон. Ну выбрось его. Выбрось. Я же здесь. Зачем тебе кто-то еще? – ворковал Артем.

– Да что ты говоришь! – Диана всплескивала руками и смеялась. Она отодвигала приближающуюся к ее лицу голову Артема и неохотно отворачивалась. Она сидела на коленках у Артема и, нехотя и так же кокетливо сопротивляясь, отбивалась от его настойчивых ухаживаний, и постоянно лезла в сумку ответить на очередное эсэмэс.

И весь вечер, сидя на коленках у Артема, Диана переписывалась с Сашей Бнидертом.

Ира, Олеся и Вера были «для тусовки», сидели в сторонке, молча ели пиццу и смотрели за возникновением новых пар. Потом Диана Пожарова достала фотоаппарат, положила его на стол, все наклонились над фотоаппаратом и сделали общую фотографию.

В день всех влюбленных однокурсники разбились на возможные пары, все парни оказались «при девушках». Диана крутилась вокруг Ромы и повторяла «какой он мужчина», Дима кормил из ложечки Настю, Диана Усанова сидела на коленках у Артема. Красивая подруга Насти весь вечер молчала, только писала эсэмэски своему парню в Армавир – она готовилась к скорой свадьбе...

Артем наконец-то забрал у Дианы телефон и спрятал его в карман.

– Ну что ты сделал? – возмутилась Диана.

Телефон завибрировал и запирикал – пришла еще одна эсэмэска.

– Дай мне телефон! – потребовала она.

– А вот и не отдам... Когда ты сердишься, ты еще красивее, – расточал комплименты Артем.

– Джанаров! Это мой телефон! – настаивала Диана. – Отдай мой телефон! Ты мне муж что ли? – говорила она уже требовательно и настойчиво.

– Ну зачем тебе телефон. Я же здесь!

– Отдай мой телефон! – в воздухе назревал скандал. Диана рассердилась не на шутку и менялась на глазах. Она перестала быть милой, скромной и прелестной, а стала серьезной и раздраженной...

— Дай мой телефон! Не хочу я твое мороженое! — повторила Диана. Она гневно слезла с коленок Артема и пересела на свой стул...

Джанаров все понял и сдался... Он вернул ей сотовый и больше не предлагал Диане мороженое или пиццу...

Доев пиццу, десерты, мороженое, допив чай, расцеловавшись напоследок, однокурсники расселись по такси и разъехались по домам — они отметили, как могли, первый совместный день святого Валентина. Сегодня были заявлены симпатии, которые в будущем могли быть разделены или нет.

В тот вечер Артем проявил несвойственное для себя поведение. Он очень хотел понравиться Диане Усановой и лез из кожи вон: говорил комплименты, кормил из ложечки и даже от неопытности обещал жениться. В школе он вообще считался женоненавистником и любил повторять, что все проблемы из-за девчонок. Потом Егор говорил, что Артем первый раз в жизни так себя вел. И первый раз получил молчаливый отказ: ему предпочли его лучшего друга...

На перемене

В универе аудитории перед парами обычно были открыты, и студенты заходили на переменах в аудитории, рассаживались, некоторые доставали тетрадки и готовились к паре, некоторые болтали с одногруппниками.

На эту практику по матанализу в понедельник собралась практически вся группа. В 142 аудитории по практике было два ряда по три стола в каждом. Столы были длинные, четырехместные. На первом ряду у окна, напротив стола преподавателя, сидели Женя с Таей, а рядом с ними Вероника с Лерой.

Женя Резцова и Тая, «помешанные на учебе», как говорил Егор, на перемене сверяли решения примеров, заглядывая друг к другу в тетрадки. Около Жени лежал большой калькулятор, на пары она носила большой бухгалтерский калькулятор своей мамы или небольшой инженерный калькулятор старшего брата.

Женя сидела, положив согнутую левую ногу на коленку правой, так что ее ступня лежала на правой коленке и практически пачкала подошвой свои джинсы и соседку по парте, в данном случае Таю. Женя иногда стояла «вывернув ногу углом» и так же сидела. — Пожалуйста, не пачкай меня, — попросила Тая. Женя отодвинулась, а, испачкав Таю еще раз, совсем убрала ногу.

Женя на парах иногда, когда смотрела на доску, надевала очки в тонкой металлической овальной оправе золотистого цвета — у нее было зрение минус три. Остальное время она ходила без очков.

Рядом Вероника и Лера дорешивали задачи, дописывали и смотрели ответы. Лера вечно улыбалась и что-то по секрету шептала Нике на ушко. Лера на калькуляторе досчитывала примеры – она всегда считала на калькуляторе. Ника сидела и мерила ногти, сравнивала ногти на указательных пальцах по длине, чтобы они были примерно одинаковыми. Ее выпуклые ногти с длинной ногтевой пластиной были покрашены блестящим бордовым лаком.

На первой парте в ряду у двери сидела одна Ира. Олеся и Вера редко садились к ней на первую парту: Вера панически боялась первых парт и почти всегда с Олесей отсаживалась за последнюю. Иногда на практиках к Ире подсаживалась Пожарова Диана.

В школе Ира и Вера не очень дружили, Ира сидела на первой парте в среднем ряду. А Вера на последней. И сейчас одноклассницы как будто заново узнавали друг друга. – Ира, какой человек! – однажды Вера пересказала Ире, как теперь говорила о ней бывшей соседке по парте.

За последним третьим столом в ряду у окна сидели Настя, Диана Усанова, Олеся и Вера. Они могли сесть за вторую парту за Женей и Таей, но предпочли отсесть за третий стол, чтобы наверняка сидеть на последней парте. На второй стол сложили вещи и сумки. Настя Тюканова и Диана Усанова не переставая весело смеялись.

За Ирой сидели Дима и Рома. На последней парте в ряду у двери сидели неразлучные Глеб, Вася и Антон. Только Анжела как всегда отсутствовала.

Настя часто вставала и подходила к Диме. Она находила разные предлоги, то тянула его за рукав, то заглядывала в телефон, то забирала тетрадку.

Вася сидел, рассматривая свой простой карандаш с нарисованной на нем таблицей умножения. Он пользовался подставкой для учебников и всегда ставил на эту подставку тетрадь, когда читал. Вася иногда чесал голову стержнем ручки, как будто писал ручкой по голове, и между волос у него оставались следы от синих чернил.

Ушанков немного задерживался. Как говорил Кругов, это студенты опаздывают, а преподаватели задерживаются. Одногруппники закрыли дверь, чтобы не привлекать лишнее внимание и стали ждать преподавателя.

В аудиторию неуверенно вошла Диана Пожарова, она немного опоздала – задержали в деканате. Диана была расстроена – получила нагоняй от Егора Соколова. Она перепутала в расписании номера аудиторий, и семнадцатая не у той аудитории ждала преподавателя. Диана подошла к Насте Тюкановой и жалобно на нее посмотрела, собираясь пятой сесть за стол.

– Кто обидел ребенка? – спросила Настя. – Дуня, кто тебя обидел? – староста Диана сама попросила называть себя Дуней – ей нравились смешные названия.

В ответ Диана только грустно хмыкнула.

— Как ее можно обижать? Ну вы посмотрите на ребенка! — Настя выпучила выпирающую нижнюю губу и начала брынькать по ней, как по струне. — Ребенок-инвалид, — а Диана на самом деле была инвалидом. — Кто обидел ребенка-инвалида? — Диана несчастно посмотрела на Настю: когда Пожарова искала поддержки и сочувствия, она всегда их находила у Тюкановой.

— Мне Слава сказал, что Диана напутала с расписанием и сорвала практику по экономике, — сказала Тая.

— Семнадцатая прям сильно расстроилась, что у них сорвалась пара, — засмеялась Олеся.

— У семнадцатой пара сорвалась. Из-за нее... — сердито сказала Женья, которая практически во всем поддерживала Таю. — Егор ее правильно отчитал!

— Ну хватит уже ругать Дианочку! Вы посмотрите, в деканате работает, нам всем помогает, а вы все на нее накинулись... — защищала Диану Настя.

— Ну да... — грустно ответила Диана.

— Диана, забей!

— Дуня напутала — ну с кем не бывает... — Глеб всех постоянно объединял и примирял. Он крутил на столе маленькую юлу и называл ее волчком.

— Вы посмотрите на ребенка-сироту... — показала Настя на Васю. — Такой прям ой ты боже мой. — Вася чесал ручкой голову.

Дима и Рома постоянно друг над другом подшучивали, рассказывали анекдоты, «опускали» друг друга как могли, с ними всегда было весело. Староста Диана решила, что быть пятой за столом — это много, и пересела за парту к Диме и Роме и достала учебник и тетрадки. Она часто крутилась рядом с ними и тоже любила рассказывать анекдоты...

Вера полулежала на столе, положив голову на сложенные руки и упершись в них лбом, как будто спала. Рядом с Верой лежали ее промокашки. Вера была левшой и в школе всегда пользовалась черновиками и промокашками, чтобы левой рукой не размазывать пасту от уже написанного. В универе она сохранила эту привычку.

— У Верухи вчера был сложный день, — объясняла Олеся.

— Вера в воскресенье всю ночь отрывалась на дискотеке? — спросил Глеб.

Вера ничего не ответила, только нервно хихикнула и продолжала полудремать — отсыпаться на перемене. В разговорах Вера, как и Ира, в основном слушала одноклассников, молчала, только иногда поддерживая всеобщее мнение, кивала или качала головой, округляла и расширяла глаза или иногда истерично и нервно хихикала в тему и не в тему. Вера о своей ночной дискотечной жизни не рассказывала, о ней одноклассники только догадывались. Она часто ходила на дискотеки с соседями по двору

и иногда пересекалась там с Катей Сидоровой, которая тоже стала завсегдаем дискотек.

– Йопс-тудей, – Вера, полулежа на столе, скинула локтем пенал, но быстро подняла его.

– До стипендии еще две недели. У кого бы перезанять, чтобы переотдать? – спросила Настя, смеясь и запрокинув голову. Обычно, она занимала у богатого Бнидерта. Смеялась она громко и заливисто, так, что слышало полкоридора.

Диана начала внимательно обсматривать Димину голову. Она ковырялась у него в голове, перебирая волосы, и щелкала ногтями, как будто давила вшей.

– Одним словом – мармазетки, – прокомментировал Глеб, показав рукой на Диану, Рому и Диму.

– Мармазетки! Хе-хе... – вторила Глебу Диана Пожарова. Дима и Рома тоже рассмеялись.

– А кто такие мармазетки? – спросила незаметная Ира.

– Это маленькие обезьянки, – ответил Глеб.

– Олеся, а как там твои мемуары? Пишешь о нас? – заинтересованно спросила Ника.

– Нет! – махнула рукой Олеся. Первые полгода она вела дневник, где записывала все события и новые впечатления. Через полгода она свой дневник забросила.

– Мемуары не пошли? – спросил Глеб. – Олеся, ты пиши! Мне одна гадалка предсказала, что я буду учиться с одной писательницей. Может, это ты?

– Или Ника, – сказала Лера. – Она интересуется литературой. И даже ходит в литобщество.

– Да ты что! Тогда это точно Ника, – сказал Глеб.

– Или Тая, – добавила Женя. – Она тоже пробует писать...

– Девчонки, ну что там задали по матану? – спросил Глеб, как будто опомнившись.

– А ты разве домашку не делал? – с улыбкой спросила Лера.

– Девчонки, ну о чем вы? Когда я на выходных делал матан? Я только из дома приехал, – Глеб откинул голову назад и погладил живот. Его тон и интонация подразумевали, что ему задают глупые вопросы.

– Глеб, брось, ты никогда домашнее не делаешь, – добавила Ника, повернувшись к Глебу.

– Ну почему, иногда делаю... – оправдывался Глеб.

– Как ты вообще будешь вторую сессию сдавать? Ты вообще думал? – не унималась Ника.

Глеб растерявшись молчал.

– Глеб вообще... – махнула на него рукой Ника. – Ничего не делает, ничего не знает...

– Да, Глеб... у тебя два хвоста, – сказала Пожарова Диана.

– Дуня, и ты туда же. Не напоминайте, пожалуйста...
– Ну хватит, а то на него все набросились, – бросилась защищать Глеба Женя.

Вечно обиженный Антон с грустно-недовольным выражением лица заглянул в тетрадку Глеба, ничего там не нашел, потом Васи – тоже пусто, и обратился за помощью к одноклассникам:

– Ну, кто делал домашку, девчонки!
– Димчик, пс... А ты делал домашку? – продолжал искать у кого бы списать Глеб.

– Ну так тебе сказать... Выходные... – Дима развел руками.
– Понятно...
– Тайка, ну ты точно делала! Я с тобой дружу! А то с мармозетками кашу не сварить! Что задали? Дай списать!

– Тай, мы с тобой дружим! – подхватил жалобно Антон.
Глеб с Антоном быстренько пересели за вторую парту к Тае, за ними пересел Вася. Вещи перетасили за свой новый стол.

– Тая, пс, пс... Тайка... – Обликова повернулась к нему с решенным домашним заданием и отдала тетрадь. – Только быстро, а то сейчас Ушанков придет! – Антон с Глебом положили Таину тетрадку на стол между собой и начали списывать решения примеров из домашнего задания. Вася сидел сбоку и не видел, что написано в Таиной тетрадке, поэтому засунул нос в тетрадку Глеба и тоже быстро списывал у него. Глеб списывал у Таи, Вася списывал у Глеба – так они списывали «паровозиком».

У Васи было плохое зрение, но он стеснялся носить очки и, чтобы рассмотреть написанное, приближал к себе тетрадки или учебники или сам вставал за партой и нагибался к книге или тетрадке. И иногда вставал посмотреть, что написано в тетрадке Глеба.

– У нас эта сессия – вообще жуть, – сказал Дима. – Будут те же математика, информатика и линейка, но еще добавится Горовой и английский с экономикой.

Послышалось Верино нервное больное хихиканье.

– Ужас, кошмар, – Вера полулежала за партой, скрестив руки на столе, положив на них голову и закрыв глаза. Она даже не пыталась списать домашку. – Я не пересдам информатику. Я ее никогда не сдам! И меня отчислят! Информатика! О Боже! Какой ужас...

– Да все ты сдашь, надо просто выучить!

Вера уже использовала одну попытку пересдать экзамен по информатике – неудачно. В третий раз, считая экзамен и единый день пересдач, она не сдала Кругову: информатика Вере совсем не давалась. Поступила не туда – решила Ира.

– Английский! – Вася тоже схватился за голову: он вообще не понимал английский.

– Прекращайте это соплежуйство, – сказала им Настя, – первую же сессию сдали, и вторую тоже сдадим...

— По английскому у всех будут самоэкзамены — пятерки! — засмеялся Рома.

— Ну да, — хмыкнула Диана.

— Ага! Самоэкзаменом пятерки! А губозакатинчика вам не надо? — тут же ответила Настя. Она прислонила кулак ко лбу и громко засмеялась, глядя в стол.

— Для твоего самокрасного самодиплома нужны только пятерки! — сказал Рома.

— Ага, а еще самоэкзамены по линейке, матану и Кругову, — подхватил Дима.

— И Горовому... — добавил Глеб. Им нравилась дразнить Настю.

— Я вас тоже очень люблю, — она не осталась в долгу.

— Кошмар, — одновременно с Настей сказала Вера и вздохнула.

— Горовой говорит, мы тут все решать не умеем! — сказал Рома.

— Ну я решать умею, — с интонацией, не терпящей возражения, сказала Женья Резцова, как бы противопоставляя себя всем остальным.

Вера на последней парте опять вздохнула.

— А вы знаете, что? — заговорщически громким шепотом сказала Настя. — Джанар и Бнидерт участвовали в одной заварушке. Бнидерт привел Джанарова в свою компанию, со всеми познакомил... Бнидерт сам рано ушел домой, а Артем остался. Начались разборки, одного парня покалечили — не сильно, вызвали милицию. Теперь у Артема проблемы. В общем, Бнидерт Джанарова втянул, а сам вовремя свалил...

— Думаете, Бнидерт специально?

— Нет, думаю, нет, — уверенно сказал Глеб.

— А давайте узнаем! С Бнидертом поговорим! — предложила Вера, приподнявшись и подперев голову рукой.

— Я просто стесняюсь спросить, как вы считаете, Джанаров будет теперь с Бнидертом дружить после этого?.. — спросила Настя.

— Кто что думает? — Вера неожиданно оживилась и засуетилась. Ира подумала, что сейчас Вера скажет: «Давайте делать ставки».

— Ой, нет, Веруха, — отмахнулся от нее Глеб. — Давайте не будем!

Ника повернулась к мальчишкам на второй парте и стала забирать у них тетрадку Тай:

— Глеб, ну хватит! Вы уже все списали. Глеб, давай тетрадку, мне надо быстро. Я кое-что посмотрю и отдам! — Ника преувеличенно сильно трясла Глеба за рукав. Она всегда немного переигрывала.

— Ну Ника! Сейчас... — Глеб не отдавал тетрадку и быстро дописывал решения.

— Ждем преподавателя двадцать минут и уходим!

— Сколько уже прошло?

— Пятнадцать, или восемнадцать...

— Можно уходить...

— Может, сходить в деканат, узнать, будет ли пара? — неуверенно ска-

зала Тая.

– Давайте не будем никуда ходить!

– Вы издеваетесь? Пары нет и идти узнавать?

– Надо узнать! – поддержала Женья.

– Ну, кто метнется кабанчиком? – спросила Настя.

– Староста, наверное...

– Или кто предложил!

– Настя, сходи...

– Да, Настя, метнись кабанчиком! Сходи в деканат! – сказал Глеб.

– Прям сейчас! – запрокинув голову, засмеялась Настя. – Только разбегись!

– Тебе нужен, как ты говоришь, волшебный пендель?

– Ладно, я схожу! Пойдемте со мной! – Диана попросила Диму и Рому. Она помнила про сорванную практику семнадцатой группы.

– Вот, правильно! Мармазетки сходят! – усмехнулся Глеб.

– Нет, я не пойду узнавать. А то вдруг еще пара будет! – сказал Рома.

– Ну, пожалуйста, – Диана преданно посмотрела Роме в лицо, наклонила голову и быстро заморгала.

– Ну ладно. Пошли, – Дима с Ромой решили сопроводить Диану в деканат.

– Тише вы! Ушанков идет, – Дима подошел к двери и выглянул в коридор.

– Ну вот! А я думал, пару отменят... – Рома обиженно оттопырил нижнюю губу.

Открылась дверь, все притихли, в аудиторию с черной папкой в руке вошел Ушанков, и началась обычная пара, каких за пять лет обучения, будут тысячи...

День факультета

В начале марта на доске объявлений повесили сообщение, что через несколько недель отмечается день факультета, и началась подготовка к празднику. Всем желающим участвовать сказали прийти в 216 к Никоненко Галине Павловне, которая отвечала за организацию праздника, подбирала номера, сочиняла песни и ставила танцы.

Галина Павловна Никоненко или ГП, как ее часто называли на факультете, заместитель декана по воспитательной работе, ведущий инженер, заведовала компьютерной 216. Галине Павловне было под пятьдесят. Она была невысокая, полная, с большим животом, коротковолосая, с толстой шеей, уже седая, но крашения в пепельно темно-русый, часто с отросшими

седыми корнями. У нее были небольшие глаза под бесцветными бровями и маленький рот. Она практически не пользовалась косметикой и была часто неопрятно одета.

ГП хорошо преподавала аппаратное обеспечение, говорили, что она лучший препод «железа» в городе. Она любила кричать на студентов и со своими лаборантами говорила только в приказном тоне. Неместная, она с сыновьями жила в коммунальной однушке, заваленной книгами по «железу» и разными хламом.

Говорили, что она в разводе. У нее было два сына, и говорили, что старшего Гену, она усыновила. Гена был невысокий, большеголовый и большеротый, начинающий лысеть, со стариковским голосом. Когда он смеялся, то неестественно нервно тряс головой, совершая кивательные движения... Гена защитил кандидатскую диссертацию на факультете, работал сисадмином в 216 и на полставки преподавателем. Младший сын Роман, похожий на ГП, тихий и молчаливый, неуверенно ходил по факультету. Он неплохо учился на третьем курсе основной специальности и встречался с первой красавицей факультета, по совместительству председателем профкома. У сыновей ГП были сложные взаимоотношения: Роман не очень любил Гену.

Желающие участвовать в дне факультета пришли в 216, где их уже ждал Гена Никоненко. Из шестнадцатой группы желающими были староста Диана, Тая, Олеся и Ира. Заинтересовавшимся Гена ставил фонограммы и демонстрировал номера прошлых лет, ставил записи разных концертов и минусовку, показывал тексты песен, многие из которых были написаны ГП. Гена не забыл упомянуть, что все номера, придуманные ГП, охраняются авторским правом и не должны выйти за пределы факультета. Он, как и все лаборанты и преподаватели, был фанатом своего факультета, любил рассказывать истории о преподах, показывать фотографии прошлых физкультурминут, дней факультета, первокурсника и пограничника...

Теперь каждый день после пар Ира, Олеся и Диана шли в 216, где заводили новые знакомства...

После того, как Степан Дашевицкий молчаливо дал понять Олеся, что она ему не нравится, отвергнутая Олеся решила обратить внимание на мужчину постарше. Ее заинтересовал Борис Станиславович Якутенко — молодой аспирант кафедры прикладной математики.

Борис Станиславович или БС, как его называли в 216, светловолосый, недавно начавший лысеть, с красным лицом и большой прямоугольной головой на короткой красной шее, высокий и немного полный. Он говорил тихим мягким голосом и скромно улыбался. У него был высокий «дружеский» голос без хрипоты или баса. В форме его губ было что-то утиное. Ему было двадцать семь, но он выглядел на все тридцать пять. БС на левой руке носил печатку в виде змеи и в 216 его иногда называли «Змием». Он не так давно приехал из провинции и устроился преподавателем и сисадмином в компьютерных классах. У экономспециальности на втором курсе

он вел практику по дифференциальным уравнениям. Борис Станиславович встречался со студенткой третьего курса отличницей Наташей. На переменах они часто закрывались в лаборантских и выходили довольные и счастливые...

В 216 лаборантом работала второкурсница матметодов Даша Владимировна. Смуглая, с темными волосами по плечи, раскосыми глазами, черными бровями и пухлыми губами. Дашу не заметить было невозможно: при росте метр восемьдесят, ее вес был не меньше ста тридцати килограммов. Она постоянно провоцировала других своей полнотой.

Даша просто поражала своей активностью и коммуникабельностью. Она была старостой группы, лаборантом у ГП и сотрудником профкома. Она участвовала в самодеятельности, организовывала праздники и просто жила в универе — безвылазно сидела в лаборантской или в профкоме.

Говорили, что она окончила школу с серебряной медалью. Даша была из богатой семьи, шила себе дубленки на заказ, но работала за копейки лаборантом и терпела прилюдные унижения ГП ради покровительства и защиты на сложных экзаменах. Она дружила и с председателем профкома, и с дочерью Никитова, и с Геней и Ромой Никоненко. И спала со всеми желающими преподавателями и аспирантами факультета...

Даша встречалась с симпатичным четверокурсником Сережей Нагорбским, из глухой деревни. На каникулах ездила знакомиться с его родителями. Когда родители увидели Дашу, необъятного роста и веса, мама сказала, что ее сын достоин большего, как минимум меньшего. Сто тридцать килограммов счастья они не одобрили. И связь Нагорбского с Дашей стала тайной и периодической...

После репетиций Гена с БС часто задерживались в 216, готовя номера. И Гена говорил БС:

— Даша спит со всеми не ради оценок, а просто так. Безотказная. Все сама учит, сама сдает. Хорошо учится — отличница. Но никогда никому не отказывает, — Гена отхлебнул чаю. — Называет Горового Сашей и жалеет его. Жалее, какая у него жизнь сложная. Старший сын универ бросил, в армию собрался по контракту служить, младший вообще учиться не хочет. Сыновья не в отца пошли, — Гена отхлебнул еще чаю и поставил кружку на стол...

— У Горового есть жена, чтобы его жалеть, — отвечал БС.

В это время на кафедре численного анализа Даша сидела около Горового, на коленях не помещалась, запускала руки в его волосы и гладила по голове. А он рассказывал ей о непонимании жены, о трудностях на работе. О двух сыновьях-бездарях, спортсменах, принимающих анаболики, о прорванной дома канализации, о мечтах о внуках.

— Хорошая ты баба, Даша. Понимаешь мужчин, — говорил ей Горовой, застегивая ширинку...

— Она не милая добрая фея, — однажды сказала о Даше Олеся.

Активная Даша участвовала во многих концертных номерах. На репетициях Кругов, Галина Павловна и Гена с опаской смотрели на Дашу, прыгающую и бегающую по деревянной сцене.

— Когда Даша бегаёт, под ней сцена не проваливается? — пошутил Кругов. Все засмеялись. Кругов, как декан, мог позволить себе такие шутки.

Но смотрителю зала, Михаилу Владимировичу, было не до смеха. Он со страхом наблюдал за Дашей, примерно складывал вес всех выступающих на сцене с учетом Даши и просил допустимую норму — триста килограммов — не превышать. Поэтому в номерах с Дашей остальные участники были худенькие и легкие.

— А что вы смеетесь, несколько лет назад один тоже так скакал по сцене, и, представляете, сцена провалилась. Вот посмотрите, пару новых досок заменили с тех пор, — объяснял Кругов, показывая пальцем на доски в середине сцены...

Подготовка ко дню факультета шла полным ходом. После пар прямо в коридоре около туалета репетировали танцы. Полную Олесю танцевать не взяли. В 216 всей лаборантской сочиняли тексты песен, аспиранты, преподавы, в том числе и Кругов, пели в микрофон. Гена записывал их голоса, нарезал фонограммы и накладывал их на минусовку, создавая концертные номера. В деканате продавали билеты на концерт.

Перед праздником в 216 шли последние приготовления. Без спиртного не обходилось. ГП сидела и пила вместе с парнями. — И что она с ними сидит? — удивлялась Олеся. — С молодыми заигрывает. — Это чтобы они не напивались перед концертом! — отвечала ей Даша Владимирова. — В прошлом году они так перед праздником напились, что чуть весь концерт не сорвали!

За день до праздника Кругов чихал, часто сморкался в носовой платок и ходил с кружкой, пахнущей лекарствами. И весь факультет был уверен, что декан на праздник не придет. Но в назначенный день Кругов чудесным образом выздоровел и отплясывал наравне с первокурсниками и пел под фонограмму с другими преподами.

В день факультета доска объявлений, двери деканата и кафедр были живописно украшены ленточками, гирляндами и фонариками. Галина Павловна с новой прической, покраской и укладкой почти все время находилась за кулисами, отдавала последние распоряжения, наставления перед выступлениями, раздавала тумачи и затрещины.

Диана Пожарова со старшекурсником торжественно вынесли знамя факультета. Концерт начался с песни:

Факультет информатики — наш дом родной,
И стали мы с тобой одной семьей.
Все-таки, как ни крути.
А лучше факультета не найти!

Ира, Диана, Тая и несколько старшекурсниц танцевали в русских народных костюмах — черных коротких юбках, белых кофтах и фартуках в розовый горошек, с ленточками с цветами на лбах. Они бегали, прыгали, кружились в хороводе и махали поднятыми руками. В конце танца из-за кулис в середине сцены появлялся декан в костюме казака. Кругов вышел в белой папахе, синих шароварах, подпоясанный желтым поясом, желто-зеленом кафтане без рукавов и красном галстуке. Зал разразился аплодисментами. Пляска продолжилась вокруг декана. Потом вышла Галина Павловна в таком же костюме, но в вышитой крестиком рубашке. Танцующие закружились вокруг нее, и танец продолжался уже с Круговым и ГП, открывающими рот под фонограмму. Танцующие разбились на пары — Кругов с ГП — и образовывали ручеек, парами взявшись за руки, они «перетекали» из конца ручейка в начало... Кругов с ГП бегали за ручки, а в конце танца оказались в начале «ручейка». Они подняли и вытянули вперед сомкнутые руки и стали похожи на рабочего и колхозницу — символ советской эпохи, уже десятилетие как закончившейся.

ГП на репетициях рассказывала, что костюмы казаков не были исторически достоверны, намешаны из костюмов разных регионов, частично кубанских казаков, частично донских, но на факультете информатики решили не следить за исторической достоверностью...

Шестнадцатая группа присутствовала на дне факультета в полном составе. Выступив, Ира, Олеся и Диана шли в зал и смотрели выступления других участников. Когда приближался их номер, они возвращались за кулисы готовиться, переодеваться.

Каждый раз, когда появлялся Кругов в бессменном костюме казака, зал разрывался аплодисментами. Кругов запевал с Горовым и Ушанковым тоже в костюмах казаков про отчисление нерадивых студентов. Преподаватели стояли, довольные друг другом и пели под фонограмму:

...Ну, друзья, что вам сказать:

А я буду отчислять!

А мы будем отчислять!

Во время музыкального проигрыша, Кругов уже без фонограммы перешел на речитатив:

— Ну, что Иван Дмитриевич, отчисляем?

— Отчисляем! — благосклонно махал рукой как всегда улыбающийся Ушанков.

— И этого отчисляем, Александр Викторович?

— И этого отчисляем! — со своей обычной улыбкой довольного кота утверждал Горовой.

— Отчисляйте... не сомневайтесь! — подбадривал Ушанков.

— Если сомневаетесь, три ставить или два, смело ставьте два! — воодушевлял Кругов.

– Ставьте два, – вторили ему Горовой и Ушанков.
– Если сомневаетесь, три ставить или четыре, ставьте два! – убеждал Горовой.

– Ставьте два! – поддакивали Кругов и Ушанков.

– Четыре или пять?

– Ставьте два!

Они поворачивались друг к другу и согласно кивали головами:

– Если сомневаетесь, отчислять или нет, значит, надо отчислять! – одобрял Кругов.

– Правильно! Надо отчислять! – уверенно поддержали остальные.

И они дружно решили всех отчислять:

...Ну, друзья, что вам сказать:

А я буду отчислять!

А мы будем отчислять! – с молодецким задором закончили они.

Студенты были в восторге от категоричности любимых преподавателей. Зал захлебывался от рукоплесканий. Многие хлопали стоя. Студенты, наверно, просто не поняли, о чем песня.

Вышел Першин Сергей, молодой преподаватель информатики, работающий в филиале. Высокий, подстриженный под ежик, с большими глазами под темными густыми бровями, в джинсах и светлом свитере крупной вязки, «деревенском», как такие свитеры называла Ира. Он вышел с гитарой и без фонограммы спел незапоминающуюся энергичную песню под свой простой аккомпанемент. Его встречали овациями и провожали стоя. Ира так и не поняла, что особенного было в его номере, и подумала, что ему аплодировали больше, чем предыдущему трио. И больше, чем заслуживал его номер.

Олеся, староста Диана и Ира пели жалобную песню, как сложно сдать Ушанкову матанализ. Они, белый верх, черный низ – Олеся в центре – стояли у микрофонов и открывали рот под предварительно записанную фонограмму:

Я знаю все билеты кроме одного,
Не повезло, вытянула именно его...
Теоремы все я знаю наизусть,
Конец экзамена уж близок, ну и пусть...
Иван Дмитриевич, ну не ставьте два!
Я честно выучу и сдам завтра с утра...

Борис Станиславович в синенькой косыночке и коротеньком платьице с большим разрезом, в котором была видна красная шея и растительность на его голой красной груди, в мужских туфлях и высоких темных носках, с волосатыми ногами, за руку с молодым светловолосым аспирантом тоже

в платье и косыночке, улыбаясь, танцевал русский народный танец. Они, взявшись за руки, кружились под медленную мелодию, делали ковырялочку, приплясывали и притопывали.

Олеся захлебывалась от восторга:

— БС такой классный! Он зрелый, взрослый мужчина. Не то, что эти мальчишки-одноруппники... И он не стеснительный, может выйти на сцену в женском платье и сплясать!

Олеся предложила Ире обратить внимание на аспиранта, с которым танцевал БС:

— Он такой сексуальный, такой скромный! — Олесе нужно была компания, чтобы кого-то любить и по кому-то вздыхать. Но Ира не считала его очень сексуальным и ей не нравились блондины.

Ира участвовала в коротком номере «пробежке», который повторялся несколько раз, соединяя разные части и создавая ощущение целостности концерта. Под веселую легкую музыку Ира на роликах в оранжевых «факкультетских» трусах в цветочек и бело-красной футболке ездил за ручку с третьекурсницей, невысокой полной блондинкой-отличницей в черных лосинах, черной майке и черной обтягивающей тонкой шапочке. Они на роликах ездил по сцене, останавливались на середине сцены, делали ковырялочку и уезжали. На заднем плане из одного конца сцены в другой группа студентов в купальниках и пляжных шортах, неспешно виляя попами, цепочкой танцевала ламбаду. Студентка третьего курса, с рыжим каре, в лохмотьях, не гнибая рук и ног, пробежала из одного конца сцены в другой. В это время Даша Владимирова в розово-голубом атласном костюме клоуна, сшитом за ее счет на заказ специально под ее фигуру, в высоком синем колпаке с желтыми звездами, с большим желто-зеленым пляжным мячиком скакала по сцене, трясла всеми сто тридцатью килограммами, подбрасывала мячик, ловила, отбивала мячик об пол. Сцена не провалилась... А около сцены стоял грустный зритель зала и печально смотрел на Дашу.

Он мужественно держался, наблюдая за Дашей на сцене, и стойко не отворачивался, только становился все грустнее и несчастнее. Он напряженно наблюдал за скачущей Дашей на сцене, скептически смотрел на нее, напрягался при очередном ее прыжке, готовый в любой момент услышать треск проваливающихся досок и бежать доставать Дашу из-под сцены. Когда Даша благополучно приземлялась, он выдыхал с облегчением. Потом при очередном прыжке опять напрягался... готовый к чему угодно. И просил, чтобы она бегала и прыгала по краю сцены, ближе к зрителям, где сцена прочнее.

— Спускайте Дашу со сцены, — кричал за кулисами Кругов перед последней пробежкой. — Михаила Владимировича пожалейте!

Последнюю пробежку отменили...

Третий курс Ирина напарница с роликами закончит с тройками, которые будет собираться пересдать на пятом курсе, но на четвертом будет отчислена за неупеваемость...

Вышло трио молодых людей в клетчатых юбках-шотландках: молодой аспирант, с которым танцевал БС, второкурсник матметодов Ваня Казимиров и полный первокурсник. Они танцевали в белых носочках и черных туфлях. Во время танца они задирали юбки, стоя спиной, демонстрировали то одну, то другую волосатую ногу — ставили ее на носочек и кокетливо оголяли до бедра — вертели попами и, положив на них ладони, приседали, как в стриптизе. Они прыгали и скакали, задирали ноги и крутили юбками, имитируя кордебалет.

Глеб Бухаров с другом спели песню про жизнь в общежитии... Глеб держал воздушный шарик, а его друг играл на гитаре.

Елена Владимировна в желто-белом платье и на высокой танкетке танцевала с простыней. Сначала она развешивала недавно постиранное белье под веселую шуточную мелодию. Вдруг одна простынь как бы ожила и стала ее кавалером, и она танцевала с простыней, но на самом деле одна.

Даша со смуглым пятикурсником пели:

Разбираешь, ты задачу как решать,
Изучаешь, как теоремы доказать,
как примеры вычислять.
Догоняешь, как интегралы посчитать,
как программу написать,
И не можешь, ничешеньки понять!
Ты не знаешь, как экзамены сдавать,
как шпаргалки доставать,
на вопросы отвечать...
Умоляешь, тебе тройку подарить,
на экзамене не валить...

Даша делала акцент на последнем слого. Она «ешь» каждый раз просто выкрикивала.

Елена Владимировна с молодым аспирантом-блондином танцевали танго.

Старшекурсница в темной шляпе и с черным галстуком со стулом танцевала стриптиз.

Несколько старшекурсников и аспирантов тоже в разноцветных платочках и коротких платьях с волосатыми ногами, в мужских туфлях водили хоровод. Они вели плечами, поднимали руки и махали платочками.

Казалось, что сами участвовавшие преподаватели ловили кайф и «тащились» от дня факультета. Студенты и преподаватели пели и плясали — «зажигали», забыв про свой возраст и статус. Видно было, что и Кругову, и Горовову, и Ушанкову нравилось петь про отчисление... Аспирантам нравилось танцевать в женских платьях. Студентам нравилось открывать рот под фонограмму.

В конце многие участники вышли на сцену петь гимн факультета. Преподаватели и некоторые старшекурсники пели со своих мест. Зрители аплодировали стоя, и все, кто еще не понял, на какой классный факультет они поступили, теперь, наконец, поняли!

После концерта зрители нехотя разошлись, желающие сделали памятные фотки с уже переодетым деканом и преподами. Галина Павловна предложила всем участникам продолжить праздник за уже накрытым столом в 111...

Через несколько лет после окончания универа Ира с Олесей и Верой придут на день факультета, уже не в университет, а в концертный зал около администрации, и концерт покажется им банальным неумелым кружком самодеятельности, с безголосыми студентами, плоскими шутками и уставшими преподавателями. Они не просидят и часа. Разочарованные, пойдут вместе в кафе...

После праздника

После концерта всем участникам подарили сшитые мягкие золотые сердечки – сердца факультета. А Галине Павловне подарили самое большое – она была самым большим сердцем факультета.

За столом 111 оказались все лаборанты ГП, Даша Владимировна, светловолосый, большеголовый аспирант Саша Нинельский, невысокий и остроносый, в белой легкой рубашке; преподаватель информатики Сергей Першин в теплом «деревенском» свитере, Гена и Рома Никоненко, новички Ира, Олеся и Диана Пожарова. Борис Станиславович давно дружил с Сашей Нинельским и Сергеем Першиным. Из деканата пришла Елена Владимировна и села за общий стол – она была своей в компании ГП. Здесь оказался и Ваня Казимиров.

Ваня Казимиров, среднего роста, темноволосый, круглолицый и остроносый, немного полный, с вывернутыми ногами, узкими плечами, округлым животом абсолютно без талии, был на курс старше Иры. У него было красное пропитое лицо с небольшой растительностью. Он ходил в неизменном «деревенском» свитере, курил дешевые крепкие сигареты и был любителем пива. Он приехал из Абинска и учился на договоре по целевому – за его обучение платило предприятие, на котором работал отец. Со второго курса у отца Вани начались проблемы с деньгами, он увольнялся с работы и уже не мог оплачивать Ванин договор. Ванино обучение заканчивалось, он метался по факультету, не зная, что придумать... И решил активно поучаствовать в самодеятельности ГП и заодно разведать обстановку в 216...

Ваня тоже подкатывал к Даше Владимировой, рассчитывая на интимную близость, зная, что она предлагала себя всем желающим, но получил отказ – он не был ни преподавателем, ни аспирантом...

Все приглашенные сели за стол. Начали наливать спиртное. Борис Станиславович профессионально откупорил бутылку шампанского и начал наполнять бокалы... Первый тост сказала хозяйка торжества ГП:

– Давайте выпьем за здесь присутствующих! Пожелаем им... нам успехов во всех начинаниях, здоровья и счастья!

Все довольные выпили за самих себя.

– Ну, а второй тост как обычно за родителей, – БС встал и поднял бокал. – Здоровья им и долгих лет жизни!

Выпили за родителей.

БС все вдохновлял пить:

– Девушки, пейте! Вы, когда пьяные, можете позволить себе все, что не можете позволить трезвыми, и вам за это ничего не будет!

Все начали оживленно обсуждать прошедший концерт, устроили небольшой разбор полетов, как говорила ГП.

– Факультет информатики лучший! – сказала Олеся, которая особенно часто сегодня повторяла именно эту фразу.

ГП, посмотрев на желторотых первокурсников, начала рассказывать о преподавателях факультета. Олеся, Ира и Диана сидели, раскрыв рты, и слушали. Преподы факультета казались им чуть ли не богами, а ГП говорила о них как об обычных людях.

– У Кругова очень красивая жена... – рассказывала уже выпившая ГП. – Он рано женился, ему двадцать один был. Она до него с его другом встречалась. Друг потом уехал в другой город, иногда приезжает, к ним в гости заходит... У Кругова жена домохозяйка, не работает, дома сидит... Хозяйством занимается, детей воспитывает... Кругов только несколько лет назад деканом стал. До него лет десять деканом Кроткова была, – ГП на секунду замолчала и опустила глаза задумавшись... – Кругов из провинции приехал, долго на факультете работал, информатику преподавал. Его и не замечал никто. Молоденький такой преподаватель... А теперь вот деканом стал... – Галина Павловна как будто назидательно мотнула головой: «Вот, мол, смотрите».

– Кругов вместе с Ушанковым и Ханзадяном в одной группе учились, – продолжал рассказ Гена. – Давно друг друга знали. Говорят, помогали друг другу. Они-то и поспособствовали, что их друг Кругов стал деканом.

Ира вспомнила, что, когда впервые зашла на сайт факультета, обратила внимание на небольшую фотографию Кругова, сидящего за столом, в дорогом сером костюме и с косой улыбкой. Одна его рука, с выступающим средним пальцем, лежала на краю стола и упиралась локтем в стол, другая была спрятана за стол.

Первокурсникам нравилось слушать рассказы ГП о преподах, что Никитов женившись подобрел, до этого ему вообще было сдать нереально.

Что у молодого препода по информатике Полозина очень красивая жена, его бывшая студентка, Что преподаватель дискретной математики Скуленко тоже женился на своей очень красивой студентке и у них уже двое детей.

— Ушанков из такой глуши приехал, даже не представляете, а вот видите, в люди выбился! — продолжила ГП.

— Да, я думаю, что Ушанкову легко сдать. Он такой добрый старичок, — сказала Ира.

— Это Ушанков добрый старичок? — искренне удивилась Даша Владимирова, которая сидела рядом с БС. — Знаете, скольких у нас на первом курсе из-за него отчислили?

Ире даже было сложно представить, что из-за Ушанкова могли кого-то отчислить.

— А Горовой — это вообще жесть! — сказал Ваня. — Мой вам совет, — продолжал он, обращаясь к первокурсницам, — учите линейное программирование! Это самый сложный экзамен на первом курсе! И Ушанков!

— Да, смотрите мне! — погрозила пальчиком Владимирова. — Учите Горового!

Все на секунду замолчали.

— Вообще, всех учите! — подытожил Гена.

— Мне нравится Доровская... — неуверенно начала Ира.

— У нас вообще-то все препода хорошие! — категорично и гневно перебила Иру ГП, и ее тон предполагал, что она не потерпит возражений. Ира тут же пожалела, что вообще открыла рот.

— Да, факультет информатики лучший! — еще раз повторила Олеся. Все согласно закивали.

Диана повеселила всех, рассказав, как отдавала честь военруку. Парни говорили тосты, много пили и иногда закусывали.

Саша Нинельский достал гитару, и все стали петь походные песни. Олеся многие песни знала наизусть. У нее был старший брат — ее мама воспитывала двух детей одна. Олеся часто ездила в походы и в основном общалась со старшими ребятами, ровесниками брата.

Яркая и громкая Олеся в компании ГП чувствовала себя как рыба в воде. Она уже знала почти все объединяющие походные песни. Ира слышала эти песни впервые, и они произвели должное впечатление.

Потом стали вспоминать походы, оказывается, компания ГП на все майские праздники уходила в горы, в прошлом году в поход ходили присутствующие Першин, Саша и «Змием» БС. Елена Владимировна тоже каждый год ходила в горы с ГП. Они шли по горам несколько дней, ночевали в палатках. Говорили, что поход с ГП — это настоящее испытание: несколько дней идти по заснеженным горам с тяжелыми рюкзаками, ночевать на снегу в палатках, на «пенках». ГП сама выбирала сложные маршруты. Участники походов зажигательно рассказывали о своих приключениях и приглашали всех желающих присоединиться к ним в этом году. Даша

Владимирова, конечно, желала. Ира решила даже не спрашивать дома о поездке в горы, она знала, что ее все равно не отпустят.

Густобровый Першин полвечера странно смотрел на Иру и неожиданно сказал:

— Не надо смотреть на меня так... Знаешь ведь, что красивая... — он быстро встал из-за стола и вышел из аудитории.

Ира удивилась, она на Першина вообще не смотрела.

— Не обращай внимания, ты просто похожа на одну девушку из его прошлого, — объяснила ГП. — Эта девушка его бросила... там такие страдания были... Видишь, до сих пор не отошел... Иди. Догони его, — приказным тоном обратилась она уже к Гене, — узнай, как он там...

Гена тут же послушно встал из-за стола и побежал за Першиным.

— Першин бывает в универе только по понедельникам. Так он в филиале работает, — рассказывала Галина Павловна.

Потом по секрету Даша Владимирова рассказала Ире:

— Першин с дочерью Бесчанова, препода по базам данных, долго встречался. Она была аспиранткой кафедры прикладной математики. У них такая любовь была. Она год назад уехала в Америку учиться. Вот они тут по аудиториям закрывались... И в походы с ГП ходили... Вот Вера кричала... Так она до него девственницей была, у них первая ночь при свечах и все дела...

— Так это Вера его так кинула? ГП говорит, он долго переживал.

— Нет, какая-то другая девчонка...

— Понятно, — Ира не стала разбираться ни с чьим прошлым. Посидела еще полчаса и поехала на такси домой. Она и так задержалась.

На пушке

Через неделю после дня факультета проводили веселую физкультурминутку. Диана Пожарова делала фотки. Преподаватели и студенты разбились на две команды — преподаватели против студентов — и устроили соревнования. Кругов и Горовой прыгали через скакалочки, бегали, приседали и скакали на одной ножке, как будто они не серьезные преподаватели, а обычные двадцатилетние студенты, порождая всеобщее ликование. Много фоток выложили в Интернете, чем вызвали безграничный восторг студентов факультета.

После дня факультета всем желающим раздали диски с записью концерта, который ни разу ни у кого не открылся. Теперь Олеся стала часто крутиться вокруг компьютерных аудиторий, чтобы лишний раз увидеть БС. Подружки Вера и Ира ее сопровождали. Иногда с командой ГП Олеся

и Ира ходили на дискотеки. Олеся на БС практиковала стрельбу глазами: «Угол – нос – он». Такая стрельба эффекта не производила – БС также закрывался на переменах со своей девушкой Наташей.

Однажды Борис Станиславович в разговоре с Олесей упомянул, что ему нравятся рыженькие, но не «немного», а прямо «сильно» рыжие. И Олеся на следующий день пришла ярко-рыжая. Она сначала обесцветила свои темные волосы, а потом покрасилась хной.

Олеся сияя встретила в коридоре БС, который сказал, что ей очень идет этот цвет волос и как обычно скромно улыбнулся. Для Олеси лучшей похвалы невозможно было представить. И она весь день ходила счастливая. А после пар пошла в 216, чтобы опять увидеть БС, но он уже ушел домой...

Гена начал ухаживать за Олесей, подарил ей телефон и подключил легко запоминающийся номер. Олеся подарки приняла, и на этом их любовная история закончилась. Чувства Гены остались без ответа, Олеся грезила о БС.

Ира с Олесей и Верой пару раз пересеклись в холле с Борей Финковым, одноклассником Иры и Веры, который учился на физтехе. Однажды также столкнувшись около главного входа, поздоровались, вспомнили школу, договорились встретиться после пар, посидеть «на пушке» около универа, выпить пивка и поболтать о жизни.

Рядом с универом, за трехэтажным серым зданием городского архива, была маленькая площадка, выложенная плиткой, с посаженными по периметру высокими голубыми елками, кленами, дубом и березой. По периметру площадки располагалось восемь новых коричневых лавочек, с железными коваными ручками и загнутыми спинками – четыре с одной стороны, четыре с другой. В центре площадки находилось несколько больших прямоугольных клумб, по периметру которых росли низкие аккуратно подстриженные кустики вечнозеленого самшита, а в центре осенью и летом – красные розы. В дальнем углу площадки находилась пушка нефритового цвета, точнее, зенитная установка, бывшее боевое орудие, выставленное на всеобщее обозрение. На факультете информатики рассказывали, что она до сих пор стреляет. Пушка стояла на небольшом постаменте, и всю площадку прозвали в ее честь. К пушке вели светлые гранитные ступеньки, и в пролете между ступеньками лежал большой железный венок, покрашенный золотистой краской. Пушка с венком были огорожены железными цепями, но безбашенные студенты все равно перелезали через ограждение, вскарабкивались на дуло пушки, свешивались вниз и фотографировались.

Одноклассник Иры и Веры Борис Финков – высокий, темноволосый, широколицый и лопоухий, с белой кожей и черными волосами. У него были небольшие серые глаза под темными бровями, маленький нос «кнопкой», большой рот и неровные зубы в два ряда. Боря с плохой дикцией говорил медленно: он до шестого класса занимался у логопеда. В школе он

был практически хорошист — только пара троек в аттестате по русскому и литературе. Он поступил на физтех на бюджет и в срок закрыл первую сессию.

В назначенное время Боря пришел «на пушку» с другом, однокурсником Владом, невысоким и немного полным, со светлыми волосами, темными бровями и широким носом, немного приплюснутым на кончике. Уголки его бровей были слегка опущены вниз, и Ире он, как и Слава Якушенко, чем-то напоминал скомороха. У Влада были жирные невымытые волосы и отросшая челка, свисающей на лоб двумя закрученными жирными прядями, образующими подобие сердечка.

Хотя Влад был ровесником Бори, но выглядел как подросток: у него были пухленькие щечки, узкие плечики и круглый животик без талии. Влад был в черной кожаной куртке, джинсах и черных туфлях с квадратным носом на толстой подошве.

Когда собрались «на пушке», еще раз поздоровались, Боря представил Влада. Новообразовавшаяся компания решила присесть на одну из лавочек около пушки.

— Ну что? Как у вас дела? — Боря из-за логопедических проблем говорил всегда медленно и неторопливо...

— Да нормально все. Как твои?

— Да тоже вроде ничего... Первую сессию кое-как сдали...

Разговор не клеился, тормозил, как буксируемый автомобиль, который нужно постоянно толкать.

— Может быть, по пивку? — предложил Боря, который тоже был в черной кожаной куртке и черных джинсах. — Здесь магазин на остановке.

— Давайте сходим, посмотрим, — поддержала Олеся.

— Пойдемте! — все вместе пошли в магазинчик.

На трамвайной остановке находился продуктовый магазинчик-ларек, в котором продавали не только хлеб, молочку, мясные продукты, но и различные спиртные напитки, семечки, чипсы и всевозможные закуски к пиву: недорогие орешки, соленое печенье и сухарики. Основными клиентами магазина были студенты, которые после пар не хотели сразу возвращаться домой, а хотели посидеть-поболтать с друзьями, а чтобы было чем заняться в моменты неловких пауз, когда не о чем поговорить, могли погрызть семечки или глотнуть пиво, которое продавалось в двух шагах.

Магазинчик был совсем маленький: две витрины, одна из которых холодильная, полки с муляжами продуктов. В магазине помещалось буквально четыре посетителя и продавец за прилавком, те, кто не помещался, ждали своей очереди на улице. Купили бутылочное пиво — мальчикам темное, девочкам светлое, сухарики и семечки и вернулись на лавочку. Начали щелкать семечки, хлебать пиво и грызть сухарики — разговор пошел легче.

Вера не любила пиво, она предпочитала что-нибудь покрепче, но сейчас за компанию со всеми хлебала пиво.

— Как у вас учеба? — спросил Боря.
— Да, нормально все, — ответила Ира.
— Нормально? — удивилась Вера. — Это кошмар просто! — Вера нервно тихо засмеялась. — Матан непонятен. Информатика вообще ужас! — Вера вздохнула. Она была с новым маникюром и новой стрижкой. Теперь у нее было длинное каре по плечи, она красилась в пепельный блонд и собиралась отращивать волосы.
— У Вере просто по информатике хвост, — объяснила Олеся. — А так первую сессию с горем пополам закрыли. Ира почти отличница, одна четверка.

— Тоже по информатике...
— Как-нибудь прорвемся. Да, Веруха?
— Даже не знаю... — Вера опять нервно и невесело захихикала и опустила голову Олеся на плечо.

— У нас тоже сложно. Механику вместе с Владом сдавали в единый день пересдач. Там и подружались. Слава богу, сессию закрыли! Фух! — выдохнул Боря и глотнул пива.

— Ну, поздравляем! — сказала Олеся.
— Да кому нужны сейчас эти пятерки, — продолжал Боря. — Все отличники потом обычными служащими работают. А многие троечники начальниками становятся! Вот у папы многие одноклассники-троечники теперь начальники, хорошо в жизни устроились! А где теперь его пятерочники, никто и не знает!

Ира и Вера промолчали.

— Из класса кого-нибудь видишь? — задала Ира стандартный вопрос.
— Почти никого, только иногда Вову Будинцева. Он же с вами на факультете информатики учится?

— Да, на основной специальности. Я его пару раз видела, мы практически не пересекаемся, у нас нет общих пар.

Вова Будинцев в школе учился плохо, по математике у него была слабая тройка. Ира все спрашивала себя, как он сдал вступительные и поступил на сложный технический факультет информатики.

— Кто-нибудь будет еще пиво? — спросил Влад, он уже допил свою бутылку.

— Нет, — все замотали головами. Влад пошел в магазин на остановке и вернулся с пивом, чипсами и сухариками:

— Ну что вы все об учебе и об учебе. Давайте уже поговорим о любви... Вот я тут стих написал...

— Влад поэт.

— Поэт, не может быть! — Вера с Олесей удивились.

— Да, стихи пишет!

— Ты поэт, серьезно? — с неуловимой улыбкой на губах прошептала Вера, обращаясь к Владу. Вера, такая женственная и беспомощная, всегда вела себя как маленькая девочка. Молодым людям, наверное, хотелось ее

оберегать и защищать. Ее голос был под стать ее образу – сексуальный ласковый полушепот.

– Ну не надо меня смущать, – сказал Влад и, сконфуженно уставившись в пол, наигранно заковырял ногой асфальт.

– А можешь сейчас прочитать что-нибудь? – громко попросила Олеся.

– Я стесняюсь... – Влад смущенно опустил голову и притворно отвернулся, он явно хотел, чтобы его еще поугovarивали.

– Влад, ну девушки просят!

– Хорошо. Так и быть! – долго уговаривать Влада не пришлось. – Раз мы об учебе...

Влад стал около лавочки, выставил одну ногу вперед, смахнул челку с лица поэтическим жестом и начал читать стихи.

Универ

Неученье – тьма, ученье – свет,

Мы помним прадедов завет!

Не сомневайся и поверь!

Что краснодарский универ –

В наше будущее дверь,

Обитель знаний, дом науки,

Где знания текут к нам в руки,

Все надо слушать и запоминать,

И дурака лишь не валять!

Учиться – главное для нас,

Мы понимаем это сейчас.

Ведь время учебы недолговечно –

Всего пять лет – и очень скоротечно...

Потом всю жизнь мы будем вспоминать

Счастливую студенческую пору,

Жизни нашей последующей опору

Мы будем добрым словом поминать!

Он читал, громко, как со сцены, с выражением, как читают только авторы сочиненное ими самими. С соседних лавочек ему начали кричать «браво» и аплодировать.

– Супер! Классно! – Ира, Олеся и Вера оживленно захлопали.

– Спасибо-спасибо! – Влад несколько раз поклонился девчонкам, Боре и соседним лавочкам. Две пряди жирной челки подпрыгнули, раскланялись вместе с ним и непослушно упали на лоб.

– Влад поэт, романтик... – сказал Боря. Влад начал опять якобы стес-

нительно тереть ногой асфальт. — Ну, прочитай еще что-нибудь из тех, что мне нравятся.

— Просим, просим! — подхватили все.
И Влад прочитал длинное стихотворение:

Давно неизлечимо болен я,
Любовью не взаимной и покорной.
За годы любовь утомила меня,
Но я ни на что не променяю
Свое чувство искреннее и неразделенное.

Любовь в душе моей царит,
Пожар в груди уж не горит,
Огонь в ней только тлеет.
Как тлеют угольки костра,
Когда его тепло почти не греет,
Но не задувают его души ветра.

Искры любви мне душу опаляют,
Всю душевную пустоту заполняют.
И я едва
Смогу найти слова,
Чтобы признаться ей в любви...
Но верный Боря, ты не говори,

Что лучше мне опомниться
И с грезами расстаться,
И хватит ей уж любоваться!
Иль лучше мне признаться...
Зачем? Чтоб получить отказ?
И разочароваться в жизни враз?

Ведь на меня она не смотрит даже,
Как мужчину меня не воспринимает.
Себя со мной не представляет,
Своим приятелем меня считает.
Уж лучше пусть она не знает!

Кто говорил, что двое для любви нужны?
Любви законы часто ложны,
Разные варианты ее возможны,
Вот я люблю один и счастлив непреложно.

И пусть моя любовь не взаимна,
Душа только ею полна,
Я закрываю глаза и ее одну лишь вижу,
Она всегда, во сне и наяву... ею одной живу!

И все черты ее я знаю наизусть,
И все ее движения и жесты,
Ее черты стремлюсь в других прочесть,
И если в незнакомке есть

Ее улыбки тень или похожий смех
Из незабвенных тех,
(Малочисленностью девушек грешит физтех)
Иль тот же жест иль взгляд
Забыться встречей буду рад.

Я б хотел избавиться от наваждения,
Излечиться от любви как от болезни,
Найти в ком-то другом утешение
И не вздрагивать при упоминании ее имени.

Но не могу... я знаю, я не тот, кто нужен ей,
И никогда не станет она моей,
И я не тот, кто снится ей ночами
О ком она живет мечтами...

Я не тот, кто сможет с нею быть
И жизнь прожить...
И я не буду тем,
Кто станет отцом ее детей,
С кем она сможет старость разделить
И правнуков крестить...

Но сравнивая с ней любую другую,
Никто не выдерживает сравнения.
И от любви я не ищу освобождения.
А я себя с другой не представляю,
Но я люблю ее, сознательно люблю,

Чувство к ней я ни на что не променяю...
И я прекрасно понимаю,
Что на одиночество себя я обрекаю...
Ведь говорят не просто так,
Что лучшее хорошего враг...

Владу заоплодировали со всех соседних лавочек. — Как красиво! — сказали девчонки и тоже захлопали. Под аплодисменты Влад сел рядом с Борей, а потом полез в карман за бумажкой записывать новое стихотворение, которое недавно пришло ему в голову.

— Влад любвеобильный, — сказал Боря и объяснил, что Влад или влюблен по уши, или только что расстался с очередной возлюбленной, или в поисках новой «любóви».

— И какое у него сейчас состояние? — спросила Олеся.

— Он влюблен в соседку, насколько я знаю, — выдал все секреты Боря и добавил: — А сейчас он поэму пишет.

— Тоже о любви? — спросила Ира.

— О жизни, — уклончиво ответил Влад. — А вы догадались, кто это верный друг Боря в стихотворении? — спросил Влад.

— Ну как тут не догадаться? — все засмеялись.

— Дружище! — Влад обнял Борю.

— Ты поосторожнее, а то о нас могут не то подумать, — Боря немного отстранился.

— А теперь стих про нашу сегодняшнюю компанию, — и Влад начал читать написанное только что стихотворение про Олесю, Иру и Веру, пушку, джин-тоник и сухарики:

Сегодня в цветнике я!
Девушки всех цветов вокруг меня.
Блондинка Вера
и брюнетка Ира,
И ярко-рыжая Олеся
В цветнике, «на пушке», как в раю,
Сижу, пишу, сухарики жую,
Джин-тоник попиваю...

— Прам-блам-блам, а дальше я еще не придумал! — и Влад рассмеялся, запрокинув голову. Послышались аплодисменты со всех лавочек.

Боря сходил за пивом и начал рассказывать анекдоты, Влад еще читал свои стихи. Ире показалось, что он вел себя немного наигранно и вызывающе, но он был поэт, и это многое объясняло...

«На пушке» посидели до сумерек. Потом вместе проводили Олесю до подъезда, где она снимала комнату. Влад поехал провожать до дома Веру, а Боря — Иру. Договорились встретиться на следующий день — все равно после пар было нечего делать. Влад уже через несколько дней разлюбил свою соседку, расстался с ней и начал ухаживать за Верой.

Через несколько недель посиделки «на пушке» стали традицией. Ире было интересно общаться с настоящим поэтом. Задорная веселая Олеся привыкла к большим компаниям, а романтическая Вера заинтересовалась Владом.

Каждый день после пар Ира, Олеся и Вера шли на пушку, где их обычно ждали Боря и Влад. Ходили в магазинчик на остановку за пивом, чипсами, сухариками и сушеной рыбой. Вера не любила пиво, вернее, любила, но оно ее не «пробирало». Она любила напитки «послаще» и покрепче, ей покупали джин-тоник. В магазинчике-ларьке стали продавать «живое» пиво на розлив, которое и начала пить новообразованная компания.

Попытались «повысить градус», перейти на водку с соком, но попив несколько дней подряд сорокоградусную водку, испугались спиться и вернулись к пиву.

Если не было общих тем для разговора, то после стакана пива, а для Веры пары банок джин-тоника, они сразу появлялись... Как всегда обсуждали преподов, непонятные предметы и одноклассников, Боря под дружный смех рассказывал анекдоты, Влад часто читал свои стихи. Он писал стихи везде, где только возможно — на парах по физике и математике, в трамвае пока ехал в универ — и постоянно что-то записывал в блокнотик. Влад писал целые поэмы и иногда говорил стихами. Он мог, прямо сидя на лавочке с друзьями, написать стихотворение на несколько листов. Он готов был читать свои стихи всем подряд: медсестрам в больнице, где лежала его мама, продавщицам в магазине у дома, своим преподавателям по физике и математике, охранникам у входа в универ.

Олеся под впечатлением от Влада тоже начала писать стихи, но пока ограничивалась только четверостишиями с простыми рифмами. Влад взял шефство над Олесей, и они вместе «на пушке» сочиняли. Вера готовилась к будущей пересдаче Кругову, она часто говорила, что не понимает информатику и боится пересдачи декану. Все ей искренне сочувствовали.

В школе Ира и Вера не очень дружили, Ира сидела на первой парте в среднем ряду. А Вера на последней. И сейчас одноклассницы как будто заново узнавали друг друга. — Ира, какой человек! — однажды Вера, попивая джин-тоник, пересказала Ире, как теперь говорила о ней бывшей соседке по парте.

Очень скоро стало понятно, что Боре нравится Олеся. Но Олесе не нравился Боря, она искала другой объект для обожания, а неуклюжий, медленный и плохо говорящий Боря никак не соответствовал образу мужчины мечты, нарисованному Олесей. Под образ мечты отлично подходил Борис Станиславович. Олеся шутила, что тоже Борис...

Романтической Вере сразу понравился Влад, талантливый поэт: Вера в школе увлекалась литературой, и ее лучшая подруга Алина была поэтессой. После оскорблений Егора Влад казался Вере благородным, галантным, возвышенным и восторженным. Вере нравилось, когда ей посвящали стихи, становились на одно колено, провожали домой и дарили цветы. Вера пригласила Влада домой и представила маме. Вериней маме Влад тоже понравился.

Однажды как обычно после пар сидели «на пушке», пили пиво, Вера — джин-тоник, и говорили обо всем подряд, иногда ненадолго замолкая.

— Вокруг меня опять кружатся мухи! А мухи любят что? — спросила Вера у Олеси и сама за нее ответила. — Говно! Значит я что? — истерично захихикала Вера и облокотилась на Олесю.

Несколько мух на самом деле летали вокруг Веры и садились ей на куртку. Вера была в утепленной джинсовой куртке по пояс и короткой кожаной юбке черного цвета. Когда Вера полулегла на Олесю, ее юбка задралась, но в рамках приличия: показались только панталоны утягивающих колготок.

— У сельхозакадемии вообще нет бюджета. Родители студентов за полгода до поступления договариваются с деканом факультета, куда поступают, платят в кассу триста тысяч, как помощь вузу, и их дети поступают на бюджет. А триста тысяч — это немного меньше, чем стоимость договора за пять лет. Но нужно еще экзамены не на тройки сдать. Нужно быть и умным, и богатым. Видишь, какой у них «договорной бюджет». Все отличники по триста тысяч платят за поступление, а троечники на договор поступают. У них только инвалиды бесплатно учатся. Пара мест. Так у них очередь по сто пятьдесят человек... все готовы деньги платить, лишь бы своему ребенку поступление гарантировать. А говорят, у нас плохо люди живут... Вот какая очередь желающих заплатить по триста тысяч.

— Я бы туда точно не поступила... — сказала Ира.

— Я бы тоже...

— У меня двоюродная сестра год до поступления в универ ходила на ректорские курсы подготовки на экономе. Они шестьдесят тысяч стоили. И гарантировали поступление. Она вообще-то троечница, но поступила на бюджет... Шестьдесят тысяч и гарантированно на бюджете в нашем университете.

Олеся вздохнула.

— Если могут платить, пусть платят, — сказал Боря примиряюще. — Если у них есть возможности... Почему бы и нет?

— Да, пусть платят. Нам не жалко, — поддержал его Влад. Девчонки замолчали.

— Вы считаете Женьку красивой? — спросила Олеся у Иры и Веры.

— Ну, как минимум симпатичная, и фигура хорошая.

Когда Женя Резцова шла по коридорам, у молодых людей просто отпадала челюсть. Они застывали на месте со словами: «Хоть посмотреть на такую красоту». Ира Женю выдающейся красавицей не считала, вся «бесцветная». Женя редко ходила на каблуках и одевалась просто: прямые джинсы и обтягивающие кофты.

— Егор говорит, что Женьке нельзя пользоваться косметикой. Это преступление против человечества!

— Глеб говорит, что у Усановой Дианы очень красивое лицо...

— Девчонки! — Влад вмешался в разговор, — вы у нас самые лучшие! Самые красивые! — Влад как всегда полез обниматься!

– Это точно! – добавил Боря.

– Спасибо! – Олеся и Вера хмыкнули, а Ира смутилась. Все на минуту замолчали.

– Недавно на факультетском форуме появилась тема: «Где отдыхают студенты факультета?» Ну я написала, что на пушке около университета, а сегодня Кругов на лекции рассказывал, как некоторые студенты любят проводить время на пушке. Вот, оказывается, чем в свободное время занимается декан – читает студенческий форум.

– Конечно! Он же должен знать, что происходит у него на факультете! – подтвердил Боря.

Вера опять отгоняла от себя мух.

– На Веру мухи слетаются, как на мед.

– У нас дома недалеко водоем, и вечерами слышно, как лягушки квакают, – Вера достала сотовый телефон и включила запись лягушачьего кваканья.

– Ты записала на телефон, как у тебя под окнами квакают лягушки? – Влад не удержался от негромкого смеха.

– Мухи вокруг летают, лягушки под домом квакают... Что-то ты у нас Веруха... – Олеся сочувственно похлопала Веру по плечу.

– Вот ты, Ира! Сидишь, молчишь. Фигню про нас думаешь? – сказал Влад, обращаясь к Ире.

– Да она всегда молчит, – бросился защищать Иру Боря.

– Ха-ха-ха! – Влад рассмеялся. Когда он смеялся, то как будто складывался пополам и хватался руками за живот. Или ударял руками по коленям и, неестественно громко смеясь, нагибался.

– А как Глеб Бухаров вообще сессию сдал? – спросила Ира, чтобы что-то спросить.

– У него было два хвоста: матан и информатика. Информатику он не смог пересдать в общий день пересдач. Осталось два хвоста до следующей сессии. Но шанс есть. Матан пересдал с первого раза. А информатику ходит, с Верой сдает. Думаю, сдаст. Антон тоже примерно так.

– Ох, информатика! О Боже! Кошмар! – Вера нервно хмыкнула и вздыхая схватилась за голову. Она любила приглаживать две тонкие намазанные муссом передние пряди, вытягивая их. Они висели около ее лица сосульками.

– А как у вас преподы?

– Да, нормальные...

– Нормальные? Это просто ужас! – Вера засмеялась своим нервным неестественным смехом и опять положила голову Олеся на плечо.

– Кому сейчас нужно это высшее образование? Самому дома можно намного большему научиться, читая учебники! Эти преподы вуза сами многого не знают! То, что было двадцать лет назад, преподают! Только время здесь тратить! – подзадоривал Влад.

— А сам-то ты учишься! Помнишь, как сессию бегал, сдавал? — нетопливо сказал Боря.

— Ну, чаще всего ищут специалистов именно с в/о... — неуверенно сказала Вера.

— За двадцать лет, думаю, что в математике или физике не многое поменялось, — сказала Ира. — Но в программировании, думаю, многое...

— В программировании да... — согласился Влад.

— У Степана сексуальная травма, — рассказала Олеся. Ей по секрету рассказал Слава. — Его три девчонки заманили в машину, отвезли за город и изнасиловали. Представляете, какой ужас!

— Вообще!

— Егор рассказывал, что Степан часто устраивает вечеринки для одногруппников, приглашает проституток, все оплачивает. Пацанам нравится... На одной из таких вечеринок Джанаров девственность потерял...

— Да ты что! — Вера округлила и расширила в знак удивления. — А Нике нравится Егор...

Вероника по секрету сказала Таяе, что ей нравится Егор, Тая по секрету сказала Славе, Слава сказал Егору... И скоро вся экономспециальность знала, что Егор нравится Веронике.

— Как говорится, вспомнили Джанарова — он тут как тут!

Друзья сидели «на пушке» и видели, как Лера Курдяева с Артемом Джанаровым шли под ручку к остановке. Она высокая, худая, в пальто, на каблуках на голову выше Артема. Он, гордый, в черном пальто, в черных туфлях с длинным носом. И они казались хорошей парой с возможным счастливым будущим...

— Может, пойдём-перекурим? — предложил Боря Олеся после некоторой паузы.

— Давайте.

Олеся начала курить, она и до этого курила несколько раз в компании друзей брата, но теперь часто отходила покурить с Владом и Борей. Влад часто курил крепкие сигареты. Вера под ободряющие подбадривания Влада тоже начала баловаться сигареткой — до этого она иногда курила с соседями во дворе.

— А ты, Ира, не пойдешь с нами? — спросил Влад.

Ира замотала головой.

— Может все-таки?..

— Нет, — Ира курить категорически отказывалась.

— А ты что? Никогда в жизни не курила? Ни одной сигареты не пробовала?

— Нет...

— А ну-ка покажи свою спину. — Ира повернулась к нему спиной и посмотрела через плечо. — У тебя крылья за спиной не растут? — сказал Влад неодобрительно и пренебрежительно.

— Не растут...

— Ха-ха-ха! — Влад громко и наигранно расхохотался, широко открыв рот, согнувшись пополам и схватившись за живот.

Влад был в белой рубашке с тонкой полоской триколора на воротнике и рукавах, он оставил кожаную куртку на лавочке — Владу постоянно было жарко. Он немного подстриг челку, разделил ее на пряди и смазал их гелем, они прилипли ко лбу и выглядели, как редкие зубчики у расчески. Влад допил свое пиво и пошел купить еще.

— Влад такой пухленький, как медвежонок, — сказала Вера, наблюдая, как Влад возвращается из магазина. — Так и хочется его потискать! — Когда Вера смотрела на Влада, ее глаза сияли и она постоянно влюбленно улыбалась.

— Ну потискай меня, Вера! Потискай! — Влад, услышав, что сказала Вера, подбежал к ней и движением рук как будто распахнул рубашку, на самом деле ее не касаясь.

Пока Олесья, Вера и Боря Финков опять отошли «на перекур», Влад рассказывал Ире, какая классная Веруха и какой он влюбленный. Он запрыгивал на лавочки и кричал во все горло, как он счастлив, потом спрыгивал с лавочек и с криком: «Я влюблен!» изображал полет и кричал: «Я лечу»....

Перекурив, Вера небыстро подбежала к Владу с выпрямленными вдоль туловища руками и ногами, не согнутыми в коленках. Влад подхватил ее на руки и закружил. Вера была на полголовы выше Влада и, наоборот, весила больше, чем он.

— Ну поставь меня, пожалуйста! — попросила счастливая Вера. Влад с облегчением поставил ее на землю. А потом полез целоваться.

— Хорошо, что вы нашли друг друга, — сказала Ира, наблюдая за ними. Когда все собрались, Влад прочитал новое небольшое стихотворение:

...И как мы жили друг без друга раньше?
Что может быть на свете лучше,
Чем время проводить с друзьями
У универа на «пушке» после пар,
Сидеть, пить пиво и болтать ногами,
И плевать семечки на тротуар?
И декламировать стихи,
Которые не так плохи...
Для неугомонного поэта...

— Или беспокойного, я еще не решил! — сказал Влад. Он одну строчку забыл, начал сочинять на ходу. Сбилсь, не подобрал рифму. Рассмеялся.

— Это великолепно! Гениально! — Вера захлопала в ладоши и бросилась Владу на шею.

— Спасибо-спасибо, — Влад уже привык к комплиментам.

— Интересно, что будет с нами через десять лет после окончания универа? — Влад мечтательно посмотрел на друзей.

Все на секунду замолчали.

– Наверное, мы все уже будем работать, обзаведемся детьми, – медленно и степенно сказал Боря.

– Наверное, Вера с Владом поженятся! – заметила Олеся, и Вере явно понравилась эта перспектива: она включила зажигание глаз счастьем.

– Может быть, вы с Борей тоже поженитесь? – сказала Ира Олеся.

– Мы вряд ли... – ответила Олеся.

– Олеся выйдет замуж за Бориса Станиславовича! – Вера похлопала Олеся по плечу.

– Если бы!

– Мечтать, как говорится, не вредно! – сказал Влад.

– Ну почему ты так говоришь?

– Посмотрим...

Все на секунду замолчали. И начали фантазировать о будущем. Каждый представил себя через десять лет богатым и знаменитым и обрисовал свою жизнь в самых радужных красках.

– Интересно, а через десять лет мы будем дружить? – вдруг немного взгрустнула подвыпившая Олеся.

– Конечно же, мы будем дружить! – утвердительно произнес Боря и растянул рот в широкой улыбке.

– Конечно! Куда же я без вас? – Влад бросился обнимать друзей.

Все прослезились и решили заглушить слезы пивом, а Вера джин-тоником...

Пересдачи Кругову

Иногда «на пушку» Вера приносила конспекты лекций и учила информатику. Вера уже один раз не пересдала информатику декану. В день второй пересдачи она вроде все выучила. Перед пересдачей решила выпить для храбрости джин-тоника. Перебрала. Сидела и дышала перегаром в лицо декану. Вера неправильно решила задачи и завалила вторую попытку пересдать информатику.

После неудачной пересдачи Вера как обычно пришла «на пушку».

– Ну что? – нетерпеливо спросила Олеся.

– Не сдала...

– Как не сдала?

– Я не умею решать. Да я вообще... Я тупая, тупая, – и Вера начала бить себя кулаком по голове.

– Перестань, хватит, – пытался ее остановить Боря.

— Не расстраивайся, ты обязательно сдашь в следующий раз! — успокаивала ее Олеся.

Вера пошла купить себе еще джин-тоника, ей надо было пережить горе неуда. Когда Вера отошла, Влад засмеялся:

— Она опять не сдала, — он так смеялся, что у него на глазах выступили слезы. — Это уже которая пересдача?

— Третья, по-моему, — ответила Ира. — С единым днем пересдачу...

— Не сдала, — Влад вытирал слезы с глаз. — Опять не сдала...

Никому больше не было смешно.

— Если Вера в следующий раз не сдаст, то пересдача будет уже с комиссией, — задумчиво сказала Олеся.

Обычно, если в сессию оставался хвост, то студенту в течение следующего семестра можно было пытаться его пересдать два раза тому же преподавателю, если студент все равно не пересдавал, то назначали третью пересдачу с комиссией. Но часто преподаватели отступали от этого правила и разрешали студентам пересдавать хвост чаще. Рассказывали, что Ушанков разрешал пересдавать свой экзамен чуть ли не каждую неделю. Даже строгий Кругов разрешил Вере попытать счастья еще раз и назначил время. Это была последняя пересдача информатики Кругову, следующая — с комиссией. Если не сдать, то потом отчисление...

Вера возвратилась с банкой джин-тоника: в спиртном она находила опору и утешение.

— Да, Кругов нормальный мужик, ты сдашь, просто надо все выучить, — утешала Веру Олеся.

— Да все нормально, — сказала Вера... — сейчас только маме позвоню... У тебя есть сигареты? — спросила она у Влада.

— Да, только ментоловые...

— Покуришь со мной?

— Хорошо.

— Вот Веру мама ругает! — сказал Боря, когда Влад с Верой отошли. — Кто обычно ближе: друзья или родители? Родителей мы себе не выбирали, а друзей выбираем!

Верина мама была постоянно недовольная дочерьми, особенно старшей. Чтобы сказать маме об очередной «несдаче» информатики, Вере надо было набраться храбрости — выпить и покурить.

Итак, «набравшись» смелости, Вера решила позвонить маме:

— Я не сдала, — только сказала Вера, и даже стоящие рядом слышали, как Верина мама кричала в трубку. Получив нагоняй, Вера быстро и тихо уехала домой...

Перед следующей пересдачей Веру просто трясло, она уже наизусть знала всю теорию, зазубрила решение многих задач. Перед пересдачей Вера договорилась с Круговым о нескольких индивидуальных занятиях, на которых декан в основном разбирал решения задач... От страха Вера

перестала понимать информатику вообще. В этот раз джин-тоник не пила и все шпаргалки выбросила.

Когда Вера сдавала, около аудитории собралась целая делегация «большешников» — не только Олеся и Ира, но и Влад и Боря не пошли на пары, а пришли поддержать Веру, ругать ее и «держаться кулачки».

— Я боюсь! — Вера трясла Иру за руку и нервно смеялась. — Подождите меня, подождете? — просила Вера Иру и Олесю.

— Ну, хорошо, подождем!

— Я так боюсь, что опять не сдам! Можете меня материть!

— Все будет нормально! Да, мы подождем тебя под дверь и будем материть! Удачи!..

Вера боялась заходить в аудиторию.

— Успокойся! Иди! — впихнула ее Олеся.

Через час Вера вышла со словами:

— Сдала! Три! — сияя она бросилась обниматься с Олесей и Ирой, а потом с Владом. Наверное, еще никто и никогда так не радовался тройке.

— Ну, слава Богу, — выдохнула Олеся, — я тебе говорила, что Кругов — нормальный мужик.

— Я сдала...

— Вот видишь. А ты говорила, что не поставит..

— Неужели я сдала... Я сдала, — повторяла Вера неуверенным голосом. — Не может быть... — Она все еще не верила своему счастью.

— Поздравляем! — сказал Боря. — Может, пойдем, отпразднуем? Выпьем что-нибудь крепче...

И все, «забив» на пары, пошли праздновать закрытие Верой первой зимней сессии в конце апреля.

В парке

Влад и Вера проводили все свободное время вместе, он провожал ее домой, галантно ухаживал, почти каждый день дарил цветы и посвящал ей стихи, потоянно читая что-то новое. Они часто сидели в Верином дворе или у нее дома и целовались.

Но дальше поцелуев дело не шло. Влад хотел большего. Вера отказывала. Начался шантаж, Влад говорил, что он мужчина и должен удовлетворять свои естественные потребности. Что он не может удовлетворять себя сам. Что, если Вера не согласится, он станет ходить налево. Что он найдет способ — прибегнет к услугам «платных» женщин. Веру эти разговоры только отталкивали от Влада. Она хотела проверить чувства и не торопиться.

Получив отказ и встретив решительный отпор, Влад решил узнать у Иры и Олеси сексуальный статус Веры:

– А Вера, что, девственница?

– Вроде нет...

– А что она тогда так... – Влад хотел добавить «выпендривается», но промолчал...

– Не знаю, сами разбирайтесь, – отмахнулась Олеся.

Вера летом еще до универа рассталась с девственностью на море – курортный роман – со случайным симпатичным местным, вероятность встретить которого в обычной жизни приравнивалась к нулю. Она не сказала ему, что девственница, сказала, что неопытная и у нее, возможно, могут начаться месячные, чтобы он ничего не понял.

Ира подумала, что на море Вера, отдалась, в прямом смысле, первому встречному, а с Владом из себя недотрогу строит. Но это было не ее дело...

От раздражения и неудовлетворенности Влад часто бил руками стену, как будто молотил боксерскую грушу, и показывал Ире и Олесе раны на «костяшках» кистей.

На выходных в субботу после Вериной «сдачи» информатики решили поехать, погулять в парке. Старый городской парк с каруселями, колесом обозрения был обычным местом для фотосессий новобрачных: многие именно сюда приезжали в день свадьбы делать памятные снимки. Парк располагался на гористой местности, был «достопримечателен» беседками, аркой с колоннами, фонтанами и прудом, в котором плавали уточки. В парке недавно сделали ремонт, положили новую плитку и покрасили в белое беседку и полукруглую арку, из которой открывался вид на площадку с лавочками и небольшой пруд.

В начале парка были детские карусели и самое большое колесо обозрения в городе. Недалеко от каруселей располагалось несколько кафешек с вынесенными на открытый воздух мангалами, на которых круглосуточно жарили шашлыки, привлекая посетителей приятным запахом. Рядом открытая небольшая сцена, со старой облупившейся, когда-то зеленой краской. На сцене по субботам устраивали ретро-вечеринки, и ансамбли пенсионеров пели в народных костюмах. Или проводили дискотеку для детей, из колонок у сцены горланили популярные песни прошлых лет, на сцену залезали детишки «от двух до пяти», отплясывали и приседали, а под сценой их караулили осторожные родители.

Этот субботний день выдался прекрасным, солнечным, позади была первая сессия, следующие экзамены мелькали больше, чем через месяц. Вера закрыла сессию и могла наконец-то расслабиться. Все ее тревоги остались позади. Самое время радоваться жизни и ни о чем не переживать...

Пошли посмотреть на огромный дуб, который рос в парке со времен основания Краснодара. Он был огорожен цепями и подписан табличкой. Пообнимались с дубом. Влад с Верой сразу отделились: влюбленные хотели побыть наедине.

Вера с Владом ходили за ручки, кормили уток. Вера несмело улыбалась, говорила с придыханием и влюбленно смотрела на Влада — просто не могла оторвать от него восторженных глаз. Влад тут же сочинял стихи про Веру, парк и уток и сразу читал их... Пили джин-тоник. Ира с Олесей и Борей ходили за влюбленными по пятам, смотрели на них, хихикали, но старались не мешать им...

Влад сочинял стихотворения на ходу:

Стихотворение неправильных ударений

Иду за ручку с Верой я по парку
Хочу уединиться и зайти за арку.
Олеся, Боря, Ира следуют за нами,
И шепчутся, смеются за спинами,
Подшучивают над нашими чувствами,

Провожают нас взглядами неловкими.
Считают: мы хотели быть одними,
Чувствуют себя немного лишними...
Я ощущаю себя самым счастливым
На свете и чуть-чуть нетерпеливым,

У меня за спиной вырастают крылья!
Ведь рядом Вера — любимая моя...
А сзади смотрят вслед наши друзья.
И что еще для счастья надо мне?
В любви горю я, как в огне!

Вера была в короткой джинсовой юбке, обтягивающей кофте с большим вырезом и недавно купленных синих мокасинах с белыми и красными полосками — Владу нравилась такая обувь у Веры. Ради Влада она отказалась от каблуков — и оказалась не такой уж высокой. Ира была в спортивном костюме, она по совету Олеси, обрезала и зашила карманы спортивных штанов. Олеся пришла в джинсовом костюме и новых тюфлях на каблуках, широких, «дутых», которые ей недавно подарил брат.

Влад обычно носил майки иногда темно-синюю прозрачную кофту-сетку и спущенные джинсы, открывающие живот. Сегодня он был в майке и соблазнял Веру, ходил по скамейкам, задирал майку и показывал голый живот с небольшой растительностью, при этом декламируя стихи.

Вера уже рассказывала подружкам, что Влад целовался хорошо, со знанием дела. Для Веры было важно, что Влад такой умелый.

— Думаешь, у Влада было много женщин? — спросила Олеся у Иры, когда Боря отошел за пивом, а Влад с Верой целовались на лавочке, передавая изо рта в рот леденцы.

— Я не знаю... Мне кажется, он вообще девственник...
— Влад? Девственник? Нет... — Олеся рассмеялась и покачала головой. — Я думаю, у него было много женщин... Он опытный...
— Не знаю...
— Он поэт. Поэты вообще любят погулять... Они такие... Влюбчивые... что ли...
— Может быть... Думаешь, у них с Верой серьезно?
— Ну, Вера точно втюрилась по уши... Она мне вчера рассказывала, какой Влад классный, не мужчина, а мечта!
Олеся советовала Ире сделать татуировки:
— Я видела, что девушка идет в легком светлом платье с короткими рукавами, а на руках и ногах, где заканчивается платье, видны черные татуировки. Так красиво!
— Понятно, — не смотря на все советы Олеси, Ира татуировки делать не стала.
Влад обычно изливал на бумаге все свои чувства и написал стихотворение «о наболевшем», которое незамедлительно решил прочитать Вере. Влад начал читать наизусть, но потом достал бумажку и иногда подглядывал в нее.

Ах, Вера, Вера, Вера...
Прими как есть, такого кавалера
Как я... пойми меня и раздели мои мечты
Не знаю я подобной красоты,

Мечтаю о тебе я дни и ночи.
И сдерживать себя уж нету мочи,
В мечтах объятия твои так горячи.
Как справиться со страстью, научи!

Ты шанса даже не даешь...
Ты мою страсть не разделяешь,
И от меня увиливаешь...
Меня к себе не подпускаешь,
И выбора не оставляешь,
В руки путан меня бросаешь!
И честь свою ты бережешь...

И ты мне снова повторяешь,
Что мы знакомы очень мало,
И доверять нам чувствам рано,
Возможно, чувства несерьезны,
И отношения ненадежны,
Друг друга надо нам узнать,

И страсть мне нужно обуздать.
Если уступишь ты моим мольбам,
Прислушаешься к моим словам,
Тогда я плохо о тебе подумаю
И твое доброе имя запятнаю!..

Ты говоришь, что тоже любишь,
И мною очень дорожишь!
(и через полгода удовлетворишь)

Влад остановился, красноречиво посмотрел на Веру и эмоционально сказал речитативом: — Полгода! Да я умру за полгода!

Ты просто хочешь подождать...
Не хочешь ты меня понять!

И вновь меня ты отвергаешь,
И от меня ты ускользаешь,
Но страсть не в силах я сдержать,
И должен я опять страдать!

Я утонул уже в просьбах,
Запутался в твоих словах,
Вера, ты мое сердце покорила,
Боюсь, чтоб ты меня не разлюбила,

И страсть свою я запираю...
Покорно голову склоняю
Перед тобой...
Ах, Вера, сердце мне открой,
Прими таким, какой я есть...
Не запятнаю твою честь!

— И доброе имя! — добавил Влад уже речитативом. Вера истерично захихикала:

— У тебя только одно на уме. Ты о чем-нибудь другом можешь думать? — она небольно стукнула Влада ладонью по лбу.

— Я мужчина! Если бы ты была на моем месте, ты бы поняла... Рядом со мной такая... — Влад как будто нарисовал рукой в воздухе контуры Веры, — такая аппетитная красавица... Я уже с ума схожу... Пожалуйста...

Влад буквально пожирал Веру глазами. Он сразу полез к Вере, повалил ее на лавочку и начал страстно целовать.

— Ну хватит, перестань пожалуйста, все вокруг смотрят.

Влад практически залез на Веру. Он переходил все грани приличия. Невдалеке Боря, который не упускал их из виду, усиленно закашлял... Влад сразу успокоился:

— Ладно, пойду за семечками...

— Ну что? Как у вас? — подбежала к Вере Олеся, когда Влад отошел. Вера перешла из лежачего положения в сидячее и поправила кофту, убирая показавшийся черный лифчик.

— Ну вот, видишь! — Вера показала рукой в сторону Влада, — за семечками пошел... Он такой... настойчивый! Что с ним делать, не знаю... — Вера охала и вздыхала.

— Да что делать?! Не знаю, что с ним делать!.. Это тебе решать!

Когда Влад пришел, угостил всех семечками. Олеся и Боря решили покурить в сторонке. А Влад стал читать Вере и Ире новое стихотворение.

— Как классно! — говорила Вера, когда Влад закончил. Она влюблено смотрела на него и замолкала. Больше она ничего не могла сказать про стихотворение Влада. Ира решила не вмешиваться. Влад хотел более расширенных комментариев, чтобы им восхищались или давали ценные советы.

Вера не могла ничего придумать и пошла за джином.

Когда Вера отошла, Влад начал жаловаться Ире, что Вера ему отказывает:

— У меня все там уже заржавело, — сказал Влад Ире, делая вращательные движения рукой вокруг ширинки.

«Влад — парень Веры... возлюбленный точно. Пусть Вера сама проверит, заржавело у него там или нет», — решила Ира и промолчала.

— Вера без спиртного и двух слов связать не может, — продолжал Влад, — сейчас выпьет и разговаривать начнет. Она смелая, только когда пьяная. Она и разговаривать-то умеет только, когда напьется, — сердито говорил Влад. — Вот посмотришь, она пойдет джин-тоник купит и сразу осмелеет. — Ира решила, что Влад из-за сексуальных отказов злится на Веру.

Вера на самом деле вернулась с джин-тоником, выпила и сразу разговорилась. Она стала как будто другим человеком, раскрепощенным, смелым и веселым... Сразу появились темы для разговора и нужные слова...

— Что тут у вас? — Вера под села к Владу и начала с любовью рассматривать его губы. — О чем вы тут разговариваете? — Ее глаза сразу зажглись огнем любви...

— Да так, просто беседуем... Ничего особенного...

— Смотрите, а то я уже ревную... — она начала теревить воротник его майки, а потом полезла к Владу целоваться.

Олеся и Боря подошли к лавочке и тоже, как Ира, стали молча наблюдать за влюбленными и переглядываться...

— Может, мы пойдем. Не будем вам мешать? — как обычно медлен-

но спросил Боря, и под чмокание влюбленных его вопрос остался без ответа.

— Хватит уже «лобызаться»! Имейте совесть! А то мы тут смотрим на вас и завидуем!

— А что завидовать? Могли бы с Борей тоже, как ты говоришь, «полобызаться»! Или ты бы предпочла Бориса Станиславовича?

— Какой ты, Влад, блин, догадливый!

— Н хватит, пожалуйста! — завозмущался Боря.

— Езжайте уже к Вере домой и продолжайте там!

Если уж Вера не хотела «удовлетворять естественные потребности» Влада, он попросил ее покраситься в красный: ему нравилось девушки с красными волосами. Вера согласилась, и на ее светлых волосах красный выглядел как бордовый.

Влад рассказывал, как ей идет этот цвет и читал стихи про красноволосую Веру. Но никому, кроме Влада, красный цвет волос Веры не понравился. С Владом Вера перестала общаться, говорила, что он вел себя ней просто ужасно, не вдаваясь в подробности. Вероиной маме Влад тоже резко разонравился. Она, ничего не объясняя, категорично сказала, что не хочет больше видеть Влада у них дома.

Вера срочно перекрасилась опять в пепельную блондинку — красный на синий получился зеленый. Краска не отмывалась и не стиралась. Вера с зелеными волосами, как кикимора, ходила по универу и привлекала всеобщее внимание... Она каждый день два раза мыла голову оттеночным шампунем, смывая зеленые пряди. И красилась краской без аммиака. Краситься так часто было нельзя, но Вере было все равно. Через месяц она опять стала подобием блондинки.

Любовное послание

Однажды Олеся с Владом после пар сидели в компьютерной аудитории и весело проводили время. Влад дурачась предложил Олеся создать на форуме факультета тему: «Я люблю Бориса Станиславовича Якутенко», написать о своих чувствах, но не публиковать.

— Напиши, что ты думаешь о Борисе Станиславовиче? Прямо так и пиши, что любишь его, что жить без него не можешь, не стесняйся! Все равно никто не увидит. А я и так все знаю...

Олеся решила, что это просто очередная шутка Влада и согласилась. В теме на форуме она написала. «Борис Станиславович, вам пишет Олеся Антоненко из шестнадцатой группы. Я хочу сказать вам, что люблю вас. Я полюбила вас с первой минуты, как увидела. Вы для меня идеал мужчины.

Я каждый день хожу около компьютерных аудиторий, лишь бы вас увидеть. Я не могу без вас жить! Я с утра до вечера думаю только о вас. Вы мне снились ночами».

— Напиши, как ты его хочешь, — подзадоривал Влад.

«Борис Станиславович, я хочу вас! Я каждую ночь представляю, как мы занимаемся любовью. Я хочу, чтобы вы вошли в меня. Возните в меня свой жезл любви. Делайте со мной, что хотите!»

— Пиши, не стесняйся, все равно никто, кроме меня, твое сообщение не увидит.

Когда Олеся написала свое длинное признание, Влад, хитро улыбаясь, взглянул на нее:

— А теперь, знаешь что? — и... нажал кнопку: «Отправить»...

Повисла секундная пауза.

— Влад! Сволочь! Что ты сделал? — Олеся в шоке не верила своим глазам. — Как ты мог? — Она начала несильно бить Влада кулаками. Но отосланное во всемирную паутину уже нельзя вернуть обратно, оно навсегда занимает свое место в виртуальной реальности. Через мгновение тема появилась на форуме.

— Что теперь будет? Что ты наделал? Ее же теперь все прочитают! Он же теперь прочитает!

— Как будто он не догадывался! — Влад только смеясь отбивался от растерянной Олеси, которой было не до смеха.

Только что созданная тема была первой в списке тем форума и сразу же набрала пару просмотров. Олеся не верила своим глазам, схватилась за голову, она не знала, что делать. Влад продолжал смеяться, говоря, что нажал случайно. Олеся красная, цвета спелой свеклы, быстро выбежала из компьютерного класса, пошла домой и сразу же проверила количество просмотров темы — оно стремительно увеличивалось. Олеся позвонила Ире и загробным голосом сказала: — Почитай форум факультета. — Ира перезвонила Олесе через несколько минут, но у нее было занято, Олеся разговаривала с Верой. Ира отправила эсэмэс: «Я не знаю, что сказать» и прочитала утром ответ: «Ничего не говори».

Олеся полночи разговаривала с Верой, периодически проверяя количество просмотров, которое росло со скоростью геометрической прогрессии. Олесин телефон разрывался от звонков, позвонил Саша и Гена. Не позвонил только БС.

На следующий день Олеся не пошла в универ, она лежала дома, спрятавшись под одеялом, только изредка проверяя количество просмотров ее темы. Они с Верой поменялись местами, теперь уже Вера звонила Олесе и говорила, что надо пойти в универ, что дома не скрыться и если не ходить на пары, ее могут отчислить. И лучше прийти сразу и развеять все сомнения.

В этот день любовное признание прочитали, навверное, все студенты факультета. Тема стала самой популярной, количество ее просмотров

побило все рекорды. Казалось, что эту тему не прочитал только ленивый.

Но делать нечего... на следующий день Олеся появилась на факультете... Она, стесняясь и смущаясь, опустив голову, авось не узнают, прошла мимо кафедры численного анализа к расписанию, поднимая глаза, чтобы осторожно взглянуть в каждое увиденное знакомое и незнакомое лицо. В этот день у нее было обостренное восприятие, ей казалось, что все на нее смотрят, показывают пальцем и смеются. Олесе казалось, что и декан, и все преподаватели прочитали тему на форуме и теперь втихомолку потешаются над ней. Что все вокруг знают о ее любви и читали ее признание. Что на нее устремлены взоры абсолютно всех студентов и преподавателей факультета. Она заметила у деканата Горового и других преподавателей. Когда она шла к расписанию, ее увидел Кругов, мельком взглянул и зашел в деканат. Несколько девчонок у доски объявлений показали на нее пальцем и захихикали... Равнодушно, даже не посмотрев на Олесю, к кафедре математического моделирования прошел Ушанков.

На Олесю с нескрываемым интересом посмотрел Степан из семнадцатой. Под любопытные взгляды однокурсников Олеся пошла к 142 и столкнулась с Борисом Станиславовичем.... БС, красный от стыда, быстро прошел мимо нее. Он, не глядя на Олесю, поздоровался и не пошел, а просто побежал дальше по коридору.

Когда Олеся зашла в аудиторию, на нее заинтересованно посмотрела Настя Тюканова и что-то сказала на ушко Диане Усановой. Тая и Женя зашушукались. Олеся села за заднюю парту к Вере и закрыла лицо руками.

— Какой стыд! Боже мой! Какой кошмар! Что же теперь будет?! — причитала Олеся, прижимая руки к красным щекам... Но оказалось, что подгруппы не читали тему Олеси. Глеб, Вася и Дима были вообще не в курсе. Ника и Лера в первый раз из Олесиных уст услышали о произошедшем... Но все, кто не читал форум, после Олесиного рассказа тут же побежали в компьютерные аудитории.

Несколько лаборантов из 216 и 111 сохранили копию любовного послания Олеси на память. И радостно сообщили об этом, Олеся сказала, что она просто счастлива.

Кто-то из одноклассников предложил Олесе пойти к сисадминистратору форума и попросить удалить тему. Олеся быстренько так и сделала. Тему удалили... Но еще много лет студентки факультета показывали на БС пальцем, шушукались и рассказывали друг другу, как в Бориса Станиславовича влюбилась какая-то первокурсница Олеся и писала о своей страстной любви откровенные признания на форуме факультета.

Аня – Сережа – Диана

В конце первого курса Диана Пожарова оказалась внутри любовного треугольника. Диана, отдавая дань культурным традициям, решила быть девственницей до свадьбы и объявила это во всеуслышание...

Аня Тротурская, единственная девушка в семнадцатой группе, невысокая длинноволосая мелированная шатенка с медленным старушечьим голосом и большими глазами. У нее были тонкие губы с перегородкой на верхней. Она приехала из Лабинска, окончила школу с золотой медалью, но поступила на договор. — Да разве в Лабинске можно к поступлению в краснодарский универ подготовиться? — говорила Тротурская. — С кем там готовиться? Преподав нормальных нет.

В конце первого курса у Тротурской Ани были взаимные симпатии с третьекурсником-отличником Сережей, светловолосым и кареглазым невысоким красавцем с накачанной фигурой. После пар они часто гуляли, держась за руки, целовались на лавочках, сидели у него дома. Он помогал Ане с домашним заданием и водил по кафе. Так они встречались пару месяцев.

Однажды Сережа и Аня как обычно договорились встретиться у главного входа в универ после занятий. Но Сережа около деканата разговорился с Пожаровой Дианой, которая как всегда мило улыбалась, спрятав руки за спиной, и заискивающе смотрела в глаза. Они приятно побеседовали, обменялись телефонами и договорились встретиться после пар. Сережа встретил Аню уже более прохладно и отстраненно, был не так влюблен и пылок... А вечером отправился на свидание с Дианой. Так он и встречался с двумя девушками несколько недель, пока однажды Аня не увидела Сережу на свидании с Дианой и сказала, что между ними все кончено... И Сережа, не особо переживая, стал встречаться только с Дианой.

Как когда-то с Аней, Сережа с Дианой ходили за ручку, обнимались на лавочках около универа и сидели у него дома...

— Смотри, какого мальчика Диана отхватила, — завистливо говорила Ире Даша Владимирова.

Но и с Дианой отношения Сережи не сложились. После пары месяцев свиданий, посиделок, объятий и ласк Сережа сообщил, что он мужчина и не может ждать. Диана была категорична в своем решении сохранить девственность до свадьбы. Жениться Сережа не собирался, и они полюбовно разошлись.

Аня говорила, что Диана Сережу просто отбила, что Диана, как собака на сене, и с Сережей сама встречаться не стала, и Ане с ним все испортила. Тротурская от интимной близости не отказалась бы. И Аня продолжала надеяться, что они с Сережей помирятся...

Летняя сессия

Однажды между парами преподаватели и студенты университета наблюдали такую сцену: на лавочке напротив главного входа полулежал Артем Джанаров в легкой светлой куртке нараспашку и джинсах, а на нем ерзя сидела верхом Настя с заинтересованно-любопытным выражением лица, раздвинув ноги под юбкой, Артем еле сдерживал нарастающее возбуждение. Так они полусидели, полулежали и о чем-то разговаривали. Мимо ходили студенты и преподавали и глазели на них, как на достопримечательность.

Однорूपники после большой перемены заходили на пару с одним и тем же вопросом на устах.

— Вы вообще видели, что Настя на Артеме на скамейке у главного входа сидит?

— Да, я видела, — ответила Ира, — она пробуждает его чувственность...

— А, понятно... Судя по вечеринкам Степана, ей ничего не надо пробуждать!

— А я не видела!

— Иди, посмотри! Ты не пройдешь мимо! Их пропустить невозможно!

Вера вернулась через пару минут.

— Ну Настя дает! — в знак удивления Вера только покачала головой и округлила и расширила глаза.

— Вы видели вообще, что Настька с Артемом на скамейке у главного входа устраивают? — заходя в аудиторию, спросил Дима, которому все еще нравилась отличница Настя. Он был в шоке.

— Видели, как их можно не заметить?

— Что они вытворяют! — сказал Глеб. — Разве что «дружеским сексом» не занимаются!

— Скоро начнут! — добавил Рома.

Когда мимо Артема и Насти замаячили преподы и студенты факультета информатики, Артем сказал: — Что ты меня позоришь? — и скинул с себя Настю, и эта сцена больше не повторилась.

Когда Настя, наконец, дошла до пары, на нее с недоумением смотрели практически все однорूपники, а она уверенно отвечала:

— Я проверила, там все нормально! У Артема, я имею в виду! Мы по-дружески! Это ничего не значит! — Настя говорила это, нисколько не смущаясь.

— Настя, ты просто падшая женщина!

— Я видел вас с Артемом на скамейке! — сказал Дима Насте.

— И что такого? — ответила Настя. — Мы по-дружески. — Она говорила немного с вызовом, как будто считала себя правой и не собиралась ни перед кем оправдываться.

– Да ничего особенного, – ответил ей Дима, отводя глаза.

– Вы дружеским сексом заниматься не собираетесь? – спросил Глеб.

– Нет, не собираемся! Дружеский секс – это другое! – провокационно ответила Настя, не в первый раз готовая отстаивать свою позицию в конфронтации...

Джанаров Артем был не против дружеского секса, но Настя на это не пошла: в ее понятие «дружбы» секс не входил.

В конце мая началась зачетная неделя. Лектор по экономике, красивая стройная брюнетка, на парах часто говорила про семейную жизнь и свой развод – она одна воспитывала сына – и любила повторять, что «хорошее дело браком не назовут». И тем, кто ходил, поставила самозачеты и самоэкзамены.

В начале июня уже сдавали экзамены. Ира как обычно делала шпаргалки по всем темам и прятала их в карманах брюк. Обычно она своими шпаргалками не пользовалась.

Первым экзаменом сдавали мананализ.

На консультации за день до экзамена Антон Ктавиди подходил к одногруппницам и сначала улыбался, потом показывал пальцем, долго экал, спрашивал: «Как тебя зовут?»... одногруппница называла свое имя. Так Антон подошел к Ире:

– Ээээ, как тебя зовут?.. Извини, я забыл... – сказал Антон своей жалобной интонацией. Он умоляюще смотрел в глаза, производил впечатление неуверенного в себе и часто жаловался на все подряд.

– Ира...

– Ты же хочешь пять по матану?

– Вообще-то да...

– Так ты ботаник, точнее ботанка? – спросил Антон насмешливо.

– Еще какая, – ответила Ира.

Он так же подходил и к другим девчонкам группы, так же экал и спрашивал, как кого зовут.

– Уже год учимся вместе, мог бы и выучить, – сказала Олеся Ире... – Димчик так с Настькой заигрывал, я была уверена, что они начнут встречаться!

– Ну да, – сказала Ира, как обычно говорила староста Диана.

– А они ничего... Настька вот с парнем с основной специальности встречаться стала... Высокий такой... Все ухаживания Настьи и Димчика ничем закончились. А они флиртовали друг с другом напропалую!..

Через год уже все «опылились», лексика стала общей, и все одногруппники уже говорили «Ну да», «Как-то так», как обычно говорила староста Диана, «Я вас тоже очень люблю», как говорила Тюканова Настя. Только не с интонацией Жени Резцовой. Глеб Настю постоянно называл Настькой, и скоро уже все ее так называли. К концу первого курса с легкой руки Глеба Бухарова Настя для одногруппников навсегда стала Насть-

кой, Тая – Тайкой, Женя – Женькой, Дима – Димчиком, а Вера – Верухой. Имена остальных остались без изменений.

Экзамен по матанализу проходил в незнакомой аудитории на экономическом факультете. Стол преподавателя и трибуна находились на небольшом возвышении, и преподаватель каждый раз понимался на одну ступеньку, чтобы сесть за свой стол, и на одну ступеньку спускался, когда шел к студентам. За спиной преподавателя висела небольшая зеленая доска.

Столы были «двуместные» светлые деревянные с такими же светлыми деревянными стульями. Ушанков разложил билеты и запустил сразу полгруппы. Ира вытянула тринадцатый билет.

– У вас несчастливый билет? – улыбнулся Ушанков Ире.

– Я не верю в приметы...

Сели писать теорию. Ушанков, как всегда улыбался, смотрел в окно и о чем-то думал... Потом начал ходить между столами. На первой парте около двери сидела староста Диана и подавала сигналы Ире, что ей очень нужна, просто необходима шпаргалка по одному из первых билетов. Ира сидела на второй парте в центре. Пока Ушанков шел в другом ряду спиной к студентам, Ира стала искать нужную шпору в кармане, старалась незаметно ее достать и кинуть Диане. Иногда она боязливо оглядывалась, чтобы узнать, где находится Ушанков и не привлечь лишнего внимания. Шпоры смело летали по аудитории: одну шпору Женя кинула Тае, Дима кинул шпору Роме. Ира тоже решила кинуть шпаргалку Диане. По ее расчетам неспешно идущий Ушанков должен был еще идти в соседнем ряду спиной к сидящим. Ира бросила Диане шпаргалку... Вдруг откуда ни возьмись прямо около Иры возник Ушанков. Ира промахнулась, шпора ударила о стол в Дианином ряду и... попала как раз под ноги преподавателю... Как оказалось, Ушанков успел немислимым образом дойти до конца своего ряда, повернуться лицом к студентам, пройти по Ириному ряду и бесшумно подойти ко второй парте, где сидела Ира...

Ушанков Иван Дмитриевич нагнул голову, посмотрел на валяющийся на полу свернутый белый листочек, исписанный формулами. Ира в ужасе только успела подумать: «Ну все... конец... сейчас он поднимет шпаргалку, выгонит меня из аудитории и влепит двойку». Ушанков посмотрел задумчивым невидящим взглядом на листочек... и... наступил на него ногой в своих обычных черных туфлях на высокой ровной подошве прошел до трибуны, поднялся на ступеньку и сел за свой стол, проигнорировав Ирину шпаргалку. Через несколько минут он вышел из аудитории... Наверное, чтобы не мешать студентам обмениваться шпаргалками. Студенты времени зря не теряли. Все, еще не успевшие списать – успели, все нерешенные задачи – помогли решить. Глеб сначала «псыкал» и тоже просил шпаргалки, потом достал конспекты и начал списывать прямо с тетрадки... Когда через полчаса вернулся Ушанков, все теоремы и доказательства были списаны, все определения повторены, все задачи решены. И большин-

ство студентов шестнадцатой группы в этот раз положительно сдали матанализ.

Ктавиди Антона не зашел в аудиторию в первых рядах, не списал со шпаргалок теорию и пошел на пересдачу по матанализу.

Линейку сдавали в 141 — обычной лекционной. Экзамен прошел без сюрпризов, все, кто обычно получал пять, получили пятерки, хорошисты — четверки, троечники — тройки. Ира сдала легко — ей нравилась линейка.

Экзамен Кругова поставили в незнакомой маленькой аудитории рядом с кафедрой информационных технологий. Ира в первый и последний раз увидела эту аудиторию без номера с черной железной дверью и огромным плазменным телевизором на дополнительном столе. Для Иры экзамен прошел сложно: попался один из алгоритмов сортировки — один из самых трудных билетов, который когда-то на лекциях Кругов подсматривал в конспекте. Когда Ира ответила, декан сказал, что она между четверкой и пятеркой. — Вы же хотите пять? — спросил у нее Кругов и начал «гонять» по определениям с начала года и задавать дополнительные вопросы по теории, потом еще несколько задач. На экзамене Ире показалось, что она рассказала всю теорию за первый курс информатики... Когда она вышла из аудитории с пятеркой, у нее было такое чувство, что она защитила диссертацию по информатике. «Сдала информатику Кругову на первом курсе, как диссертацию защитила»... Вера очень тщательно готовилась к информатике, выучила всю теорию и с первого раза сдала на четверку.

Тая на экзамене тоже получила четверку, хотела пять, и, сразу позволив маме, сказала Жене:

— Мама сказала: «Не расстраивайся, пойди, съешь что-нибудь вкусненькое, съешь печеньку», — и они пошли в факультетское кафе.

Олеся плохо сдавала сессию, по линейке и информатике получила тройки. Она начала вскладчину снимать квартиру с двумя девчонками из восемнадцатой. Вечерами они веселились, ночью пьянствовали, и Олеся не успевала ничего выучить к экзаменам.

Экзамен Горового тоже был в 141. Преподаватель заранее раздал билеты, которые полностью повторяли лекции. Бнидерт, который обычно развлекал Настю и Диану перед экзаменами, предупредил перед линейным программированием:

— Поверьте, Горовой — это будет долго и больно, — он перефразировал Настю Тюканову.

— Посмотрим.

На экзамене были два вопроса по теории и только одна задача: по линейному программированию, где все итерации студенты проделывали вручную на бумаге, задачи были объемные и вычислительные.

Некоторые умудрялись качать решения задач по линейному программированию с Интернета — есть сайты, которые автоматически решают задачи по исходным данным.

Ира не риковала. Она до конца была не уверена в своем решении – могла быть вычислительная ошибка, но Горовой с глубокомысленным видом подозрительно быстро перепроверил ее решение и поставил пять.

– Это все равно было быстро и не больно, – Настя вышла и показала Бнидерту зачетку с пятеркой.

– Повезло, – Бнидерт удивился и покачал головой. Он ждал Диану Усанову, Рыжую, как теперь называла ее Настя: Диана красилась в рыжий цвет. Бнидерт и Диана недавно начали встречаться.

– Настька, ты после Горового сразу домой едешь?

– Да, сразу после экзаменов сажусь в автобус и еду в Задрьпайловск! – возмущенно говорила Настя. – Скажите мне, что в Задрьпайловске делать? -- Пустые улицы... Ни развлечений... Ни кафешек нормальных! – с болью в голосе говорила она. – Пропадаю в этой деревне....

– Задрьпайловск, одним словом!

– Настю папа наказал, дома запер, она теперь дома сидит, никуда не ходит, учится... – сказал Бнидерт.

– С друзьями видаться не могу! – жаловалась Настя одноклассникам.

– Сходите со мной в деканат! – Диана Пожарова, с небольшой тряпичной болотно-зеленой сумкой через плечо, взяла под руки Диму и Рому и пошла с ними в деканат. Диана была в коротких голубых джинсах снизу на завязочках и красно-розовой футболке. Она тоже получила пятерку по Горовому.

К Бнидерту, Насте и Диане Усановой подошел Джанаров Артем. Семнадцатая группа в этот день сдавала матан.

– Ну как сдал? – спросила Настя, с любовью рассматривая лицо Артема.

– Отл, – как само собой разумеющееся ответил Артем.

Сначала лучшие друзья, Бнидерт и Джанаров, не могли поделить красавицу Диану. Но Диане нравился Бнидерт, и Джанаров отступил, но не расстроился и как раньше всюду гулял с Настей и Дианой, поддерживая компанию. Артему нравилось в компании всех смешашей Насти и красавицы Дианы. – С Настькой весело, – говорили о Насте ее друзья Артем и Диана-Рыжая.

– У нас парень с основной специальности уже пару месяцев со своей девчонкой за ручку ходит! – говорил Артем. – Она ему говорит, что нужен год встречаться до того, как начнется секс! Год встречаться! Что?.. Это кто придумал? – Артем рассмеялся своим старческим смехом – Это год за ручку ходить? Год встречаться и за ручку ходить? Насмешили! Месяц и нормально!

– Джанаров наглый и невоспитанный придурок – сказала о нем Олеся, когда Настя, Диана и Бнидерт отошли провожать Настю на вокзал. Ира промолчала.

Олесе на экзамене Горового несказанно повезло. Она успела выучить только пять билетов из тридцати, ей попался именно тот билет, который она знала, и Олеся тоже получила пять.

Наслушавшись рассказов основной специальности, к Горовому все основательно готовились, и было много пятерок.

«И что такого особенного в Горовом?» — удивлялась Ира. «Почему его все не любят? Все выучила — все ответила, все решила... Как обычно... Как у остальных преподав... Ничего особенного...»

Но не у всех так гладко прошел экзамен по линейному программированию. Катя Сидорова пришла неподготовленная и получила двойку. Горовой предложил ей пойти к нему на кафедру...

Катя Сидорова поступила на договор, жила на съемной квартире. Она в Тимашевске встречалась с соседом немного старше ее и уже вела активную половую жизнь.

Родители Кати развелись, когда ей было семь. Отец уехал в другой город, оставив после себя Кате только свою фамилию и небольшие алименты до ее совершеннолетия. У мамы Кати была своя фирма, она всегда много работала и неплохо зарабатывала.

Математику Катя знала плохо и никогда не любила. В школе по математике у нее была тройка. По специальности работать не собиралась. Зачем поступать на факультет, если все равно потом не будешь работать по специальности? Чтобы иметь хороший диплом. Ей бы подошел факультет управления или, на крайний случай, эконом. На факультет информатики с его сложными, переворачивающими мозги предметами, она пошла по совету родственников получать техническое образование, для корочки. До этого год занималась с серьезным репетитором, разбирая сложные задачи, которые все равно не понимала. К первой сессии подготовиться не смогла. Ходила со шпаргалками, ловила халяву на балконе перед экзаменом. Первую сессию кое-как сдала... Перед экзаменом Горового она также ловила халяву и брала шпаргалки у одногруппников. На этот раз не помогло...

Катя потом рассказывала однокурсникам, как они занимались сексом на рабочем столе Горового среди учебников по линейному программированию. — Вот видишь, — говорил Горовой, пыхтя и сопя, — считай, экзамен сдаем! Среди учебников линейное программирование учим! — Катя на экзамен пришла в открытой майке на бретельках и коротких джинсовых шортах. Катя потом делилась с подружками, как противно заниматься сексом со стариком.

Горовой Катю конкретно облапал, «отымел» и поставил три. Потом она просто кипела от возмущения и жаловалась всем подряд:

— Представляешь, Горовой переспал со мной на кафедре. Занялся анальным сексом — у меня первый раз был, а потом все равно три поставил. Сказал, что тройка — это положительная отметка. Вот старый козел!

— Ты думала, он тебе четыре поставит? Ты же ничего не знаешь. Ты хоть не рассказывай никому, что с Горовым за тройку спала, — советовал одногруппник Никита Матродский.

На последнем экзамене – английском – было много самоэкзаменов. За несколько недель до экзамена Антон начал заниматься дополнительно с молоденькой учительницей, которая одна воспитывала ребенка, и очень ей симпатизировал. Тая перед английским тоже занималась с репетитором.

На экзаменах одногруппники увидели Анжелу. За семестр она появилась только три раза, говорили, что она где-то отвисает с Матродским Никитой из восемнадцатой, который в прямом смысле окружил ее заботой и сдувал с нее пылинки. Анжела любила все блестящее. В сессию, когда она появлялась в универе, на ней всегда была одежда со стразами и вышивкой золотыми или серебряными нитками. Она носила туфлями с загнутым длинным носом, тоже обсыпанные блестками.

По матану, информатике и линейке Анжела обзавелась хвостами, зато по английскому получила самоэкзамен, она очень хорошо говорила на иностранном языке, долго занималась с репетитором.

Джанаров Артем к поступлению готовился с Круговым, и первые две сессии закрыл на отлично.

– Хорошая тема, – говорил Ире Артем после последнего экзамены, – найти себе влиятельного препода-покровителя, который поможет, прикроет, если что. – Слава, Егор, Степан и Артем собирались с дорогим коньяком к Горовому праздновать окончание сессии.

В конце первого курса Настя Тюканова начала встречаться с отличником с основной специальности – но что-то не задалось. Он с ней повстречался пару месяцев, устроил сказку, а посреди сессии бросил. Настя очень переживала, часто напивалась с горя, глушила водку с апельсиновым соком, притупляя душевную боль, хорошо хоть сессии не завалила, он ей сильно понравился, и, закрыв летнюю сессию на отлично, уехала в Армавир-«Задрыпайловск», продолжать заливать горе там.

Антон Ктавиди курс явно не тянул. Он не сдал матан и информатику, линейку собирался пересдавать в единый день пересдач. Ира удивлялась, что его не отчислили после первой же сессии.

Ира закрыла летнюю сессию на отлично.

– У меня в зачетке никакого разнообразия, – сказала Ира Олеся, разглядывая пятерочную зачетку.

– А ты хочешь, чтобы у тебя в зачетке было разнообразие? – спросила Олеся.

– Нет, не хочу. – Ира понесла зачетку в деканат.

Когда Ира относила зачетку, увидела у расписания Кругова и Горового, которые что-то оживленно обсуждали и смеялись рассказанному Круговым анекдоту. Они разговаривали как друзья-товарищи, ровесники, вместе громко смеялись. И многие студенты не догадывались, что Кругов на десять лет младше и что, как только Кругов стал деканом, он тут же сместил Горового с поста замдекана, сделав завкафедрой численных ме-

тодов. И что они в общем-то не очень ладят... И что Горового вообще недолюбливают многие преподаватели факультета.

На даче

Тая и Слава собирали однокурсников отметить окончание летней сессии и приглашали всех на дачу к Тае. Они ехали своей тусовкой, Тая пригласила Женю Резцову, Иру и Веру, Слава позвал Степана и Вову Иваненко, друзей из семнадцатой. Вера как обычно отказалась. Ира предложила пригласить Джанарова Артема, но Тая ответила, что Джанарова не будут приглашать ни при каких условиях — в элитную компанию Таи и Славы Артема не пускали, считая придурком.

Тая, Слава, Женя и Степан договорились приехать вместе на машине Таинового папы, с которым у Славы были сложные отношения. Ира добиралась сама на автобусе. На вокзале она случайно столкнулась с Вовой Иваненко, высоким, смуглым, со светлыми волосами и серыми глазами. Неместный, он жил на съемной квартире, а сам приехал из Кропоткина. Он две сессии закрыл на отлично.

Ира с Вовой поехали на одном автобусе. На даче вдохнули свежего загородного воздуха. Ире повезло, Вова знал дорогу к Таиной даче: он уже был там со Славой.

Дошли до нужного дома, остановились у забора, дача была закрыта, хозяев еще не было. Ира с Вовой на автобусе приехали раньше, чем остальные на машине. Вова начал названивать Славе, узнавая, когда они будут. Через двадцать минут к воротам подъехала старая советская машина вишневого цвета. Из нее вышел старший брат Таи Андрей, высокий и худой, похожий на Таю, он был за рулем. Андрей поздоровался с Ирой, пожал руку Вова и стал открывать ворота.

— Ну что? Потусим? — спросил Слава, тоже вылезая из машины. — Степан, наверное, в первый раз в жизни на такой машине ехал. Его сильно укачало. У него такое лицо было! Ты бы его видел, — тихо сказал Слава Вова.

Андрей открыл светло-зеленые железные ворота и загнал машину во двор — площадка около дома была забетонирована и предназначалась для авто. Двухэтажный кирпичный дом с балкончиком производил впечатление нового и недавно построенного. Косая односкатная крыша переходила в небольшой навес. Дом, с хорошим ремонтом и новой добротной, но немногочисленной мебелью, внутри был отделан деревом. Ира сначала почему-то подумала, что это дача Славы, а не Таи — после новогодней вечеринки благосостояние у Иры ассоциировалось именно со Славой.

Дача стояла прямо на берегу Кубани. Участок был небольшой — стандартные четыре сотки — и запущенный: несколько невысоких плодовых деревьев, цветы у дома, кое-где вскопанные грядки, горшки с покупной рассадой на всех подоконниках. Тая рассказывала, что эту дачу они купили недавно и еще ничего не сажали.

Участок со стороны реки не был огорожен забором, незаметно переходил в заросшую сорняками лужайку с тропинками к речке и заканчивался обрывом. Небольшая площадка была расчищена и огорожена деревянными поручнями, с нее можно было прыгать прямо в речку. Мальчишки, как приехали, сразу полезли купаться. Женя и Тая переоделись в купальники, но не купались. У берега вода была мутная и грязная, и дна не было видно. Если заплывать дальше, вода светлела, становилась прозрачной. Ира любила плавать и далеко заплывать. Она с мальчишками тоже пару раз прыгнула. Площадка была скользкой, ее уже успели раскатать мокрыми ногами. Один раз Ира поскользнулась и неудачно упала боком в речку. Остались синяки и несколько садин на ребрах. После этого она уже больше не плавала.

Вова Иваненко подружился с мальчиком лет десяти, сыном соседей Таи по даче. Они вместе купались в речке, далеко заплывали и дурачились. Они бегали и прыгали, как ровесники, ныряли с площадки и плавали наперегонки. Потом сели играть в карты...

Прямо на берегу речки Слава и Степан поставили мангал, достали заранее замаринованное мясо и начали делать шашлыки.

Появились папа и мама Таи, подошли поздороваться с молодежью. Они были у соседки и собирались в город. Мама Таи, тоже азиатки, в майке и коротких джинсовых шортах, носила минусовые очки. Она работала экономистом, начальником отдела, не так давно защитила кандидатскую диссертацию в вузе, где работал муж. Ира обратила внимание, что у нее на одной ноге заметно выступали синие варикозные вены. Папа, славянского типа, высокий, худой, темноволосый, с небольшой бородой. Он пожал руку Славе, при гостях они решили не выяснять отношения. Приплыли уточки и Таин папа начал их отгонять:

— Кыш, кыш... уточки — рассадник лептоспироза.

— Тая, зайди в дом, я тебе кое-что скажу, — и Тая побежала за мамой в дом.

Родители Таи появились ненадолго, «не стали мешать молодым» и с соседями уехали в город. Таин брат уехал с ними.

Весной отношения Таи и Славы перешли на новый уровень: Тая со Славой потеряла девственность. И теперь они просто не могли друг от друга оторваться. Мама Славы часто была в командировках, и Тая неделями жила у него, вела хозяйство. Тая очень нравилась маме Славы: он находился под постоянным Таиным присмотром, пока мама Славы отсутствовала. Он был накормлен, напоен, одет, умыт и обут, Тая помогала ему с учебой и обеспечивала досуг. А что еще нужно матери?

Когда начались первые ссоры. Тая расставила мебель дома у Славы по «феньшую» и ссоры тут же закончились. Тая работала над их отношениями: они со Славой вместе ходили в походы, часто отвисали в ночных клубах, читали одни и те же книги, а потом обсуждали их. Они вместе готовились к экзаменам у Славы дома. Тая объясняла ему матанализ и сложные примеры по линейке. Тая отдавала Славе свои шпаргалки для экзаменов, переписывала конспекты лекций для зачетов. Сначала боролась, чтобы он бросил курить, но потом перестала пытаться его переделать и иногда сама покупала ему сигареты...

У дома под еще одним навесом стоял деревянный стол, который по-хозяйски накрывала Тая, расставляя одноразовые пластиковые тарелки. Ира нарезала хлеб, овощи и фрукты. Женя со Степаном готовили что-то на кухне вдвоем. Все утро Женя со Степаном обменивались заинтересованными взглядами и мимолетным улыбками. Она хихикала в ответ на все его шутки, остроумные и не очень. Между ними проскальзывало напряжение.

Когда шашлыки были готовы, все сели за стол, открыли бутылки с пивом. Парни привезли полторашки живого пива на розлив, темное для себя и светлое для девушек.

Слава поднял большой пластиковый стакан с пивом.

— Давайте выпьем за окончание сессии! За то, что мы все сдали экзамены и закрыли эту сессию! И стали второкурсниками!

Все подняли бокалы и поздравили друг друга с окончанием первого курса, выпили и закусили.

— Вот мы сложно эту сессию сдавали. Я думала, у меня четверка по матану будет, — сказала Тая, когда все отведали шашлыков.

— Да, сессия была жесткая, — кокетливо жаловалась отличница Женя. Она напрашивалась на комплименты, хотела высветить свои достоинства перед Степаном.

— Какие четверки, какие пятерки! — засмеялся Слава, схватившись за голову. — Тут хоть бы сессию закрыть. Хоть бы тройки получить! Ушанков — это вообще! Я ему только с третьей попытки матан сдал! А линейку Доровской со второй! — У Славы не было проблем только с английским. Он несколько лет занимался с репетитором.

— Кому-то четверка плохо, а кто-то и тройке рад! — подытожил Степан.

— Слава можно сказать, только недавно сессию закрыл, когда с соревнований вернулся, — рассказывал Вова.

Слава ездил на краевые соревнования по настольному теннису перед сессией, пропустил зачетную неделю и вернулся во время экзаменов. Преподы были к нему лояльны, экзамены он сдавал экстерном.

— Ну, Тая тоже в команде университета играет, — медленно и протяжно сказала Женя, поддерживая подругу.

— Тая с командой дальше города не прошла. Вот Слава хорошо в настольный теннис играет. Он на краевые соревнования ездит. Там всех знает.

У Славы был разряд по настольному теннису. Он играл в команде университета и ездил на одиночные и командные краевые соревнования. Тая, тоже спортсменка, иногда ездила с ним. Тая играла в команде университета по волейболу и регулярно защищала честь сборной на соревнованиях. В школе она была капитаном своей команды.

Второй тост сказал Вова Иваненко. Встав, он поднял пластиковый стакан с пивом:

— Девушки, пейте. Вы, когда пьяные, можете позволить себе все, что угодно и без последствий! — и Ира подумала, что тост про пьяных девушек был одним из самых популярных на пацаньем факультете информатики.

— Сидорова тоже без хвостов сессию сдала... — сказал Вова.

Все промолчали.

— Она по линейному программированию даже учебник не открывала! — насмешливо сказала Женя.

Слава, обычно защищающий девчонок, в этот раз поддержать Сидорова отказался:

— Да она с преподами спит, ну ее... — махнул он рукой.

— Как ваши соревнования? — спросил Степан у Вовы.

— Нормально.

— Они бегают по городу, шарады разгадывают. Таин брат там капитан команды, — объяснил Степан.

— В последний раз они нашли следующую подсказку на крыше многоэтажки, выиграли. Там приз два миллиона... — рассказала Тая.

Оказывается, Вова со Славой увлекались командным разгадываем шарад. Обычно в соревнованиях участвовало несколько команд, которые получали одни и те же задания. Все участники сбрасывались по небольшой сумме, чтобы образовать призовой фонд. Участвовавшие команды получали одинаковые задания и старались их разгадать. В каждом задании находилась подсказка, где искать следующее задание и т. д. Участники пытались эти подсказки разгадать. Команду — победительницу ждал приз. Если никто не выигрывал, призовой фонд переходил на следующий этап.

Поев и выпив, Степан со Славой отошли покурить. Тая тоже достала сигареты, закурила и собиралась подойти к Славе со Степаном. В компании Славы, Егора и Степана Тая сама иногда курила — редко, перед сложными экзаменами или чтобы поддержать компанию, она начала курить еще в школе. Теперь Тая то бросала курить, то на экзаменах и тусовках опять начинала. Но всегда стремилась бросить.

— Можно мне тоже сигарету? — попросила Женя Резцова... Оказывается, Женя тоже иногда баловалась сигареткой. Тая протянула Жене свою пачку сигарет, практически полную, в которой недоставало только двух сигарет. Тая курила тонкие женские совсем слабые сигареты в белой упаковке с нежно-розовым рисунком. Упаковка сигарет была похожа скорее на коробочку от конфет или жвачек. Женя взяла одну сигаретку. Ира обра-

тила внимание на ее ногти: когда-то Женя их сильно грызла, и сейчас ее ногти выглядели, как маленькие обрубочки. Обычно она их коротко обрехала и не красила.

Ира не знала, что Тая с Женей курят. Женя рассказала, что в первый раз попробовала сигарету тоже еще в школе, в своем колледже. Закурив, Женя стала по-другому себя вести, как будто стала старше, опытнее и раскрепощеннее.

После обеда парни пошли отдыхать в дом. Тая с Ирой убирали со стола, Женя возилась на кухне. Тая попросила Иру принесли посуду из кухни, Ира зашла в дом и по дороге на кухню увидела Степана, лежащего на диване спиной к двери, и Женю, обнимающую его со спины...

Вечером мальчишки играли в карты. Слава и Степан любили играть в покер и легко проигрывали друг другу большие деньги. Они учили играть девчонок, Тая и Женя уже умели. Тая смотрела карты и подсказывала Славе, а Женя – Степану. Ира только учила название карточных комбинаций.

– Думаешь, ставить? – спрашивал Слава у Таи, показывая ей свои карты.

– Думаю, да, – отвечала Тая.

– Сбрасывай, – в это время убедительно говорила Женя Степану.

Вова играл азартно, часто проигрывал, а потом пошел играть в «дурака» с соседским мальчиком.

Слава как обычно много курил и пил... Они со Степаном и Вовой днем гуляли пиво, а к вечеру перешли на коньяк.

Ночью разошлись костер, сидели на лавочках около костра, еще ели шашлыки, пили. Днем Женя и Степан полежали в обнимку и пообнимались. Это их сблизило. У костра Женя сидела рядом со Степаном и стала называть его зайчиком. – Зайчик, передай, пожалуйста, соль... – попросила она, ужиная шашлыком.

Вова играл на гитаре. У костра пели те же походные объединяющие песни, что у Галины Павловны в 216 после дня факультета. Ира их уже знала. Потом включили магнитофон с зарубежной музыкой.

Тая сидела на земле на коленках, положив голову на колени Славе, и выглядела, как на плахе. Она доверчиво заглядывала Славе в глаза и гримасничала. Так она сидела довольно долго, слушая песни.

Через пару часов Степан с Женей сидели обнявшись. Общая тусовка, дача, вечер у костра, постоянно целующиеся Тая и Слава, как фон – легкий флирт обещал перерасти во что-то большее...

Женя иногда отходила покурить со Степаном. Закурить был способ остаться с парнем вдвоем, без посторонних. Они часто уединялись, отходили якобы покурить и целовались...

Сидели долго, разошлись около трех. Женя со Степаном легли вместе в комнате рядом с Таем и Славой. Тая постелила Ире на втором этаже...

На следующий день Ира проснулась рано, вышла из дома... На улице уже курил Слава... Остальные еще спали.

– Привет, Тая еще спит? – спросила Ира.

– Да, в комнате...

– А Женя со Степаном?

– Тоже еще дрыхнут.

Слава довольно хихикнул. Сводничество удалось.

– Да, все еще спят. Только Вова проснулся и в компьютере сидит. Будешь что-нибудь? – Слава с утра пил пиво.

– Нет, спасибо.

– Степан, чтобы быть сегодня у нас, вчера утром приехал из Славянска, прикинь. Вообще он снимает комнату у бабушки напротив универа.

– Понятно.

Как Ира уже заметила, Слава очень обходительно и внимательно, как старший брат, обращался с девушками. И они все были под его немой защитой и покровительством, просто потому, что они девушки, слабые и беззащитные и нуждаются в опеке. Тая сначала ревновала его ко всем вокруг – к однокласснице Ане Тротурской, к Жене Резцовой и даже к Ире, но потом поняла и приняла его манеру поведения.

Неожиданно Вова прокричал из кухни:

– Слава! Тебя Тая зовет! – и Слава быстро зашел в дом.

Большинство проснулись около десяти... Позавтракали и после одиннадцати решили разъезжаться.

Как Ира приехала с Вовой, так и уехала. Они вместе дошли до автобусной остановки, на одном автобусе доехали до центрального рынка города.

– Ты точно нормально доберешься домой? – переживал Вова, когда вышли из автобуса.

– Да нормально, мне несколько остановок на трамвае или пешком.

– Ну смотри... А то я провожу.

– Нет, спасибо... Вроде день, светло...

Вова решил на всякий случай узнать мнение Славы и сразу позвонил ему:

– Да, доехали! Хочет сама домой идти! Отпускать? – отчитывался Вова. Наверняка, на даче Слава его конкретно настрошал.

– Только ты обязательно позвони, как придешь домой! – все нервничал Вова, поговорив со Славой. – И мне позвони, и Славе! Через полчаса уже точно дома будешь?

– Думаю, буду...

– Я тогда лучше сам тебе позвоню...

– Хорошо...

Не успела Ира прийти домой, как ей сначала позвонил Вова, а потом Слава, узнавать, как добралась... Ира не видела причин так беспокоиться.

После первого курса Ира думала, что если все учить и всегда ходить на пары, то можно без проблем доучиться до пятого курса и хорошо за-

кончить университет. Она так и собиралась — все учить и все пары посещать... И дальнейшая учеба обманчиво казалась гарантированной и безмятежной...

Второй курс

Новости матеметодов

Осенью прошлогодние первокурсники матметодов получили эсэмэски от Дианы Пожаровой с расписанием первого дня занятий. И в назначенное время встретились в универе на перемене перед парой. Счастливые после лета, загоревшие, одногруппники обрадовались, увидев друг друга.

В начале пары староста Диана делала организационные объявления. Она была в футболке и потертых обтягивающих джинсах, со своей маленькой тряпичной сумкой через плечо и большим пакетом. За лето Диана немного поправилась и сделала еще одно мелирование.

— Итак, вот какие новости у двадцать шестой ... — начала рассказывать староста.

— Мы же были шестнадцатой? — перебила ее Олеся.

— Ну да, мы теперь второй курс — двадцать шестая, третий — будем тридцать шестая и так далее. Теперь первокурсники-матметоды стали шестнадцатой.

— А где Анжела? — спросил сильно загоревший после лета Глеб.

— У нее было несколько хвостов, — объяснила Диана, — и после летней сессии она перевелась на эконом...

— Понятно.

Ира больше Анжелу никогда не видела и о ней не слышала.

На первых парах узнавали свежие новости. До второго курса доучились не все, из группы выбыла не только Анжела, в середине первого курса отец Леры Курдяевой получил предложение работать в Германии и, обсудив семьей, решил принять его. Поэтому, сдав летнюю сессию, Лера забрала документы из университета. Она собиралась переехать в Германию, где с потерей года поступить в вуз. На одну из первых пар она пришла попрощаться с одногруппниками, расцеловалась с Женей и Таей, обещала писать Нике подробные письма и передавать приветы бывшим одногруппникам...

Из-за проблем с английским во второй сессии Вася Нечаев перевелся на договор.

Летом несколько студентов с экономспециальности через профком поехали отдыхать на море. В последнюю «королевскую» ночь Вероника призналась Егору в своих чувствах, он сделал вид, что очень удивлен, и они начали встречаться. После поездки на дачу к Тае Женя и Степан тоже стали встречаться. Итак, на экономспециальности образовалось еще две па-

ры. Влюбленные везде ходили за ручки, обнимались и целовались на переменах, сидели вместе на лекциях, вызывая зависть многих девчонок экономгрупп.

Когда Лера «отчислилась», Вероника стала своей в «элитной» компании Жени и Таи. Этому во многом поспособствовали отношения Ники и Егора. — Хорошо, что девчонки меня приняли, а то Лера уехала... — сказала Ника Ире и Олесе.

Женя отрастила, заострила, но также не красила свои ногти-обрубочки. Она ходила, царапалась — царапала всех окружающих и ставила затяжки на одежде и колготках, своих и чужих. Но Степану нравились царапающиеся треугольные ногти Жени.

Настя рассказывала подробности свадьбы своей красивой подруги из Армавира, с которой гуляли на четырнадцатое февраля, и, наверное, ей немного завидовала. Она обычно быстро шла своими большими шагами под руку с косолопой и горбатой красавицей Дианой, скалив зубы и наклонив корпус вперед. Их сопровождал Джанаров Артем, который летом ходил в спортзал, принимал анаболики и очень накачался. Они постоянно смеялись: громко, запрокидывая голову или опуская голову и прижимая кулак ко лбу, показывая крупные выступающие зубы, смеялась Настя, негромко, прикрывая рот, хихикала Диана, и старчески подхихикивал Артем. Диане стало не нравиться, что Настя называет ее Рыжей. — Не называй меня так, — сказала она Насте. — Все рыжие обычно шлюхи. — Просто падшие женщины! — в ответ Настя только рассмеялась, запрокинув голову, но больше Диану Рыжей не называла.

На первых парах сделал пару памятных снимков. Антон Ктавиди не любил фотографироваться с группой. Он всегда фотографировал всех сам. Антон собирался работать в администрации Горячего Ключа — родители уже договорились — и не хотел, чтобы фотки с одноклассниками компрометировали его, будущего большого начальника. Потом бы получилось, что он в этой группе как бы не учился.

В начале второго курса мелькал Кругов в том же зеленом костюме из дорогой ткани и крокодиловых туфлях.

Дима из двадцать седьмой уже ходил с обручальным кольцом. Он пары не посещал, учился на тройки, и все, что мог, проплачивал через деканат. Преподавателю к нему относились лояльно.

Рома Финков оставил безнадежные попытки понравиться Олесе и начал ухаживать за красивой четырнадцатилетней школьницей. Вера о Владе и слышать не хотела, что у них произошло, она не рассказывала.

Борис Станиславович расстался со своей девушкой Наташей и начал романтические отношения с Пожаровой Дианой. Олесиному сердцу было разбито — ей предпочли старосту Диану...

Олеся, чтобы быть поближе к БС, устроилась лаборантом к Галине Павловне. Но любовь была не единственной причиной пойти Олесе работать в 216. Основные ее причины были более прозаические и меркантильные:

Олеся надеялась, что замдекана поможет ей с общежитием и учебой. Олеся было слишком дорого оплачивать съемные квартиры. Гена с Ваней Казимировым подсказали Олеся, что если устроиться работать к ГП, то через год работы можно рассчитывать на общежитие, что ГП иногда помогала «своим» со сложными экзаменами, они писали диплом и курсовые «у своих», пользовались всеми преимуществами лаборантов и были допущены к архивам чужих дипломов и курсовых. Олеся также жила на съемной квартире с девочками из двадцать восьмой. На сессию она решила уезжать домой в Тихорецк.

Гена посоветовал Олеся: — Ты Ване Казимирову рассказывай, как тебе БС нравится. Он потом наверняка все БС передаст. Они же вместе работают, — и Олеся рассказывала, не стеснялась.

Боря Финков иногда заходил к Олеся в компьютерные аудитории. А Влад тоже порой сидел с ней в 216 и, как и Ваня Казимиров, слушал Олесин любовный бред. Как Борис Станиславович на Олеся посмотрел, что он сказал, как он улыбнулся. Какой мужчина Борис Станиславович, какой он классный во всех отношениях. Как сексуально он держит сигарету, какая у него классная кружка для чая, ни у кого в лаборантской такой нет. Какая у него замечательная попка, и как он стильно одевается, хотя получает не так уж много: носит строгие костюмы и жилеты. Какой он накачанный, потому что ходит в спортзал. Как он классно программирует и разбирается в сисадминистрировании. Какой он милый и скромный, какая у него томная улыбка... Как он смешнее всех рассказывает анекдоты, какой он веселый, но не пошлый. А Борис Станиславович серьезно увлекся Дианой...

Влад коротко подстригся и начал регулярно мыть волосы. За лето он как-то повзрослел и возмужал, расширился в плечах, и уже больше не походил на подростка-старшеклассника.

Настя Тюканова активно заигрывала, «ухаживала», а потом начала встречаться с первокурсником матметодов Петром Овенко, среднего роста, смуглым, красивым, с тонким ртом и ровным носом. Отличник, она делала ему все сложные задачи и писала программы. Говорили, что он и встречаться с ней начал, чтобы отличница Настя помогала ему с учебой.

Ира не пошла с Олесей работать к Галине Павловне в 216. ГП казалась Ире слишком тоталитарной, Ира не любила, когда на нее кричат, тем более прилюдно. Но было слишком много свободного времени после пар, которые заканчивались около трех. И Ира решила устроиться промоутером, через агентство участвовать в разных промоакциях. Такая работа как раз подходила студентке. Каждый день после пар Ира ехала «на точку», где переодевалась в рабочую форму и три или четыре часа в день раздавала листовки на улице, работала на дегустации напитков, предлагала подарки за покупку сигарет или мужских бритвенных станков. Точки менялись раз в неделю. Платили по сто-сто двадцать рублей в час, в месяц получалось от восьми до десяти тысяч. Мама Иры, работая

бухгалтером с девяти до шести каждый день, зарабатывала около четырнадцати. Иру такая работа устраивала, она неплохо получала и могла совмещать учебу и работу — на сессию студентов обещали отпустить.

В городе было несколько промоагентств. Чтобы получить работу, нужно было пройти отбор, участвовать в конкурсе. Студенток, желающих работать, было хоть отбавляй. Работа была непостоянной, акции начинались, длились от трех месяцев до полугода и заканчивались. Но если хорошо себя зарекомендовать, в агентстве постоянно подбирали промоакции и можно было работать хоть круглый год. Правда по точкам ездили супервайзеры, штрафовали за опоздания, «ленивую» работу и невыполнение плана.

Ира слышала, что в одном из промоагентств Егор Соколов устроился работать супервайзером. Он тоже каждый день после пар ехал на точки проверять работу таких же промоутеров, как Ира. Но она никогда по работе не пересекалась с Егором. От знакомых девчонок Ира слышала, что Егор заигрывал с подопечными направо и даже завел несколько служебных романов параллельно. Как поняла Ира, Егор не отличался верностью Веронике.

Олеся и Ира устроились на работу и уже не могли сидеть после пар с Владом, Борей и Олесей на пушке. Влад с Верой еле здоровался — Вера избегала Влада всеми возможными способами. Посиделки на пушке прекратились, и компания развалилась...

Однажды иностранцы из двадцать восьмой пришли в национальной одежде. Из однокурсников, кто хотел, мог фотографироваться с ними. Бокари был в длинной пестрой тунике свободного кроя и плоских шлепках. Из-под туники выглядывали широкие штаны-шаровары. Верх туники был вышит золотом. Бокари рассказывал, что сам вышивал свой костюм и объяснял одногруппникам, что означал каждый его орнамент. На голове Бокари была шапочка — куфи, тоже вышитая золотом и с тем же орнаментом, что и на тунике.

Амака и Бузиба тоже пришли в нарядных костюмах. Амака была в длинном зеленом платье и большим накрученным на голове африканским шарфом. Бузиба в длинной тунике, шапочке и с обычной кожаной папкой с тетрадками под мышкой...

Джанаров Артем, специально заранее договорившись с однокурсниками, тоже пришел весь в белом: белых джинсах, майке и туфлях. Артем хотел сфотографироваться с Бокари в национальном костюме и специально принес профессиональный фотоаппарат. Артем с Бокари стали напротив расписания и обнялись, как братья, для фотографии. Артем, весь в белом, с прозрачной белой кожей и рядом чернокожий Бокари с яркими белками глаз и белоснежными зубами в национальном костюме. Они стояли в обнимку и улыбались. Такой белокожий и светловолосый армянин Артем и такой чернокожий Бокари. Равные друг другу, с разных континентов, говорящие на разных языках, такие разные, случайно оказавшиеся на одной

специальности в одном вузе. Как будто не было между ними всех этих расовых, территориальных и языковых границ. Как будто все эти этнические условности не имеют никакого значения.

Ваня

Ира на переменах иногда заходила к Олеся в 216 или 111 и болтала там с Геней Никоненко и Ваней Казимировым, который тоже стал работать лаборантом у ГП...

Родители Вани Казимирова не могли оплатить ему еще один год обучения и больше не могли позволить себе съемные квартиры. Ваня должен был взять академ или что-то придумать... Его «нагнул» один препод, Околов Владимир Сергеевич, замдекана по учебной работе, и оплатил ему год договора — и Ваня остался и дальше учиться на третьем курсе.

— Проститутка, — сказал о Ване младший сын ГП Рома.

— Правильно сделал, — сказал Саша Нинельский.

«Нагibal ли кто-то Сашу ради продвижения по службе?», — Ира не давала таких вопросов.

Что будет дальше и как доучиться последние два года, Ваня не знал, он искал выход. Кто-то подсказал ему, что если попасть к ГП, она сможет договориться с Круговым о рассрочке для оплаты договора, поможет доучиться до пятого курса и поможет с учебой и общагой. И Ваня тоже пошел работать в 216 лаборантом и практически сразу получил общагу.

— Ну, хоть не бомж. Теперь хоть в общаге живет, — говорил Гена. — А то раньше по квартирам одноклассников мыкался, то там переночует, то там... Через окна залезал. Его друг Витя иногда в общагу пропускал. А на первом курсе, пока у отца деньги были, Ваня трехкомнатную квартиру снимал с евроремонтом, хвастался. А потом весь второй курс, как бомж, у одноклассников жил. Даже на вокзале ночевал и однажды на лавочке...

— А теперь как? — спрашивала Ира у Вани.

— На договоре доучусь...

— Как ты дальше будешь? За договор ведь надо платить?

— Надеюсь, ГП договорится о рассрочке. Когда пойду работать, буду кредит отдавать за последние два курса.

— Понятно... — Ира на минуту замолчала. — А если не договорится?

— Не знаю, — просто ответил Ваня.

Ваня относился к вопросу философски и сильно не переживал. Казался «безбашенным» — его будущее висело на волоске, а он говорил легко и беззаботно, как будто ему все равно, сможет он доучиться или нет, и что будет делать дальше...

– Привыкаешь жить с проблемой, – однажды сказал Ире Ваня. И сейчас в разговоре с ним Ира почему-то вспомнила именно эту фразу...

Однажды Галина Павловна пришла в 216, а там прямо на стуле уснул Ваня Казимиров. Прямо на стуле. Взял и уснул.

– Беденький, очень устает. Жалко его, – она аккуратно его потормошила, и Гена отвел Ваню в общагу...

У Олеси в октябре было день рождения, и она накрывала небольшой стол в 216 для команды ГП.

– Хорошо начинать работу с угощений!

Я тоже осенью родился... сказал БС перед торжеством. Что же делать еще холодными зимними вечерами? – он скромно улыбнулся.

– У него такая улыбка! – как всегда говорила Олеся, когда БС вышел из 111. – Мы оба родились осенью!

– Да, у вас много общего! – сказала Ира, которая помогала Олесе с продуктами. Ира не была лаборантом у ГП и на празднование не оставалась.

– Ты знаешь, на что намекал БС. Он еще так улыбнулся! – Олеся была в шоке от тонкого намека БС...

– А ты думала, он сексом не занимается? – рассмеялся Ваня. Девчонки, я не понимаю, чего же вы ждете? Надо набираться опыта. А то встретишь своего мужчину и даже не поймешь, что он тебе в постели подходит, – сказал Ваня, обращаясь в основном к Ире.

– Это же со сколькими нужно переспать, чтобы понять, что этот мужчина мне подходит, а этот не подходит? – спросила Ира.

Ваня ничего не ответил.

И Гена Никоненко тоже предлагал переспать со всем универом, чтобы набраться опыта, и уже много умеющей встретить мужчину мечты и поразить его своими сексуальными способностями...

Третий семестр

На втором курсе учеба катилась, как и на первом. Неизменные Ушанков и Доровская читали в 141 лекции по матанализу и линейке. В 142 Ушанков вел практику.

На втором курсе практику по линейной алгебре вела уже не Доровская, а Нарукова Анна Константиновна, кандидат физико-математических наук, сорокалетняя, очень худая, с черными волосами по плечи, седая и некрасящаяся. Она ходила в юбках по колено и обтягивающих кофтах и постоянно вытягивала рукава кофты, прикрывая запястья, как будто всегда мерзла. Она говорила тихо и неуверенно, иногда нервно смеялась. Нару-

кова говорила и улыбалась, не размыкая челюстей, как цедила сквозь зубы, и постоянно стучала по столу карандашом, заглушая стуком и свои объяснения, и ответы студентов. Она часто писала в разных концах доски, стирала плохо вымытой тряпкой и растирала мел по доске. На ее грязной, в мелу доске в одном углу она писала одну часть решения, в другом другую, поэтому ее объяснения были непонятны. Практики по линейке теперь проходили на физическом факультета на первом этаже в маленькой полуподвальной аудитории. Нарукова неуверенно говорила, неуверенно писала на доске решения примеров, неуверенно объясняла и почему-то вызывала у Иры чувство жалости...

На втором курсе информатику преподавала Вдольская Анна Борисовна, и Кругов у экономических специальностей больше ничего не вел.

Вдольская, кандидат педагогических наук, за тридцать, невысокая, худенькая, с мелированными волосами по плечи. Она дружила с Полозиным со своей кафедры информационных технологий. Несколько лет назад она съездила отдыхать на море, после курортного романа забеременела и родила мальчика, которого теперь воспитывала одна.

Вдольская производила впечатление плохо разбирающейся в программировании. Объектно-ориентированное программирование она рассказывала по бумажке, в середине семестра раздавала ксерокопии лекций и пять задач к зачету – всем одинаковые – и отпустила до сессии.

Несколько лет Вдольская преподавала одно и то же, задавала одни и те же задачи, которые уже успела выучить наизусть. Она плохо программировала и студенты второго курса такие, как Бнидерт и Джанаров, говорили, что разбираются в программировании лучше, чем их преподаватель информатики в вузе.

Одронинский Александр Ильич уверенно и громко рассказывал в 207 численные методы. Одронинский замдекана по научной работе на математическом факультете. Седеющий, с черными усами и длинным овальным лицом. Он сам приехал из Тюмени и даже зимой ходил в майках или хорошо наглаженных рубашках с короткими рукавами и натянутых до груди штанах. В середине семестра помощница Одронинского сказала, что он заболел, раздавала студентам ксерокопии лекций и отпустила до экзамена – по численным методам зачет с экзаменом объединили. Правда, Егор говорил, что часто видел Одронинского на математическом факультете, но из студентов экономспециальностей никто не стал возмущаться и разбираться, раз препод отпустил до сессии!

Теорию по дифференциальным уравнениям вел замдекана по учебной работе Околов Владимир Сергеевич, которого Егор – специалист по прозвищам – тут же прозвал «Джокер». Высокий, худой, немного сгорбленный, с длинным носом, он действительно чем-то напоминал шута, заменяющего любую карту колоды. Он был женат и воспитывал дочь, школьницу старших классов. Лекции он читал понятно и казался очень серьезным, говорил тихо, мало и сухо и редко шутил.

Практику по диффурам вел БС в 111...

Для решения задач по диффурам студентам не нужны были компьютеры, но практику поставили в компьютерной 111, где БС работал сисадминистратором. В начале года столы в 111 сдвинули в середину аудитории, вдоль стен также стояли компьютеры. И все студенты и преподаватель сидели за одним большим столом.

На первую практику по диффурам Олеся даже боялась заходить, а потом села с Верой в конце большого общего стола почти напротив Бориса Станиславовича. И всю пару шушукалась и хихикала с Верой, прыскала смехом и смущала и без того смущенного и растерянного преподавателя. Борис Станиславович в сером костюме и розовой рубашке синел, краснел и запинаясь, оглядывался на смеющихся, сбивался при объяснениях и робко просил говорить потише. Он бледнел и неуверенно писал синим маркером на белой доске трясущейся рукой решения уравнений и свои объяснения. Видно было, что на первой паре он испытывал стеснение, неловкость и замешательство, которое только усиливали без причины смеющиеся Олеся и Вера.

Рома Антошин постоянно подшучивал над обескураженным БС – смущать и ставить в тупик преподавателя доставляло ему несомненное удовольствие.

Наконец, Женя Резцова и Тая попросили Олесю и Веру не смеяться и не отвлекать преподавателя и остальных...

На второй практике БС как будто осмелел и остальные практики проводил уверенно... Он хорошо разбирался в предмете, всегда задавал домашнее задание, его тщательно проверял и аккуратно ставил оценки в свою тетрадку, досконально разбирал все сложные неополучившиеся примеры, иногда расписывал несколько вариантов решения. Он проводил текущие самостоятельные и контрольные в конце каждой темы. А в конце семестра обещал итоговую контрольную по всем темам.

Ира нравились диффуры – еще один вариант вычислительной школьной математики.

На первой парте общего стола справа от преподавателя всегда сидела Диана и влюбленно смотрела на БС. В конце стола прямо напротив него восседала Олеся, смеялась, строила БС глазки и заливалась краской.

На парах БС немного заигрывал с девочками, особенно с Женей и Таяей, не ранив чувств Олеси и не вызывая ревность Дианы. Он флиртовал и шутил, иногда рассказывал непошлые анекдоты и стал любимчиком всех девочек из двадцать шестой.

Старшие курсы уже рассказали, что один из самых сложных предметов на втором курсе, да и за все пять лет обучения – это дискретная математика, которую преподавал Скуленко Игорь Валентинович, невысокий, лысеющий, с непропорционально большой головой, огромными васильковосиними глазами и немного опущенными вниз уголками губ и глаз. Ему было немного за сорок. Рассказывали, что он женился на бывшей студентке,

очень красивой. Она влюбилась в него на первом курсе, долго молчала, а потом со слезами призналась ему. Скуленко ее успокоил и, как честный человек, на ней женился. У них в браке родилось две дочери. Жена называла его «человеком науки» и создавала все условия для научной работы. Скуленко почти всегда ходил в вязаном женой синем свитере и редко улыбался. Вы чаще улыбайтесь, вам так идет улыбка, однажды на паре сказал ему Егор.

Скуленко был одним из самых известных ученых факультета и ему прочили большое будущее. Он уже был доцентом и кандидатом физико-математических наук, занимался информационными системами и преподавал самые сложные предметы на факультете: дискретную математику и базы знаний. И исповедовал какую-то малоизвестную восточную религию. Тая тоже знала эту религию и тоже ей увлекалась.

На лекциях в 141 аудитории Скуленко в неизменном синем свитере и потертых джинсах ходил взад и вперед вдоль большой зеленой доски и писал сложные, абстрактные, абсолютно непонятные формулы. Казалось, что он вообще не переодевался. «Людям науки неважно, во что они одеты», говорила себе Ира. Скуленко говорил тихо, постоянно думал о своем, как будто безостановочно решал для себя важные научные и личные вопросы. Как будто его внутренний мир был намного важнее, чем мир вокруг.

Фразы, сказанные Скуленко на лекциях, студенты потом публиковали на факультетском форуме. Некоторые становились крылатыми. Ира особенно запомнила две: «В принципе верно, но совершенно неправильно» и «Я не знаю, как это доказать и можно ли, поэтому вынесу задачей на экзамен» и еще что-то про контрабанду маленьких гепардов. Егор на лекциях просил Игоря Валентиновича повторить некоторые из его выражений. Егор часто подлизывался к преподавателям и хотел им нравиться.

Практику по дискретке вел Овикян Владислав Оганович, высокий, немного полный, в роговых очках с затемненными стеклами, коротко стриженный с кучерявыми волосами с проседью. Он обычно ходил в черно-сером твидовом костюме, а задачи и учебники носил в черном матерчатом чемоданчике. И говорил с заметным армянским акцентом. Он работал на кафедре информационных технологий. Его отец преподавал на экономе, Овикян, можно сказать, был потомственным преподавателем. На парах он с идем, раскачиваясь на стуле, и постоянно пел: «Тарарирам» или что-то негромко мурлыкал себе под нос, постукивал пальцами или ручкой по столу. Он или тарабил ручкой по столу, как Нарукова, или пел «Тарарирам». Поэтому в группе его так и стали называть Тарарирамом.

На пары Овикян ходил редко, много пар пропадало из-за его болезней. На парах, на которых он все-таки присутствовал, он объяснял непонятно. Казалось, что он сам плохо разбирался в предмете, который преподавал. Ира вообще не могла понять, как решать задачи по дискретке и где какую формулу применять. Ира ориентировалась по задачам, которые

на лекциях разбирал сам Скуленко. За весь семестр Овикян провел максимум пять пар. К зачету раздал список задач, которые надо решить, и сказал приходиться на зачет с решенными задачами.

– Ну как вам Тарарирам? – однажды спросил Дима Захаров.

– Одним словом – Тарарирам, – смеясь громко сказала Олеся и пожала плечами...

Проведывание больной

В середине семестра Женя Резцова сильно заболела воспалением легких. Она сидела дома с температурой и не ходила на пары. Тая носила ей переписывать лекции, Степан навещал с подарками, а одногруппники собрались ее проведать.

Договорились встретиться недалеко от Жениной квартиры. К назначенному месту пришли только Ира, Тая, староста Диана и Рома, который, несмотря на появление постоянного парня, не оставлял попыток понравиться Жене. Остальные одногруппники не смогли пойти, но собирались навестить ее в следующий раз.

Неожиданно для всех появился Джанаров Артем.

– Смотрите, Артем идет, – сказал Рома, смеясь и показывая пальцем на знакомую фигуру. – Джанарова даже никто не приглашал. Он сам пришел. Вообще без комплексов.

– Он невоспитанный просто, – сказала Тая, удивляясь, как Артем вообще осмелился прийти.

Диана промолчала.

– Артем как ребенок, – ответила Ира, которая всегда защищала от личников. Она ценила интеллект выше всего и считала, что за ум можно многое простить.

Артем даже не смутился удивлению на лицах двадцать шестой группы. Он просто сказал:

– А вот и я, – полностью уверенный, что все всегда счастливы его видеть.

– Представляете, недавно возвращаюсь домой, а на лавочке Димчик лежит, отдыхает, – удивлению Ромы не было предела. – Он ключи дома забыл, а его мама на работе задержалась... Дима маму ждет... Прикиньте! На лавочке спит!..

В ответ староста Диана только хмыкнула...

Ко второму курсу раньше зажатые студенты немного раскрепостились, подружились... и разговорились. Количество обсуждаемых одногруппниками тем увеличилось.

Женя с мамой и папой жила на третьем этаже нового девятиэтажного блочного дома недалеко от старого центра, в трехкомнатной квартире новой планировки.

Женин отец был начальником отдела в банке, а мама приехала из глухой деревни, а теперь работала бухгалтером в небольшой частной фирме, куда ее по знакомству устроил муж. У Жени был старший брат Виктор, который поступил в московский вуз и теперь там учился. Женя тоже ездила в Москву пробовать поступить, но на бюджет не прошла по конкурсу и осталась учиться в Краснодаре. Родители помогли Виктору выплачивать ипотеку за однокомнатную квартиру. В Москве он начал встречаться с девушкой, которую ни Женя, ни ее мама в глаза не видели, но которая им уже не нравилась.

Тая позвонила в домофон, знакомый голос, немного исковерканный электронным устройством, спросил: «Кто?», и дистанционно открыл дверь подъезда. Интонацию Жени не узнать было невозможно. Тая повела одногруппников и Джанарова Артема к нужной квартире.

Немного бледная Женя в непривычной домашней одежде открыла дверь и пригласила войти. Она была в белой футболке с рисунком, «мягких» спортивных штанах болотно-зеленого цвета и красных тапочках.

У Жени была большая грудь, узкий таз и толстые ноги. Она практически не пользовалась косметикой, только иногда губной помадой. Женя обычно носила полусапожки или теплые ботинки и однажды сказала: — У меня толстые икры, я в сапоги просто не влезаю. — Тогда Ира поняла, почему Женя редко носила юбки, в основном брюки и джинсы — комплексовала из-за толстых икр.

— Всем привет, — сказала Женя и расцеловалась с Таей, которая тут же достала из сумки свои конспекты и передала их Жене.

— Вещи можно повесить здесь, — Женя показала на отдельные крючки для верхней одежды на открытой вешалке в прихожей.

— Как ты себя чувствуешь? — вежливо спросила Диана и хмыкнула.

— В общем, нормально, только небольшая температура, тридцать семь и два, — ответила Женя. — Давайте, я покажу вам квартиру.

Женя бегло провела гостей по комнатам. Из длинного коридора одна дверь вела на кухню, другая в спальню родителей, третья — в комнату Жени, а четвертая в зал. Квартира была хотя и трехкомнатная, но маленькая, необжитая, было заметно, что семья переехала сюда недавно.

— Здесь моя комната, — сказала Женя, открывая дверь в полутемную комнату. — Мы ее потом еще посмотрим. — Женя только быстро открыла дверь в спальню родителей, никто не стал заглядывать внутрь, и проводила одногруппников и Джанарова в зал.

Рома не стеснясь, по-хозяйски осматривал квартиру Жени, сам заглядывал в комнаты, все везде смотрел:

— Рома ведет себя у меня дома, как будто он уже мой муж, — возмущалась Женя.

— Женя вообще-то со Степаном встречается, — поддержала Тая. Диана ничего не сказала, только как обычно хмыкнула.

В небольшом зале стоял диван, пара мягких «дутых» кресел и журнальный столик. У одной стены, рядом с дверью новая стенка, на шкафу лежал нераспакованный сервиз и круглая розовая коробка с красной крышкой непонятно от чего. За стеклом с одной стороны стояли бокалы, посуда, хрустальные вазы, с другой — книги, словари, энциклопедии. В шкафу находился большой телевизор, на полках над которым лежали газеты и журналы. В кресле у окна сидел очень большой пушистый белый медведь с красным бантом — подарок бывших одноклассников, «пылесборник», как такие мягкие игрушки называла Ира. Он занимал все кресло...

На полках стояли семейные фотографии: Женя с родителями держит золотую медаль, Женя на конкурсе по художественной гимнастике, закинув ногу за голову, крутит ленту. Когда Ира увидела фотки родителей Жени, она удивилась: Женя была очень похожа на маму — просто поразительное сходство.

Женя сделала одноклассникам чай, принесла печенье и шоколад. Пока остальные разговаривали на кухне, Женя с Ирой сидели в зале и смотрели семейные фотографии. Женя сидела в кресле, а Ире принесла табуретку из кухни.

— Смотри, какие у меня носки! Брат привез из Голландии. Недавно вернулся из турпоездки, — Женя махнула рукой в сторону своих ног.

— Классные... — Ира не заметила ничего особенного.

— Ты что? Это же конопля! — Женя удивилась Ириному незнанию, вытянула ногу в белом носке и растопырила пальцы в пятнадцати от Иринога лица. «Хорошо, хоть носки более или менее чистые и ноги не воняют потом», — подумала Ира. Она не ожидала, что ей в лицо будут ноги тыкать.

На белых носках был изображен контур зеленого листа, и только специалист мог узнать в нарисованном листочке легкодоступный в Голландии наркотик.

— Ну что? Поговорили? — из кухни пришел Артем, а за ним остальные. Тая несла поднос с чаем, шоколадом и печеньем.

— Это брат привез из Голландии, — Женя угощала экзотикой. Голландские шоколад и печенье были красочно завернуты в неяркие хрустящие обертки и на вкус не отличались от краснодарских, только, может быть, были немного менее сладкие. В зале начали пить чай.

— Степан попросил Женю говорить попроще, — сказала Тая, ища глазами поддержки у одноклассниц.

— Ну, что я могу сделать, если я так говорю? — ответила, как будто оправдываясь, Женя своей обычной ломотной выпендречно-протяжной интонацией, сильно жестикулируя. И выделила слова «так говорю».

Диана и Ира только пожали плечами: «Ну, так разговаривает, что поде-лаешь?»

Потом Женя показала однокурсникам фотоальбом. Пока они рассматривали фотографии, Женя взгрустнула — кому понравится болеть воспалением легких? Тая, чтобы развеселить подругу, тут же состроила ей смешную гримасу. Тая развлекала Женю на парах, когда та грустила, строила ей забавные рожицы, называла себя именем веселой популярной мультяшной героини и ходила в майке с этой мультяшкой. Тая не боялась дурачиться и быть смешной.

Пока рассматривала фотки, вернулась с работы мама Жени, ее копия только на тридцать пять лет старше.

— У тебя одноклассники? Здравствуй, — она говорила с точно такой же манерной и тягучей интонацией, как Женя. Теперь стало ясно, на кого Женя похожа и в кого она так разговаривает. — Может быть, будет чай, кофе?

— Мы уже пили, спасибо, — ответила маме Женя.

— Понятно, кому Женя обязана своей красотой, — делал комплименты Рома.

Женина мама принесла еще печенье и ушла в спальню. Она дождалась мужа, Жениного папу, представительного вида, в офисном костюме и белой рубашке, маленького, лысого, усатого, с большим животом, на коротких тоненьких ножках. Он тоже быстро поздоровался с гостями, и родители Жени отправились погулять по Красной.

Потом Женя провела одноклассников в свою небольшую комнатку, которая, может быть, не казалась бы такой крохотной, если бы сюда после переезда не носили всю старую мебель, которую некуда ставить, но жалко выбросить: шкаф, сервант, сдвинутый стол, под столом табуретки и консервация. На столе перевернутые стулья ножками вверх, еще железные табуретки, вложенные друг в друга. Кульки с одеждой и пакеты, наполненные всякой всячиной, были сложены в перевернутые сидения и громоздились до потолка. Вся эта утварь была нагромождена с одной стороны комнаты, оставляя небольшой узкий проход к кровати и маленькому компьютерному столу, которые стояли отдельно и не были заставлены мебелью. Сваленные вещи предавали комнате Жени вид чулана. Мальчишки сразу сели за компьютер, «попробовать Женин комп», на котором было установлено много игр старшего брата. Артем сразу запустил какую-то популярную гонку, потом стрелялку, негромко поругал Женин медленный «доисторический» Интернет, и с Ромой прилип к компьютеру...

Артем с Ромой, до этого дня практически не общавшиеся, говорили, как старые хорошие знакомые, шутили, смеялись и подбадривали друг друга. Женя только махнула на них рукой. Мальчишек от компа было не оторвать. Она достала конспекты Таи, стала разбирать ее понятный почерк и задавать вопросы Диане и Ире по лекциям. Диана отвечала на вопросы Жени и помогала с решением домашних примеров. Через полчаса гости почувствовали, что пора уходить, навещение больной закончилось,

девчонки оттащили мальчишек от компьютера, вежливо посидели еще несколько минут и разъехались по домам.

В следующий раз навещать Женю отправились остальные одногруппники. Ира уже не поехала. Побывав дома у Жени, Олеся, не скрывая удивления, делилась впечатлениями:

— Женька так выпендривается! Я думала, что у нее дома шикарно. А у нее старая мебель, и папа ездит на задрипанной машине... Когда мы подходили, я видела, как он к подъезду подъезжал... А она так выпендривается...

Через несколько недель Женя выздоровела и снова появилась на парах.

Ночь откровений

Однажды Верина мама уехала в командировку, и Вера пригласила подругек Иру и Олеся остаться у нее с ночевкой.

Верина мама работала милиционером, была вдовой военного. Вера отца почти не помнила — он погиб, когда ей было три и ее мама была беременна младшей сестрой Викой.

Когда Ира и Вера учились в школе, Ира уже несколько раз была у Веры дома. Вера жила в центре города недалеко от сельскохозяйственного рынка в двухкомнатной хрущевке со смежными комнатами. В ее бледно-персиковом четырехэтажном доме, в одной остановке от ярко-желтого здания кадетского училища, были маленькие балконы, маленькие подъезды и лестничные площадки.

Квартира Веры была на третьем этаже. Небольшой узкий коридор переходил в проходную комнату, по совместительству зал и заканчивался комнатой-спальней матери, из которой стеклянные двери сбоку вели на открытый балкон. Поэтому осенью и зимой в комнате было холодно, и Верина мама пользовалась дополнительным обогревателем, потребляющим много электроэнергии и сильно увеличивающий квартплату.

В проходной комнате с одной стороны стоял раскладывающийся диван для Веры с сестрой, с другой — комод и деревянный стол, сбоку компьютерный столик на колесиках. На комод стояло несколько семейных фотографий. Ире почему-то показалось, что их слишком мало. Еще в школе Вера показала Ире черно-белую, дорисованную фотографию военного и сказала: Это мой папа. На таких фотографиях у Иры были портреты молодых дедушки и бабушки. Вера с сестрой чаще всего спали вместе на диване или доставали раскладушку и стелили Вике на кухне. И вся квартира Веры скорее напоминала коридор, ведущий в комнату матери.

Верина мама, чтобы подзаработать, летом сдавала одну из двух комнат приезжим, чаще всего одиноким мужчинам, поэтому Вера привыкла к посторонним мужчинам в квартире.

Лучшая подруга Веры, соседка Алина, была писателем и поэтом. Вера писала Але, как она ее называла, длинные письма и складывала их в почтовый ящик, на следующий день находила ответ и, живя в одном подъезде на разных этажах, они переписывались. Они писали друг другу по пять-семь страниц каждый день, переписывали стихотворения. Алина сама сочиняла стихи. Вера под впечатлением от Алины увлекалась литературой, запоем читала, и все прочили ей филологический сочинения Веры бывшая классная руководительница зачитывала всеми классу и считала одними из лучших в потоке... Сама Вера считала, что высшее образование ей вообще не нужно, ведь всегда можно работать продавцом. Но потом по настоянию мамы все-таки пошла за Ирой на информатику...

Подружки заранее скинулись, купили несколько банок джин-тоника, бутылку мартини, закуски и собирались сплетничать всю ночь.

Когда Ира приехала около восьми, Олеся уже сидела у Веры на кухне и пила джин-тоник. Вера достала красивые конусовидные бокалы для мартини и продолговатые для джин-тоника. Они с Олесей накрыли небольшой стол, сделали бутерброды. Ира приехала на все готовое... Последнее время после пар Олеся и Вера ездили в межвузовскую поликлинику: у Олеся были проблемы со здоровьем, с почками, ей назначили несколько обследований, и Вера ездила в поликлинику вместе с Олесей поддерживать подругу. Ира после пар ездила на работу...

— Мы тут без тебя начали? Ты же не против? — спросила Вера у Иры, ласково улыбаясь своей маленькой улыбкой.

Без проблем, ответила Ира. Летом Олеся с Верой ездили в Тихорецк, жили две недели в двухкомнатной квартире Олеся и очень подружилась.

Дома у Веры был неплохой ремонт ее мама недавно взяла кредит. Новая мебель, совмещенный санузел. Современная техника, стиралка в туалете, маленькая кухня со встроенной мебелью. Ира подумала, что вообще для матери одиночки с двумя дочерьми они неплохо жили.

— Кто-нибудь будет вино?

Наверное, я, неуверенно сказала Ира.

— Я принесу тогда бокалы для вина!

Мне можно и в этот налить! Ира показала на продолговатый бокал.

— Да ладно тебе! Один раз живем! Вера принесла еще специальные бокалы для вина, более широкие и высокие, на черных ножках и налила в один из них вино для Иры. Себе и Олесе она подлила джин-тоника.

— А ты разбираешься!

Когда все расселись и наполнили бокалы, Вера, как хозяйка вечера, сказала тост:

— Давайте выпьем за встречу! — все пригубили спиртное. И каждый отпил, сколько привык: Вера сразу выпила полбокала джин-тоника, Оле-

ся сделала несколько больших глотков, Ира сделала только один небольшой.

А что произошло у вас с Владом? — Ира давно хотела задать Вере этот вопрос, но никак не решалась.

Роман Влада и Веры так красиво начинался и так неожиданно и скоропостижно закончился. Вера как обычно вздохнула, но она уже выпила, поэтому смело продолжила:

— Не спрашивай. Хорошо? Давай не будем об этом, она говорила как всегда тихо и нежно с придыханием. Вера перестала носить браслеты оптом, но также любила массивные кольца на руках и в ушах.

— Финков Боря говорил, что Влад больше не пишет стихи... — осторожно сказала Ира.

— Да, мне тоже Боря говорил... — подтвердила все еще огненно-рыжая Олеся, БС нравился ее цвет волос.

— Жалко.

— Влад такие классные стихи писал... — взгрустнула Ира.

— Мда...

Олеся вздохнула, все опустили глаза и посмотрели куда-то в пол, как будто почтили минутой молчания чью-то кончину... Но тягостная мертвая тишина не продлилась долго. Уже скоро на Вериной кухне был слышен искренный смех, и о Владе и Боре больше никто не вспоминал...

А через десять лет после окончания универа Влад будет женат на своей однокласснице, в браке у него родится дочь. Он будет работать по специальности инженером и перестанет писать стихи — со времен первого курса не напишет ни строчки. Из компании «на пушке» будет общаться только с Борей Финковым, который так и останется его лучшим другом...

Боря Финков будет работать в полиции программистом. Он тоже женится на своей красавице, с которой начал встречаться в начале второго курса, когда ей было четырнадцать. И них тоже родится девочка...

— Давайте еще выпьем!

— Второй тост за родителей! — сказала Ира, как когда-то говорил БС после дня факультета.

— Давайте за родителей! — поддержала Олеся.

— Точно!

Вера допила свой бокал джин-тоника и собралась налить себе еще, Олеся сделала пару глотков, Ира сделала еще один небольшой глоток, еле коснувшись губами вина.

— Давай я налью тебе джин-тоник, — Олеся забрала у Веры банку. — Нельзя же самому себе наливать.

— Мы не верим в приметы!

— Давайте выпьем, чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было! — сказала Олеся и все опять выпили.

— Тайка рассказывала, что Глеб начал встречаться с какой-то девушкой из общаги. Она с биофака. Симпатичная, говорят, — Тая дружила со всеми

парнями двадцать шестой, особенно с Антоном и Глебом. — Говорит, что у них все серьезно.

— Женька встречается со Степаном. Никак к этому привыкнуть не могу, — сказала Ира.

— А Ника с Егором! Я так и думала, что из этой компании все разобьются на пары. Я, правда, думала, что Женька начнет встречаться с Егором, а Степан ...с Ирой, — Вере везде мерещились девушки, влюбленные в Егора. Она постоянно попивала джин-тоник и со знанием дела подливала его себе и Олеся.

— Йопс-тудей, — сказала Вера, немного разлив на стол. — Говорят, Степан очень богатый...

— Не знаю... Мне Слава недавно говорил, что Степан живет со своей бабушкой в двухкомнатной квартире напротив универса...

Олеся внимательно посмотрела на Иру, но ничего не сказала.

— Степан сказал Женьке, что она какая-то деревенская. Женька очень обиделась. Считаете, что Женька деревенская?

— По-моему, нет...

— Женька? Нет... — уверенно замотала головой Вера.

— Вот я о том же... Я бы не сказала, — пожала плечами Олеся.

— Ну, давайте, выпьем за нас!

— Чтобы мы все сессии сдавали на отлично!

— Ага, особенно я, — неуверенно хмыкнула Вера.

Чокнулись и отхлебнули тоника и вина.

— Ника встречается с Егором! Кошмар! — Вера еще выпила и продолжила волнующую ее тему. — Ника теперь так на меня смотрит! Ужас! — Вера странно захихикала своим обычным нервным смехом, хотя не сказали ничего смешного.

— Думаешь, она с ним уже спит?

— С Егором? Конечно! — без тени сомнений сказала Вера... — Я думаю, уже давно...

Через месяц, встречаясь с Егором, Ника рассталась с девственностью.

— Она с ним уже точно спит... Ника на меня так смотрит... Я ей не нравлюсь, я знаю... — жаловалась Вера, прижимая к лицу бокал джин-тоника. — Я это вижу по ее глазам.

— Забей!

— Егор говорит, что Ника классно целуется.

— Ника рассказывала, что ее научил целоваться сосед-адыгеец, с которым она встречалась до Егора.

— А Женька со Степаном, думаете, спит?

— Женька сказала, что хочет сохранить девственность до свадьбы, — сказала осведомленная Олеся. — Егор сказал, что Степан стал подкаблучником.

— Не знаю.

– Настька, по-моему, встречается с каким-то парнем с первого курса. Его Петр, кажется, зовут. Если у них получится, будет красивая пара.

– Вернее, красивая и умная.

– Петр тоже отличник?

– По-моему, да.

– Настя специализируется исключительно на отличниках. Интеллект – ее эрогенная зона.

– Какие ты слова знаешь...

Вера допила второй бокал джин-тоники и налила себе еще, у Олеси и Иры бокалы были почти полные...

– Как классно, что у нас Диана в деканате работает!

– Ты что? – Вера небольно ткнула Иру локтем.

– Ну да, точно... – Ира совсем забыла, что Олеся не любит Диану, новую возлюбленную БС. Ира тоже никак не могла привыкнуть к Диане Пожаровой рядом с БС. Взрослый серьезный БС в строгих костюмах с маленькой смешной Дианой в потертых джинсах клеш и обтягивающих кофтах на выпуск – они были комичной парой.

– Я просто стесняюсь спросить,.. – начала было Олеся.

– Не стесняйся, спрашивай!

– Что вы думаете о Женьке? – эмоциональная Олеся как обычно говорила громко и сильно жестикулировала.

– Такая классная, – сказала Вера с придыханием и сделала восторженное выражение глаз. Она восхищалась Женей и видела в ней ту уверенность в себе, которой самой Вере не хватало.

– Женька вообще супер! Такая умная!.. А что вы думаете о Роме? – все допытывалась Олеся.

– Он такой маленький! – сказала Вера и округлила глаза.

– А как вам Димчик?

– Вообще молодец, такой умный!

– А как он программирует! – Олеся продолжала говорить обо всех только хорошее.

– А какая Настька умная... – Вера опять сделала восторженное выражение глаз.

– Ну, у нее родители программисты, она росла в обнимку с компьютером...

Олеся как будто провоцировала Иру и Веру к откровенности.

– А Тайка?

– Не знаю... – Ира ничего не думала, ей было все равно...

– Тая со Славой – классная пара!

– Вот Тайка молодец! Быстро она Славу охомутила! – Олеся всех хвалила.

– Они, по-моему, уже год встречаются, – сказала Вера улыбаясь, расширив глаза и добавив им восхищенное выражение. – Вот молодцы!

— Глеб говорил, что отец Антона Ктавиди сейчас сидит в тюрьме за какие-то финансовые махинации, Антона содержит дядя, брат отца, деньги дает. А мама начала подрабатывать репетитором по русскому языку. Пока отца не посадили, они вообще хорошо жили...

Ира большую часть разговора молчала.

Вера открыла вторую банку джин-тоника, махнула рукой на бокалы и решила пить из банки:

— Так вкуснее! — сказала она Ире и Олесе.

— БС — какой мужчина! Он такой сексуальный! — завела свою обычную тему Олесья, когда, казалось, остальные темы исчерпаны и уже всех перехвалили. — У него такая улыбка! — она, сомкнув большой, указательный и средний пальцы и немного трясая рукой от переполнявших ее эмоций, поднесла руку к губам и причмокнула. — БС встречается с Пожаровой, потому что она работает в деканате. Она БС всякие справки без очереди достает, помогает во всем. Вот он с ней и встречается, чтобы ему легче на работе было!

— Именно поэтому! — поддакивала Ира.

Олесья уже разговаривала с Круговым о работе в деканате, но получила отказ: свободных вакансий не было.

— И что ему в ней нравится? Ни кожи, ни рожи. Они обжимаются на парах и целуются... Как ему не противно...

Олесья сделала брезгливое выражение лица и тряхнула головой, как будто ей было даже противно представлять их целующимися и обнимающимися: — Фу!

— Ужас, — вздохнула Вера.

— Он сегодня сидели на лавочке у входа в универ, обнимал Диану и ласкал ей грудь, как ему не противно! Фу! — Олесья захлебывалась от возмущения, высовывала язык, морщила нос и с омерзением отворачивалась.

А Борис Станиславович с Дианой каждый день после пар сидели на лавочке напротив главного входа и обжимались...

— А тебе кто-нибудь нравится? — спросила Вера у Иры.

— Мне никто, — поспешно ответила Ира, пряча глаза и стараясь побыстрее переменить тему разговора. Она только ненароком спросила про отличника и золотого медалиста Джанарова Артема. Но Олесе и Вере он был неинтересен.

За разговорами время текло неощутимо...

— Ну где же она, — Вера несколько раз проверила телефон. — Сейчас еще раз Вичке позвоню!

После десяти Вера несколько раз звонила младшей сестре, которая допоздна гуляла во дворе, чтобы она побыстрее возвращалась домой, но Вика или не брала трубку, или сбрасывала, или не слушалась, говорила: «Щас», и не приходила.

— Слушай, быстро домой, — сказала Вера не своим привычным сексуальным полупшепотом, а резким недовольным голосом, как обычно гово-

рит старшая сестра непослушной младшей, при которой не надо притворяться, кротко говорить или шептать, а можно просто строго прикрикнуть своим естественным голосом.

— Щас, — послышалось в трубке. На этот раз Вика появилась, около одиннадцати. Она открыла входную дверь своим ключом и зашла на кухню поздороваться.

Вика была на три года младше Веры и не такая красивая, с большими серо-зелеными глазами и крупным ртом, больше похожая на маму, чем Вера. Она не так сильно обесцвечивала волосы — цвет ее волос был близок к натуральному — и меньше красилась. Вика в отличие от отличницы Веры в школе училась на тройки. Она быстро зашла на кухню, бросила: — Всем привет, — отхлебнула джин-тоника из Верино бокала и пошла спать в мамину комнату.

— А уроки? — раздраженно крикнула ей вслед Вера обычным громким голосом без придыхания и полупшепота. Натуральный голос Веры Ира слышала нечасто.

— Я завтра в школе сделаю...

— В какой школе? Вика! Иди сюда!

Но Вика уже хлопнула дверью.

— С ней сейчас так сложно, — уже кротко полупшептала Вера, делая глоток из банки. — Переходный возраст...

— Да все нормально, не парься! — успокоила ее Олеся.

— Будем открывать шампанское? Оно так в голову ударяет. Эть! — Вера достала из холодильника бутылку шампанского и показала подружкам.

— Давайте попозже.

Подруги продолжили пить и обсуждать одногруппников.

— А Усанова сейчас у Бнидерта живет, пока его мама в командировке. Знаю я, чем они там занимаются! — хихикнула Олеся. — Просто падшая женщина! — сказала Олеся словами Насти Тюкановой.

— Какая красивая Диана!

— Может быть...

— У мужиков аж челюсть отвисает, когда они ее видят!

— Да у нас все девчонки вроде ничего!..

— А Сидорская, представляете, переспала с Горовым за тройку по линейному программированию! Вот кошмар! — Вера округлила глаза.

— Мда...

Ира и Вера замолчали. На факультете говорили, что Катя лечилась летом от наркозависимости. Ира в это не верила, мало ли что болтают... Ни Катя, ни кто-либо из ее подруг это не комментировали.

— Вася встречался с какой-то девчонкой с эконома, так она его до слез доводила. Слава богу, они расстались! Я думаю, что Вася себе кого-нибудь получше найдет!

— Если хочешь нормально учиться, а потом ходить на встречи выпускников, то лучше никаких отношений в универе и школе не заводить, —

сказала Вера Олеся и Ире, заглушая неприятные воспоминания о Егоре и Владе. И Вера решила навсегда завязать с отношениями с однокурсниками. Она предпочитала надежные курортные романы.

Время приближалось к полуночи, Ира уже засыпала. Ей постелили на диване в проходной комнате, а Вера с Олесей еще долго болтали и легли спать под утро...

Староновый знакомый

Ира нашла знакомое лицо на основной специальности и, начав здороваться, завела новое или возобновила старое знакомство.

Новым старым знакомым оказался Шеламов Дима, Ира до этого часто видела его на школьных олимпиадах по физике и химии. Дима среднего роста, темноволосый, синеглазый, густо- и темнобровый, Дима по коридорам ходил, как Настя Тюканова, быстро, широко шагая и наклонившись вперед, с большой сумкой через плечо. Он и улыбался, как Настя, показывая верхние зубы и закусив нижнюю губу, и выглядел как «очень умный» профессор со скрипучим голосом и нервным смехом. Когда он неестественно смеялся, он или качал головой, как Гена Никоненко, или прикрывал рот рукой. Когда Дима поступил в вуз, он сразу отрастил усы и стал казаться на несколько лет старше. Через полгода он их сбрил. Дима был часто неопрятно одет, неглажен, с грязными жирными волосами и натянутыми практически до груди штанами. Он ходил в рубашках и брюках неопределенной формы или старых грязных джинсах. Он занял одно из первых мест на краевой олимпиаде по математике и поступил без конкурса на основную специальность. Дима хорошо говорил по-английски и французски: его мама работала учителем по английскому в лингвистической гимназии. Дима вырос в неполной семье, без отца. Маму и бабушку Шеламов Дима, как и Джанаров Артем, называл «родителями», чтобы создавалось впечатление, что родители — это мама и папа.

Золотой медалист, Дима хорошо программировал, решал олимпиадные задачи по математике и говорил сразу на нескольких иностранных языках. Предпочитая интеллект чему-либо другому, Ира поддерживала эту дружбу. Дима Шеламов иногда провожал ее домой и скидывал разную музыку на чистые диски — болванки... Иногда она встречала Диму около расписания, и он рассказывал ей о разных способах решения дифференциальных уравнений и их применении в гидродинамике, или, как говорила Олеся, «грузил не по-детски».

Дима Шеламов сначала устроился лаборантом в 216, но не сработался с ГП и по приглашению Горового пошел к нему на кафедру численного

анализа заниматься научными разработками. Дима подумывал, чтобы остаться работать в университете.

Все лаборанты и сисадмины делились на две группы: «продвинутые» «инновационные» Кругова и «совдеповские» под каблуком у ГП, тоталитарные, забитые женщиной-феминисткой. Лаборанты в ее аудиториях или уходили сразу, как Шеламов Дима, когда она начинала кричать и унижала при одноклассниках. Или как Ваня Казимиров, Олеся или Даша Владимирова, оказывались под защитой ГП, терпели все ее выходки ради очевидных выгод: как Ваня, получали общагу и рассчитывали на рассрочку на договоре или, как Олеся, надеялись, а потом получали долгожданное место в общежитии и представляли тройкой-самокатом все сложные экзамены и зачеты. — Если бы ГП была талантливым управленцем, она давно была бы деканом, — как-то сказал Ире Ваня.

Однажды Ира, Вера под руку с Олесей стояли около расписания. Вера всегда ходила под ручку с Олесей или Ирой и постоянно стремилась облокотиться на кого-то из своих подруг или прикоснуться к ним. Любой маленький прыщик Вера выковыривала до основания и замазывала тональным кремом так, что на лице оставались кратеры, как язвы или признаки разложения, которые у Иры вызывали чувство ужаса и отвращения...

Одноклассники приехали к первой паре в девять сорок, но Вера плохо поела дома и решила перекусить, на стойке напротив расписания купила сочник с творогом — ее излюбленную попку.

К Олесе, Ире и жующей Вере подошел довольный Бнидерт под руку с красавицей Дианой Усановой.

— Всем привет, — сказал Бнидерт. Диана тоже пару раз доброжелательно кивнула, встретившись глазами с одноклассницами.

— Это ты откуда такой веселый? — спросила Олеся у Бнидерта, который просто светился счастьем.

— Оттуда, — находчиво ответил он. Рядом стояла улыбающаяся Диана.

Подошла Настя Тюканова и расцеловалась с Дианой и Бнидертом. Настя недавно подстригла челку очень коротко — слишком коротко — и стала совсем на себя не похожа. Ира все никак не могла к ней с короткой челкой привыкнуть.

— Вот, недавно выбирали Диане краску для волос, — сказала Настя. — Выбрали «Серебристый светло русый»... Серебристый... Теперь она у нас Серебристая, — Настя захохотала, запрокинув голову.

У Дианы на самом деле немного поменялся цвет волос. Ее светло-русые пшеничные волосы стали иметь слегка серый, пепельный оттенок и казались чуть темнее, чем раньше. Ира подумала, что Усанова стала выглядеть немного старше. И если раньше Настя называла Усанову Диану «Рыжей», то теперь «Серебристой», ее прозвища были привязаны к цвету волос.

У расписания появился Дима Шеламов с жирными, немывыми волосами, в клетчатой красно-синей байковой рубашке, как обычно мятый и неглаженный.

– Здравствуйте, – Дима обычно говорил не подростковое «привет», а именно взрослое серьезное «здравствуйте» или «добрый день», делая неспешный кивок головой в направлении всех присутствующих. Он пожал руку Бнидерту. Настя Тюканова тоже знала Шеламова по олимпиадам, они вместе писали краевые олимпиады по математике и программированию. И тоже иногда болтала с ним около расписания, восхищалась его умом... И еще со школы была к нему немного неравнодушна...

– Ира, я тут делал одну задачу по численным методам, может быть, кто-нибудь хочет посмотреть решение? сказал Дима. Кто еще не знал, сразу понял, какой Дима умный.

Ира кивнула.

– Я тогда перешлю тебе... У тебя тот же имейл?..

– Да, тот же... Дима иногда присылал Ире свои сложные задачи на разных языках программирования. Она их бегло смотрела, особо не разбираясь.

– Я тут недавно читал один анекдот.

И Дима рассказывал анекдот про базы данных, понятный только программистам-старшекурсникам, Бнидерту и, может быть, Насте, которая громко рассмеялась, остальные вежливо хихикнули.

– Ну ладно, мне пора, продемонстрировав свой интеллект, Дима зашел на пару, широко шагая, с сумкой через плечо.

– Как он говорит! – Олеся прыснула смехом, закрыв рот рукой, вслед уходящему Диме так, что он слышал. И потянула Веру к 142.

– Очень умный! – сказала Ира. – Хорошо программирует...

Обычно, если Дима начинал нудно рассказывать заумные задачи или объяснять сложные решения, его переставали слушать через пару минут и терпеливо или нетерпеливо ждали, когда он закончит свою речь. Если его перебивали, он говорил еще дольше. Длительность его речи напрямую зависела от того, сколько раз его перебьют. Чем чаще его перебивали, тем дольше он говорил. Иногда он говорил с умным видом простейшие определения, но его интонация и серьезное выражение лица вводили слушателей в заблуждение и они думали, что слушают как минимум лекцию по численному анализу...

– Нехорошо обсуждать других за их спиной, – однажды сказал Ире Дима.

– Да я вроде ничего такого не говорю...

И скоро Дима сам начал обсуждать с Ирой преподавателей факультета: – Ушанков, когда молодой был, говорят, со студентками за зачеты и экзамены спал. Так через него по полкурса проходило...

Шеламов все свободное время помогал на кафедре Горового. И потом рассказывал Ире интересные подробности:

– Всей кафедрой численного анализа преподы пишут апрельское тестирование, и написать не могут – вот такие задания по математике повышенной сложности. Особенно задачи по стереометрии.

– Понятно.

Личные жизни

В рутине учебы, чередой одинаковых лекций и практик одним из увлечений студентов была своя и чужая личная жизнь... или ее отсутствие.

Джанаров Артем влюбился в Веру, дарил ей розы, провожал домой, как когда-то Влад. Но Вере не нравился Артем, и она прибегнула к самому распространенному средству навсегда отшить парня и не оставлять ему никаких шансов – предложила остаться друзьями.

Олеся часто курила с БС на переменах около главного входа. Она увлеклась ментоловыми сигаретами. Иногда БС и Олеся открывали дополнительный выход у 111 и курили во внутреннем дворике. Иногда Вера и Ира присоединялись к ним, стояли рядом и разговаривали, иногда оставались ждать их у аудитории.

– Мужики вообще, то с одной спят, то с другой! А чем мы хуже! Мужикам так можно, а нам – так нельзя! На БС посмотри!

Ира не знала, что ответить.

БС на самом деле пользовался популярностью среди девчонок. На переменах он обжимался с Дианой. У компьютерных аудиторий видел ревнивые глаза брошенной Наташи, а в лаборантских его ждала влюбленная преданная Олеся. На факультете поговаривали, что БС гомик. А Диану Пожарову просто использует, как прикрытие своего гомосексуализма. Ира же считала, что БС просто бабник, не зря же он сам себя называл «Змием».

Перед сессией Степан пригласил Женю в гости в Славянск. Он поехал знакомить ее с родителями, а им показывать возможную невесту. Вернулась Женя очень радостная и в факультетском кафе хвасталась одногруппницам:

– Ну, у них дом... Очень приятная мама, хорошо меня встретили. У них свой бизнес, открывают небольшое кафе-забегаловку. Мама Степана рассказывала, что тарелка борща стоит у них двадцать рублей при себестоимости в два рубля. А что, такой бизнес можно иметь: восемнадцать рублей прибыли. Мама Степана хорошо разбирается в искусстве – у них дома много картин.

– А вы ездили с ночевкой? – спросила Настя Тюканова.

– Да, мне постелили в другой комнате...

Смотрины прошли на ура. После поездки все остались довольны друг другом. Родители – возможной невестой Степана, Женя – богатым женихом.

Но, несмотря на поездку в Славянск, над удачной личной жизнью Жени Резцовой стали гущаться тучи. На экономическом факультете Степан по-

знакомился с красавицей первокурсницей Настей, как говорили его друзья, влюбился по уши и начал за ней ухаживать. Но только Женю не разлюбил и не бросил.

Ира Настю никогда не видела. Но Егор и Слава говорили, что она красавица каких мало.

Женя только риторически спрашивала одногруппниц: — Откуда эта Настя вообще появилась? — И находила в телефоне Степана эсмэмски Насти, но надеялась, что его увлечение несерьезно и он скоро одумается. Но не тут-то было. Как недавно Женю, Степан приглашал на свидания Настю, водил в кино, дорогие рестораны, дарил цветы, провожал домой, делал подарки и знакомился с родителями.

Появление второй возлюбленной Степана не осталось незамеченным на экономспециальностях, многие парни ему завидовали — двух таких красавиц отхватил:

— Степан — тонкий ценитель прекрасного, он любит красивых женщин, — говорил лучший друг Степана Егор.

— Он их коллекционирует... Степан жалеет, что в России не разрешено многоженство. Ему бы двоеженство подошло, — смеялся Слава. — Только Женьку жалко... С ней как быть?

— Я не осуждаю Степана, — говорил Егор. — Я просто знаю Настю. Она такая... тонкая... такая э-э-э... воспитанная... из высшего общества, — Егор подразумевал «полная противоположность Жене».

Ира с Олесей тоже были не прочь пообсудить чужую личную жизнь.

— Степан мечется между двумя красавицами.

— Да, двум хорошим девчонкам голову морочит. А они его бросить боются, потому что он богатый. Вернее, его родители. — Ира с трудом представляла объемы богатства родителей Степана.

— Пусть сами разбираются... Мне кажется, что Степан Женьку не любит. Если бы он ее любил, не стал бы заводить себе еще одну «девушку».

— Он говорит, что Настю тоже любит.

— Какой Степан любвеобильный.

— Да, как говорит Слава, коллекционирует красивых женщин. Каждому свое... Кто-то коллекционирует марки, монеты, а кто-то — красивых женщин...

— Ему деньги родителей позволяют красивых женщин коллекционировать...

— ...А ты говорила, что Степан гомик. Вот, посмотри, с Женькой Резцовой встречается... — на паре сказал Кате Сидоровой одногруппник Никита Матродский, показывая на их обнявшуюся парочку на первой парте. Катя ничего не ответила.

Кате Сидоровой тоже нравилось делиться подробностями своей счастливой личной жизни. Она тоже завела себе еще одного возлюбленного бизнесмена Володю — он искал девушку для приключений и нашел Катю. Обычно все свои любовные тайны, рассказы о своих мужчинах она дове-

ряля близкой подруге Ане Рябцевой, за последнее время очень похудевшей.

— Да вообще, зачем учиться? — говорила Катя Сидорова. — Вот выйду замуж и буду детей воспитывать, и вся эта учеба будет никому не нужна. Мама говорит, что ей знания, полученные в школе, вообще не пригодились. Лень — двигатель прогресса...

Катя была в обтягивающей кофте черного цвета с глубоким вырезом и полосатых шортах немного выше колена с телесными колготками. У нее было круглое родимое пятно на левой икре. Катя сделала прокол языка и три дырки в ухе — количество дырок в теле Сидоровой все увеличивалось.

— Ты же знаешь, что я уже давно в Тимашевске встречаюсь с соседом. Он богатый, на несколько лет старше меня, Саша. А недавно мне Володя квартиру снял, ему сорок, он женат, у него двое сыновей. Он говорит, что сыновей ни за что не бросит, но жену не любит. Она ему за столько лет надоела, приелась. Его от нее тошнит уже. Она у него вот где! — Катя показала на горло. — Он живет с ней только ради детей. Надо, чтобы она ни в каком случае не знала о нас. Изменяет ей, но никогда не разведется...

У Кати был приятный мелодичный голос. Она говорила быстро и легко. Ее было приятно слушать. И в ее устах даже самая откровенная ахинья выглядела бы как нечто естественное и нормальное...

— Саша — это для семьи, замуж за него выйти. А Володя ради денег, обеспечивает меня, квартиру снимает, одевает, денег для универа дает. Володя — спонсор. Любит анальный секс. Если уж он оплачивает мне квартиру и содержит, то приходится соглашаться на анал. С таким мужчиной можно и потерпеть...

Катя достала дорогой телефон, еще один подарок Володи и показала подруге. Она назвала Володю в телефоне «дядя», для конспирации от Саши.

— Я Саше говорю, что квартиру мне мама снимает. Представляешь, однажды Саша сидел у меня дома, а тут вдруг приехал Володя, деньги за квартиру привез. Я наврала Саше, что приехал дядя, и побежала вниз к Володе. А Володе сказала, что занимаюсь с одноклассником, чтобы быстрее вернуться. Я только к Володе в машину сажусь, а тут Саша звонит, ждет меня, торопится. Я быстро деньги взяла и наверх. Только пришла к Саше, а тут опять Володя звонит, что-то забыла в машине. Я опять вниз. Только вниз добежала, и опять Саша звонит, торопит. От одного к другому бегаю. Как по лезвию бритвы хожу... — она говорила просто, смеялась и как будто немного хвасталась, сколько хлопот ей доставляют два любовника, и как сложно их обоих обманывать и какая она молодец, что с этим справляется, что она до сих пор не попалась и ни на чем не прокололась... и как легко ей удается морочить голову двум мужикам...

Она рассказывала о своих любовных передрагах, как о веселых приключениях, не зная, что Володя даже не сказал ей своего настоящего имени.

Утром от нее уезжал Саша, все боялся на электричку опоздать. А вечером приезжал женатый Володя...

Тема на форуме

— Это вы, девчонки, все учите. А я и так зачеты получу, — самонадеянно говорил Антон Ктавиди перед зачетной неделей, намекая на свои финансовые возможности.

— Кто-то не знает, куда деньги девать. А кто-то бичпакетами питается, на всем экономит, — шептала ему вслед Олеся. Она относилась к тем, кто питается бичпакетами...

На втором курсе зачетную неделю поставили в конце декабря, а экзамены начинались после январских праздников. В 111 БС развлекался тем, что катал Диану Пожарову на санках по полу.

БС, как и обещал, в конце семестра провел итоговую контрольную по дифференциальным уравнениям, по результатам всех работ выставил зачеты и сдал Околову список группы с оценками по всем домашним, контрольным и самостоятельным, с выведенной итоговой оценкой, которая и стала основанием для получения зачета. На эту табличку Околов опирался, принимая экзамен.

БС, как возлюбленный Олеси, «парень» Дианы и немного «друг» Иры и Веры — у БС было много статусов — еще предирчивее и суровее относился к ним на контрольных, им попались самые сложные задачи, БС не мог компрометировать себя легкими пятерками друзьям. И предупредил девчонок готовиться еще старательнее к экзамену, чтобы его не подвести:

— Учите диффуры? — спрашивал БС. — Учите. Владимир Сергеевич будет у вас особенно строго принимать экзамен.

— Если вы плохо сдадите, получится, что БС по дружбе поставил вам зачеты, — говорил Ваня Казимиров.

Олеся все свободное время зубрила диффуры, хотела произвести впечатление на БС своими знаниями.

Катя Сидорова не ходила почти весь семестр, не написала контрольных, на итоговую контрольную просто не пришла, и БС сказал, что зачет ей не светит. Тогда сама Катя спросила о других вариантах... БС сказал, что он с ней спать не будет и вместо этого предложил Кате переспать с Горовым за зачет по диффурам... И Катя опять отправилась на кафедру численного анализа...

— Видишь, какой БС! С Сидоровой спать не стал... — сказала восхищенная Олеся, которая во всем видела одни достоинства БС.

— Катю чем-то венерическим заразил спонсор Володя. Она за зачет по диффурам переспала с Горовым. Потом Горовой пошел в объятия «хорошей бабы» Даши Владимировой. Днем Даша утешала и понимала Бориса Станиславовича, а вечер он провел в объятиях своей девушки Наташи. На следующий день в универ не пришел никто из них, наверное, все встретились в частном кабинете у венеролога, — рассказывал Ире Ваня. — Также БС мог заразиться, просто переспав с Сидоровой...

— Но БС же встречается с Пожаровой Дианой?

— Она же с ним не спит... Вот он к Наташе и заходит, — объяснял Ваня.

— ...Переспав с Сидоровой, уже нужно начинать антибиотики пить, — Горовой делился со студентами...

Перед зачетной неделей одногруппники с большой радостью рассказали Ире, что можно через деканат сброситься по пятьсот рублей на зачет по дискретной математике — это предложил сам Овикян через старосту Диану...

На первом курсе казалось, что на факультете взяток не берут, все учатся сами и все рассказы о взяточниках-преподах — наглая ложь и к действительности не имеют никакого отношения. Когда уже стало понятно, кто, как учится и на что знает, появилась возможность «платного» зачета... Ира в первый раз столкнулась с взяткой...

Гневная Ира жаждала справедливости и тут же создала на форуме факультета тему: «Зачеты проплачивают через деканат». Тема провисела минут пятнадцать, шустрые модераторы быстро успели ее удалить. Но тема засветилась, и на факультете разразился скандал. Устроили негромкие разборки, взяточника Овикяна вызвали в деканат и грозились уволить. Олеся ругала Иру:

— Ты совсем дура, что ли? Ты что творишь? Ты вообще о чем думаешь, когда эту тему создавала? — Олесиному гневу не было предела. — Представляешь, что могло быть? Ты что сделала? Слава Богу, я вовремя позвонила модератору и тему удалили. А то, представляешь, что бы было?

Ира сидела, наклонив голову, глядя в пол, и рассеянно слушала.

— Ну чего ты хотела добиться? Чтобы нас всех повыгоняли, а Овикяна уволили? А если бы в ректорате узнали? Что бы было?

Олеся увидела Ирино расстроенное лицо и смягчилась:

— Ладно уже. Ошиблась, со всеми бывает, — примирительно заключила она.

— А я вот не считаю, что ошиблась...

Олеся опешила:

— Ты что? В ректорат собралась идти? Про взятки рассказывать?

Ира молчала.

— Ты серьезно?

— Я не знаю... Взятки — это неправильно, — повторяла Ира. — Так не должно быть....

— Ты вообще думаешь, что ты собираешься сделать... Ну, объясни мне, на что ты рассчитываешь? Что декана уволят, а факультет распустят? А тебе выразят коллективную благодарность?.. Тебя отчислить могут за такие выходы!

Ира также молчала, потупясь, опустив голову, глядя в пол и не зная, что ответить. Олеся кипятилась:

— Это ты все учишь с утра до вечера! Учишь? — Ира молчала, мол: «Учу». — А я не могу с утра до вечера учить, мне работать надо! А Глеб в свободное время на стройке подрабатывает, ты не знала? Бичпакетами питается! Ему никто из дома деньги не присылает! Когда ему учить?

— И че, я тоже работаю...

— Ты работу промоутера и грузчика не сравнивай! А как Антон Ктавиди будет зачет сдавать или Вася Нечаев? А Глеб? Ты о нас подумала? Сдали по пятьсот рублей и париться не надо... А что теперь? Теперь всем учить придется? Что теперь будет с Овикяном? Ты столько людям жизнь испортила...

— Значит, Антон поступил не туда...

— Антон куда захотел, туда и поступил. Молчать надо было. Так бы уже один зачет закрыли... Ты хочешь, чтобы мы все сессию завалили! Все берут взятки. Главное, чтобы никто не знал. А лучше через деканат... чтобы Кругову не обидно... Он потом сам, кому, сколько надо отстегнет...

— А ты думаешь, Кругов знает? Я думаю, он не в курсе! — искренне удивилась Ира.

— Не в курсе? Конечно, знает! Наивная! Ира, ты как ребенок, ей Богу! Эти деньги через него проходят.

— Не может быть! — Ира просто не верила своим ушам.

— Если так рассуждать, то кто у нас в группе учиться должен? Ты, Резцова и Тюканова? — Олеся уже выходила из терпения.

— Ну почему. Еще Димчик...

— Димчик!

— Ну, Тая и Ника еще нормально учатся...

— Тая и Ника! А остальных отчислить? И Васю Нечаева? И Антона? И Глеба? А Веруху за информатику отчислить? И меня? — Олеся закипела от возмущения.

Ира молчала.

— Ты на Глеба посмотри...

— Глеб спортсмен...

— Ну спортсмен и что? Как он старается... Как он хочет в люди выбиться! А Вася? Как ему сложно. Как он учиться хочет! Ты нам всем жизнь хочешь испортить? Хочешь, чтобы нас всех отчислили? А что с Глебом будет, когда его отчислят? А со мной? А с Верухой?

Ира молчала.

— Ты только о себе думаешь! Ты кем себя возомнила? Эгоистка — вот ты кто! — Олеся гневно вышла из аудитории. Ира не пошла ее догонять...

Ира решила, даже если в ректорате за такую тему ей пожмут руку и похвалят, то потом на факультете точно отчислят. И она решила пока молчать: «Молчание – золото».

Дома рассказала о теме на форуме, про Васю и Глеба, что они не тянут программу, но очень хотят учиться:

– Я не знаю, как мне поступить. Взятки – это неправильно. Так не должно быть. Но с другой стороны... Все по-своему правы... Всех можно понять... Я боюсь, что своим вмешательством я что-то нарушу, испорчу... Может, я слишком категорична, и нельзя судить однозначно.

– Я понимаю тебя, молодость, принципы, борьба за правду, обостренное чувство справедливости... – сказал дедушка, невысокий худой старичок, энергичный для своих лет, с лысиной ото лба до затылка и седыми волосами по бокам. – Но посмотри, в каком мире мы живем? – Дедушка подвел Иру к окну. – Посмотри вокруг... Нельзя делить мир на белое и черное. У каждого своя правда... – и продолжал уже совсем другим, наблюдательным тоном: – Но ты сама решай, как тебе поступить. Делай, как считаешь нужным.

«Полуправды», – подумала Ира...

Ирина тема никому не давала покоя. БС Иру поддерживал, Олеся с Ваней Казимировым ругали... Ирина тема вызвала ажиотаж.

– Вообще-то ты, конечно, права... – по секрету Ире сказала ГП в присутствии только Гены. – Непонятно, кто на факультете учится. Понабирали дебилов. А теперь не знают, что с ними делать, и тянут их от сессии к сессии. А те дуб дубом, – ГП нарочито постучала по столу. – Ничего не понимают. Решать не умеют, таблицу умножения путают. Складывают, вычитают с ошибками. На калькуляторе считают... Некоторые ходят, везде деньги тыкают, учить ничего не хотят, как ваш Ктавиди. Раньше таких не было, все умные учились. И учились нормально. И сами сдавали... А сейчас кого угодно берут. Лишь бы платили. А знания? Да кому нужны сейчас эти знания!

Галина Павловна расчувствовавшись прослезилась и отвернулась. А через некоторое время успокоившись продолжала:

– А потом какие у нас специалисты будут? Сейчас все проплачивают, зачеты и экзамены покупают, а потом как они работать будут? На информатике – это еще ничего. А если такие в мединституте учатся, как они потом людей лечить будут? А строители? Какие они дома построят? Как потом в этих домах жить?.. На экономе недавно декан поменялся. Новый кричит, что с взятками будет бороться... Взятки искоренит. Посмотрим... – без интереса в голосе закончила ГП.

– На факультет информатики поступили, математику повышенной сложности сдавали. А таблицу умножения не знают!.. Как они вообще поступили?.. – осторожно спросила Ира. – Кто их зачислил? Как они вообще на факультете оказались?

– Ну как они поступили? А как ты думаешь? – ГП многозначительно посмотрела на Иру...

В 216 Олеся и Ваня продолжали промывать Ире мозги:

— Кандидаты наук копейки получают. Вот доктора уже нормально. Ты на Бориса Станиславовича посмотри! Ты видела, как он живет? — негодовала Олеся. — А я видела! Однокомнатная хрущевка. Старая допотопная мебель... А как им жить? Зарплата маленькая. У препода, который работает на полставки, официальная зарплата четыре тысячи. У Бисарян такая зарплата. У кого ставка, у того восемь. И как прожить на эти деньги семье из трех человек?

Повышенная стипендия была тысяча рублей, а обычная четыреста.

— Знаешь, как у БС дома чисто? Такой порядок! Он сам убирает... Какой он хозяйственный. — Все Олесины разговоры в итоге сводились к БС. — Препода вынуждены зарабатывать любыми доступными способами, чтобы как-то выжить. У нас кандидаты наук меньше, чем продавцы в продуктовом магазине зарабатывают. Вот им и подработки: курсовые, дипломы пишут, репетиторствуют, взятки берут. Деньги в кассу платят на первом этаже. Это называется «помощь вузу», на эти деньги и факультет отремонтировали, и мебель новую купили... Вот эти самые компьютеры, за которыми мы занимаемся! Надо как-то жить... — повторяла Олеся.

— Понятно... — Ире нравились новые компьютерные классы...

— Что, струсила? — спрашивал БС, когда Ира не пошла в ректорат.

— Нет, я просто решила, что так правильно...

Через несколько дней, когда Ира шла в универ, дедушка спросил:

— Что ты решила по поводу этих... взяток?

— Я решила не вмешиваться. «У каждого своя правда».

— Ну и правильно, — одобрил дедушка...

Зачет Тарарирам

Зачеты по программированию и численным методам объединили с экзаменами и сдавали после зачетной недели.

Одним из первых зачетов двадцать шестой группе поставили дискретку. После темы на форуме, Овикян зачет за пятьсот рублей уже не предлагал, раздал список вопросов и сказал повторять решения задач.

Олеся была откровенна с Ирой:

— Я думаю, ты зачет по дискретке ты не сдашь.

— Я тоже так думаю...

Ира была уверена, что после темы на форуме ее отчислят. К зачету по дискретке хорошо подготовилась, как обычно все выучила и сделала шпаргалки, но сомневалась, что сможет их достать. Как после темы про взятки еще шпаргалки доставать? Ира считала, что если препод захочет

завалить, он обязательно завалит... Как говорила одна преподавательница факультета: «Вы же понимаете, что если преподаватель сказал, что студент не сдаст, то он не сдаст».

Чтобы сдать дискретку, компьютеры были не нужны, но зачет почему-то поставили в 112, компьютерной аудитории экономического факультета. Ира впервые увидела эту аудиторию: компьютерная 112 была такая же, как 116, с компьютерными столами по периметру аудитории. Кроме компьютерных в два ряда стояли парты-столы студентов, светло-желтые, деревянные, с двумя железными ножками на подставках, как в обычных аудиториях для практик. И такие же низкие желто-деревянные ученические стулья со спинками на двух железных ножках с подставками. У входа в аудиторию находился стол преподавателя, такой, как у студентов. 112 и 113 были объединены, как 115 и 116, со стеклянной перегородкой и небольшой общей лаборантской для сисадминистратора между ними.

После Ириной темы на форуме все готовились, что зачет будут принимать по всей строгости.

В восемь утра без опозданий Овикян с серьезным лицом зашел в аудиторию. Вся группа винила Иру, что можно было «схалювить», а пришлось учить. Заходя в аудиторию сдавать зачет, одноклассники недовольно смотрели на Иру и цокали. В первой пятёрке, как обычно, зашли отличники.

На этот раз Ира осталась стоять у двери и ждать, что будет. Вера и Олеся повторяли под дверью... Глеб с Антоном ходили по коридору около аудиторий и разбирали решения задач. Остальные просто читали конспекты и повторяли формулы. Время тянулось медленно и не приносило облегчения. Ира решила зайти сразу, как выйдет первый ответивший.

— Я вообще не люблю ночью учить. Ночь перед экзаменом — это сколько часов, восемь, десять? Не так уж много для тридцати билетов. Я обычно встаю перед экзаменом рано, в пять утра. Голова свежая, хорошо запоминается, и повторяю основные формулы и сложные вопросы, — Дима рассказывал Ире, как готовился к зачету по дискретке.

Минут через двадцать вышла Настя с зачетом. Ира пошла «сдаваться».

— Ты богу помолилась? Молитву почитай! — посоветовала Олеся.

— Почитала.

— Ну, ни пуха, ни пера! — напоследок сказала Ире Олеся и похлопала ее по плечу.

— К черту! — Ира перекрестясь неуверенно зашла в 112.

Овикян сидел за столом перед разложенными билетами. Компьютерные столы были пусты. Одноклассники сидели за несколькими столами напротив преподавателя.

— Ну, проходите! Что же вы стоите в дверях? Проходите, тяните билет, — Овикян жестом указал на билеты. Ира подошла и положила зачетку на стол.

— Это у нас Шмонова? — спросил Овикян с заметным акцентом, рассматривая зачетку.

– Шмонова, – ответила Ира опасно.

Ире достался легкий билет и легкая задача. Она села на первую парту около преподавателя. Пока студенты писали ответы, Овикян как обычно покачивался на стуле и напевал неизменное «тарарирам». Ира быстро написала ответы и решения и отнесла исписанный листочек преподавателю. Овикян все мельком прочитал, взял зачетку, только внимательно посмотрел на Иру сквозь свои роговые очки с небольшим минусом, немного дольше, чем предполагала ситуация, но ничего не сказал, не стал задавать дополнительные вопросы и отпустил с зачетом. К большому удивлению Иры и остальных сдающих одногруппников...

Как только Ира вышла из аудитории, ее тут же окружили одногруппники:

– Ну что? Сдала? – Олеся озвучила вопрос, который был у всех на устах. Она ждала Иру и не заходила в аудиторию.

– Сдала! – просияла Ира. Одногруппники удивлялись ее зачету. Не только Ира думала, что ее отчислят, но и все остальные:

– Ты сдала?

– Не может быть!

– Да ладно!

– Зачет?

– Как зачет?

– У тебя зачет?

– Seriously?

– Тебе Тарирарам зачет поставил?

– Зачет! – повторила уже менее уверенно Ира.

В Ирин зачет не верил никто, Женя Резцова даже проверила зачетку.

– И правда зачет, – сказала Женя, открыв страницу и увидев строчку с зачетом.

– Вот видите! – сказал Глеб с доброй интонацией превосходства, как обычно говорят взрослые с маленькими детьми. – Я же говорил. Преподы сами все понимают...

Диана и Тая тоже решили быстренько создать на форуме темы про взятки, но Глеб только покачал головой:

– Ира создала такую тему первая, поэтому ее не наказали. А что с вами, девчонки, будет, даже не знаю... Но вы можете попробовать...

Тая и Диана решили не рисковать.

Вообще зачет по дискретке сдавали легко, Овикян ставил зачеты направо и налево. Только Ктавиди Антон, который сдавал последним, почему-то задержался в аудитории...

Ира все равно до конца не верила своему зачету, она думала, что Овикян будет к ней придирааться, ее валить, что она не сдаст. И ее отчислят.

Овикян начал валить Антона. Он задал ему несколько вопросов и задач. На большинство вопросов Антон не мог ответить и большинство задач

не мог решить. Антон долго сидел в 112, как обычно стал предлагать деньги...

Антон уже не в первый раз платил за зачет. Обычно он доставал кошелек, начинал медленно отсчитывать тысячные купюры и с неуловимой усмешкой складывать их на стол перед преподавателем. После каждой новой купюры Антон смотрел на преподавателя. Если преподаватель мешкал, сразу категорично не отвергал деньги, Антон добавлял еще одну купюру и опять смотрел на преподавателя. Антон спокойно ждал, на какой сумме он «купит» преподавателя, преподаватель отвергнет свои принципы и заключит сделку с совестью, вспомнит о долгах и покупках, которое хотелось бы совершить, прорехах в бюджете, кредитах и ипотеках... И преподаватель унизибельно «сдастся», суетливо возьмет деньги, быстро спрячет их; не глядя на Антона, поспешно поставит оценку и, отводя глаза, протянет зачетку... И Антон самодовольно выйдет из аудитории с чувством полной уверенности, что все покупается и продается, что все эти преподы университета бедные и при виде по его меркам небольших денег готовы отказаться ото всех своих принципов, что они на все пойдут, что угодно сделают, ради денег. И можно вообще ничего не учить и даже на пары не ходить, а просто тысячные бумажки на стол складывать и получать оценки. Это пусть другие напрягаются, а у него, Антона, и так «все схвачено».

Для отсчитывания купюр Антон выбрал самое неподходящее время. Овикан деньги не взял... Как они договорились, неизвестно, но Антон каким-то немыслимым образом все-таки получил зачет...

— Какой Глеб все-таки прошаренный... Хорошо хоть Антон получил зачет, — сказала Олеся Ире. — А то Тайка тебе бы устроила... У Антона и так проблемы с матаном и линейкой...

— Да у Антона со всеми предметами проблемы, кроме, может быть, физкультуры. Что он вообще на информатике делает?

— Кстати, у Антона с физкультурой тоже проблемы, — Олеся захихикала. — Он весь семестр не ходил... Сейчас бегаёт, с физруком договаривается... Но если у Антона будет только два хвоста, то с Круговым еще можно договориться... — Олеся вдруг замолчала и искоса взглянула на Иру. — А я думала, что ты уже побежала тему на форуме создавать: «С двумя хвостами с деканом можно договориться». — Ира скептически посмотрела на Олесю:

— Издеваешься...

— Да, ладно...

Ира расстроено вздохнула и замолчала...

Скандал, который не вышел за пределы факультета, быстро замаяли, а вся двадцать шестая получила зачет по дискретке.

Сюрпризы зимней сессии

Между зачетной неделей и сессией праздновали новый год в этот раз со своими компаниями. Слава с Таей приглашали к себе Нику и Егора, Женю и Степана. На вечеринке присутствовал друг Славы Витя с прошлого нового года. Олеся уехала в Тихорецк, Вера праздновала с компанией со двора, Ира — дома с семьей.

Первым поставили зачет-экзамен по численным методам. Одронинский сказал, что сначала пишут формулы и это гарантированная тройка на экзамене и зачет. А потом те, кто напишет формулы и хочет четыре-пять, будут тянуть билеты и отвечать. Формулы сдавали в 207 сразу три экономические группы.

Ира на всякий случай сделала шпаргалки и спрятала их в карманах брюк. Одронинский разделил студентов по вариантам. Для зачета и тройки на экзамене нужно было правильно написать все пять формул. Если в какой-то формуле ошибка, то это незачет, двойка на экзамене и передача.

На написание формул Одронинский выделил пятнадцать минут. Студенты сидели по одному за партой и писали. Одронинский ходил по рядам, если у кого-то видел шпаргалки, сразу выгонял с двойкой.

Ира все формулы написала, но в одной немного сомневалась. Решила проверить по шпаргалке, Одронинский как раз шел к концу аудитории спиной к Ире. Пока Ира аккуратно доставала шпаргалку и старалась незаметно посмотреть и проверить формулу, сзади подошел, наверное, на цыпочках неслышный Одронинский, аккуратно забрал у Иры шпаргалку прямо из рук застучал Иру на месте преступления, выставил из аудитории и отправил на передачу.

Одронинский выгнал многих. Глеба, Антона и Васю из двадцать шестой, несколько человек из двадцать седьмой и многих из двадцать восьмой. Из трех экономгрупп второго курса факультета информатики двадцать восьмая была самой слабой. Олеся и Вера написали формулы и остались сдавать экзамен. Они потом рассказывали, что экзамен прошел легко, у большинства были пятерки. Одронинский, выгонявший с двойкой за шпаргалку по формулам, на списывание экзаменационных вопросов закрывал глаза.

Так Ира не сдала один зачет и один экзамен и уже заняла единый день пересдач численными методами. Почти у всех в зачетках были проставлены зачет и экзамен Одронинского, у Иры было две пустые строчки. Дома сказала, что не сдала, мама была в шоке.... Но Ира почему-то вообще не переживала, она была уверена, что легко пересдаст.

На экзамене по программированию тоже сразу сдавали зачет. Вдольской было сдать легко. Она сначала смотрела задачи, одинаковые для

всех, а потом раздавала билеты с теорией. Те, кто показывал задачи, автоматом получал зачет и тройку. Ира все задачи скопировала у одногруппников, а теорию списала с тетрадки и получила незаслуженную, но легкую пятерку.

После экзаменов ждали уже только близких друзей — когда Женя сдавала, она ждала Таю и Нику в кафе или в пиццерии напротив. Настя ждала Диану Усанову, Староста Диана сразу уходила в деканат — там постоянно было много работы. Ира ждала Олесю и Веру. Обычно уже на следующем экзамене узнавали, как сдали остальные и были ли какие-то непредвиденные ситуации.

Экзамен Околова, как и большинство экзаменов, проходил в 141, Ира тщательно готовилась, Ваня и Даша Владимирова предупреждали, что на экзамене возможны сюрпризы и повторяли фразу: «Никогда не знаешь, как сдашь экзамен Околову». И БС дышал в спину. У Иры мелькали в памяти неприятные воспоминания зачета-экзамена по численным методам.

Ира, Олеся и Вера, особенно Диана Пожарова старательно учили диффуры. готовились к экзамену. На практиках БС хорошо объяснял, практика в целом не вызывала вопросов.

На экзамене первыми вошли отличницы, тянули билеты, готовились, писали теорию и решали примеры. Женя отвечала второй, после пятерки Насти Тюкановой. От Жени пахло сигаретами. Перед экзаменом Женя очень нервничала и курила на улице. Теперь она иногда курила. Женя начинала курить, когда ругалась со Степаном, потом мирилась и бросала, потом ругалась и опять начинала... Камнем преткновения была несколько месяцев мелькавшая красавица-первокурсница с эконома Настя, за которой Степан настойчиво ухаживал, несмотря на существование Жени.

Женя написала всю теорию, но неправильно решила одно из уравнений — Околов не дал ей шанса исправиться, не задал дополнительных вопросов или задач и сразу же вклеил четверку. Женя молча вышла из аудитории и сразу же позвонила папе:

У меня четыре... равнодушным голосом сказала она, повесила трубку и расплакалась. Она плакала взахлеб, не сдерживая рыданий, сразу давая выход накопившим слезам, которые текли по щекам, она вытирая их голубеньким, аккуратным вчетверо сложенным платочком... Через несколько минут она успокоилась. С красными глазами и красным, распухшим от слез носом, она позвонила Степану: — Зайчик. У меня четыре, — Степан сказал, что скоро подойдет. Женя дождалась Таю с пятеркой, встретилась со Степаном у входа в универ, покурила с ним, чтобы сбросить напряжение и поехала домой.

В 141 продолжался экзамен. Примерно через полчаса в дверях 141 появилась невысокая Елена Владимировна из деканата:

— Владимир Сергеевич, вам звонок... — сказала она своим высоким мультяшным голосом, в компании ГП ее называли гномиком.

— У меня сейчас экзамен, вы видите, — Околов указал на студентов. Он говорил строго, как обычно тихо и серьезно, но немного раздраженно. — Я не могу ответить. Пусть перезвонят.

— Это срочно. Звонят из администрации города... Я за студентами присмотрю...

Околов замолчал, пару секунд смотрел на Елену Владимировну, потом встал и вышел из аудитории. В деканате Владимир Сергеевич недолго говорил по телефону, всего несколько слов: — Да... да, понятно. — И у Жени больше четверок в дипломе не было...

У Иры Околов проверил теорию, посмотрел практику, задал несложную дополнительную задачу и поставил «пять». После четверки Резцовой Ира ожидала более сложный экзамен.

— Прикинь, Околов Женьке четыре поставил, — говорила Олеся Ире, когда вышла с четверкой.

— Да, я видела, как она сдавала.

— Женька зубрилка, — сказал Рома только при Диме, Олеся и Ире.

— Ну и как сдали Джокера? — спросил только что подошедший Егор. — У нас следующий экзамен по диффурам.

— У Женьки четыре. Вышла вся в слезах.

— Ну, Джокер... — Егор только развел руками.

— Ему уже по башке настучали. В деканат вызвали. Из администрации звонили... Он потом бледный на экзамен вернулся, у него руки дрожали, я видела. Не знаю, что ему наговорили...

— Типа Резцовой четверки ставить нельзя, — усмехнулся Егор. — Нам всем можно. А ей одной нельзя!

Олеся многозначно посмотрела на Иру, Рому и Диму, мол: «Хорошо, что именно Егор, друг Степана, это сказал».

Вася Нечаев сдал диффуры, как и Резцова, на четверку. Для отличницы Резцовой четверка — это кошмар, для троечника Васи четверка — это успех. Женьку покорило, она скатилась до уровня Васи. Учился Вася средне, от предложенных троек не отказывался, но старался получать четверки. Иногда перед экзаменами дополнительно занимался с преподами, например, с Доровской, которая его очень хвалила. Вера сдала диффуры на четыре, Диана на пять, и БС успокоился, все его подопечные сдали хорошо...

Потом сдавали линейку, Ира — с температурой тридцать девять. Олеся плохо сдала этот экзамен, получила тройку.

Антон на экзамене по линейке сидел в незаметных наушниках с перебинтованным лицом, чтобы эти наушники скрыть, и друг на другом конце провода надиктовывал ему ответы на билет и решение задач. Доровская сделала вид, что ничего не замечает. Антон сдал на четыре.

Вообще на экзаменах Антон Ктавиди ходил и всем тыкал купюры. Иногда это помогало, иногда нет.

Последним экзаменом сдавали дискретную математику в маленькой 142 напротив факультетской кафешки, где обычно проходили практики.

Ира написала теорию, решила две задачи – в решении задач не была уверена.

Женя ответила первая и без дополнительных вопросов пошла с пятеркой. Тае Скуленко задал несложный дополнительный вопрос по теории и поставил пять. Настя сидела со сложной дополнительной задачей по комбинаторике. Скуленко задал ей несколько вопросов и задач.

Ира пошла отвечать. Скуленко проверил теорию и задачи. Оказалось, что они решены правильно. Ира вздохнула с облегчением. Скуленко задал дополнительный вопрос:

– Ну хорошо, составьте систему продукции, в которой вычисляется квадрат числа.

«Что?!» – Ира вообще не поняла, о чем идет речь. – «Какая система продукции? Какой квадрат числа? Что это вообще такое? Это вообще о чем?» Она даже не смогла представить, что спросил препод и что можно ответить. По системам продукции в билетах был один теоретический вопрос, который Ира считала легким, по этой теме за семестр не решили ни одной задачи, Ира даже не знала, что по этой теме могут быть задачи. Она попыталась нарисовать схему и разобраться в абстрактных терминах. Игорь Валентинович подошел и заглянул в Ирину тетрадь, где были нарисованы непонятные каракули.

– Поплыли? – спросил он.

– А можно мне другой дополнительный вопрос или задачу? – не оставляла надежды Ира.

– Нет... идите, четыре, – он поставил оценку и расписался в зачетке. – Что вам не нравится? Четверка – это хорошая отметка... – сказал он, протягивая зачетку. Ира взяла зачетку и вышла из аудитории...

Ира подумала, оправдывая себя, что на этот вопрос вряд ли ответил бы кто-то из группы, может быть, Настя Тюканова. Но спорить с преподавателем не стала...

– Ну что? – тут же спросила Олеся, которая ждала у двери, все еще что-то учила и боялась зайти. Вера судорожно читала конспект, иногда поднимала голову, чтобы узнать, кто как сдал.

– Четыре.

– Поздравляю! Сдать дискретку на четыре! – Олеся, радостная, бросилась Ире на шею.

– Молодец! – Вера ободряюще дотронулась до руки Иры.

– Спасибо, я вообще-то пять хотела... – Ира была недовольна. – Скуленко задал мне дополнительный вопрос и сказал, что я поплыла...

– Ты что четверке по дискретке не радуешься? Ты что? Заелась совсем?.. – возмущалась Олеся. – Если бы у меня была четверка по дискретке, я бы неделю бухала! – Олеся, работая у ГП, набралась сленга мужчин-лаборантов.

– Четверка! Размечталась! – Вера похлопала Олеся по руке и улыбнулась. – Мечтать, как говорится... Тебе лишь бы бухать! Только повод

дай, – Вере нравилось говорить об алкоголе.

– Скуленко тоже так сказал... Что четверка – это нормально... – но Ира все равно была недовольна.

– Не расстраивайся, на пятом курсе пересдашь, – успокаивал Глеб.

– Сдам дискретку – точно напьюсь! Если не сдам – тоже! – Олеся мотнула головой. – В любом случае после дискретки напьюсь!

– Вместе напьемся!

Из аудитории вышла Настя:

– Пять, – победоносно прокричала она. – Но это был «жесткий секс».

– У Женьки и Таи тоже пятерки...

– Как сдавали? – подошел Бнидерт, он собирался ждать Серебристую.

– С вазелином, – Настя начала делать поступательные движения «к себе» руками, согнутыми в локтях и сжатыми в кулаках, имитируя «жесткий секс». – «Пехались» одним словом, – и Настя начала рассказывать про свои дополнительные задачи и вопросы.

– Скуленко – какой мужчина, – Настя закатила глаза: ей нравились абсолютно все преподаватели факультета информатики.

Ира осталась ждать окончания экзамена. Дискретку сдавали плохо. Глеб, Антон и Вася пошли на пересдачу. Было много троек. Олеся и Вера получили тройки и радовались, как будто сдали на пятерки. Даже Дима, которого Ира считала почти отличником, сдал на три...

Когда экзамен закончился, Игорь Валентинович вышел из аудитории и увидел ожидающую его Иру:

– Чего вы ждете?

– Можно мне пересдать?

– У вас же четыре? Нет, пересдачу четверки я не приму. Я уже закрыл ведомость, – объяснил Скуленко. – Идите, четверка – это хорошая отметка, – повторил он. Но Ира не сдвинулась с места. – Вы же на кафедру не пойдете? – просто спросил он.

– Нет, не пойду.

– Ну и правильно. Зачем из-за четверки на кафедру идти...

– Понятно... спасибо, – расстроенная Ира поехала домой.

Дома она достала распечатки учебника Скуленкоа основной специальности и поняла, что вопрос ей задали легкий, который просто не разбирали на парах.

Все почему-то думали, что Скуленко Иру на экзамене завалил, и вся группа дружно решила, что Ира пойдет пересдавать эту четверку на пятом курсе. – Посмотрим. Там видно будет, – только и отвечала Ира.

Катя Сидорова тоже, как и Ира, по дискретке получила четверку и бегала от радости целовала зачетку. Она занималась дополнительно со Скуленко.

В единый день пересдач Ира пришла уже без шпаргалок пересдавать Одронинского, написала формулы и списала теорию с распечатки лекций. И пересдала свою двойку на пятерку. Но она опять получила четверку

в зимнюю сессию, опять пролетела с повышенной стипендией и опять пропустила федеральный конкурс для молодых управленцев...

Третий курс

Пятый семестр

Осенью в университете открыли новый корпус, стены которого были покрашены в синий, белый и голубой. Ира его называла «новейший». Новый корпус — это Интернет-центр, а новейший — это недавно построенный и в этом году открытый, как курсы истории в школе: новая и новейшая... По всему университету развесили рекламные плакаты.

На третьем курсе закончились вводные предметы, появилось больше профильных. Уже не было ни матанализа, ни линейки. Ушанков вел концепции современного естествознания, а Доровская принимала курсовую по эконометрике. Как говорили преподаватели — начались диспеды.

— А что такое диспед? — спросила Ира у Вани Казиминова.

— Это дисциплина по специальности, программирование, одним словом. Ты поменяй местами буквы «п» и «д», увидишь, что получится! Вот это и есть, диспед!

— Слава Богу, закончились линейка и матан! Слава Богу! — повторял Глеб. Он думал, что теперь ему станет легче учиться. Вообще Глеб старательно ходил на пары и в отличие от Антона Ктавиди практически не пропускал.

Ира наоборот расстроилась, что закончились математические предметы и теперь будет больше профильных, по программированию, которые она не очень любила.

Ушанков только первый год вел курс современного естествознания для «экономистов» и сам впервые разобрался в предмете. Он конспектировал теорию по разным учебникам и проводил лекции и практики, не отрывая взгляда от своих конспектов. И на парах уже пускал опоздавших.

Большинство лекций также проходило в 141, а большинство практик в 142. По вторникам у мальчиков была военная кафедра, а у девочек — медицинская подготовка.

Количество студентов, посещающих лекции, уменьшалось год от года, если на первом курсе на пары было не пробиться, столы «ломались» от студентов, то на третьем были заняты только первые несколько столов, непосещающие только ксерили лекции перед сессией. Больше студентов приходило на практику.

На третьем курсе у «экономистов» опять преподавал Горовой. Две совмещенные пары Горового по криптографии у тридцать шестой поставили один раз в неделю в понедельник в 216. Ира помнила, как легко сдала Го-

рового на первом курсе, и особенно не переживала. Пары по криптографии Горового начинались в одиннадцать двадцать, но Ире как назло поставили работу промоутером до пар. И она раз за разом опаздывала на пары Горового, он ее не пускал, она пропускала пары и ксерокопировала лекции. Это было очень на нее не похоже...

Статистику в компьютерной аудитории экономического факультета напротив 216 вел Глодов — восьмидесятилетний лысый старичок, с сильно расходящимся косоглазием. Он прятал лысину, отрачивая немногочисленные седые волосы на боках и затылке, зачесывая их к макушке и делая импровизированную челку. На парах он показывал решение несложных задач и к зачету раздавал индивидуальные задачи и вопросы.

В пятом семестре появилось больше экономических предметов. Мировую экономику преподавал Зимодский Алексей Владимирович, а экономику фирмы — Чеконский Владислав Сергеевич.

На третьем курсе студенты писали свою первую курсовую. На факультете информатики было четыре кафедры: математического моделирования, прикладной математики, численных методов и информационных технологий. Первую курсовую студенты экономспециальностей писали на кафедре численного анализа, у Доровской. Курсовая состояла в анализе большого числа данных и построении математической модели по этим данным. Ире попала тема по недвижимости «Зависимость цены квартиры от разных факторов».

Как только раздали темы курсовой, к Ире подошла Катя Сидорова в очень короткой джинсовой юбке и черной на ляпочках майке, в которой виднелся черный бюстгальтер. Она только что курила у главного входа, предпочитала крепкие тонкие женские сигареты. Катя уже продемонстрировала подругам новую татуировку на копчике в виде розы — татуировка очень нравилась спонсору Володе. Катя попросила Иру сделать ей курсовую по эконометрике. Потом с такой же просьбой к Ире обратилась Аня Рябцева и еще несколько девчонок из тридцать восьмой. Ира согласилась, ей нравился регрессионный анализ.

Папа Антона Ктавиди вышел из тюрьмы и приехал к Кругову в деканат. Они долго разговаривали, а потом поехали вместе пить. Папа Антона угощал, демонстрируя настоящую кавказскую щедрость. После совместной попойки, Антон начал всем рассказывать, что его отец — друг Кругова и Антона назвали в его честь.

Женю Резцову отец устроил работать в банк, где он сам был директором. Женя каждое утро шла на работу к шести утра и до восьми работала в банке кассиром. Потом ехала на пары.

Егор также работал супервайзером, контролируя своих промоутеров. На работе он также флиртовал с девчонками и заводил служебные романы, изменяя Нике направо и налево.

Ира устроилась на постоянную работу промоутером в крупную иностранную табачную компанию. Теперь не надо было искать подходящие

акции через агентство, у нее гарантировано были часы работы и стабильная зарплата...

Дима Захаров начал встречаться с девушкой из соседнего дома и говорили, что у них все серьезно. Теперь вечерами он гулял не с Ромой Антошиным, а со своей девушкой, как говорили в группе Антон и Вася «променял Рому на девчонку», на это Глеб отвечал, что «правильно сделал, тоже надо, любовь и все такое».

Шеламов Дима пошел учиться на второе высшее на факультет физики, где тоже быстро стал отличником.

Тая со Славой часто «зазывали» Степана и Егора с девушками развлекаться в ночные клубы. На занятия они приходили помятые и невыспавшиеся и полудремали. Один раз пошли посмотреть мужской стриптиз, потом рассказывали, что Ника танцевала на шесте, и, как доказательство, показывали фотки. Женя на шесте танцевать отказалась.

Тая месяцами жила у Славы. Они летом ездили в походы, на соревнования по настольному теннису, а потом показывали одноклассникам свои счастливые фотографии в походах, на дискотеках и соревнованиях. Они были богаты, молоды, не одиноки и счастливы. И осуществляли то, о чем другие только мечтали.

На пары Тая приносила Жене прочитанные распечатки восточного религиозного учения, которое исповедовал Скуленко. Она рассказывала Жене про йогу и духовный рост, что они медитируют со Славой, старшим братом и его девушкой. Что это полезно для самореализации и ведет к внутренней гармонии. И приглашала Женю и Степана присоединиться к ним медитировать.

Тая всегда была опрятно одета, наглажена, шила себе одежду на заказ у маминной портнихи. Ее мама занималась росписью на батике, и Тая собирала коллекцию фото маминных работ – картин в технике батик, складывала их в альбом и приносила показывать одноклассникам.

На картинах в пастельных тонах были нарисованы цветущие деревья сакуры или красно-розовые или фиолетовые цветы. На фотках картины Таиной мамы уже висели на стенах, некоторые дома у Таи, некоторые у знакомых. Тая приносила одноклассникам фотографии своего выпускного платья, свободного кроя, по колено, с нарисованной цветущей сакурой. Тая показывала и другие свои платья и футболки, расписанные ее мамой, и иногда носила их на пары. – Эту майку ей кстати мама разрисовала, – сказал Глеб на одной из пар, обращая внимание одноклассников на футболку Таи. На майке был нарисован абстрактный желто-синий цветочек «вид сверху». Глеб тоже обычно ходил в джинсах и футболках.

Тая рассказывала, что мама покупала конфеты для работы, и, чтобы ее дети не расстраивались, что конфеты не для них, она приобрела еще такие же конфеты для семьи, мужа и двоих детей.

Тая обычно говорила мало и тихо, но все, что она говорила, казалось важным и существенным, а все, что делала – правильным.

На третьем курсе БС стал работать сисадмином у Кругова, ГП дала свое согласие. БС специально ходил к ГП с конфетами и коньяком договариваться, чтобы она не обиделась. И БС стал совмещать работу в 216 и 111.

БС был хорошим тактиком, со всеми вежливый и обходительный, со всеми дружил — со студентами и преподавателями, ни с кем не ссорился, боялся кого-либо обидеть...

Настя Тюканова уже больше года встречалась с Петром Овенко на курс младше. Она часто ждала его после пар, крутилась вокруг него, весело смеялась и шутила — в их паре «ухаживала» она. Она делала ему домашнее задание, помогала со всеми сложными задачами, готовила его к экзаменам по дискретке и диффурам. Иногда они вместе гуляли после пар, Настя за ручку с Петром, Серебристая за ручку с Бнидертом. У красивой Настинной подруги уже родился ребенок. Настю позвали в крестные.

В некоторых компьютерных аудиториях обновили мониторы, купили новые тонкие жидкокристаллические. Первым компьютерным классом, где поменяли мониторы, была 216. Олеся, работая лаборантом, имела доступ ко всем архивам прошлых лет. С разрешения Гены она скопировала себе все курсовые и дипломы, которые могут ей пригодиться в учебе.

Тротурская Аня, золотая медалистка в школе, ходила полупьяная и полусонная, пропускала пары и радовалась тройкам. Она начала курить ментоловые сигареты, часто пила и все еще грезилась о своем теперь уже пятикурснике Сереже, у которого давно была другая невеста...

С третьего курса Артем Джанаров устроился работать начальником отдела программирования в крупную телекоммуникационную компанию, он вообще перестал посещать пары. Он работал без выходных и праздников, работал ночами. Его мама, видя, как Артем себя загоняет, настаивала на его увольнении. На сессию Артем собирался отпрашиваться или брать отпуск.

Вера Моканова, как и говорила, уже не встречалась ни с кем с факультета и только ходила-вздыхала по красавчику сисадмину из Интернет-центра. Она вычислила его расписание и, имея дома компьютер и Интернет, все равно ходила в Интернет-центр смотреть на него. И тянула Олесю и Иру походить около компьютерных классов в новом корпусе, чтобы ненароком его увидеть. И мечтала, как летом поедет на море набираться сексуального опыта и закрутит очередной, ничем не заканчивающийся курортный роман.

Олеся продолжала сохнуть по БС. Ее работа лаборантом в 216 только подогревала это увлечение. БС также обжимался по темным углам с Дианой Пожаровой. На них со злостью смотрела его бывшая девушка Наташа. И осколки разбитых сердец валялись везде вокруг 216 и 111...

Общага

Проработав у Галины Павловны год, Олеся получила долгожданную общагу. Как только Олеся перевезла вещи и «обжилась», она радостно пригласила одногруппниц к себе. Девушки тридцать шестой на большой перемене, после третьей пары, пошли в ней гости. Все, кроме двух Диан: старосту вызвали в деканат, а Серебристая в этот день отсутствовала.

В университете было пять общежитий. Рядом с Интернет-центром стояли «элитные» общежития для иностранцев, преподавателей и аспирантов, белокирпичные, девятиэтажные, с синими балкончиками, секционного типа, с комнатами по два человека и туалетом и кухней для двух комнат.

Студенты жили в общежитиях коридорного типа, краснокирпичных пятиэтажках слева от дороги, ведущей от Интернет-центра к стадиону.

Олесю поселили в общежитии номер два — двойке, как его называли студенты, на четвертом этаже... Здание было совмещено из двух похожих, расположенных «елочкой»: конец одного здания углом упирался в начало другого.

Общежитие номер два отличалось от обычной пятиэтажки отсутствием подъездов. Вместо типичных четырех подъездов, или восьми, учитывая, что здание состояло из двух, у общежития был единственный выкрашенный в белое вход с козырьком. Около общежития стояло несколько синих лавочек. Сразу у дверей находился турникет и будка за пластмассовой перегородкой, где восседала комендантша или консьержка, ее называли по-разному, грузная женщина за пятьдесят, покрашенная в темно-русый, но с отросшими седыми корнями, в дальнозорких очках с прозрачной оправой, которые она то снимала, то одевала, по виду добрая, но строгая. Она забирала студенческие у посетителей и следила, чтобы после восьми вечера никто в общагу не заходил. Все живущие студенты должны были вернуться до отбоя в десять.

Одногруппницы попали в общагу, пройдя крутилку и оставив студенческие комендантше. Они гуськом за Олесей отправились бродить по сложным коридорам, потом поднимались на четвертый этаж — в общежитии не было лифта — по лестнице с обшарпанными стенами, требующими ремонта: в некоторых местах до бетона отвалилась штукатурка и выглядывала плесень.

В общежитии стоял постоянный запах то ли жареного растительного масла, то ли промасленной нестиранной одежды. Четвертый этаж по сравнению с лестницей был относительно отремонтирован, покрашен салатовой краской, без отваливающейся штукатурки и плесени на стенах. Олеся сказала, что на этаже два туалета в разных концах коридора и общая кухня. Сразу у лестницы была комната друга и однокурсника Вани Казиминова с основной специальности программиста Вити Семендяева,

очень худого сине- и большеглазого блондина с выступающими скулами. Витя курил у открытого окна, которое выходило к дороге к стадиону. Ближе к Интернет-центру, под общежитием росли декоративные травы, светло-фиолетовые сентябрики, красные, розовые и желтые розы. С этой стороны общежития были посажены в два ряда каштаны, в ветках которых летали совокупающиеся стрекозы. На подоконнике и на полу под окном лежали окурки. Витя поздоровался с Олесей и перекинулся с ней парой приятельских фраз, окинув быстрым взглядом следовавших за ней вереницей одноклассников. Ира выглянула в открытое окно. Внизу валялись выброшенные окурки, образуя своеобразную гору, их было так много, и их так давно не убирали, что под окном практически не был виден асфальт.

— Это наша общага в прошлом году выиграла звание за лучшее общежитие города?

Витя усмехнулся.

— Вот к следующему конкурсу... и уберут, — сказал он, тоже мельком взглянув на свалку окурков под окнами и выбросив свой, еще один, в окно.

Коридор был узкий и тесный. С обеих сторон натканы двери в комнаты студентов. От туалета шел стойкий неприятный запах. Свои деревянные двери студенты украшали, как могли, на что хватало фантазии вешали плакаты, постеры известных музыкантов или актеров или свои рисунки. На Олесиной двери был просто номер комнаты 47.

— Ну, вот тут я и живу... сказала Олеся, открывая ключом дверь и приглашая всех войти. Ее соседок не было. Олеся уже по секрету рассказывала Ире, что одна ее соседка вечерами курила травку, а другая была очень похожа на уехавшую в Германию Леру Курдяеву.

Комната была небольшой. Самодельный коридор-кухню от спальни отделяла клеенчатая шуршащая занавеска, с желто-синими полосочками, на которых были нарисованы веточки и цветочки. На квадратном деревянном столике стоял чайник и маленькая двухкомфорочная электрическая плита, чтобы готовить еду в комнате и не ходить на общую кухню. Около стола несколько табуреток и один черный стул со спинкой, как в университете. Сбоку приткнулся светлый деревянный шкаф для вещей. Сама комната была светлой. Вдоль стен стояли три металлические пружинистые кровати, заправленные разными покрывалами. На полу лежал красный тонкий ковер в мелкую черную полоску. Около кроватей — деревянные тумбочки. Две кровати стояли вплотную друг к другу, под ними — сумки с вещами. Можно сказать, в прямом смысле спали на чемоданах. Над кроватями висели косые полки с книгами. Над Олесиной кроватью на полках стояли мягкие игрушки, фотографии, открытки и золотое сердечко со дня факультета первого курса. Было пару дружеских фоток и пару фоток с работы в 216, но в основном семейные — Олеся с непохожим на нее старшим братом и мамой. Он учился на юриста, летом подрабаты-

вал грузчиком на стройке в Краснодаре, а Олесина мама работала бухгалтером.

У единственного окна, украшенного красивыми желтыми занавесками, вплотную стоял еще один большой деревянный стол. Белье сушили на батарее у стола. Олесино окно выходило во внутренний дворик к другому общежитию. Под окном тоже висели веревки для белья. В комнате был идеальный порядок.

Олеся предложила чаю, но все отказались. Олеся была в черном топе на лямочках и голубых бриджах. В открытом топе полная Олеся выглядела квадратной: широкие плечи, заметный жировой живот и прямые синие штаны ниже колен. На третьем курсе Олеся уже вернулась к естественному цвету волос, она только слегка подкрашивала волосы хной, ходила с волнистыми распущенными волосами по плечи, смазанными гелем.

— Ну, что скажите? — спросила Олеся, показав комнату и подходя к столу у окна.

— Да нормально, — как обычно первая ответила Женя. Она была в синих прямых джинсах и майке. — Чисто...

— Нормальная комната, — сказала Тая, и почему-то именно ее слова были определяющими.

— Да все супер! Не парься! — махнула рукой Ника и неестественно улыбнулась. — А то про общагу неизвестно какие небывлицы рассказывают. — Ника пришла в белом топе качелями без бюстгалтера, черных обтягивающих бриджах и черных шлепанцах на плоской подошве с большим вырезом, в котором были полностью видны пальцы ног с ярко-красными ногтями. У больших пальцев висели шишки вывернутых суставов.

Настя Тюканова с заинтересованным лицом внимательно смотрела по сторонам и необычно для себя молчала. У нее было такое же лицо, как в кафе в день знакомства на первом курсе. Настя была в короткой джинсовой юбке и розовой футболке. Свою длинную челку она как обычно не подстригала, а постоянно смахивала со лба.

— Классно, — Вера сделала восторженное выражение глаз, мягкую улыбку и дотронулась до руки Олеси. С третьего курса Вера начала обводить ненакрашенные губы красным карандашом. Вера была в белом топе с рисунком на тонких бретельках и короткой кожаной юбке с маленьким разрезом сбоку — за лето она немного поправилась.

Олеся просияла, как будто у нее гора упала с плеч — одноклассницы одобрили ее комнату:

— Еще надо кой-какие вещи перевезти...

Молчунья Ира была в красной кофте с коротким рукавом и голубых джинсах. Она только одобрительно посмотрела на Олесю и улыбнулась.

— Там в конце коридора туалет. А на первом этаже еще прачечная, — все рассказывала Олеся.

— Ну, туалет и прачечную мы смотреть не будем, — обстоятельно сказала Женя. Все рассмеялись.

Тая была в белой футболке с желто-синим цветочком, которую раскрасила ее мама, и низких джинсах.

Ника увидела на столе у окна эротический мужской журнал одной из соседок Олеси, открыла его на откровенном развороте, перелистала: — Там в журнале классные позы... — сказала она со знанием дела, показав рукой на одну из страниц, чтобы остальные тоже просмотрели и оценили.

Женя взяла журнал у Ники, бегло, практически не глядя, просмотрела его, перелистала, сказала про позы: — Нормальные, — и быстро закрыла, как будто она разбиралась в позах. Женя нарастила ногти, сделала французский маникюр. Но ее нарощенные ногти все равно выглядели как маленькие обрубочки: короткая ногтевая пластина и недлинный белый свободный край.

Женя встречалась со Степаном больше года, но все еще немислимым образом умудрялась сохранить девственность. Эротические потребности Степан удовлетворял, навещая проститутку. Сначала он не говорил об этом Жене, потом напрямую рассказал. Женя не возражала: «Ну что делать, пусть хоть так», — разводила она руками.

Никто больше позы не рассматривал. Вера, самая опытная в группе, с самым обширным сексуальным стажем, тоже решила журнал не смотреть.

— Ну, пошлите на пары, — опять первая сказала Женя, проверив часы. Все взяли сумки и вышли.

— Глеб на третьем этаже живет, — сказала Олеся, когда спускались по лестнице. Третий этаж был намного обшарпаннее и грязнее, чем четвертый.

— Глеб нас в гости не приглашал, — ответила Женя. И все поспешили на следующую пару...

Однажды Олеся с соседками по общаге пошла на концерт по случаю дня города. Администрация часто устраивала концерты под открытым небом, собиралась толпа, приглашали известных популярных среди молодежи музыкантов. Концерт как всегда начинали «дешевые» местные коллективы: танцевали в костюмах казаков народные танцы, пели патриотические песни, романсы, и только около девяти вечера, за час до окончания, появился «дорогой» обещанный столичный коллектив с несколькими номерами. Чтобы занять место поближе к сцене, нужно было прийти пораньше, лучше за час до и долго пробираться через толпу.

Через полчаса в толпе Олеся с соседками потерялась. Олеся «отнесло» к сцене, а их «вынесло» к выходу. Олесин телефон разрядился, и они не смогли созвониться и найти друг друга. Олеся, оставшись одна, без подруг, сначала хотела вернуться в общагу, думала, что ей будет скучно. Но неожиданно для себя поняла, что ей понравилось быть в толпе незнакомых людей и чувствовать себя с толпой одним целым. Она поняла «драйв» толпы. Ей понравилось кричать со всеми, аплодировать, тянуть руки к сцене и подпевать музыкантам. Она осталась одна в толпе

фанатов ждать любимую рок-группу, а потом танцевать, петь и подпрыгивать.

В общагу она вернулась после концерта счастливая. Она поняла что-то о себе и отлично отметила день города. На концерте она накричалась вдоль и сорвала голос. Оказалось, что ее соседки давно пришли...

Сетевой маркетинг

На третьем курсе Вероника Молодицына тоже пошла работать. Она устроилась распространителем в известную косметическую фирму, которая продавала свою продукцию не через сеть магазинов, а с помощью сетевого маркетинга. На пары Ника приносила красочные рекламные каталоги, на страницах которых красивые отретушированные модели показывали свои накрашенные ногти, губы, ресницы непомерной длины или сияющую бархатную кожу, рекламируя лаки, помады, туши и пудры. Каталог привлекал ароматическими страницами, рассказывающими о мужской и женской парфюмерии, прямо в некоторые страницы были вклеены пробники духов или кремов. Брутальные небритые мужчины рекламировали средства до и после бритья. В последнее время в каталогах расширился ассортимент: стали продавать женскую одежду, сумки и бижутерию.

Рекламные каталоги Ника сначала бесплатно раздавала одногруппникам и девчонкам из тридцать седьмой и восьмой групп. Потом просто давала посмотреть свои. В ее каталогах ручкой были подписаны цены с учетом всех возможных скидок. Ника говорила, что продавала однокурсникам, как «для себя», зарабатывала немного, но могла купить себе косметику с существенными скидками и получать подарки от компании. Она принимала заказы, забирала их в офисе фирмы — продавала косметику с небольшой наценкой — и привозила на пары однокурсникам.

Ника Молодицына училась хорошо, за пятерками не гналась, но тройки в ее зачетке были редкими и случайными, программирование она, как и Женя Резцова, не знала, с программированием ей помогал Егор.

Ника активно продвигала свой товар, проходила специальное обучение, посещала тренинги, приглашала на презентации продукции и направлялась к однокурсникам домой проводить мастер-классы по макияжу, где обычно красила хозяйку квартиры, в случае Олеси — комнаты в общежитии, учила секретам нанесения макияжа и дарила подарки.

Рассказав обо всех достоинствах рекламируемой косметики у Олеси в общаге, Ника направилась домой к Жене Резцовой.

На мастер-класс к Жене пригласили только одnogруппниц. Пришли все, кроме Усановой Дианы — она все свободное время проводила с Бнидертом.

К Жене Ника пришла в черных обтягивающих джинсах и белой рубашке, ее стиль одежды стал более официальным. Она сделала высокий хвостик, обмотав резинку своими волосами, и получилась резинка из волос. Ника в основном ходила с низким хвостиком, часто делала боковой пробор и закрывала и без того узкий лоб длинными волосами. Один раз она сделала пробор зиг-заг, но он не понравился Егору.

Когда Ника начала работать консультантом косметики, она стала крастись аккуратнее. Уже не было слипающихся ресниц и толстого слоя тонального крема. Она уже не так часто красила свои выпуклые губы в бордовый. У нее очистилась кожа, и на щеках пропали глубокие кратеры от прыщей.

Пока Ника красила Женю, одnogруппницы сидели на стульчиках и креслах, пили чай, ели печенье и внимательно слушали секреты нанесения теней и румян. Ника подробно рассказывала, как надо накрасить Женю, чтобы ее маленькие глаза визуально казались больше, широкий нос тоньше, светлые брови — темнее, а губы крупнее и пухлее. В центре зала на табуретке восседала Женя, а вокруг нее кружилась и ворковала Ника. Доставала разные кисточки и аппликаторы для нанесения теней, тонкие кисточки — для губных помад, широкие — для пудры, спонжики для тонального крема, несколько видов туши: черную, коричневую, двойную черно-белую, удлиняющую и для объема. Ника в большой тяжелой сумке принесла все необходимое для макияжа, кисточки, тени, румяна, туши, блески для губ и ресниц, пудры для всех оттенков кожи и несколько наборов декоративной косметики.

Ника красила и пудрила Женю, наверное, минут сорок, наращивала уголки ресниц, наносила сначала основу под макияж на все лицо, потом тональный крем, накладывала несколько слоев ярких теней и губной помады и несколько раз красила ресницы. И обычный пятиминутный процесс «покраски» оказался целым долгим произведением искусства.

— У тебя такие большие глаза, — сказала Тая, глядя на накрашенную Женю, когда Ника с довольным видом сказала сказала принимать работу. — Я никогда не видела у тебя таких больших глаз! — Тая подстриглась «под мальчика», носила джинсы на черном поясе и черные короткие водолазки так, что живот оставался голым.

После макияжа Женю было не узнать — с широкими темными бровями, сильно накрашенными глазами и ресницами, румянами на щеках и неярким блеском для губ — она выглядела другим человеком: Ника накрашила Женю, как она обычно красилась сама.

В конце мастер-класса Ника подарила всем присутствующим небольшие подарки, пробники крема и помады, а хозяйке — набор косметики. Красиво накрашенная Женя Резцова тут же позвонила Степану и догово-

рилась пойти погулять с Тайей и Славой по Красной. Надо же продемонстрировать друзьям и парню ее новый макияж. Она быстренько выпроводила одноклассниц, осталась только с Тайей и пошла принаряжаться. Когда Степан увидел накрашенную Женю, у него отвисла челюсть. Степану ее макияж не понравился:

— Пойди, умойся, — сказал он Жене, завернул в ближайшую кафешку и отправил Женю в туалет. Женя ему нравилась ненакрашенной.

Оказавшись выставленными из Жениной квартиры, Диана с Настей поехали выбирать подарок для Васи Нечаева, у которого скоро был день рождения. Теперь подарки к праздникам ездила, покупала только староста, «что захотела Диана, то и подарили»... Олеся с Ирой и Верой решили тоже немного прогуляться по Красной.

— Так Егор встречается с Никой, а Степан с Женей, чтобы компанию поддержать?

— Как-то так... Ну, общая веселая компания — это тоже важно.

У Олеси было два свитера и две пары брюк, которые она меняла с периодичностью необходимости стирки. Оба широкие, длинные, один в черно-зеленую полоску, другой коричневый, оба визуально делали полную Олеся еще полнее и квадратнее. Сегодня Олеся была в черно-зеленом свитере, темных брюках клеш и коричневых зашнурованных туфлях с квадратным носом на высоких квадратных каблуках.

Олеся шла посередине, под ручку с Ирой и Верой. Подруги предавались злословию.

— Антон везде кричит, что у него связи в администрации, чтобы его не трогали и тройки просто так на экзаменах ставили! — возмущалась Олеся. — А преподады бояться проблем с администрацией. — Все помнили, как недавно на экономе после жалобы недовольного студента отцу в администрации, препода был уволен без разговоров. И это был не единственный случай.

— Мда, — все замолчали. Антон учился, как мог.

— Глеб говорит, что Никины рога уже мешают ей входить в двери. Егор ей изменяет с девушкой с филфака, у него еще есть подружка на факультете лингвистики.

— Он спал с несколькими девчонками из моего промагентства, потом им лучшие акции отдавал...

— Вот ужас, — Вера покачала головой.

— Видишь, Веруха, хорошо, что у тебя с ним не получилось, — Олеся хлопнула Веру по плечу.

Вера только нервно хихикнула.

— Я как-то слышала, как Егор говорил, что надо сделать так, чтобы на выпускном на пятом курсе не осталось девственниц. А то особенно много девственниц на факультете философии и лингвистике. Егор этим и занимается — ликвидирует девственниц.

— Или, вернее, девственность.

— Он там со всеми подряд спит?
— Нет, я думаю, только красивых выбирает.
— А Ника знает и молчит...
— И Женька знает, что Степан ей изменяет. Параллельно встречается с Настей.

— Сегодня Женька такая красивая была! — в который раз повторяла Вера и восторженно округляла глаза. — Как ей можно изменять? Женька — супер! — Ира не разделяла восхищение Веры Женей.

— Степан до сих пор с Настей?
— Да, я как-то слышала, как Женя сказала Нике: «Ну что делать, если наши парни не могут хранить верность».
— Ну да, что им делать?..
— Степан хоть богатый, а Егор что?
— Егор красивый...
— Понятно...

Вера нервно засмеялась.

— Степан запутался в двух девушках. Он говорит, что их обеих любит...
— Было бы классно, если бы Степана обе бросили. И Женька, и Настя. Хотя с учетом, сколько денег у его родителей, он бы им быстро нашел красивую замену.

— Понятно... — Ира хмыкнула.
— Вот мальчики развлекаются...
— А Женя все надеется, что у Степана с Настей несерьезно...
— Они уже сколько встречаются! А Женька все надеется!

Подруги на некоторое время замолчали.

— Вот Диана сейчас часто пары пропускает, постоянно в деканате, говорит, там много работы. Ей вообще можно на пары не ходить. Она все зачеты и экзамены проставляет по блату, потому что в деканате работает, — Вере из-за Егора не нравилась Ника, а Олеся из-за Бориса Станиславовича — Диана.

— Вам нравится, как Глеб себя ведет? Прямо какого-то мачо из себя строит! Прямо сексгигант. На него Антон и Вася поэтому обижаются...

— Да нормально вроде... — пожала плечами Ира. Вера покачала головой, выражая одобрение сказанному.

— А у меня новость — недавно отчислили, мою соседку с биофака. Слава тебе Господи! Ну, которая марихуану курила. Олька, девушка Вити Ссемендяева, ну, блондинка такая... тоже с биофака, хочет заселиться к нам в комнату.

— Поздравляем!
— Олька с Витей и похожи...

Они были на самом деле чем-то похожи, примерно одного роста, оба блондины с большими светлыми глазами.

Подруги дошли до трамвайной остановки, дальше их пути расходились. Олеся села на трамвай и поехала в сторону универа, Вера тоже

на трамвае — в противоположную сторону сельхозрынка, а Ира пошла дальше по Красной, ей было недалеко до дома — всего лишь три остановки.

Мировая экономика

Зимодский Алексей Владимирович был заслуженный деятель науки Кубани, доктор экономических наук и профессор кафедры мировой экономики. Ему было за сорок, невысокий, темноволосый, с сильной проседью, негустыми бровями и аккуратными густыми недлинными усами, не такими седыми, как его волосы. Он недавно защитил докторскую. Зимодский обычно ходил в строгих костюмах, белых или темных рубашках или водолазках и черных туфлях на высокой плоской подошве. Он был женат и воспитывал дочь.

На парах по мировой экономике в традиционной 141 Зимодский не читал лекции, а шутил и смеялся, рассказывал анекдоты, добываясь расположения своих студентов. На первых парах он скромно не забыл упомянуть все свои титулы и должности. Он со всеми студентами налаживал дружеские связи, вдруг в будущем этот студент сможет ему пригодиться.

В начале семестра Тая, наслушавшись рассказов старшего брата, очень боялась Зимодского: — Андрей говорит, что они на третьем курсе очень сложно Зимодскому сдавали, многие сдать не могли. На пересдачи приходили. Даже кого-то из-за него отчислили, в армию забрали. Каждый год из-за него в армию ребят забирают... Андрей говорит, что Зимодский один из самых сложных зачетов за все годы обучения. На втором курсе Скуленко, а на третьем Зимодский...

Никита Матродский из тридцать восьмой никак не мог пересдать хвост по линейной алгебре Доровской, завалил две пересдачи — на экзамен приходил неподготовленный. — Ты хоть выучи, — советовал ему Ушанков. У Никиты была последняя попытка пересдать — уже с комиссией. К последней пересдаче он все выучил и, к удивлению многих, сдал...

В конце семестра Зимодский предложил всем купить его книгу по мировой экономике — по шестьсот рублей — и тем, кто купил, сказал, что поставит самозачет. Студенты моментально собрали деньги.

— Недешево он свою книгу оценил, — сказала Олеся Ире.

— Все три группы купили его книгу, — ответила Ира. — Примерно пятьдесят человек по шестьсот рублей, тридцать тысяч получается. Зимодский, наверное, озолотился.

Глеб Бухаров, единственный из трех групп, отказался покупать книгу Зимодского и грозил, если не получит зачет, пойдет разбираться в деканат. Потом к Глебу присоединилось еще несколько парней из тридцать восьмой. Когда Глеб начал возмущаться, что зачеты ставят за покупку учебников, Зимодский, чтобы не было проблем, раздал еще несложные доклады и поставил всем зачеты за доклады и книги. Глеб получил зачет, не покупая книги.

В этом маленьком противостоянии с Глебом, Зимодский на всякий случай решил заручиться поддержкой студентов. И после зачета, случайно увидев Иру в коридоре, спросил у нее:

— Вот Шмонова, вы считаете, что я неправильно поступил, что поставил зачеты за доклад? — Зимодский мог так запросто разговаривать со студентами, как будто был не преподавателем, а просто приятелем. Голос у него тоже был добрый, приятельский.

«Он забыл упомянуть покупку книги», — подумала Ира.

— Шмонова, вы считаете, я должен был принимать зачет по всей строгости?

— Я не знаю, Алексей Владимирович...

Своей «дружеской» манерой поведения Зимодский стирал те границы между людьми, которые стираются в основном со временем, с появлением доверия, обычно после долгого общения или знакомства. Эти границы Зимодский переходил быстро, с помощью своей дружеской интонации, любезностей, объятий и выпрашиванием чужого мнения. Но такая быстрота, панибратство с преподавателем у многих студентов в лучшем случае вызвали только настороженность, в худшем — отвращение.

— Вот посудите сами, госпожа Шмонова, вы же не экономисты. У вас же другие профильные предметы, зачем вас еще и зачетом по мировой экономике загружать? Ну, ведь правильно? Разве я не прав?

— Правы, Алексей Владимирович! Правы! — охотно соглашалась с ним Ира.

— Я тоже так думаю... Вас другие преподы напрягают.

— Ой, напрягают, Алексей Владимирович, напрягают! Жизни нет, — поддакивала Ира, согласно качая головой в знак участия, — учим с утра до вечера. Один Чеконский чего стоит! И криптография в эту сессию сложная!

— Вот! Ну, напугал вас Владислав Сергеевич... Правильно!.. А то ваш Глеб говорит, что я должен был вам раздать вопросы и зачет принимать по всей строгости. Так ваш Бухаров первый не сдаст.

— Вы Глеба больше слушайте, он вообще так себе учиться. Он спортсмен, легкоатлет.

— Так я правильно поступил, Шмонова?

— Правильно, Алексей Владимирович, правильно, — вторила ему Ира. — Че там с программистов экономику требовать?..

— Вот я тоже так думаю...

Так же Зимодский узнал мнение старосты Дианы, Егора и многих других студентов. Проведя коллективный опрос, он гарантировал себе поддержку большинства и успокоился. Вопреки пословице, Зимодский стремился угодить всем, или почти всем.

Через несколько дней Зимодский увидел Иру в коридоре «новейшего» корпуса с Олесей и Верой:

– Шмонова!..

Он быстро подошел к Ире и начал разговор. Вера с Олесей тактично отошли.

– Госпожа Шмонова, а как у вас дела? – Зимодский приобнял Иру за талию. – Ну, вы же не забудете своего старого преподавателя, когда окончите вуз? Вы же у нас хотите стать большим начальником! – Зимодский слащаво улыбался.

– Кто не хочет? Не забуду, Алексей Владимирович... Не переживайте.

– И на брудершафт, если что, со мной выпьете? – по-собачи ластился Зимодский.

– Конечно, выпью, Алексей Владимирович... – успокаивала Зимодско-го Ира.

– Смотрите мне, – Зимодский нарочито погрозил указательным пальцем. – Вы мне обещали. – Зимодский обнимал Иру за талию и заискивающе улыбался.

– А сейчас вы работаете?

– Да, промоутером.

– Ну, промоутером тоже важно, учитесь продвигать товар, постигаете основы маркетинга! Молодец, Шмонова! – сказал Зимодский громко и победоносно... – Госпожа Шмонова, а кто у нас еще вот... ну, побогаче?.. Ну, вы понимаете? – сказал Зимодский уже совсем другим, угодливым тоном, наклонив голову на бок и преданно глядя в глаза.

– Ну, у Резцовой родители в банке работают...

– В банке – это тоже важно, куда сейчас без банка!

– Женя уже сама кассиром работает...

– Молодец Резцова!.. А кто еще?

– У Дашевицкого, говорят, родители богатые.

– У Дашевицкого? Это какой?

– Ну, такой высокий, темноволосый...

– Которого Егор зовут? Староста тридцать седьмой?

– Нет, Егор супервайзером работает.

– Ну супервайзером тоже хорошо. Руководитель, учится управлять людьми! Тоже надо. Куда нам без спервайзеров?

– А Степан полный такой и ниже Егора...

– Ааа! – догадался Зимодский. – Это который с Резцовой на парах сидел?

– Да, они уже давно встречаются!..

– Давно встречаются – это хорошо... А кто еще?

— Ну, Антон у нас собирается в администрации Горячего ключа работать, он так говорит...

— В администрации?.. — сказал Зимодский заинтересованно, — Антон это..?

— Ктавиди, он редко на пары ходил...

«Интересно, как Зимодский будет Антона ловить?»

— А... ну я поузнаю...

— И у Джанарова Артема мама известный хирург...

— Хирург... Это интересно... А как выглядит Джанаров?

— Блондин... он на пары не ходит, сейчас работает программистом. Начальником отдела...

— Ну, программист — сейчас самая востребованная профессия. Начальник отдела уже! Молодец!.. Ну, на сессию он же выйдет?

— Ну, должен...

«Артем вообще не ходит, где он его будет караулить, чтобы получить заверения в вечной преданности...»

— А еще кто?.. — заинтересованно спросил Зимодский, склонив голову на бок, внимательно слушая и запоминая. Но вдруг увидел в коридоре Резцову с Обликовой:

— О!!! Госпожа Резцова! — громко сказал Зимодский, тут же отвернувшись от Иры, мгновенно забыв о ней и с распростертыми объятиями пошел в направлении Жени.

Увидев Зимодского, Женя шарахнулась в сторону, немного попятилась, как будто хотела убежать, но не успела. Зимодский быстро подошел к ней, приобнял за талию, начал лебезить и расточать комплименты...

Олеся с Верой со стороны наблюдали, как Зимодский сначала поговорил с Ирой, а потом побежал обниматься с Резцовой и получать ее уверения, что в случае необходимости, она не забудет своего старого преподавателя и всегда поможет ему.

— Вот у нас преподаватели вуза себя ведут, а еще доктор наук, профессор. Тебе не противно с ним общаться? — спросила Олеся, когда Ира подошла к ней с Верой. — Обниматься еще лезет.

— Мне все равно. Просто легкий зачет...

— Зимодский — он такой мерзкий... — говорила о нем Тая...

Ира считала, что Зимодский был какой-то «приторный», как будто Бог, делая Зимодского, положил в него слишком много сахара.

Чтобы никому не было обидно, Зимодский пообнимался с Олесей, Верой, Катей Сидоровой и со всеми остальными студентами, которых видел. И получил заверения в их помощи в случае необходимости.

Потом Слава и Егор рассказывали смеясь, как в сессию Зимодский бегал по университету, искал Джанарова, мама которого была известным хирургом и работала в краевой больнице.

А через несколько месяцев Артем рассказал однокурсникам, что Зимодский привел к его маме свою дальнюю родственницу, которой требо-

валась сложная операция, и, как преподаватель Артема, попросил сделать операцию «в лучшем виде». Зимодский как обычно разговаривал с мамой Артема, как со старой знакомой, по-дружески обнимался, был обаятелен и любезен. После успешно проведенной операции он щедро отблагодарил ее, вручив конвертик с приличной суммой денег. На все ее отнекивания и качания головой, он настойчиво впихнул конверт, припевая дифирамбы ее мастерству хирурга. Потом достал из пакетика заранее принесенное шампанское и пил с ней на брудершафт...

Зачетная неделя прошла легко. По концепциям современного естествознания и экономике фирмы сделали рефераты и получили самозачеты, Ушанков за работу в течение семестра поставил самоэкзамены. По мировой экономике купили книгу и сделали доклад. По статистике всем поставили зачет просто так, за работу в течение семестра. Ира подумала, что на третьем курсе действительно стало легче учиться.

Экономика фирмы

До конца сессии студенты должны были сдать курсовую Доровской. Ире понравилось делать чужие курсовые, она немного заработала и еще лучше разобралась в теме. Настя Тюканова тоже делала курсовые ребятам из тридцать седьмой и восьмой и сказала Ире, что она очень сбросила цены. Настя писала курсовые по три-четыре тысячи, Ира делала за две.

Тая писала курсовые себе и Славе. Олеся переделала старую курсовую Вани Казимирова — она пользовалась всеми преимуществами работы лаборантом у ГП. Вера заказала курсовую на кафедре. До сессии Ира сдала все «свои» курсовые на положительные отметки.

У Никиты Матродского Доровская курсовую не приняла, долго проверяла, а потом зачеркнула всю и отправила на доработку. У Никиты остался хвост, но он не расстроился: считал, что у него еще есть время для передачи.

Первым в сессию сдавали криптографию Горового. Ира много пропускала. За весь семестр она в лучшем случае была на четырех парах. К экзамену Горовой раздал распечатки лекций для подготовки и сказал запрограммировать сложный криптографический алгоритм — для всех одинаковый.

Ира не разобралась с алгоритмом и не сдала его в течение семестра. Без алгоритма Горовой ей пять бы не поставил. И теорию из билетов она никак не могла доучить: постоянно что-то отвлекало или мешало. Ира пришла на экзамен и попросила Горового поставить ей два и прийти на передачу. Двойки Горовой ставил легко: — Вам два? Пожалуйста!

Горового сдавали сложно, Дима и Олеся не сдали и пошли с Ирой на пересдачу. Тая получила тройку и даже не заикнулась о пересдаче. Пожарова очень радовалась четверке. Отличницы как обычно получили пятерки.

Вторым экзаменом поставили экономику фирмы Чеконского.

Чеконский Владислав Сергеевич — очень маленький, примерно такого же роста, как Рома Антошин, с темными волнистыми волосами, непропорционально большой головой, практически без шеи и достаточно худым телом. Он почти всегда ходил в строгих костюмах и редко в джинсах и рубашках. Он работал на кафедре мировой экономики, где Зимодский, и на факультете информатики преподавал экономику фирмы. Его совместные лекции и практики проходили в «новейшем» «синем» корпусе университета, в абсолютно новой аудитории, где еще сохранился запах недавнего ремонта и новой мебели. Студенты экономспециальностей были первыми, кто сидел за этими столами, на этих стульях и первыми, кто портил университетское имущество и царапал на столах свои послания грядущим поколениям. В тридцать шестой Глеб Бухаров не постеснялся и накорябал на совершенно новом столе ключом от комнаты в общежитии умную фразу: «Здесь был Глеб», надолго сохранив память о себе в умах потомков. Как и на диффурах БС, на парах по экономике фирмы студенты сидели за одним большим столом, сделанным из нескольких сдвинутых, преподаватель во главе стола.

Чеконский немного сумбурно рассказывал теорию, разбирал задачи, на каждой паре задавал домашнее задание и на следующей паре его проверял. Перед сессией раздал длинный список из пятидесяти вопросов, половину из которых на парах даже не разбирали...

На экономе рассказывали, что Чеконский переспал чуть ли не со всеми студентками, у которых преподавал. На экзамене стало понятно, как ему это удалось.

Экономику фирмы сдавали в той же аудитории, в которой проходили лекции и практики. Напротив аудитории висел плакат с рекламой дорогого магазина одежды.

Перед экзаменом в девять сорок у аудитории царило невероятное оживление. На экзамен пока не пришли Олеся, староста Диана, Женя Резцова и Вася Нечаев. Почему-то все девчонки тридцать шестой боялись экзамена по экономике фирмы. Одноруппницы рассказывали Ире, что на консультации к экзамену Чеконский сказал, что все девушки будут сдавать через постель. Ира консультацию пропустила, была на работе.

— Как через постель? — не поняла Ира.

— В прямом смысле... — ответила Тая.

— Через какую постель? — Ира все еще не понимала, о чем речь.

— Ну какую...? Какая может быть постель...

— Да он пошутил, — уверенно сказала Диана Усанова, она тоже не была на консультации.

— Пошутил, конечно, — поддержала Ника, которая все время читала ответы на вопросы к экзамену, которые законспектировала в толстую тетрадку. Ника была на удивление серьезной и сосредоточенной только на своих конспектах.

Настя Тюканова на экзамен пришла в салатовом свитере с расклешенными рукавами. У нее была светло-зеленая короткая дубленка. Ира подумала, что салатовый Настин любимый цвет.

Настя не считала, что преподаватель пошутил:

— Вы что, не поняли, что Чеконский имел в виду? — Настя сильно жестикулировала. — Что все девушки, чтобы сдать экзамен, должны переспать с преподавателем! — возмущенная Настя говорила громко. Обычно веселая и постоянно смеющаяся, сегодня она была раздраженной и нервной...

— Я, наверное, это пропустила или недопоняла... — все сомневалась в словах Чеконского Ира. Она пришла на экзамен в вязаном мамой синем свитере и серых штанах клеш.

— Да у Чеконского одни комплексы. Поэтому он так и говорит... — сказала Ника.

— Женился бы на такой же «маленькой» девушке... — сказала Ира.

— Или наоборот на высокой, породу улучшал... — сказала Ника.

— И жил бы нормально!.. — продолжила Ира.

— И экзамен бы через постель не принимал... — добавила Тая.

Вера как обычно истерично захихикала, прикрыв рот скомканным сопливым платком, и положила голову Ире на плечо. На экзамен Вера пришла в обтягивающей кофте и черных кожаных штанах. Когда у Веры был насморк, она часто держала носовой платок в руках и так зажимала его, что платок принимал форму комочка. И часто подносила платок к лицу, закрывая рот. Она в него сморкалась, смеялась, кашляла, иногда говорила и даже дышала, как делают больные легочными заболеваниями.

Олеся опаздывала, и Ира решила ей позвонить: — Я на экзамен не приду, — ответила телефонная трубка голосом Олеси. — Мне нужно быть в 216.

— Вот видишь, даже Олеся не пришла. О Боже! — Вера захихикала и снова опустила голову Ире на плечо, продолжая листать лекции.

Вера, Ника и Тая стояли необычно притихшие, только усердно читали лекции. Вера даже не повторяла свои обычные «кошмар» и «ужас», только вздыхала чаще, чем обычно. Тая зевнула, прикрыв рот немного согнутой ладонью, у нее щелкнула челюсть. Наверное, Тая учила всю ночь. Когда Диана Пожарова или Рома Антошин зевали, у них тоже иногда щелкали челюсти.

К аудитории подошел Вася Нечаев, он немного опоздал. Ира обратила внимание на его расширенные зрачки — перед экзаменом он, наверное, курил травку. Олеся по секрету рассказала Ире, что Вася с Глебом покурили марихуану. Глеб хотел бросить.

К тридцать шестой подошли Егор и Слава. Тая любя бросилась Славе на шею, обняла его и чмокнула в нос.

– Ну, как вы тут? – спросил Слава.

– Готовимся!

– Готовьтесь, правильно! Мы сейчас к Степану домой пойдём. Ну, в квартиру напротив универа... Ему эту квартиру купили родители ещё на первом курсе. Он там один живёт, – как бы ненароком сказал Слава. – Мы у него будем. Хочешь, после экзамена подходи, – сказал он Тае и, пожелав всем удачи на экзамене, ушёл с Егором. Факты, которые Слава рассказывал о благосостоянии Степана, менялись год от года. Благосостояние Степана росло на глазах. Ира это давно заметила, но не обращала внимания. Это было не её дело...

– Я просто стесняюсь спросить, как мы будем экзамен сдавать? – все не унималась Настя, опять сильно жестикулируя.

– Ну как? Понятно как... – подзадоривал Глеб.

– Через постель! – закончил фразу, зло улыбаясь, Рома Антошин. Ему тоже нравилось дразнить Настю. Он весело смеялся, глядя, как она нервничает и кипит.

– Мармозетки, я вас тоже очень люблю! – С легкой руки Глеба «мармозетками» в группе стали называть Рому и Диму, иногда вместе с ними и Диану Пожарову.

– Да он пошутил, – говорила Ира.

– Думаешь? Он говорил абсолютно серьезно... – переживала Настя. Она выглядела возбужденнее и активнее, чем обычно. – Я буду записывать все, что происходит на экзамене...

– Ты имеешь в виду, что... – не закончила свою фразу Тая.

– Так ты пришла с диктофоном? – спросил у Насти ошарашенный Глеб.

– Да... – Настя с вызовом показала диктофон, не вынимая его из сумки. – Если Чеконский будет предлагать с ним заниматься сексом, то у меня будут доказательства! Я пойду с записью к декану! Посмотрим, что тогда будет! И дадут ему волшебного пенделя из универа!

– И обязательно нужен диктофон? Ты думаешь, тебе на слово не поверят? – спросил Глеб.

– Не знаю, мне так спокойнее! – Настя плотнее прижала к себе сумку, висющую у нее на плече.

– А что? Диктофон и сейчас включен? – спросил Глеб.

– Сейчас нет... Когда буду заходить, включу...

Все замолчали...

– Вообще-то у парней с преподавателем тоже может быть секс! – сказала Настя. – Анальный, я имею в виду...

– Настя, ну ты что... Ты уже не знаешь, что придумать, – Глеб прямо обиделся.

– А почему нет? Теоретически, я имею в виду...

– Ну если только гипотетически...

В сессию обычно все разговоры были только об учебе. А перед экзаменом Чеконского – об интимах.

Перед самым экзаменом появилась Женя Резцова. Она пришла, заклеив один глаз толстой бинтовой повязкой, со справкой от окулиста, что проходит лечение и не может сдавать экзамен. Ее вид не вызывал вопросов.

В девять тридцать пять в аудиторию вошел Чеконский как обычно в строгом костюме и белой рубашке. Сразу за ним появилась Пожарова Диана. Она уверенным шагом, неся ведомости, прошла мимо одногруппников.

– Диана, а ты на экзамен не идешь? Прогуливаешь? – весело спросил Дима.

– Ну да, – хмыкнула Диана, – а вы что-то имеете против?.. У меня много работы в деканате. – Диана, необычно уверенная в себе, отнесла Чеконскому ведомости и также уверенно зашагала обратно в деканат – на экзамен она не оставалась.

Женя Резцова перед экзаменом вошла в аудиторию, оставив дверь открытой – не хотела себя компрометировать. Чеконский без лишних вопросов поставил Жене пять: все помнили про звонок из администрации города после Жениной четверки по диффурам.

– Ну, кто первый? – спросил Чеконский через открытую дверь. – Только заходите по одному.

Все посмотрели на Тюканову и Обликову. Обычно первыми были они.

– Вот видите! Он сказал по одному заходить! Думаете, почему? – громко и эмоционально сказала Настя.

– Да пошутил он, – сказала Диана Усанова. Она тоже, как Ира, не разделяла опасений многих девчонок.

– Я не пойду к нему сдавать! – кричала Настя Тюканова с диктофоном за пазухой.

– Да успокойся ты, он пошутил!

– Не знаю...

На этот раз первый зашел Глеб, оставив дверь открытой. Он вытянул билет, сел на первую парту перед преподавателем готовиться, через пятнадцать минут пошел отвечать и вышел с четверкой. Чеконского сдавали быстро, перед экзаменом он сказал: «Вы или знаете, или нет, зачем долго готовиться?»

– Кто следующий? – спросил Чеконский из аудитории. Все мялись...

– Ладно, пойду я! – сказала Настя с вызовом и вошла в аудиторию, предварительно включив диктофон. – Только дверь я закрывать не буду! – Настя настаивала на открытой двери.

Чеконский встал и сам хотел закрыть дверь в аудиторию, но Настя почти кричала: – Не надо закрывать дверь. – И была на грани истерики.

Она также тянула билет, готовилась и через десять минут отвечала – весь свой экзамен она записывала. Настя с диктофоном вышла с пятеркой.

– Настя, твой «самокрасный самодиплом» не пострадал? – спросил Глеб ехидно, оставшись ждать остальных одногруппников – ему нравилась эта «заварушка». Глеб часто упоминал Настин «самокрасный самодиплом», поддараживая ее. Настя только хмыкнула, ничего не ответив. С записью своего экзамена она в деканат не пошла.

– Ну что, кто теперь пойдет? – спросила Ника у одногруппников.

– Ну, пойду я... – в аудиторию вошла Тая, подавая другим пример. Чеконский сам встал и закрыл дверь...

Через двадцать минут Тая вышла с четверкой.

– Ну что? – спросила Ника, когда Тая вышла.

– Да ничего особенного, вытянула билет, минут десять готовилась, потом ответила... Как всегда... – Тая пожала плечами и пошла в квартиру Степана, где ее ждали Слава и Егор. Она была немного расстроена, хотела пятерку.

Когда Тая ушла, Глеб спросил у Ники:

– Думаешь, у них был секс?

– У Таи ...Нет... – без сомнения в голосе сказала Ника. – Видишь, она говорит, экзамен как обычно... Чеконский просто прикалывается...

– А я вот не знаю...

– Глеб, прекрати, пожалуйста! – рассмеялась Диана Усанова.

Остальные также сдавали Чеконского при закрытых дверях. Что происходило в аудитории, никто не знал. Студенты и студентки заходили в аудиторию по одному и выходили через пятнадцать-двадцать минут с оценкой.

Когда Тая вышла, в аудиторию зашла Ира. Она шла на экзамен «так себе» подготовленная: она несколько раз прочитала большинство билетов. Решила, что выучить все нереально. В принципе ориентировалась, сделала шпаргалки и взяла с собой конспекты. Ира не разделяла волнений большинства девчонок группы. Ире попался малознакомый билет, который не разбирали на лекциях, Ира что-то ответила.

– Ну, вы занимались в течение семестра. Чтобы подбодрить человека, надо спросить у него, что он хорошо знает, – и Чеконский задал Ире вопрос, который она недавно отвечала на паре. Ира на вопрос подробно ответила.

– Вот видите. Вы все знаете. Идите – пять.

Ире Чеконский показался добрым, она не ожидала, что экзамен пройдет так легко и преподаватель будет ее в прямом смысле тянуть. Ира удивилась, но кто будет спорить с пятеркой? И впереди все еще мелькал единственный день пересдач и криптография Горового.

– Ну что? Как все прошло? – спросила Вера с платком в руке, скомканным, мокрым от соплей, когда Ира вышла с оценкой.

– Да, нормально, тянула билет, отвечала, – Ира буквально повторила слова Таи.

– А какой тебе билет попался?

– Пятнадцатый, и был дополнительный вопрос...

— Он еще дополнительно вопросы задает?.. — Вера безжизненно опустила голову Ире.

Остальные сдавали Чеконского при закрытых дверях. Что происходило в аудитории, никто не знал. Студенты и студентки заходили в аудиторию по одному и выходили через пятнадцать-двадцать минут с оценкой.

В середине экзамена к Чеконскому подошла ГП с Олесиной зачеткой. Чтобы сдать экономику фирмы Олеся обратилась за помощью к ГП, а сама на экзамене не появилась. ГП с Чеконским недолго поговорили, и у Олеси в зачетке появилась тройка по экономике фирмы. Теперь Олеся проставляла экзамены по блату, потому что работала в 216.

Диана Пожарова тоже экзамен не сдавала, только пришла в конце экзамена за ведомостями — договорилась через деканат и получила пять. Ника, Усанова Диана и Вера получили четверки...

Новость, что экзамен девушки сдают через постель, студентки тридцать шестой восприняли по-разному. Ира и Диана Усанова отнесли к словам Чеконского на консультации, как к шутке. Но, как и все, сдавали экзамен за закрытыми дверями. Остальные отнеслись настороженно и напряженно... Диана Пожарова и Олеся решили не рисковать и, используя служебное положение, получили оценки, не сдавая экзамен. Женя принес справку от врача и по административному блату получила пять.

У тридцать седьмой и восьмой Чеконский также принимал экзамен по одному и при закрытых дверях. И своим экзаменом бросил тень на много девичьих репутаций.

Криптография

К единому дню пересдач Ира выучили теорию по криптографии, задачи по теме решать умела и списала задачу-алгоритм у Ромы, который списал задачу у Димы. И рассчитывала получить пять, в крайнем случае, четыре, как год назад у Одронинского.

Пересдача проходила в 206, где на первом курсе сдавали Ушанкова. На пересдачу к Горовому пришли не только экономические, но и основная специальность: в большой аудитории практически не было свободных мест. Горовой пользовался популярностью среди пересдающих, готовил солдат для весеннего призыва. Из Ириной группы на пересдачу пришли еще Дима, Олеся, Глеб и Вася.

Горовой принес карточки с заданиями по матанализу и линейной алгебре за первый курс и сказал, что алгоритмы по криптографии смотреть не будет. Как оказалось, на пересдачу он приносил практические задания за все годы обучения. Ире попался номер по комплексным числам с пер-

вого курса. Эту тему она в принципе помнила, но не так хорошо, как хотелось бы.

Ира быстро написала теорию, комплексные числа вспомнила и разобралась, все как обычно, только аккуратно решать с мнимой единицей. Пошла отвечать одна из первых. Теорию Горовой проверил, примеры перерешал и сказал, что они решены неправильно.

– Как это неправильно?

– Вот, посмотрите. Я перерешал... Вы, оказывается, решать не умеете.

– Это я решать не умею?.. Давайте я еще раз перерешаю. Я уверена в своем решении...

– Идите. Три... Теория без практики, только три.

– Как три? Не надо мне три ставить!

Ира схватила зачетку – просто вырвала ее из рук преподавателя – и быстро отошла к двери.

– Это что вы себе позволяете? – ошарашенный Горовой не ожидал такой прыти.

– Не надо мне три ставить! – Ира топала ногами и не отдавала зачетку.

– А что вам ставить? Два?.. Давайте я вам два поставлю, – Горовой с его обычной ухмылкой довольного кота потянулся в сторону ведомости.

– Не надо мне два ставить... – настойчиво сказала Ира, – и три не надо... – добавила уже неуверенно и тихо.

– Так... несите сюда зачетку! Как это вы себя ведете? Что вы себе позволяете? Кто вас вообще воспитывал?

– Никто меня не воспитывал. Сама выросла, – говорила Ира тихо и смотрела в сторону.

– Как вы со старшими разговариваете? Положите зачетку на стол!.. – громко сердито и нетепливо говорил Горовой. Ира молча стояла недалеко от двери и не отдавала зачетку.

– Да что же это такое! Верните зачетку немедленно, или я всем ставлю двойки и ухожу, – Горовой терял терпение. – У меня ведомости, я вам все равно в ведомость оценку поставлю. Я вас сейчас выгону с двойкой!

– Выгоняйте, – тихо и равнодушно сказала Ира, отворачиваясь и глядя в сторону...

На Иру изумленно смотрела Олеся, ее взгляд как бы говорил: «Ты как с Горовым разговариваешь? Ты что делаешь?» Дима, затаив дыхание, смотрел то на Горового, то на Иру и даже не шевелился... Все ждали, что будет дальше и сидели, открыв рты. Стоя у стола, Ира видела несколько десятков устремленных на нее с недоумением и удивлением глаз.

– Несите мне зачетку или я всем ставлю двойки! – повторил Горовой.

Выхода не было, Ира послушно принесла зачетку и положила на стол преподавателя. Горовой колебался несколько секунд, глядя в пятерочную зачетку, но, отбросив все сомнения, взял ручку и уверенно поставил три:

– И я жду вас сегодня с родителями.

Грустная Ира вышла из аудитории.

— Ты что делаешь? Ты как с Горовым разговариваешь? Стояла, на Горового ногами топала! — Олеся вышла через несколько минут и сразу накинулась на Иру. — У меня тоже три. Хорошо, что ты хоть на тройку согласилась. А что, тройка — это положительная отметка. Тебя Горовой отчислить мог.

— Пусть отчисляет... — равнодушно сказала Ира, надулась и отвернулась...

Как в школе, в университет вызвали родителей, Ира позвонила маме и сказала отпроситься с работы и идти извиняться к Горовому. Мама приехала к концу пересдачи, Ира ждала ее у аудитории. Когда Горовой вышел, Ирина мама, полная, коротко стриженная, с незакрашенной проседью и большими светлыми глазами, представилась и сразу начала извиняться. Ира наблюдала разговор со стороны.

Горовой говорил, что дочь плохо учиться, плохо решает, не умеет себя вести. Мама молча выслушивала, понимающе кивала головой, но твердила как заведенная, что дочь умница, отличница, всегда хорошо училась в школе, ее всегда хвалили.

— Да она у вас решать не умеет. Ошибки делает на каждом шагу. Как она со взрослыми разговаривает? Кто ее вообще воспитывал? — повторял свои слова Горовой.

Мама сочувственно кивала, извинялась и краснела, а потом опять уехала на работу.

После тройки Горового Олеся рассматривала Ирину зачетку:

— Вот, посмотри, у тебя разнообразие в зачетке. И тройки появились... Все когда-то бывает впервые, даже тройки, — Олеся натянато улыбнулась, попытавшись пошутить. Ее чувство юмора Иру почему-то не обрадовало. Олеся повертела Ирину зачетку и протянула Ире, подбадривающее улыбаясь.

— Спасибо, я вижу, — недовольно процедила Ира, взяла зачетку и пошла сдавать ее в деканат.

Ира шла по пустым коридорам факультета к главному входу. Обычно она ездила на троллейбусе и выходила через новый корпус: недавно нашла новый путь, как добраться к универу, правда, приходилось идти около двадцати минут мимо Карасунов, но Ире нравилось не зависеть от общественного транспорта. Но сегодня решила поехать подольше на трамвае, подумать о жизни... Ира шла к главному входу, вокруг никого не было, и видела, как Горовой, посмотрев на нее, открыл дверь кафедры численного анализа и вошел в аудиторию. Ира прошла молча мимо и поехала домой на трамвае...

Сегодня она заметила седую старушку с короткими волнистыми волосами в темно-сером пальто, бордовой юбке и калошах, которая летом около банка продавала кукурузу, кислую капусту и груши, а зимой просила милостыню.

По двору бродили бесхвостые коты, почему-то сегодня Ира обратила на них внимание, что-то в последнее время их много развелось: во дворе три кота, из них два бесхвостые.

Когда Ира пришла, грустная, домой, она еще раз прорешала номера по комплексным числам, но она все равно не запомнила все условия и свои ответы...

Дедушка спросил:

— Ну что? Как сдала?

— Три, — только сказала Ира.

— Ну, три и три, — дедушка воспринял новость равнодушно. — Тройка, не конец же света, — примиряющее сказал он.

— Нет, не конец... — ответила Ира.

На самом деле это был конец. Первая серьезная тройка у стопроцентной зубрилки, ботанки, зануды-пятерочки, золотой медалистки, отличницы с синдромом заучки, любимице учителей, которая с первого класса, вот уже тринадцать с половиной лет училась только на пятерки, редко на четверки. Которая жила учебой. Которая привыкла к похвалам и комплиментам учителей. Которая стопочкой хранила похвальные грамоты разных олимпиад, обычной и музыкальной школ. Чье имя висело на доске почета в школе еще десять лет после ее окончания. Которая в жизни ничего не умела, только учиться... Это был конец. Ее в первый раз отругали и раскритиковали... Влепили, как Ира считала, незаслуженную тройку, не дали пересдать, перерешать и доказать свою правоту. Тройка. Кошмар. Когда Ира получала четверки — она расстраивалась, но тройка — это конец. Она подошла к окну: куда-то спешили люди. Как они вообще могли жить дальше, когда у нее такое несчастье?.. Как же, несмотря на ее тройку, Земля могла продолжать вращаться вокруг Солнца?.. Ирин мир изменился навсегда. Она весь вечер действовала на автопилоте и легла спать с чувством непоправимой катастрофы, которую уже ничто не сможет изменить или исправить... Внутри все разрывалось и болело. Ира не представляла, как эту тройку вообще можно пережить. Ира бы не удивилась, если бы следующий день просто не наступил, а наступил бы конец света... И земля разверзлась. И небо упало на плечи, и Земля перестала вращаться вокруг Солнца. Плакать Ира не могла, слез просто не было. Было только оцепенение, которое все никак не отпускало. Ирин мир рухнул. Красный диплом помахал ей ручкой... Жизнь кончилась... Ира легла умирать...

Но следующее утро все равно наступило, и Ира не умерла, и небо не упало на плечи, и Земля не перестала вращаться вокруг Солнца, и Солнце, не смотря на Ирину тройку, все-таки взойшло — чему Ира искренне удивилась. Ира подошла, удивленная, к окну, внешний мир совсем не изменился: как и вчера куда-то спешили люди. И что казалось катастрофой вчера, стало не так страшно и смертельно на следующий день, а стало обыденно и даже нормально. Следующий день наступил и стер неприят-

ные воспоминания, оставив их в прошлом, сделав их свершившимся фактом, который нельзя изменить или исправить, а нужно просто принять как данность, и смириться с ним. Оцепенение и отчаяние прошло... И нужно было жить дальше. С учетом тройки. «Ну, три и три», — повторила она сама себе слова бабушки. И решила пересдать эту тройку на пятом курсе. Еще был шанс. Пересдать можно было только несколько экзаменов. Значит, если еще будут тройки, диплом точно будет синим...

Ира не относилась к людям, которые долго переживают или грустят. Она быстро покорила реальность. И поехала в универ — нужно было зайти в деканат, забрать конспекты у Дианы и обмусолить первую тройку с Олесей в 216.

Шестой семестр

— Итак, мы прошли экватор, — сказал после зимней сессии третьего курса Слава Якушенко. — Половина учебы пройдена, еще столько же учиться, — и Слава собирал компанию громко праздновать пересечение «экватора».

В шестом семестре бессменный Ушанков вел экономико-математическое моделирование. В середине семестра раздал электронные лекции, которые, уменьшенные и распечатанные в маленьком формате, стали шпаргалками к его же экзамену.

На старших курсах некоторые преподаватели в электронном виде уже давали свои лекции и отпускали студентов до сессии, чтобы сэкономить свое время и время студентов.

Полозин Дмитрий Викторович проводил лекции и практики по одному из современных языков программирования, принимал зачет и экзамен.

Лекции по средствам проектирования баз данных должен был читать Бесчанов Александр Владимирович, преподаватель с кафедры математического моделирования. Но он отдал право читать свои лекции молодому преподавателю Бабосову Владимиру Михайловичу и за семестр не появился ни разу. Экзамен и курсовую по базам данных тоже сдавали Бабосову.

Бабосов Владимир Михайлович, среднего роста, немного полный и без талии, светлоглазый блондин с острым носом. Он работал на кафедре математического моделирования, говорил неуверенно, тихо и мало, часто улыбался или нерешительно и не к месту смеялся. Бабосов был молодым аспирантом кафедры и дружил с БС. Он приехал из станицы и жил в общежитии для преподавателей — девятке. Бабосов всегда ходил в брюках и тщательно наглаженной белой или голубой рубашке.

На парах он мало объяснял, но много улыбался и часто говорил студентам просто читать справку, а сам уходил на кафедру. Его пары студенты считали халаявными, конечно же, справку никто не читал, студенты пары напролет веселились, болтая с одноклассниками. Бабосов казался Ире очень неуверенным в себе.

Курсовая Бабосова по базам данных была описательная, от программирования — только несложная схема баз данных. Большинство одноклассников делали эту курсовую сами, но некоторые заказывали у самого Бабосова или других преподавателей кафедры. Тая как обычно делала курсовые себе и Славе. Олеся взяла курсовую у Ваниного друга Вити Семендяева, переделала под свои данные и сдавала. Вера опять заказала на кафедре. Ира как обычно делала курсовую Бабосова всем желающим — Кате Сидоровой и еще шести одноклассникам. Курсовые, в которых практически не было программирования, Ира писала легко. Настя Тюканова тоже делала курсовые и составляла Ире конкуренцию.

Сидачкая Елена Владимировна с кафедры прикладной математики у экономспециальности преподавала математические модели рынка ценных бумаг и знакомила с банковским финансированием. На ее парах решали задачи о финансовых пирамидах и банковских процентных ставках. Пары проходили в маленькой аудитории около кафедры или, если сдавали домашние задачи, в одной из компьютерных аудиторий.

На первые пары Сидачкой ходили все парни экономспециальности. Староста тридцать седьмой объяснил популярность ее предмета:

— В наше время нужно разбираться во вкладах, — говорил Егор. — Я однажды видел, как в банке обманывают пенсионеров — кладут их деньги под одну десятую годовых, когда обычная ставка десять процентов. Как-то был в своем банке — так пришел и показал им только паспорт, не сказал, какие у меня есть вклады. Так они покопались в программе и назвали только вклад «До востребования» под одну десятую процентов и «забыли» сказать еще о двух моих вкладах под девять и десять процентов. Если бы я про эти вклады забыл, так они эти деньги себе бы в карман положили — вот в какое время мы сейчас живем! А старики забывают, возраст!

Но была еще одна причина высоких рейтингов предмета Сидачкой: молодой преподаватель кафедры прикладной математики считалась первой красавицей. Мелкие правильные черты лица. Минимум косметики, распущенные длинные волосы и большая грудь. Говорили, что она из очень богатой семьи. Невысокая Сидачкая всегда ходила на каблуках, говорила низким, грудным, может быть, немного хриплым голосом, который, как думала Ира, делал ее взрослее. Она носила толстое обручальное кольцо, которое не заметить было невозможно, Сидачкая недавно вышла из декрета и воспитывала маленького сына.

На парах Сидачкой парни дрались за право сесть за первую парту. И даже Глеб, и Вася, которые обычно сидели на последних партах, отпихивали Диму и Рому или теснились вчетвером за одним столом, только бы

поближе посмотреть на красавицу-преподавательницу... И Егор даже иногда пропускал работу, но приходил на пары Сидачкой, садился на первую парту, расталкивал одногруппников или приносил дополнительный стул и все пары напролет смотрел, открыв рот, на преподавательницу. А точнее тарачились на ее грудь. — Какая грудь! — говорил Егор, закатывая глаза. О груди Сидачкой парни факультета долго спорили и даже делали ставки, какого размера грудь у Сидачкой. В итоге она сама положила конец спорам и слухам и призналась, что размер четвертый.

В середине семестра парни уже вдоволь насмотрелись на Сидачкую и ее грудь, и пары посещали только те, кто посещал их обычно. И на первой парте сидели девочки, которые ходили на все пары без исключения. На одном ряду Тая с Женей и Вероникой, а на другом — Ира и Пожарова Диана.

На парах Сидачкая понятно рассказывала по тетрадке законспектированные лекции, решала много задач, терпеливо объясняла формулы, всегда задавала домашнее задание и за семестр провела несколько самостоятельных работ.

Во втором семестре третьего курса Ира чувствовала себя настоящей троечницей. Жирная тройка украшала ее зачетку — все как полагается. Проявлялась странная закономерность: все зимние сессии Ира сдавала с одной четверкой, на третьем курсе — с тройкой, все летние — отлично.

У подружек Сидоровой и Рябцевой тоже сложно прошел экзамен Горового. На третьем курсе Катя на пары к Горовому по криптографии не ходила. К экзамену она даже не готовилась, пришла сразу на кафедру, а Горовой, переспав с ней на своем рабочем столе, даже тройку не поставил. Сказал: — Иди, учи! Придешь на пересдачу. — Больше Катя к Горовому решила на кафедру за оценкой не приходиться... Кате пришлось учить криптографию. Она выучила, как смогла, ответила на пересдаче. Горовой сказал ей, что поставит тройку, если она как обычно переспит с ним. Катя согласилась. В итоге за тройку ей пришлось и криптографию учить, и с Горовым спать.

Аня Рябцева еще с основной специальности боялась Горового, как раз из-за него и Никитова она перевелась на экономспециальность на договор. Аня прилежно посещала пары, но один вид Горового лишил ее дара речи и выбивал почву из-под ног. Благополучно доучившись до третьего курса, Аня опять никак не могла сдать Горовому криптографию. Она училась на договоре и других вариантов перевода уже не было. После двух пересдач, на грани отчисления, она послушалась совета подруги Кати Сидоровой и пошла к Горовому на кафедру за оценкой.

— Все равно ведь никто не узнает, — напоследок успокаивала ее Катя...

Горовой вдоволь насладился новой доступной студенткой. Как обычно он «принял экзамен» у Ани Рябцевой прямо на своем столе среди учебников по криптографии. Рабочий стол — обычное место для секса со студент-

ками на кафедре. Пыхтя и сопя, Горовой повторял: — Ты не переживай, никто не узнает. Четверку я тебе поставить не могу, уже сколько пересдач прошло... Только тройку, ты же понимаешь?..

— Видишь, как просто сдать экзамен, — сказала ожидающая подругу Катя, когда Аня вышла с кафедры.

Аня пришла домой и плакала, сразу пошла в душ, чтобы отмыться. Как будто вода сможет смыть с нее прикосновения старых потных рук. Она чувствовала отвращение к себе, как ей было противно заниматься сексом со стариком за оценку, она чувствовала себя грязной, как будто на ней остались отпечатки пальцев Горового... В Тихорецке она встречалась с парнем, которого любила и которому до этого дня была верна... Но экзамен она сдала, заветная тройка красовалась в зачетке.

В середине третьего курса богатый покровитель Володя расстался с Катей Сидоровой — сказал, что нашел себе другую любовницу, моложе и красивее. Он оплатил Катя квартиру на полгода вперед и распрощался... Катя успокаивала себя тем, что у нее остался верный Саша.

У Матродского Никиты остался только один хвост — курсовая по эконометрике, чему он был очень рад.

Девушка Глеба, Вера, с которой он встречался уже полтора года, параллельно начала встречаться с еще одним молодым человеком. Изменяла Глебу с не таким заботливым и внимательным, зато богатым Женей. Выходные она проводила с Женей, а неделю с общаге — с Глебом. Врала Глебу, что едет к родителям, а сама жила у Жени. Глеб тоже верностью не отличался, погуливая при малейшей ссоре — они с Верой стояли друг друга...

Вера сама говорила, что Глеб — это «синица в руках», а Женя — «журавль в небе». Глеб ездил на разваливающейся советской машине, купленной за копейки, два раза в день чиненой и глохнувшей на каждом светофоре. А Женя на дорогой иномарке последнего года выпуска. Глеб каждый вечер забирал Веру с работы, был нагулявшимся, надежным и верным. Женя делал Вере богатые подарки и воплощал мечты о легкой беззаботной жизни...

Вера все металась между двумя парнями, придерживала Глеба «для жизни», а богатого Женю для подарков и «лучшей жизни». Но ей до конца не были понятны причуды маменькиного сынка «журавля» Жени, его штат проституток и несколько девушек параллельно. Она находила в его телефоне разную любовную переписку, задавала вопросы, пыталась устраивать сцены, но наталкивалась только на стену непонимания. И в итоге выбрала «синицу в руках» — Глеба...

В 216

Однажды студенты тридцать шестой на большой перемене пришли на пару Сидачкой и неспешно располагались в аудитории. Радостная Настя Тюканова прибежала с эконома: она только что познакомилась со своей тезкой, давно мелькавшей второй девушкой Степана, и рассказывала одногруппникам, как она ей понравилась:

— Какая девочка!.. Я просто видела Настю... Она такая... — Настя Тюканова закатывала глаза к потолку, посылая в воздух поцелуйчики, как будто говорила о чем-то божественном. Она была просто очарована.

И все это при Жене.

— Предательница. Иуда. Продала подругу за десять серебряников, — сказала Женя, взяла сумку и с Таей вышла из аудитории.

— Да мы и не близкие подруги, — оправдывалась Настя перед остальными одногруппниками и пожимала плечами, удивленная Жениной реакцией. — Просто в одной группе учимся...

Тут в аудиторию вошел Глеб:

— Знаете, Дима из тридцать седьмой машину купил. На улице стоит. Айда смотреть!

— Нет, я не пойду... А как у него с женой? — спросила Ира у старосты Дианы, которая все про всех знала.

— Не ладится. Они не очень живут. Она его не понимает...

— Глебка, а машина у главного входа? — спросил Антон, выглядывая в окно. С недавних пор Антон и Вася начали называть Глеба Глебкой. Ему это не нравилось, и позже он попросил друзей не называть его так.

— Да, — ответил Глеб, и парни побежали на улицу, где недалеко от главного входа была припаркована новая белая иномарка.

Пара по Сидачкой отменилась: ее пятилетний ребенок заболел. Но следующая практика по матэкономике сказали, что будет — Ушанков иногда отпускал со своих пар, но не в этот раз. Олеся, Ира и Вера решили переждать освободившееся время в 216.

Здесь в это время «тусовались» Ваня Казимиров, Борис Станиславович и Саша Нинельский, они сидели за компьютерами.

— Всем привет, у нас пара отменилась, можно к вам?

— Располагайтесь! — БС кивнул головой в сторону компьютеров, приглашая проходить и присаживаться.

— Ну, как чувствовать себя настоящей троечницей? — спросил у Иры Саша, он в этом семестре видел ее впервые. Всем вокруг нравилось говорить об Ириной тройке.

— Не очень, — процедила Ира сквозь зубы и опять расстроилась.

— А ты хотела бы переспать с Горовым и получить пятерку? Как Катя Сидорова?

- Нет...
- Так почему ты из-за тройки расстраиваешься?
- Потому что я хотела четверку.
- Значит, ты не знаешь на четверку... Учиться надо было лучше... Сама виновата... – Ире нечего было ответить...
- Девушки, на что вы готовы ради оценок?.. – риторически спросил Ваня. – Оказывается, Ира, ты ни на что не готова.

Ира молчала, но в голове мелькали вопросы: глядя на Ваню, вспоминая, на что он пошел ради перевода на третий курс, – «Мальчики, на что вы готовы ради учебы?» А на Сашу – «Мальчики, на что вы готовы ради карьеры?» Вопросы, которые Ира не задавала.

– А что вы делаете? – Олеся наклонилась и заинтересованно посмотрела на экран компьютера БС, «случайно» коснувшись его плеча.

– Посты пишем!

Олеся улыбнулась: она поняла, о чем речь. БС и Саша заходили на разные сайты и писали посты от имени студентов и преподавателей.

– БС пишет для Кругова и ГП на разных форумах, что в универах взятки не берут и разные хвалебные посты для факультета и универа под разными логинами. Это тоже часть его работы – создавать благоприятное впечатление об универе, – объясняла Олеся.

– Понятно, а то, я как ни почитаю, все так хорошо звучит...

Олеся внимательно посмотрела на Иру.

– А ты думала... Ваня тоже такие посты пишет... И Владимирова будет писать, если ГП заставит... И я буду...

Ваня убедительно кивнул. Все на секунду замолчали, только слышался звук щелканья быстро нажимаемых клавиш.

– Понятно... – сказала Ира.

На большой перемене Вера купила кекс, который сейчас жевала. Она часто что-то ела между парами, сочники, слойки и кексы и за последнее время заметно поправилась.

БС и Саша вышли покурить.

– БС такой милый, такой пухленький, как медвежонок, так бы его и затискала! – Олеся приблизила к лицу сжатые в кулачках руки и немного потрясла ими, как будто держала в руках плюшевую мягкую игрушку, целовала ее, сильно сжимая и, приоткрыв рот, втягивала воздух через неплотно сжатые зубы.

– Скоро сессия... – глубоко вздохнула Вера. Даже если сессия была через месяц-полтора, Вера все равно считала, что экзамены и зачеты уже близко и тряслась и переживала.

– Бнидерт говорит, что зачет иногда сложнее сдать, чем экзамен. Для экзамена можно какие-то билеты знать лучше, какие-то хуже, препод может задать дополнительный вопрос. Может поставить тройку, четверку или пятерку. А для зачета надо знать абсолютно все. Препод может спросить любую тему...

Олеся и Вера ничего не ответили.

— А что вы там дома у Антона делали?

— Ничего особенного, лекции Ушанкова смотрели...

Недавно Антон Ктавиди предложил Ире прийти к нему на съемную квартиру, помочь разобраться с матэкономикой. Антон жил недалеко от университета. Он встретил ее с голым торсом и в трусах-боксерах, чем очень удивил Иру. Антон провел Иру на кухню и стал задавать глупые вопросы по лекциям Ушанкова. Ира на вопросы ответила и пошла в университет — а через сорок минут снова встретилась с уже одетым Антоном на паре...

— Вот пацаны тащатся от Сидачкой! Они специально на первую парту садятся, чтобы ее грудь рассматривать, — сказала Олеся немного завистливо.

— Егор ходит, облизывается...

Вера хмыкнула и покачала головой, она избегала разговоров о Егоре.

— Вот чем Егор занимается на парах, не об учебе думает, а на грудь Сидачкой пялится. Интересно, Ника не ревнует?

— Думаю, нет.. Нике надо ревновать к половине девочек филологического факультета и ко многим промоутерам, с которыми Егор ей изменяет. Куда еще к Сидачкой ревновать, на которую он просто смотрит?

— Женька Степану на один из дней рождений подарила часы и сделала гравировку: «От любимой». Говорит, теперь каждый раз, когда Степан будет смотреть на эти часы, он будет ее вспоминать. Интересно, что думает Настя, когда видит эти часы у Степана на руке. Или Степан каждый раз их снимает, когда к Насте идет. Он не запутался, кто у него любимая?

— У него две любимых.

— Интересно, как он праздники отмечает, Новый год, например? Один год с Женькой, другой — с Настей? Или среди ночи бросает Женю и к Насте едет? Представляю, Жене какого! А день рождение? Полдня с Женей, полдня с Настей? А восьмое марта? Два комплекта подарков? Как ему? Нормально? Степан хоть с днем влюбленных определился, нашел выход. Он четырнадцатое февраля отмечает с Настей, а день любви, семьи и верности — с Женькой. Раньше специально с одной из своих девушек ссорился, а с другой праздники отмечал...

— Да, быть двоежцем непросто...

— Он случайно не называет Настю Женей, а Женю Настей в постели, например?

— В их любовном треугольнике нет секса. Две возлюбленные Степана — обе девственницы.

Вера хмыкнула. Дожевав кекс, она сидела, облокотившись на спинку стула, закрыв руками живот и прижимая ко рту скомканный сопливый платок, в который говорила и дышала. У нее опять был насморк.

– А как Сидорова сдает?
– Ну как? Через одно место! Спит со всеми! И с Чеконским за экономику фирмы, и с Ушанковым...
– Мда...
Обе подруги Олеси были молчуны, поэтому всегда в основном говорила она.
– Слышали, недавно Степан прислал Женьке эсэмэс: «Прости меня, что я такой».
– Какой? Полигамный?
– Прикиньте, даже Тюканова, наша одноклассница, признает, что Настя больше подходит Степану...
– Я не понимаю, как Женьке вообще можно изменять? – Вера покачала головой, она удивлялась, как Ира и Олеся могли так неуважительно и иногда даже с пренебрежением говорить о Жене. Для Веры Женя была воплощением идеала.
После слов Насти Тюкановой Женя на нее не на шутку обиделась, несколько дней не разговаривала с ней и демонстративно уходила, когда ее видела. И больше Настя о возлюбленной Степана «номер два» не заговаривала и комплименты ей не расточала...
Через несколько минут БС и Саша вернулись и снова стали писать ложные отзывы от лица разных преподавателей, студентов и аспирантов, создавая положительно впечатление об университете.

Программа Полозина

Полозин Дмитрий Викторович, старший преподаватель кафедры информационных технологий, числился почасовиком. Высокий, полный, с копной темных кучерявых волос на голове, наверняка не расчесываемых, он был весь какой-то растрепанный, как растерянный художник. Полозин был байкером, участвовал в мотогонках, ездил на большом мотоцикле, ходил в кожаных куртках и говорил высоким гнусавым голосом. Он хорошо программировал, был женат на бывшей студентке, как говорили, очень красивой, и воспитывал маленькую дочь. Во время Ириной учебы у него родилась вторая дочка.

Когда Полозин подъезжал к универу на байкерском мотоцикле и шел по коридорам в кожаной куртке с бело-синими нашивками, восхищенные студентки оглядывались и закатывали глаза... – Какой мужчина! – восклицала ему в след Настя Тюканова.

На лекциях Полозин читал по бумажке описание функций, которые легко можно было открыть в справке в программе. Лекции казались

не нужны ни преподавателю, ни студентам. Но Полозин их исправно читал своим высоким гнусавым голосом, стоя за трибуной.

Разбирающиеся студенты-программисты после первой лекции на них ходить перестали и купили типовой справочник по программе. А прилежные студентки-отличницы под диктовку переписывали справку.

На одной из первых лекций Полозин сказал, что к экзамену нужно будет сделать задачу и в середине семестра раздал всем по тоненькой бумажке, нарезку из листа «а-четыре» с условием задачи, для каждого своим. В Ириной задаче нужно было по указанным товарам составить таблицу поставщиков с суммами поставок. В задачах Полозина реализовывалась связь один ко многим. У Иры одному поставщику соответствовало несколько товаров.

По сложности программа Полозина третьего курса приравнивалась к серьезному диплому на кафедре информационных технологий. Программа на современном языке программирования, трехзвенная структура, клиент-серверное приложение с подключенной базой данных в одной из субд — систем управления базами данных. Если сдать программу, на экзамене уже ставили три.

Чтобы помочь студентам справиться с программой к экзамену, Полозин в этом году написал учебное пособие, как писать ему программу и сдавать ему экзамен, где со скрупулезной точностью, как для идиотов, было шаг за шагом описано создание клиент-серверного приложения. Не разобрался бы только ленивый...

Книга Полозина, светлозеленая, формата «а-пять», в тонкой обложке, с плохо склеенным переплетом, из которой практически сразу начинали выпадать страницы, была выпущенная тиражом в сто экземпляров. Первые семьдесят страниц — описание типовой задачи к экзамену, остальные сто семьдесят описывали основные функции, процедуры и триггеры используемой субд, во многом скопированная справка с комментариями автора. К книге прилагалась еще дискета с типовой программой, разобранной в пособии, но эта дискета осталась в карманах старосты Дианы и программистов Степана и Егора и до Иры с Олесей не дошла. Книгу Полозина раскупили за один день и берегли как зеницу ока. Ее первую часть отсканировали и передавали младшим курсам по большому блату.

За месяц до экзамена взяли билеты — список основных функций языка программирования, которые Полозин рассказывал в течение семестра. Программист Полозин вопросы написал от руки на листочке. Дима Захаров заметил: — Если на экзамене разрешат пользоваться программой, то в справке есть вся информация: программа в компьютерных классах русифицированная.

Дима Захаров любил носить красочные футболки, широкие шорты и шлепки через палец. У него был гавайский стиль. Его шорты часто спускались до середины трусов, и однокурсники всегда были в курсе, какие у Димы трусы.

Программа Полозина была сложной. Даже Тюканова Настя говорила:
– Задача Полозина – это жест. Я только и делаю, что все свободное время пехаю с компьютером.

– Тебе же папа с программой помогает!

– Помогает!.. Если бы! По-моему, только мешает! – Настя сильно жестикулировала.

– Правильно, он тебя направляет, учит! Ты хочешь, чтобы он за тебя сделал? – спросил Глеб.

– Было бы неплохо... – недовольно буркнула Настя...

В эту сессию для многих зачетов просто сделали доклады, а у троечники Иры были проблемы с одним из самых легких зачетов по истории экономических учений.

Бабосов по результатам работы в течение семестра, в основном посещения, поставил всем самозачеты и самоэкзамены, чему студенты несказанно обрадовались. Студенты ничего не выучили в течение семестра, и к экзамену им ничего учить не пришлось – в итоге они ничего не узнали по предмету Бабосова и не научились разбираться в базах данных. Чего Бабосов и добивался.

К зачету Сидацкая раздала индивидуальные задачи, которые самостоятельно сделали только пару студентов. Остальные не стали напрягаться, взяли задачи у сделавших, поменяли под свои исходные данные, перекрасили в разные цвета и сдавали – программа автоматически все пересчитала.

– Я и так знаю, что вы списываете друг у друга, просто не могу это доказать, – озвучила махинацию Сидацкая на зачете, проверяя одинаковые задачи, по-разному раскрашенные, давая понять, что она в курсе всех студенческих уловок.

Перед экзаменом Сидацкая раздала свои лекции в электронном виде, упростив процесс создания шпаргалок.

Экзамен по ценным бумагам сдавали на кафедре прикладной математики. Как и положено, на экзамене тянули билеты, списывали теорию со шпаргалок и решали несколько задач, иногда, когда оценка была спорной, Сидацкая задавала дополнительные вопросы по теории или задачи. Экзамен она принимала объективно, и какой бы строгой и серьезной Сидацкая ни хотела казаться, экзамен сдали все студенты экономспециальностей, или практически все – кроме Никиты Матродского из тридцать восьмой.

Никита сдал экзамен по ценным бумагам с третьей попытки и с комиссией.

Последним экзаменом сдавали программирование.

Ира старательно ходила на лекции, практики Полозин отменил, сказал его книжку читать. За месяц до экзамена начала писать программу. Если бы не книга Полозина, Ира бы точно сама не написала: в программировании она никогда не была сильна. Но пошаговая книга-инструкция

была понятна и проста. Ира создала базу данных, сервер и подключала базу к серверу. Начала писать клиентское приложение, появилась непонятная ошибка, и программа перестала работать. Клиент к серверу не коннектился. Ира по инструкции создала все, что можно было создать без подключенной базы, вручную прописывала имена таблиц. Программа не работала, но текст был готов, Ира его закомментировала и пошла в универ разбираться. Скинула себе пару решенных задач Насти Тюкановой и Никиты Матродского. В компьютерном классе сидел только лаборант Ваня Казимиров.

– Не сможешь мне разобраться с программой?

– Вообще, проще написать программу заново, чем разбираться в чужом коде. Я скину тебе свою с третьего курса. В универе программа может не подключаться, потому что много баз данных, названных одинаково. Ты свою переименуй.

Ира переименовала базу, она не появилась в списке баз данных: все равно база не подключалась к серверу.

Ваня все-таки решил помочь Ире, написать новую программу. Он быстро создал базу и клиента, сказал, что можно не делать трехзвенную структуру, достаточно двухзвенной, база-клиент. Но при создании процедур опять что-то не работало... Он сказал доделать его программу самой и срочно пошел помогать в другую компьютерную аудиторию. Ира осталась с двумя не работающими программами и еще несколькими скинутыми программами однокурсников и Вани.

Ира побежала домой и в последние дни перед экзаменом при неподключенной базе, насколько возможно, дodelывала программу. Дописала некоторые функции без подключенной базы, набрала процедуры, все закомментировала. Некоторый текст скопировала в текстовый редактор. Передумала, все оставила в программе, закомментировав. Стала появляться непонятная внутренняя ошибка... Вечером перед экзаменом задача не запускалась, отчеты не были готовы, график не построен. Шпоры решила не делать, если вдруг чудом будет получать четыре или пять, то переписшет из справки.

Полозин на консультации перед экзаменом сказал без программы на экзамен не приходите, сразу идти на пересдачу. Экзамен начинался в девять. С одногруппниками договорились прийти к восьми, еще подготовиться и заранее подключить задачи.

Идя на экзамен, Ира рассчитывала получить три или два. Ей не впервой. Ира сатирически говорила себе, что для нее это была бы не первая тройка в зачетке. Задача не запускалась, база не подключалась, значит, будет два. Задача была почти готова – могут поставить три.

Жене Резцовой задачу сделал Степан, Веронике – Егор, Тае – Слава, Олесе с программой помогал Витя Семендяев, Ванин друг и парень ее соседки Оли. Вера у него же заказала задачу. Он делал задачи Полозина оптом, но дорого брал, по четыре-пять тысяч. Витя не успевал

сделать задачу Вере к экзамену, поэтому Вера решила сразу пойти на пересдачу.

Ира пришла на экзамен к восьми, задача не запускалась. Пришли Дима, Ира и Олеся. Потом подошли остальные. Маленькая 115 с компьютерами вдоль стен. Постоянное гудение больших коробов-компьютеров в классе. В центре стол преподавателя. На столе справочник по программе.

На экзамен не пришло полгруппы: все, у кого не работала программа, сразу пошли на пересдачу. Все, кроме Иры, у нее программа тоже не работала, но она все равно пришла. На что надеялась, непонятно. Диана Пожарова появилась позже. Обычный предэкзаменационный мандраж на этот раз был оправдан:

— Я думаю, что я не сдам, — Ира жаловалась Олеся.

— Я думаю, никто не сдаст... Только, может быть, Димчик. Он шарит. Или Настька. Ей папа задачу сделал, и Тайка с Женькой и Никой, им парни делано. Диана в деканате работает, она с Полозиным договорится...

В компьютерной аудитории Ира специально села рядом с Димой:

— Димчик, посмотри, пожалуйста, у меня база не подключается...

Дима на экзамен пришел в широких синих спортивных штанах и белой футболке без рукавов. В последнее время он стал увлекаться французским рэпом.

Дима за пять секунд подключил базу данных. И чудесным образом впервые заработали процедуры добавления и удаления записей. Записи добавлялись, но попадали в базу только после перезагрузки программы, открытия и закрытия — Ты рефреш поставь, — посоветовал Дима. Ира поставила рефреш после каждой строчки. Записи стали добавляться правильно. Что-то нажала, опять внутренняя ошибка, вернула все обратно...

Восемь двадцать пять: Ира открыла книжку Полозина и по бумажке стала доделывать вывод отчетности. Немного. Запросом в базе данных написала вывод списка. Вывела. Восемь тридцать шесть. Единственное, в чем разобралась, были всплывающие окна с сообщениями для пользователя. Сделала пару окон как в книжке. Нужно было еще создать график с выводом результатов задачи — успеть нереально, восемь сорок пять. Ира продолжала делать по книжке. Что-то нажала, опять ничего не работает. Вернула все обратно: «Теперь главное, ничего не трогать. Пусть без графика, хоть так работает, сдать как-нибудь»...

— Сделай программу Полозина — это жесткий секс. Знаете, сколько я с компьютером пехалась? — практически кричала Настя Васе, заходя в аудиторию. Она успела вовремя.

Без пяти девять Полозин, как всегда растрепанный и помятый, наконец, после веселой попойки, появился в дверях компьютерного класса, прошел, сел за стол и сразу занял половину пространства маленькой аудитории. Пивной перегар из его легких вытеснил весь воздух из компьютерного класса:

— Кто хочет три, сложите зачетки на стол.

– Йэс! – крикнула Олеся.

Вздых облегчения и зачетки понесли Олеся, Глеб, Вася и Вероника...

– Зачем париться? Три поставили и нормально! – за закрытой дверью был слышен радостный голос Ники.

За компьютерами остались Ира, Женя, Настя, Тая и Дима.

Ира сама себе удивлялась – с недоделанной программой авантюрно хотела четыре или пять. Ира спрашивала себя, на что она рассчитывает, все повторяла: «Как-нибудь сделаю, как-нибудь сдам». После тройки Горового она уже ничему бы не удивилась.

У тех, кто остался, Полозин начал смотреть программу и задавать вопросы. У Иры, наверное, опять отвалилась база данных. И опять все перестало работать. Ира опять что-то удалила и проверила отчетность. Она так и сидела с незаконченной программой, боясь что-либо доделать или дописать. Дима уже переделывал график и отчетность, Женя искала ответ на заданный вопрос и писала новый запрос. Полозин начал смотреть программу Иры, проверил процедуры добавления и удаления. Проверил отчетность. Добавил запись в базу, в клиенте она не вывелась. Ира удвоила количество рефрешей. «Сейчас он проверит график, и я пошла с двойкой... надо было на тройку соглашаться...» Надпись «График» только виднелась в главном меню, но при нажатии ничего не происходило.

– Выведите сообщение, чтобы перед удалением предупреждать пользователей. Вы сможете? – абсолютно равнодушно спросил Полозин, отвернувшись и даже не глядя на Иру. Когда он говорил, то смотрел в другую сторону, чтобы не дышать перегаром на студентов. Полозин, как и большинство преподавателей университета, всем студентам говорил «Вы».

– Я смогу... – подражая его интонации, также равнодушно и безразлично ответила Ира. Выводить сообщения – это единственное, что она знала и умела. Шоумессидж и вперед.

– А теперь сообщение...

Легко.

– Тяните билет.

Ира переписала справку.

– Идите, пять...

Сдавая экзамен Горовому, Ира думала получить четыре или пять, в итоге получила три. А на экзамене Полозина, рассчитывая получить три или два, получила пять. И только теперь поняла фразу: «Никогда не знаешь, как сдашь экзамен».

За тот час программирования на экзамене, Ира поняла по программированию больше, чем за все годы обучения...

Потом не останется практически никаких воспоминаний об универе, и Ира забудет, на каком курсе была тройка Горового, а на каком четверка Скуленко. Что было важно в университете, окажется совсем неважно во взрослой жизни. И от воспоминаний о вузе осталась только та пятерка по программированию на третьем курсе Полозина, когда было сложно

и получилось. И каждый раз, вспоминая тот экзамен, Ира будет чувствовать гордость за себя, она что-то в себе преодолела, чему-то научилась и что-то поняла. Поняла не бросать начатое и никогда не сдаваться...

Ира будет долго хранить книгу Полозина и условие своей задачи. Складывать в стопочку выпавшие странички по номерам, и в резюме писать, как обычно пишут «английский со словарем», «программирование со справкой».

Ира на четвертом курсе тоже будет сдавать уже не используемый язык программирования Полозину досрочно и опять немного не дотянет до пятёрки и согласится на четвёрку. Полозин будет предлагать пересдать со всеми – Ира откажется.

Но именно тот экзамен Полозина Ира будет помнить всю жизнь. Воспоминания о том дне, как инъекции уверенности в себе, будут вселять ощущение собственной силы и возможностей... Когда у Иры получилось, и она могла гордиться собой. Верить в себя...

Именно воспоминания об экзамене Полозина теплым отголоском будут греть душу и внушать чувство гордости и самоуважения. И иногда, когда будет сложно и не получаться, Ира будет вспоминать тот экзамен Полозина на третьем курсе и повторять себе: «Как-нибудь. Главное, начать, потом все получится. Потом разберется. Главное, понять суть. Все можно понять, и в самом сложном деле можно разобраться. Надо просто больше работать и не поддаваться отчаянию... Если вник кто-то, значит, и Ира сможет... Надо просто верить в себя и не сдаваться до последнего... Если тогда получилось, то и сейчас получится. «Вы сможете? – Я смогу...»

И от вуза останется только та пятёрка Полозина на третьем курсе. И весь вуз останется только тем экзаменом по программированию, самому сложному для Иры предмету... пять лет останутся одним экзаменом...

Программист

Все, кто остался с Ирой в аудитории получили по экзамену Полозина пятёрки, и только Дима Захаров делал задачу Полозина сам.

Дима Захаров еще со школы хорошо разбирался в программировании, уже, когда поступал, знал несколько языков и мог написать сложную прикладную программу. На первых курсах он расклеил объявления по всему району и подрабатывал настройкой компьютеров и установкой программного обеспечения. На третьем курсе он стал подрабатывать сисадмином в небольшой частной фирме. И, как считала Ира, был «настоящим программистом», единственным в тридцать шестой.

К «настоящим» программистам Ира относилась Джанарова Артема, Бнидерта и друга Вани Казимириова Витю. Настя Тюканова тоже иногда разговаривала с компьютером. Но она была девчонкой, а на факультете ходило поверье, что женщина хорошим программистом быть не может, девчонки, конечно, могут работать программистами, но тогда они утрачивают все женское и становятся «пацанами в юбках». Поэтому большинство девчонок факультета информатики бежало от работы по специальности, пять лет учились зря, а те, кто все-таки решался, мысленно соглашались, что хорошими программистами они не будут никогда.

Ира заметила, что все «настоящие программисты» одушевляли технику. Дима разговаривал с компьютерами и принтерами, как с живыми, сердился на них, хвалил их, иногда строил глазки. Когда те не работали, громко кричал, материл их, пинал ногами и бил кулаком по корпусу и экрану. Однажды со злости, когда не получался программный код, Дима даже кулаком разбил стекло у своего ноутбука и повредил матрицу. От его удара осталась трещина на полэкрана... — разбил «лицо» ноутбука и поставил фингал... Дима сразу не пошел чинить свой ноутбук, а наказывал его за непослушание, держал с поломанным экраном две недели, чтобы ноутбук одумался и больше ему не перечил.

Его немногочисленные друзья считали его немного чудиком, когда видели, как он кричит на ноутбук или грозит ему кулаком.

Дима к каждой «технической машине», будь то компьютер, принтер или ноутбук, относился как к живому человеку. Ему часто приносили компы и ноуты друзья или клиенты для установки программного обеспечения или настройки. С каждым новым компьютером он сначала знакомился, здоровался, а потом с любопытством, осторожно смотрел его технические возможности в панели управления или через командную строку: «Давай посмотрим, что у тебя тут», — говорил он и лез узнавать, какая установлена операционная система, процессор, сколько оперативной памяти и т. д. Он утешительно хлопал по крышке, если ноуту не хватало оперативной памяти или быстродействия процессора: Ну не переживай, это можно исправить, говорил он в таких случаях. А если ноутбук был одной из последних моделей, он восторженно восклицал: — Посмотри ты какой! Какая у тебя память! Какой ты мощный!

Иногда он мог даже открыть крышку ноутбука и заглянуть внутрь. Обычно он не торопясь отвинчивал крышку, аккуратно снимал ее и осторожно заглядывал. Он очень бережно сдувал пыль, чтобы не повредить «внутренние органы» и просто смотрел строение ноутбука, даже ничего не вынимая. Просто открывал, недолго рассматривал, иногда с любовью поглаживал жесткий диск или любовался на микросхемы и закрывал, как будто дотрагивался до чего-то сокровенного.

Он регулярно обновлял свой компьютер, наращивал жесткий диск, докупал оперативную память, ставил дополнительные вентиляторы, чтобы охлаждать процессор. Он завел дома сервер, настроил локальную сеть, тя-

нул кабель к соседнему дому и раздавал Интернет всему своему дому и соседнему, просто из любопытства, «для опыта». Если сервер падал, его телефон разрывался от звонков недовольных соседей, лишенных Интернета, которые его ненавидели и материли в трубку, и Дима бросал все работу, учебу и уезжал с пар, только бы перезагрузить сервер и вернуть Интернет соседям.

Дима бегло говорил на нескольких языках... программирования. Интересовался всеми новинками в мире компьютеров и собирался писать программы для смартфонов. Мог при необходимости разобрать, а потом снова собрать компьютер или ноутбук, найти поломку или почистить от пыли.

Он готов был ходить в поношенных джинсах и старой куртке, только бы купить тонкий быстрый ноутбук последней модели. Дима берег все свои ноуты, оставляя «потестить» — не мог расставаться со старыми друзьями. И к каждому ноутбуку относился, как к человеку, у каждого был свой характер, и больше всех любил самый старый, «допотопный», как у изобретателя известного антивируса.

Дима втайне мечтал, что когда-нибудь тоже сможет изобрести что-то наподобие антивируса или известной социальной сети, и выучил наизусть и повторял все привычки их создателей.

Дима никогда не был один. С ним всегда рядом был его друг, ноутбук, который он обновлял, ставил новое программное обеспечение, лечил, если тот ловил во всемирной паутине вирусы. Он собирал коллекцию вирусов и антивирусов. И с ноутбуком наедине проводил одни из самых животрепещущих моментов жизни, играя в компьютерные игры: гонки или коллективные стрелялки.

Он жил в мире компьютеров и программного кода, учился на любимой специальности и надеялся со временем стать хорошим программистом, каким уже был, получать приличные деньги, жить в трехкомнатной квартире и ездить на хорошей иномарке.

Компьютеры были для него работой и хобби. С утра он ехал на пары в универ, где слушал о компьютерах и программировании, где его за ум любили преподаватели. Потом возвращался домой, где писал программы, или ехал на работу сисадмином, где его уважали и ценили, как талантливого программиста. Вечером он играл в компьютерные игры, сидел в Интернете, заводил виртуальные знакомства, которые часто оставались только виртуальными, или прогуливался с соседом-одноруппником Ромой, разговаривая тоже в основном о компьютерах. Его жизнь вращалась вокруг этой умной машины — компьютер была центром его мира.

Его реальностью были компьютеры с утра до вечера — разные языки программирования, локальные сети, «техническое устройство компьютера» «железо». И виртуальный мир заменил ему реальность.

Он жил в мире компьютеров и, наверное, понимал их намного больше, чем людей. Компьютеры были для него просты и понятны, а если он чего-то не «догонял», он мог открыть крышку и посмотреть. Люди вокруг были

для него намного сложнее компьютеров, и он жалел, что к ним нельзя просто заглянуть внутрь, под крышку, и узнать до конца. Неясный мир человеческих отношений он избегал. Он не совсем понимал мир людей с их сложными чувствами и отношениями... и создал вокруг себя новый мир компьютеров, который был для него очевиден и объясним, и жил в этом мире. И был счастлив...

Экзамен Полозина был в эту сессию последним. Несколько студентов тридцать седьмой и восьмой стояли около 115, ждали Полозина. Они не могли сдать задачу, но не хотели три. Им Полозин сказал идти к Кругову и договариваться об экзамене через деканат.

Олеся дождалась Иру, и они вместе пошли сдавать зачетки:

— У тебя пять! Поздравляю! — только сказала Олеся. Ира понимала, что ее пятерка по программированию была в принципе авантюрной и случайной.

Около кафедры численного анализа с пакетами стояли Егор, Степан, Слава и Джанаров Артем, ждали остальных парни из тридцать седьмой уже по традиции праздновали окончание сессии, накрывая стол Горовому...

Уволившись из телекоммуникационной компании, Джанаров Артем устроился на другую работу с девяти до шести. На сессии он отпрашивался или брал отпуск. И когда-то отличник без четверок скатился на тройки и теперь стремился просто «закрыть» сессию. Уже неважно как. Сначала Артем надеялся, что пересдаст троечные экзамены на пятерки, но потом троек стало слишком много. Когда он появлялся на сессиях в универе, также из тридцать шестой общался с Настей Тюкановой и Дианой Усановой, хотя Настя за глаза называла Артема придурком...

Что-то у нас как-то спокойно, ни любовных признаний, ни трагедий.

— Мы теперь старшие курсы. Сейчас у первокурсников любовные признания и трагедии, свежая кровь для преподав...

Четвертый курс

Седьмой семестр

Еще с первого курса среди студентов бытовало мнение, что, если «доучился до четвертого курса, то уже не отчислят». Поэтому, миновав летнюю сессию третьего курса, студенты матметодов почувствовали уверенность в завтрашнем дне...

Когда уже вроде бы «не отчисляют», родители купили Насте Тюкановой и ее младшей сестре Татьяне однокомнатную квартиру в одном из спальных районов недалеко от университета. Таня, ниже и полнее Насти, с букетом хронических заболеваний, поступила на эконо и принимала ухаживания сорокалетнего мужчины. К ним часто заходил парень Насти Петр. В своей квартире Настя поставила большую круглую кровать и, как главная достопримечательность, показывала ее одногруппникам.

Петр Овенко с третьего курса пошел получать второе высшее на факультет физики. Теперь Настя помогала ему не только с математикой, но и с физикой – в ней она тоже разбиралась, поэтому у Петра были все возможности стать отличником и на физтехе.

На четвертом курсе Антон Ктавиди перестал называть себя греком и, когда ему напоминали об этом, искренне удивлялся. Родители тоже купили ему крошечную квартиру – восемнадцать квадратов – рядом с университетом. Вася с Глебом ходили к Антону в гости, часто готовились там к экзаменам и зачетам. – У Антона такая маленькая квартира, – улыбаясь говорил Вася. – Помещается буквально кровать, стол и холодильник...

– Да что я вообще забыл на факультете информатики? – Антон спрашивал у самого себя и одногруппников. – Мне нужен был факультет управления.

– Ну ты доучись, – советовал ему Глеб. – Считаю, год остался.

И Антон поступил заочно на второе высшее на факультете управления в филиал университета в Горячем ключе.

После третьего курса Слава и Тая поехали в палаточный лагерь на берегу моря, ночевали в палатках.

В начале семестра Пожарова Диана ходила грустная, у нее дома, где только недавно закончили евроремонт, был пожар, сгорело полдома...

Только на четвертом курсе студенты сорок шестой группы по достоинству оценили свои старосту, работницу деканата. Благодаря Пожаровой Диане группа всегда была в курсе последних событий и изменений в расписании. Все зачеты и экзамены, по которым можно было договориться

с преподами и не сдавать, были договорены, заплачены и не сданы. Все оплаченные зачеты и экзамены всегда вовремя проставлены в зачетки. Все ксерокопии бесплатно сделаны, все справки получены вовремя и без очередей. Все печати проставлены. По доброте душевной Диана часто договаривалась и для сорок седьмой и восьмой. И все единогласно решили: «Хорошо иметь своего человека в деканате».

На четвертом курсе Вася наконец-то получил общагу. А через полгода, когда сосед Глеба по комнате переехал, договорился с комендантом и подселился к Глебу. Вася познакомился в общаге с второкурсницей с биофака и начал с ней встречаться. Глеб по секрету говорил, что у них все серьезно.

Васин отец потерял работу и, чтобы оплатить оставшиеся два года договора сына, продал иномарку. Когда он пришел в бухгалтерию университета оплачивать следующий год обучения Васи, он только робко спросил, можно ли оплатить сразу за два года — до этого разрешали оплачивать только за один. И так обрадовался, когда ему разрешили! Значит, Вася гарантировано доучится!

У Васи очистилась кожа, но он начал поправляться, и Настя, рассматривая его фигуру со спины, сказала разочарованно: — Вася стал перекачанный... Уже не то...

Глеб, бывший легкоатлет, тоже немного поправился, у него появился небольшой животик, который он часто и с любовью поглаживал.

Дима Захаров ночи напролет играл в компьютерные игры, чаще всего гонки и спускал половину месячной зарплаты, покупая виртуальные машинки. Через полтора года отношений он расстался с соседкой и очень переживал это расставание. После пар с Ромой он теперь обсуждал не только компьютеры, но и вероломство девчонок. Дима решил стать бизнесменом. Накупил больших радиоуправляемых машинок и открыл спортивную школу, но его бизнес не был успешен, через полгода он не смог выплачивать аренду, закрыл свою школу, а машинки раздарил друзьям.

Димчик, наконец, признался одноклассникам, что его родители не развелись, как он говорил раньше. Что его отец, как и отец Веры Мокановой, погиб при исполнении на горячей точке, когда Дима был совсем маленьким.

Только на четвертом курсе Диана Усанова через старосту принесла документы об инвалидности, перевелась на бюджет, поселилась в общаге и рассказала одноклассникам, что горб — это родовая травма. Три года Дианина семья оплачивала договор и съемные квартиры.

В конце третьего курса Диана Усанова застала Бнидерта в постели с другой, красивой второкурсницей с эконома. Оказалась, он встречался с двумя девчонками параллельно. Диана в слезах сказала, что между ними все кончено, и убежала. Но в начале четвертого курса они вроде бы помирились. Теперь Серебристая с Бнидертом то сходились, то расходи-

лись. Бнидерт хорошо устроился: периодически возобновлял связь с красавицей Дианой, а его новая девушка терпела все его выходки и прибегала по первому зову.

Олеся также умирала от любви к БС, который также встречался с Пожаровой Дианой. Олеся пыжилась и старалась, из кожи вон лезла, чтобы понравиться Борису Станиславовичу, но все напрасно. Годы безответной любви расшатали ее нервную систему: Олесе было невыносимо постоянно наблюдать БС с другой, и в последнее время она часто тайком плакала.

Полупьяная Тротурская из сорок седьмой ходила с полузакрытыми глазами, курила ментоловые сигареты, лекции не посещала и засыпала на практиках...

На пятом курсе Аня Тротурская получит свой троечный диплом. После универа она помывкавшись окончит курсы и будет работать бухгалтером в магазине, торгующем тортами, среди сорокалетних одиноких женщин, несколько из которых станут ее близкими подругами. Она не будет поддерживать отношения с бывшими одногруппниками и ни разу не придет на день встречи выпускников. Через несколько лет Аня выйдет замуж: ее свадебная фотография в открытом платье на коленках у мужа будет украшать новостную ленту социальных сетей ее бывших однокурсников.

Бокари из сорок восьмой начал работать барменом в ночном клубе. К негру-бармену относились, как к экзотике, он пользовался популярностью среди девчонок и крутил бесчисленные романы. Хотя теперь Бокари не высыпался ночами, он продолжал неплохо учиться.

Амака устроилась работать фотомodelью и много ездила по кастингам: она участвовала в разных показах, часто уезжала с модельным агентством и практически не ходила на пары. Она приезжала на сессии, все, что можно проплачивала и опять уезжала. Когда на третьем курсе Горовой предложил ей переспать с ним за оценку, она не отказалась. Горовой спать с ней не стал, а просто поставил тройку.

Бузиба терпеливо ходил на все пары и полностью посвящал себя учебе.

Ника с Женей пошли на кулинарные курсы, чтобы научиться хорошо готовить.

Никина работа в сетевом маркетинге дистрибьютером косметики не приносила особого дохода. Она продолжала распространять косметику среди подруг и покупать себе по ценам дистрибьютеров, но устроилась продавцом в дорогой магазин женской одежды. Иногда теперь пропускала пары. И большую часть зарплаты оставляла в своем же магазине.

Ника перестала каждый день ходить на каблуках и оказалась не такой уж высокой, как говорили в группе «спустилась с небес». Это Егор надумил Нику спуститься с каблуков...

На один из праздников Егор в качестве подарка хотел купить Веронике красивые туфли. Они покупали их с рук. Туфли известного бренда, черные, на высоком каблуке, практически неношенные. Такие новые стоили около шести тысяч, Егор покупал их за тысячу. У Ники был тридцать восьмой раз-

мер, туфли были тридцать седьмого и, наверное, немного давили. Но Ника сказала, что они большемерки и совсем не давят. — Ну, смотри, — ответил Егор и оплатил покупку.

На четвертом курсе впервые Ника пригласила девчонок «эконом-групп» к себе домой проводить мастер-класс по макияжу. Ира не смогла пойти к Нике — в это время ей поставили работу, но узнавала мнения других девчонок из сорок восьмой:

— У Ники дома зеркало во всю стену.

— Да, у нее дома полы — фанерка крашенная. Дом одноэтажный, даже не кирпичный, на бок заваливающийся...

— Ника так одевается. Я думала, она богатая. Она, наверное, все деньги родителей на одежду тратит.

— Никин папа выглядит, как старик, передние зубы гнилые и кривые. У меня так дедушка выглядит...

Катя Сидорова, побывав у Ники дома, перестала с ней здороваться. А когда Ника проходила мимо, только отворачивалась — Ника оказалась слишком бедной.

Теперь Ира поняла, что Ника тоже поступала в университет как малоимущая, по отдельному конкурсу.

С четвертых курсов уже многие работали. Женя у папы в банке, Ника — продавцом одежды в модном бутике. Дима — программистом у мамы на фирме и сисадминистратором. Рома работал в фирме недвижимости, где начальником отдела была его мама, после переезда в Краснодар, она быстро сделала карьеру. Глеб подрабатывал на стройке. Все стремились совмещать учебу и работу и с нетерпением ждали получения корочки. Усанова Диана и Настя полностью посвящали себя учебе, точнее посещали пары, а после гуляли дни напролет — родители присылали им достаточно денег. Тая тоже попыталась устроиться на работу, но не смогла учиться и работать и уволилась, решив сконцентрироваться только на учебе.

Бнидерт устроился к маме на фирму программистом и подрабатывал, преподавая информатику инвалидам. Он работал в центре дополнительного образования по работе с инвалидами и создал сайт для дистанционного преподавания, по рекомендациям преподавателей центра загрузил его материалами по всем предметам с других образовательных сайтов. Бнидерт стоял у истоков дистанционной работы центра... Работа центра навсегда разделилась на время до и после Бнидерта. Он оказался незаменим, и спустя десятилетия после его увольнения из-за микроскопической зарплаты его вспоминали с благодарностью, поминали в прямом смысле добрым словом.

Ира очень переживала смерть бабушки, которая летом умерла после длительной болезни.

Летом Олесья, по примеру подруги Веры, тоже ездила на море расставаться с девственностью, а потом говорила Ире, случайно пройдя мимо мужской раздевалки на физре: — И чего я там не видела? — Она летом успела «насмотреться» и набраться опыта.

Девушки расставались с девственностью по-разному. И далеко не все с любимыми парнями. Некоторые представительницы прекрасного пола ездили на море, как Вера Моканова или Олеся Антоненко, чтобы с симпатичным мимолетным знакомым где-нибудь вечером на пляже побыстрее расстаться с неуютной, мешающей жить, в их возрасте позорной девственностью. Некоторые лишали себя девственности спицами в ванне, а потом рассказывали придуманные истории про несуществующих парней. Некоторые обращались к опытным сорокалетним любовникам, предлагающим свои услуги «на один раз» на сайтах знакомств. Лишь бы не стать чьим-то трофеем, добычей соседа или одноклассника, который потом будет обсуждать ее за пивом с ее же соседями или друзьями. — Я в таком сексе вообще смысла не вижу. И ничему не научилась, и девственность потеряла, — Ира рассуждала практично.

Но не все студентки сорок шестой к четвертому курсу расстались с девственностью. Женя Резцова была в отношениях со Степаном уже больше двух лет, но не собиралась начинать половую жизнь.

— Неужели тебе не хочется? — спрашивала ее Ника.

— Нет, — непоколебимо отвечала Женя. — Не хочется! Честно не хочется! Ну что делать, если мне, правда, не хочется? — она равнодушно разводила руками.

— Она что, фригидна? — спрашивали друзья Степана. Он ничего не отвечал, кто знает...

За последний год Степан сильно поправился и стал просто толстый. Он начал носить свободные рубашки, скрывающие его полноту. Степан продолжал встречаться с красавицей Настей с эконома и на вопросы друзей, например, Егора: — А как же Женя? — обычно отвечал: — Как ей можно хранить верность, она же бедная! — Егор, как истинный друг, всегда поддерживал Степана.

Со второго курса в спину Жене дышала Настя — не случайное увлечение, курортный роман или несерьезная интрижка, а именно полноценная вторая любовь.

Любовный треугольник, созданный Степаном, был одной из излюбленных тем для разговоров среди однокурсников. Ира, Олеся и Вера не стали исключением. Сидя в лаборантской вместе с Ваней Казимировым, они не упускали возможности позлословить:

— Слышали, после третьего курса Степан с Женей и младшей сестрой Степана Юлей отправились в автобусное путешествие по Европе.

— И Степан тайком от Жени всю поездку писал Насте эсэмэски?

— Не знаю, наверно...

Олеся громко рассмеялась.

— Степану родители двухкомнатную квартиру еще на первом курсе купили. Это его квартира. А про бабушку рассказывали, чтобы лишнее внимание к богатому Степану не привлекать.

— Понятно...

— Слава говорит, отец Степана, как увидел, в каких условиях сын живет, просто офигел. И через несколько месяцев в квартире Степана сделали евроремонт и поменяли всю мебель. Женька со второго курса знала, но молчала. Прикрывала Степана...

— Правильно делала...

Вера только качала головой и округляла глаза.

— К Степану несколько раз в неделю приходит женщина, убирает, готовит. Сексом предложила с ним заниматься. Степан отказался — он только с красавицами спит... Женька со Степаном не спит, все еще девственница — как ей это удается! И Настя со Степаном не спит. Вот у Степана возлюбленные стойкие!.. Степан несколько раз в неделю к проституткам ездит.

Олеся замолчала.

— Ты хоть не спи ни с кем из компании ГП, — посоветовал Ваня Олеся, — а то будешь с БС встречаться, как он потом с ними общаться будет, зная, что ты с ними спала. Вот неудобно... — Ваня сидел неподалеку и слышал весь разговор.

— Витя с Олей уже заканчивают — пятый курс! — Олеся не умела долго молчать. Ей надо было постоянно что-то говорить. — Витя сделал Оле предложение, и они сразу после окончания планируют пожениться.

— Вот молодцы!

— Я знаю, Витя говорит, что пригласит меня в свидетели! — похвастался Ваня.

Иру все время мучил один вопрос, который она очень хотела задать Ване. Сейчас был подходящий момент:

— Ну что? Декан эконома с взятками борется? — заинтересованно спросила Ира у Вани.

— Борется! Уже всех завкафедрой поувольнял. Многих преподав выгнал...

— А взятки искоренил?

— Сам ректору признался, что нет. Взятки как брали, так и берут.

Ваня ухмыльнулся и продолжал:

— Вот на факультете психологии, вот они продвинутые, там вообще все четко. Заочники, к ним требования ниже, прямо на своей кафедре могут курсовую и диплом заказать. Причем, если заказать в частной фирме — смотри, сколько вокруг вуза объявлений висит, все стенды обклеены, — то можно сдать только на три. Больше не поставят, придираются. А если на кафедре «у своих», то на четыре или пять. Но на кафедре дороже — пять тысяч. А в частной фирме и за две тысячи можно написать... В юридической академии тоже так, прямо на кафедрах все контрольные, курсовые к сессии оптом покупают — полный комплект. Сами на кафедре купили, тут же этим преподам сдали. Все без проблем! Все схвачено!

— Сами курсовую или контрольную задали, сами ее написали, сами проверили. Преподавы каждый год одно и то же задают?

— Ты думаешь, они что-то пишут? Они продают работы прошлых лет. Старые работы студентов. Или свои старые работы. Одну работу когда-то написали и продают ее каждый год по двадцать пять тысяч. Какой бизнес! Что б не работать!

— Хочешь — учишь, хочешь — дважды в год деньги плати и через пять лет диплом получишь... — сказала Ира.

— Некоторые так и делают. Вообще пары не посещают. На очке строже, а на заочке вообще халява, — рассказывал Ваня. — Через пять лет получают свои троечные дипломы. А какая разница? Диплом все равно ведь никто не смотрит! А в техническом университете на факультете управления для второго высшего диплом можно прямо на кафедре заказать за двадцать пять тысяч. И придираются не будут, в кассу деньги заплатил и перед преподающей получил текст доклада и никакой мороки. Вот повезло им.

— Точно, повезло... Какой сервис, — с усмешкой сказала Ира...

— Ты тоже курсовую для Сидоровой писала. И другим из тридцать седьмой...

— А че? Подзаработала!.. — Ира спокойно пожала плечами. — Я сегодня видела, промоутеры в костюмах магистров, мантиях и черных квадратных шапочках с кисточками, раздают листовки по написанию дипломов у главного входа. Дожились! Все преподавы мимо каждый день ходят и нормально!

— Так нет ни одного стенда без объявлений о написании курсовых и дипломов. И преподавы университета мимо них каждый день ходят, и никому дела нет. Раньше Ушанков ходил, такие объявления сдирал, а теперь забил, рукой махнул. Такой прибыльный бизнес, оказывается. Одна преподавательница с факультета биологии все ходит, такие объявления сдирает, звонит по телефонам на объявлениях, угрожает, в полицию пишет... Вот людям делать нечего... — сказал Ваня апатично, а потом продолжил:

— Я слышал, что за сто тысяч можно диплом купить, я имею в виду, корочку, бумажку, ни дня не учась. Научились подделывать. Но если будут проверять, «липковый» диплом всплывет, и обман вскроется. Вот сейчас за подделку дипломов сажают! А если два раза в год сессии проплачивать, так нормальный диплом получится, будет во всех базах данных числиться... Не придраться!.. Видишь, во всех университетах образование покупается и продается. Были бы деньги! На вашего Ктавиди посмотри, в администрации работать собрался. Ходит, всем рассказывает! — Ваня почему-то рассмеялся и покачал головой. — Хватается! И устроиться ведь, и работать будет!..

На четвертом курсе стало само собой разумеющимся, что зачеты и экзамены проплачивают через деканат. Преподавы сами своим же студентам пишут курсовые и дипломы. На кафедрах делятся. Распределяют поровну учеников, чтобы другим необидно было — репетиторство как скрытая форма взятки.

Чтобы заработать, Ира иногда писала курсовые для младших курсов, и когда студенты спрашивали ее: — А что посоветуете, заказать у вас или

лучше на кафедре? — Ира чистосердечно отвечала: — Если есть деньги, заказывайте на кафедре. Дороже, но гарантированно сдадите!..

В летнюю сессию Аня Рябцева не могла сдать экономико-математическое моделирование Ушанкову, которому раньше сдавала легко. После двух пересдач ей намекнули прийти на кафедру, переспать с преподавателем, она отказалась. Аня пыталась сдать с комиссией — но тоже не сдала. И в итоге была отчислена с середины четвертого курса, но собиралась восстановиться в следующем году и пересдавать другому преподу. Олеся с Ирой обсуждали неожиданное событие:

— А говорили, что с четвертого курса уже не отчислят... Видишь, Рябцеву же отчислили.

— Отчислили... — задумчиво произнесла Олеся, поднимая брови.

Аня Рябцева восстановится через год и закончит на один год позже.

Профобразование

На четвертом курсе студенты почувствовали себя увереннее и начали немного халавить, все реже посещали практики, на лекции ходили единицы.

В седьмом семестре у сорок шестой преподавал Урвцин Муслим Хаммидович — профессор, доктор физико-математических наук. Он был почетным работником высшего образования РФ, заведовал кафедрой прикладной математики и был замдекана по научной работе. Это был высокий, полный адыгеец за пятьдесят, с большим «пивным» животом, лысый, в очках, с носом крючком и густыми черными бровями.

У пятьдесят шестой Урвцин читал лекции по математическим моделям финансового анализа, практику по которым вела Сидаккая. Лекции Урвцин проводил в небольшой аудитории около кафедры. Он говорил тихо, доходчиво объяснял. Муслим Хаммидович, как очень занятой человек, часто пропускал пары, поэтому, как и многие преподаватели на четвертом курсе, в середине семестра раздал лекции в бумажном виде и отпустил до сессии.

Из лекций Урвцина сразу сделали шпаргалки. Диана предложила простой способ — на новых ксероксах появилась функция уменьшения изображения и когда ксерили лекции, сразу делали шпаргалки.

Неизменный Ушанков у сорок шестой вел макроэкономику. Карозинский преподавал теорию игр, а Лерцин — теорию оптимального управления.

Ольга Евгеньевна Лукшова — доцент, кандидат физико-математических наук, работала на кафедре информационных технологий, преподава-

ла сетевые технологии и принимала курсовую по информатике. Лукшова высокая, стройная с мелким правильными чертами лица за сорок. На ее пары, как и на пары Сидачкой, ходили все парни экономспециальности, садились на первые парты и рассматривали красавицу-преподавательницу. Как и Сидачкая, Лукшова исполнительно посещала пары, тщательно объезняла свой предмет, старательно задавала домашнее задание и его дотошно проверяла. Перед зачетной неделей раздала список вопросов.

Курсовую Лукшовой Ира, как и большинство одногруппников, переделала с программы Полозина, добавила описание, навставляла скриншотов и сдала на пять.

Антон Ктавиди не доделал курсовую Полозина, поэтому попросил ГП помочь ему. Не бесплатно, конечно. Когда Лукшова попросила доработать курсовую, Антон опять обратился к ГП, на переделку было дано два дня, но ГП не успевала, а Лукшова торопила.

— Вы думаете, мне делать нечего, о ваших курсовых думать! У меня вообще-то дом, семья, дети, знаете ли! недовольно говорила ГП Антону.

— Но вы же обещали мне помочь? — в отчаянии спрашивал Антон...

— У меня сейчас много работы, и Рома заболел... Только как освободиться! Самим надо делать, а не преподав просить!

В последние дни Антон частично сам, частично с помощью Глеба заканчивал курсовую. Через пять дней у ГП появилось время и оставшиеся замечания Лукшовой она дорабатывала сама.

Для студентов, которые доучились до четвертого курса, открылись новые возможности. Некоторые, как Антон Ктавиди, пошли с оценками первых трех курсов на второе высшее, некоторые получали дополнительные профобразования. Факультет информатики предлагал получить корочку по администрированию локальных сетей, базам данных и автоматизации производственных процессов. Некоторые, как Егор и Степан, решили получить как можно больше разных корочек — лишними не будут — и записались сразу на несколько профобразований. — Они какие угодно корочки нарисуют. Лишь бы платили, — сказал Дима Шеламов Ире. Он тянул ее получать только дополнительное профобразование по администрированию у ГП.

ГП знали в любом вузе и уже после окончания программисты спрашивали корочку именно ее дополнительного и часто приговаривали: — Вот она хорошо предмет знает. Вот ее бы корочку, вот только характер... м-м-м... сложный, — и посмеивались. Экзамен она принимала несколько дней, вопросов было больше ста и списать было нереально. Студенты пересдавали экзамен неделями и не получали оценку, пока не знали все билеты до одного.

Говорили, что ГП прочитала абсолютно все книги по своему предмету, переводила иностранную литературу и была в курсе всех последних разработок и новинок.

Многие будущие программисты и сисадмины пошли, скрепя сердце и зажав гордость в кулак, на четвертом курсе слушать ее полугодовое до-

полнительное профобразование. На лекциях ГП кричала на студентов, «крыла их матом», ее крик был слышен по всему коридору между корпусами, она высмеивала и унижала студентов перед одногруппниками, а они шли на ее пары, оплачивали дополнительное образование, только бы послушать ее курс, получить ее допкорочку и узнать ее лекции. Некоторые преподаватели эконома за глаза называли ГП дурой.

Студенты программисты с экономспециальности ее не любили за сложный, тоталитарный характер и считали феминисткой. Степан, Егор, Дима Захаров, Глеб и Джанаров Антон отказались от ее допкурсов, только бы не иметь с ней дела – терпеть не могли, когда на них «кричит женщина». Дима Шеламов и Ваня Казимиров получили ее допкорочку и рассчитывали на удачное трудоустройство...

Дима из сорок седьмой сказал Ире, что после окончания вуза девчонки с экономспециальности лучше, чем простых экономистов, берут на работу. Потому что они еще и математику знают. Для Иры это был еще один повод не учить информатику и не идти ни на какие профкурсы.

На четвертом и пятом курсах уже не было серьезного программирования. И Ира вздохнула с облегчением...

Кроткова

Около 116 и 117 появилась женщина пятидесяти лет, невысокая, с плоским широким лицом, в роговых очках с большим плюсом, которые она носила не снимая. У нее была короткая стрижка и седые, подкрашенные синевой волосы. Она всегда носила темные брючные костюмы. От нее шел сильный запах крепких ментоловых сигарет, БС с ней курил на переменах. Она ходила с обручальным кольцом. БС рассказывал, что у нее взрослый сын. БС часто крутился около 116 и перед «новенькой» стелился и рассыпался мелким бисером. Она же безвылазно сидела в 116 и только иногда осторожно выходила покурить.

Она производила впечатление очень умной и интеллигентной. Через несколько месяцев БС по секрету рассказал Ире и Олесе:

– Это Кроткова Татьяна Александровна. Она серьезный ученый, известный по всему миру, бывший декан факультета информатики. Кроткова была первым деканом «молодого» факультета информатики и проработала деканом десять лет. После внутреннего факультетского скандала с взятками, подстроенного Круговым, ее сместили с поста декана и Кругов занял ее место.

– А что за скандал? – осторожно поинтересовалась Ира.

– Кругов подговорил отца одного студента, тот пошел в деканат, стал предлагать Кротковой большие деньги то ли за экзамен, то ли за поступ-

ление... Кроткова согласилась... Отец студента все записал на диктофон и с записями обратился к ректору и в милицию... На Кроткову завели уголовное дело. Ее сместили с поста декана и заперли в психушке... Если бы она не была известным на весь мир ученым, там бы она и осталась...

Говорили, что преподаватели, которые долго работали на факультете, очень симпатизировали Кротковой.

Сейчас, через несколько лет после скандала, она опять вернулась на факультет, сотрудники сначала даже боялись здороваться со своим бывшим деканом, боясь реакции декана нынешнего. Но Кругов никак не проявлял своего недовольства общением сотрудников с Кротковой, и постепенно они осмелели... Сначала, когда Кроткова курила около компьютерных, мимо «по делам» пробежал Бесчанов, как бы между делом на ходу по старой привычке поздоровавшись. Через две недели после этого в 116 пришла ГП с конфетами пить чай... И только через полгода Кроткова полностью возобновила отношения с коллегами, бывшими подчиненными...

И еще много лет Кроткова, осужденная условно, выходя из факультета, смотрела на студентов и постителей жалким, уничтожным взглядом побитой собоки. И неосведомленные задавались вопросом, что же с ней произошло... Ира больше никогда в жизни ни у кого не видела такого отчаянного взгляда, как бы говорящего: «Посмотрите на меня! Что сделали с моей жизнью. За что? Что я ему сделала?» В универе говорили, что Кругов очень хорошую бабу подставил... Другого пути стать деканом он не нашел. Глядя на Кроткову, Ира только тяжело вздыхала: «И где в жизни справедливость?»

С Кротковой БС тоже на переменах закрывался в 116. Выходя из аудитории и поправляя прическу, Кроткова говорила удивленным Ире, Олеся и Вере:

— А почему бы и нет? Ну как же не помочь Борису Станиславовичу? Это просто так... — намекая на то, чем они занималась в 116.

Олеся была вне себя, и пока Диана Пожарова сохраняла девственность до свадьбы, БС закрывался в 116 со всеми, кроме Олеси...

На концерте

Летом Ира стала встречаться с парнем из соседнего дома, Макаровым Алексеем. Он был на три года старше и приехал в Краснодар из Ростова учиться в техническом вузе. Когда Алексей поступал, он поселился по соседству с Ирой у своей бабушки, матери отца. Алексею было двадцать три, Ире — двадцать один. Их летом познакомил Ирин одноклассник, Павлеев

Саша, пухленький очкарик, сосед и друг Алексея. И, недолго думая, Ира с Алексеем начали встречаться. Алексей уже закончил вуз с красным дипломом и работал начальником инженерного отдела из трех человек в строительной фирме.

Алексей был на полголовы выше Иры, темноволосый и сероглазый, он носил очки в тонкой металлической оправе с небольшим минусом. У него был курносый нос, большой рот и длинное овальное лицо. У Алексея была грубая походка: он тяжело шагал и всегда немного поворачивал узкими плечами. Алексей производил впечатление «рубахи парня» и чем-то напоминал Ире отца.

У Иры от любви сносило крышу. Поздняя первая любовь ворвалась в ее жизнь. Их быстротечный, скоростный роман заполнил все мысли и отодвинул учебу на второй план. Ира влюбилась по уши и ходила вся не своя, едва касаясь ногами земли... После их первой ночи ее молодой человек также обсудил Иру за пивом с Павлевым Сашей, их общим другом.

Неожиданно появившаяся личная жизнь вытеснила собой все свободное время. Ирин круг знакомых резко расширился — в него сразу попали все друзья и родственники Алексея, краснодарские и ростовские. И все раньше свободные вечера теперь были заняты Алексеем: посиделками с его друзьями, поездками за город, походами в кино или сауну и на праздничные концерты под открытым небом. Несколько раз они большой общей компанией ходили в сауну и ездили с коллегами Алексея по работе играть в лазерные сражения. Раньше три раза в неделю после работы Алексей ходил на курсы английского, хотел во взрослом возрасте выучить язык, но все домашнее задание списывал с ответов или решебника. Начав встречаться с Ирой, он забросил курсы. Вообще Алексей был трудоголиком, часто задерживался на работе допоздна, иногда работал ночами, поэтому он увлекался энергетическими напитками, чтобы поддерживать тонус и не засыпать на ходу.

Олеся уже обижалась, что Ира забросила старых друзей, что она «как влюбленная дурочка», все свободное время проводит с Алексеем, а когда его нет рядом, постоянно говорит о нем.

Через несколько месяцев Алексей пригласил Иру в Ростов и представил своей семье: такой же курносой маме, совсем не похожей на Алексея младшей сестре-отличнице и курносому восьмидесятилетнему дедушке. Они жили в трехкомнатной квартире. У мамы Алексея было три брака, первый — с отцом Алексея, второй — с отцом сестры Алексея, и третий — с мужем, который был на несколько лет младше ее и от которого у нее детей не было. Два первых мужа были моряками. С последним мужем она развелась, но иногда в командировках все равно надевала обручальное кольцо. Разочаровавшись в личной жизни, она решила делать карьеру, в чем в последнее время преуспела.

Родители Алексея, как и Иры, развелись, когда Алексей был совсем маленьким. «Безотцовщина», как он сам говорил о себе, разделяя комплексы

Иры, тоже выросшей в неполной семье. Его отец, Юрий женился во второй раз. Красивая молодая жена Елена была только на пару лет старше Алексея. Отец был моряком и несколько лет назад переехал в Америку...

Однажды общей компанией Ира с Алексеем решили пойти на концерт известной молодежной группы. По случаю ноябрьских праздников администрация города устраивала концерт на набережной, приглашала несколько известных московских групп. Собралась обычная компания, Ира с Алексеем, Саша Павлеев и Наташа, общая подруга Алексея и Саши, высокая худая, похожая «на лисичку», с которой Алексей раньше встречался около месяца и после расставания с которой остался друзьями.

Олеся с Верой тоже собирались на этот концерт и заранее созвонились с Ирой, чтобы где-нибудь пересечься: Олеся нужны были Ирины конспекты Лукшовой.

Ира с Алексеем и Сашей приехали около восьми — сначала на трамвае до Красной, а потом пешком до набережной. С Наташей договорились встретиться на концерте.

Улицу Красную закрывали на выходных и праздниках, чтобы пешеходы могли беспрепятственно гулять по городу. У Иры создавалось впечатление, что на Красную в этот день вышло полгорода. Студенты, ученики, молодые пары с детьми и колясками — все шли рядами, соблюдая негласные правила дорожного движения, которые очень упрощали перемещение пешеходов. По правой полосе, по которой обычно ехали машины в сторону парка, сейчас шли пешеходы в ту же сторону, а по полосе, по которой машины обычно ехали в обратную сторону театра, сейчас шли пешеходы в сторону театра. Иногда какой-то новичок или приезжий выбивался из общего слаженного потока и шел наперекор движению пешеходов. Но он быстро понимал негласные правила движения и приближался к толпе.

Алексей любил рассказывать о рискованном переезде отца с Леной в Канаду. Он часто общался с отцом и его женой по Интернету. Пока шли до набережной, Алексей рассказывал Ире:

— Отец переехал в Канаду, как моряк, типа приехал по работе, у Алексея был высокий «дружеский» голос, он только недавно снял брекеты, выравнивал зубы, а когда надо было уезжать, остался нелегально, представь? Через пару месяцев по туристической визе к нему приехала Ленка. Представляешь, Ленка уже беременная на четвертом месяце уезжала за батеи «в никуда!» Вот это настоящая женщина, как жена декабриста! — Алексей говорил с гордостью и уважением. — На четвертом месяце живот еще не видно. Приехала, а Канадскую границу переходила нелегально, шла несколько километров по пустырю. Представляешь, беременная, несколько часов по жаре! Потом ее тормознули пограничники и доставили на пост. Отец уже ждал ее у патрульной будки... Теперь перребрались в Америку. Говорят, там лучше!

— Вот авантюристы... сказала Ира.

В Америке у Юрия и Елены родилась дочь София — уже гражданка Америки, разница между Алексеем и его младшей сестрой была больше двадцати лет. Отец теперь работал грузчиком на стройке, а молодая жена после рождения ребенка официанткой, и они совместно оплачивали ее дорогое обучение на врача и мечтали купить дом.

— Знаешь, как им в Америке нравится! Отец говорит, хоть как человек поживет на старости лет... Они не могут приехать в Россию: чтобы получить документы, им надо прожить в Америке безвыездно не меньше пяти лет... Два года уже прожили! Только через три года теперь смогут приехать, показать Софию бабушке! Так Ленка, представляешь, работает, учится, домом занимается, дочку воспитывает!.. Какая женщина! А вообще им нравится в Америке! Может быть, и я когда-нибудь тоже смогу туда перебраться к отцу, когда он там обживется...

Саша уже слышал эту историю несколько раз и знал, как Алексей восхищался второй женой отца.

Чтобы было легче обосноваться в Америке, отец вычеркнул Алексея из паспорта и нигде не указывал, что в России у него остался взрослый сын.

Через пару лет, выбирая между оплатой года обучения в вузе и первой большой выплатой за дом, Юрий и Елена выберут дом, Лена уйдет в академ. А еще через год Юрий бросит работу — ему надоест низко квалифицированный труд, в прямом смысле убирать говно за американцами. Он будет сидеть дома и получать пособие по безработице. Лена бросит работу официантки и устроится медсестрой в больницу. Денег будет катастрофически не хватать. Они будут жить втроем на зарплату медсестры и пособие по безработице и выплачивать ипотеку. Лена не сможет оплатить два последние года обучения, снова уйдет в академ, а потом забудет многое из учебы, уже не сможет накопить денег и вернуться в университет. Через несколько лет они переедут в дом поменьше, обычный, трехкомнатный, который легче оплатить. Вуз Лена никогда не закончит... Юрию и Лене в Америке разонравится, и они перестанут советовать Алексею переехать...

Концерт проводился на центральной площади около моста поцелуев. Обычно эту площадь использовали, как стоянку для автомобилей. Но по случаю ноябрьских праздников ее огородили, возвели высокую сцену и выставили охрану. Полицейские пропускали зрителей через ворота с металлоискателями, проверяли сумки — боялись терактов, которые гремели по всей стране. Концерт начинался в восемь, но уже в семь к сцене было не пробиться. Вся площадь была битком набита в основном молодыми людьми, которые «скуцковавшись» весело болтали друг с другом, попили пиво и алкогольные коктейли и изредка поглядывали на сцену.

Ира созвонилась с Олесей и договорилась встретиться у шашлычной, где продавали втридорога напитки и бутерброды и делали на мангале шашлыки.

Олеся первая увидела Иру с компанией и яростно замахала. Олеся была в красной кепочке набок, коротких синих джинсах, красной майке на бретельках и расстегнутой светлой рубашке. Вера под ручку с Олесей – в короткой джинсовой юбке, черной майке на бретельках, кожаной куртке по пояс и черных закрытых шлепках на каблуках. На четвертом курсе Вера набрала еще несколько килограммов. Она красила ногти уже не только в черный, но в ее цветовой гамме появился еще один цвет – красный. Эти цвета она чередовала. Сегодня ее ногти были красные.

Олеся была уже с пивом в пластиковом бокале, а Вера с джин-тонином в металлической банке.

– Привет! – Олеся помахала рукой. Они с Верой подошли к Ире с Алексеем и Сашей.

Ира представила Алексея и Сашу.

– Привет, – просто сказал Саша Олеся и однокласснице Вере. – Как у вас?

– Все нормально, – ответила Вера улыбаясь.

– Много о тебе слышана! – сказала Олеся Алексею.

– Надеюсь, только хорошее? – весело спросил он.

– Это от тебя зависит! Пока только хорошее, а там посмотрим! – также весело ответила Олеся засмеявшись.

– Концерт скоро начнется, хотите, к нам присоединяйтесь, – предложила Ира.

– Мы с Настькой и Серебристой, может, тут не задержимся, скоро пойдем!

Настя Тюканова тоже подошла за руку с Петром и под руку с Усановой Дианой, которая была без Бнидерта – они в который раз расстались. Петр пожал руку Саше и Алексею. Настя заинтересованно и без стеснения рассматривала Ириноного парня.

– Что-то Серебристая сегодня расстроенная...

– Все из-за Бнидерта...

– Я помню, на сборах Диана с таким высокомерным лицом сидела, и мне не понравилась!

– Мне Диана тоже с первого взгляда не понравилась, зато теперь... – Настя показала на Диану, – дружим...

– Не разлей вода, можно сказать, – добавила Олеся. – Ну... мы пойдем!

– Он супер, – прошептала Вера Ире, когда они с Олесей и остальными отходили. – Такой симпатичный!

– Спасибо! – Ира смущенно улыбнулась.

Олеся с Верой отошли к Насте с Петром. Промелькнули одноклассники Дима и Рома. Дима в легкой куртке цвета хаки, широких штанах и промокающих тряпочных кроссовках. Даже зимой, при отрицательных температурах Дима ходил в легких кроссовках и любил есть мороженое. Рома был в черной кожаной куртке и обтягивающих синих джинсах.

Ира с Алексеем и Сашей встретили Наташу, присоединились к шумной толпе зрителей и стали проталкиваться к сцене. Саша с Алексеем аккуратно просачивались сквозь толпу и скоро остановились в нескольких метрах от сцены. Среди тесной толпы зрителей стояли вплотную, подплясывая на одном месте, пытаясь изобразить танец и излить переполняющие чувства. Зрители у сцены рассматривали ноги и обувь исполнителей.

В восемь на сцену полезли местные танцевальные коллективы и ведущие стали поздравлять горожан с праздником. Сначала послушали малопопулярные местные группы, которые пели народные и патриотические песни. Только около девяти появились обещанные московские коллективы. Потом выступали молодые таланты, прославившиеся на недавнем национальном конкурсе исполнителей, каждый молодой талант спел ровно по одному своему хиту, у каждого из них пока по единственному.

Последней на сцену вышла популярная молодежная группа, ради которой большинство пришло на концерт. Они спели ровно три свои песни. Эта группа появилась недавно, «зажгла» двумя хитами, с которыми ездила по стране, выступая на коллективных концертах по случаю разных праздников. Кроме этих двух хитов у них был еще десяток малоизвестных песен, наскоро написанных, которые вошли в единственный альбом, но, кроме яростных фанатов, никому не были знакомы. Публика встретила певцов криками и поднятыми руками.

Певцы начали с зажигательной песни. Под знакомую мелодию публика потянула руки к сцене, стала приплясывать и подпрыгивать. Рядом несколько парней посадили своих девушек на шею.

— Хочешь тоже так? — спросил Алексей у Иры.

— Хочу!

Алексей присел, и Ира залезла к нему на шею. Алексей выпрямился, и Ира оказалась над толпой, почти вровень со сценой. Она практически в упор смотрела на исполнителей, могла хорошо рассмотреть певцов и тоже подняла руки и начала подпевать.

Ира сидела на шее недолго, буквально несколько минут, потом Ирино сидение заерзало — прямой намек, что пора слезать.

— Тебе там не тяжело? — участливо спросила Ира.

— Ну как тебе сказать... Ты, конечно, не пушинка... — ответил Алексей кряхтя.

— Хорошо, тогда спускай, — Ира слезла сама.

Видя, как поет солист, Алексей сказал Ире:

— Мне кажется, он не очень старается...

— А мне нравится! — Ира продолжила подплясывать на одном месте.

Саша ничего не сказал.

Последней группа исполняла песню про расставание, которая очень нравилась Алексею:

Расставание неминуемо приближается,

Мое сердце от грусти разрывается.

Я все оттягиваю горечи момент,
Нашего прощания компонент...

После выступления московской группы, концерт закончился и зрители разошлись.

— Давайте пойдем, посмотрим фейерверки около администрации? — предложил Саша, и все отправились на центральную площадь около концертного зала и художественного музея, где в десять небо зажигалось праздничными огнями...

Этот вечер, как и большинство вечеров четвертого курса, Ира и Алексей проводили вместе. Они гуляли за ручки по Красной, сидели у Алексея дома допоздна и смотрели фильмы, а пока его бабушка ездил в другой город убирать пустующую квартиру, Ира жила у Алексея. На одних выходных с Сашей Павлевым, общей подружкой Наташей и ее новым парнем ездили в Лабинск кататься на лошадях и пони. И весь четвертый курс у Иры прошел под эгидой любви.

У Таи

В середине ноября Ире нужно было заехать за Таиными лекциями к ней домой. Тая жила около технического университета на другом конце города и, наверное, больше полутора часов каждый день ездил в университет.

Ира приехала в субботу, когда не было пар. Она несколько раз звонила Тае, чтобы уточнить, как пройти к ее дому, и долго плутала среди дворов и краснокирпичных пятиэтажек, спрашивая у прохожих, как найти нужный дом, а потом оказалось, что был легкий проход прямо от трамвайной остановки через университет.

Недавно Глеб и Вася тоже ездили в гости к Тае, тоже плутали по району, тоже звонили Тае и даже просили выйти их встретить.

Тая жила в хрущевке-пятиэтажке из красного кирпича. Двор был чистый, много высоких деревьев — кленов и каштанов, примерно до третьего этажа или выше. Около подъездов стояли аккуратные серые лавочки, недавно покрашенные. Ира обратила внимание, что во дворе не было гаражей, машины стояли под окнами. За деревьями виднелся большой университетский стадион, огороженный проволокой.

Тая жила во втором подъезде на первом этаже. Двери в подъезде были простые, деревянные, без кодового замка или домофона, такие подъезды Ира называла «нараспашку».

В подъезде неприятно пахло, наверное, недавно, прорвало канализацию.

Ира подумала, что, возможно, двухкомнатная квартира Таиных родителей была университетской, Таин папа получил ее в аренду за работу в университете и пока работал, жил в ней.

Дверь в квартиру Таи была мягкая, обитая черным дерматином, который кое-где порвался — выглядывал поредевший войлочный наполнитель желтого цвета и деревянный каркас двери.

Таин старший брат Андрей уже не жил с родителями, он работал программистом и снимал квартиру вместе со своей девушкой, с которой встречался с универа. Девушка Андрея была из обеспеченной семьи — Тая с братом встречались только с обеспеченными. Тая иногда поговаривала о будущей свадьбе брата. Учитывая, что она месяцами жила у Славы, ее родители обитали в этой квартире практически вдвоем.

Тая ждала Иру — дверь в квартиру была приоткрыта. Ира поздоровалась, осторожно зашла и оказалась в небольшом узком коридоре «для одного» — вдвоем с учетом вешалки и обувницы одеваться уже было неудобно.

Коридор был прямой. Из него шли двери на кухню, в туалет и комнату.

За вешалками для верхней одежды и обувницей ютился узкий старый желтый сервант с облупившимся лаком. За стеклом белые тарелки, стаканы и столовые приборы. На серванте стояли нераспакованные картонные коробки с посудой. В коробке без крышки виднелся белый железный чайник.

В квартире тоже стоял неприятный запах сырости и канализации.

На полу стояли стопочки белых тарелок, сваленная посуда и нераспакованные коробки с кастрюлями. На оштукатуренных стенах без обоев были желтые подтеки — наверное, недавно квартиру залили. На потолке виднелись тоже желтые пятна, кое-где отвалилась штукатурка, обнажив темные бетонные стены.

Насколько Ира знала, недавно Таина семья делала в квартире ремонт своими силами, не нанимая рабочих. Ремонт делали в основном Андрей и Таин папа, а Тая с мамой помогали. После этого их, наверное, залили.

Ира всегда представляла, что Тая живет хорошо, и была удивлена, когда увидела ее облезлую квартиру с плохим ремонтом и обшарпанной черной дверью. Ира рассчитывала в коридоре увидеть картины Таиной мамы в технике батик, фотографии которых Тая приносила на пары. Но в коридоре были только разбросанные вещи, рухлядь, подтеки на стенах и неприятный запах канализации и трущобы. Ира вспомнила новую обустроенную дачу Таи, где отдыхали после первого курса. Благополучный образ всегда хорошо одетой, выглаженной Таи, которая шила одежду на заказ у маминой портнихи, часто ездила на такси, ходила по дискотекам, кафе и суши-барам и по Ириным меркам «сорила деньгами» никак не вязался с этой замызганной вонючей квартирой. Ира предпочитала ездить на общественном транспорте, на такси только в крайних случаях, и большую часть зарплаты откладывала.

Таина квартира, точно коридор, на Иру произвел удручающее впечатление. Только разбросанные вещи, зловоние и смрад...

Тая встретила Иру в футболке и джинсах. В последнее время у нее поменялся стиль одежды, стал более спортивным, Тая начала носить футболки с коротким рукавом, черные прямые джинсы или юбки по колено — Славе нравился ее новый стиль. Она также любила носить тряпичные небольшие сумки на длинном ремне или железной цепочке.

Тая не пригласила Иру пройти дальше, на кухню или комнаты и разговаривала в коридоре. Ира не успела толком осмотреться, Тая быстро протянула толстую тетрадку с цветастой обложкой с лекциями по матмоделям:

— Вот, держи.

— Спасибо, я тогда отдам через пару дней, как перепишу, хорошо? — Ира бегло пролистала тетрадку, увидела последние лекции, Таин округлый, практически печатный почерк.

— Тогда передашь в универе, — Тая как всегда говорила тихо и немного неуверенно, как будто боялась сказать лишнее и не хотела кого-то обидеть, но сама четко осознавала свою правоту.

Тая замолчала. Повисла неловкая тишина: Тая не хотела продолжать разговор, подразумевая, что Ире уже пора.

— Ну, я пойду... — сказала Ира и попятилась к двери.

Сети

— Главное, проси четыре, тогда, может, три поставят! — говорил Глеб Антону перед экзаменом Лукшовой. Сетевые технологии в эту сессию сдавали первыми. Глеб с Васей даже поспорили, удастся ли уломать Лукшову поставить Антону экзамен. Антон пошел на экзамен неподготовленный, посетив за весь семестр только две пары. Он так обнаглел, что даже не сделал шпаргалки, взял у Глеба. На четвертом курсе шпаргалки набирали на компьютере или копировали нужную информацию из Интернета — от руки шпоры уже никто не писал. Шпаргалками делились только «со своими».

Одногруппники наблюдали через пластиковую перегородку 115, как происходил процесс «ломки» Лукшовой, как Глеб и Антон подбирали разные способы ее уговорить, и как, ничего не зная, Антон хотел сдать экзамен. За четыре года Антон с Глебом спелись и не сговариваясь понимали, что нужно говорить преподавательнице.

Сначала Антон как обычно достал кошелек и стал предлагать Лукшовой деньги. Рядом стоял Глеб и уговаривал преподавательницу эти деньги взять. Богатой Лукшовой деньги были не нужны. Антон с кошельком в ру-

ках протягивал Лукшовой тысячные купюры, она качала головой, выставляла вперед ладони, как бы отгораживаясь от Антона, и отворачивалась. Видя растерянность Ольги Евгеньевны, Антон увеличивал количество тысячных купюр.

— Антон, о Боже, уберите, пожалуйста, деньги! Неужели вы не понимаете, что этим вы унижаете преподавателя!

Лукшова в отличие от других преподавателей чаще всего называла студентов по имени.

— Ну что вам стоит, Ольга Евгеньевна! Он по специальности все равно работать не будет! — убеждал Глеб, но Лукшова только качала головой.

— Ольга Евгеньевна, ну пожалуйста, — жалобным голосом подхватывал Антон. — Я по специальности работать не буду! Я на втором высшем учусь! Совсем нет времени! — Антон с Глебом распевались.

— Уберите, пожалуйста, деньги... Вот я сейчас возьму деньги, а вы меня потом заложите! Пойдете в деканат и расскажите Кругову, что я взятки беру!

— Мы — никогда! — твердо сказал Глеб. — Как вы могли о нас так плохо подумать! — сказал Глеб уже обиженной интонацией, как будто ему и в голову не приходило доносить на преподавателя. — Нет, Ольга Евгеньевна, мы не такие! Вы наш любимый препод!

— Знаю я вас, подхалимов! Это вы сейчас так говорите... А если я пойду к Кругову и расскажу ему, что вы мне взятку предлагаете? Вас отчислить могут!?

— Ольга Евгеньевна, ну мы же знаем, что вы так не поступите! Вы свой человек, вы нас не предадите, — ответил Глеб, нисколько не сомневаясь в надежности преподавателя.

— Антон, вот все выучите, тогда и приходите... У вас же больше нет хвостов?

— Есть хвосты! — быстро сказал Антон. — Нет... нет хвостов!.. — растерялся Антон, — вроде нету... еще не знаю... у нас сети — первый экзамен. А вдруг будут?

— Вот в единый день пересдач и получите свою оценку, — категорично сказала Лукшова.

— Ольга Евгеньевна, не надо брать деньги, — спасал ситуацию Глеб. — Поставьте ему, пожалуйста, тройку просто так...

— Вот это другое дело... Просто так...

— Да, поставьте Антону, пожалуйста, просто так тройку!

— Нет, четверку! — обиженно и немного возмущенно сказал Антон. — Поставьте мне, пожалуйста, просто так четверку!

— Ага, четверку... Аппетит приходит во время еды, — сказала Ольга Евгеньевна. — Может, тебе пятерку поставить?

— Можно, конечно, и пятерку, — с сомнением в голосе сказал Антон, хитро прищурясь. — Но пятерку вы же все равно не поставите?

— Да ладно тебе четверку! Ты же ничего не знаешь... — махнул рукой на Антона Глеб. — Тут хоть бы тройку поставили... Ольга Евгеньевна, он

на двух высших параллельно учится. Представляете, как он устает. Поставьте ему, пожалуйста, три...

— Нет, четыре, — поправил Антон. — Поставьте мне, пожалуйста, четыре...

— Да успокойся ты, какая четверка! — переключались Антон с Глебом. — За что тебе четыре ставить? Ольга Евгеньевна, вы его не слушайте. Он, наверное, с утра на солнышке перегрелся.

— Антон, вы же даже пары не посещали, — Лукшова посмотрела в свои записи. — За весь семестр только два раза были.

— Но он же два раза все-таки пришел!

— Я на двух высших учусь... — затынул снова свою «песню» Антон. — Совсем нет времени...

— Нет времени. Очень устает, — подтвердил Глеб.

— Ну, пожалуйста, — клянчил Антон.

— Да, на двух высших... устает, наверное... — участливо покачала головой Лукшова, которая сама воспитывала взрослую дочь и сына-школьника.

— Так он в Краснодаре сессию сдает, а потом в Горячий ключ едет.

Антон грустно опустил голову, сделал несчастное лицо и уставился в пол.

— Да, он вообще приезжий. Поставьте ему, пожалуйста, три. Он и питается плохо... — Глеб понял, куда нужно давить, чтобы разжалобить преподавателя.

— Так вы плохо питаетесь?

Антон стоял с покорным видом и не отвечал.

— Ой, плохо, вообще плохо... — отвечал за Антона Глеб. — Он не признается, стесняется. Он у нас вообще такой, стеснительный, — Глеб сочинял на ходу.

Антон скромно потупил глаза и почти плакал.

Несколько лет назад Лукшова взяла шефство над приезжей студенткой из бедной семьи, которая в прямом смысле недоедала. Лукшова иногда приглашала ее на ужин к себе домой или кормила в университетской столовой. Студентка начала заигрывать с мужем Лукшовой и кормления прекратились... Сидящая тоже иногда подкармливала голодных студентов.

— Плохо питается, да! Практически голодает! — бил себя в грудь Глеб.

— Антон, так вы сирота?

— Да!.. то есть, нет... — Антон вовремя опомнился. — Родители в Горячем Ключе...

— Он недоедает... — опять выручал Глеб. — У него родители в Горячем ключе. Он только на выходных иногда к ним ездит. Представляете, как ему сложно... Один, без родителей...

— Бедный мальчик... — Лукшова участливо покачала головой. — Недоедает, а деньги преподавателю за экзамен предлагает? — вдруг опомнилась она.

Глеб сделала изумленное лицо, он не ожидал такого поворота событий, его в прямом смысле уличили во лжи. Антон также стоял, опустив голову, с безразличным взглядом: он к сказанному не имел никакого отношения. Глеб и Антон оба замолчали – они понимали друг друга без слов – выдерживали паузу.

Но Глеб не растерялся.

– Вы знаете, как он устает! – заверял он Лукшову буквально через мгновение. Глеб продолжал гнуть свою линию, – в двух вузах в разных городах учится! Поставьте, пожалуйста, три! Ну что вам стоит! И доброе дело сделаете.

– Доброе дело сделаю? – сказала недовольно Лукшова. – Поставлю ему оценку без знаний? Что вы называете «добрым делом»?

– Поставьте ему, пожалуйста, три! Ну, пожалуйста, – клянчил Глеб.

– Четыре... – подпевал Антон.

– Устает, – качал головой Глеб.

Антон стоял с тем же несчастным видом... Не деньгами, так жалостью он выпрашивал оценку. Лукшова сочувственно качала головой:

– Устает, – сказала вздохнув Лукшова, проникнувшись и жалея «бедного мальчика»...

– Ольга Евгеньевна, ну пожалуйста!.. – Антон с Глебом пели в унисон.

– Ну ладно, так и быть! Только потому, что вы учитесь в двух вузах... – сердце Лукшовой смягчилось.

– В разных городах! – добавил Глеб.

– Давайте зачетку!

– Вы мне четверку поставите?

– Антон, ну какая четверка? Какая может быть четверка?

Антон на тройку не хотел давать Лукшовой зачетку. Он хотел только четверку.

– Так Антон, – Глеб начал забирать у Антона зачетку, – успокойся, давай сюда зачетку, пока Ольга Евгеньевна не передумала!

– Нет, поставьте четыре. Ну пожалуйста, – по-детски тянул Антон жалобным голосом. – Я не хочу три!

– Антон, как будто у тебя это единственная тройка в зачетке!

– Так, несите сюда зачетку!

– Четверка?

– Нет, тройка!

– Не понесу!

– Какая четверка, Антон! Ну, о чем ты? – Глеб забирал зачетку, а Антон ее не отдавал. Они тянули друг у друга зачетку, как будто перетягивали канат.

Глядя на Антона и Глеба, Ольга Евгеньевна невольно рассмеялась:

– Вот два клоуна...

Антону с Глебом только это и было нужно – рассмешить Лукшову. Они

были рады стараться, «перетягивали» зачетку, параллельно переключаясь: — Давай сюда зачетку! — Не понесу!..

Вдруг Антон выхватил у Глеба зачетку и сделал шаг к двери.

— Ктавиди, давайте зачетку, а то я сейчас передумаю... — на этот раз голос Лукшовой звучал строго, ей надоело смотреть на их ребячество... — И поставлю вам неуд.

Лукшова назвала Антона по фамилии, первый признак, что она выходит из терпения, надо соглашаться на все и уходить. Антон быстро сориентировался и положил зачетку на стол.

— Вот если бы вы учились на младших курсах, я бы вам экзамен просто так не поставила, но четвертый курс... — она протянула зачетку с оценкой.

— Большое спасибо, Ольга Евгеньевна! — Антон трогательно прижал зачетку к груди. Выходя из аудитории, он посмотрел оценку и недовольно протянул:

— А я думал «четыре»...

— Идите!

— Да пошли уже, — Глеб выпихнул Антона из аудитории...

— Вот вы исполняете, — сказала Олеся Глебу и Антону, когда они вышли и рассказали одногруппникам, как Антон сдавал экзамен.

И Антон, прося четверку и ничего не зная, получил три...

У остальных Лукшова, как от нее и ожидали, строго и справедливо принимала экзамен по сетевым технологиям, закрывая глаза на шпаргалки. И все сдали. Ушанков тоже был лоялен. На экзамене по матмоделям Урвицин не валил, дал списать со шпаргалок, дополнительные вопросы не задавал. И всем понравился.

В седьмом семестре Ира впервые отлично закрыла зимнюю сессию. И попала на конкурс молодых управленцев. Но провалилась в первом же туре.

Восьмой семестр

В восьмом семестре новым предметом у экономспециальностей был многомерный статистический анализ, который вел Ханзадян Аветис Гургенович, профессор кафедры прикладной математики, доцент, доктор технических наук. Это был невысокий, худой армянин, немного сгорбленный, в узких очках и с темными кругами под глазами. Он говорил тихо и казался добрым. Ханзадян обычно ходил в синем свитере, одетом на белую рубашку, и джинсах, редко — в костюме. Сорок шестая сдавала Ханзадян зачет и писала курсовую.

Полозин вел интеллектуальные информационные системы, программирование на одном из самых старых языков, давно не используемом — его предмет тоже был нужен для развития мышления.

Доровская преподавала методы социально-экономического прогнозирования, тот же регрессионный анализ, только по-другому названный. И тоже, как Ушанков, уже пускала опоздавших.

С каждым курсом преподы становились все добрее, и учиться становилось все легче. Как и в прошлом семестре добрый Ушанков читал лекции по макроэкономике.

Побывав у Таи дома, Ира тоже начала думать, что Тая поступила в университет как малоимущая, несмотря на отца, преподавателя математики в техническом университете.

После зимних каникул сорок шестая и седьмая впервые собрались в факультетском кафе и обсуждали новости. Женя со Степаном и его родителями после сессии ездили в горы кататься на лыжах и рассказывали однокурсникам впечатления. Перед встречей Женя очень переживала, как признается однокурсникам, что не умеет кататься на лыжах. — Так и скажи, что не умеешь, — Степан злился на нее и терял терпение. Но в кафе Женя осмелела и, подбадриваемая Степаном, показывала фотографии с лыжного курорта.

— Ну, Женя уже начала учиться кататься, — сказал Слава.

— Если честно, то чувствовала себя, как корова на льду, — призналась Женя. — Каталась только на трассах для новичков.

— Для первого раза нормально, — подбадривал Слава, а Степан одобрительно обнял Женю за плечи. Тая со Славой сидели, взявшись за руки, а Ника удобно устроилась, облокотившись на Егора.

Женя Резцова всегда много ела и хвасталась, что не поправляется. Она обычно заказывала несколько блюд. В этот раз она заказала картошку с мясом, икру из баклажанов, сочник, слойку и чай.

— Хватит так много есть! — сказал Степан, видя Женин заказ. И уже теряя терпение, когда Женя собралась за добавкой картошки: — Хватит жрать, в конце концов! — Женя как всегда не послушалась Степана, а со свойственной ей кокетливой уверенной улыбкой поступила по-своему — пошла за добавкой.

Это была их «фишка»: Степан настойчиво уговарива Женю не поступать определенным образом, а она, несмотря на все его попытки, отказывалась. Степан обычно со счастливым и заговорческим видом прилагал все усилия, чтобы Женю «уломать», а она с таким же заговорщическим игривым видом не соглашалась и, как бы он ее не уговаривал, все равно твердо делала, что собиралась...

Но в этот раз это была не любовная игра. Степан озабоченно и недовольно посмотрел ей вслед... Потом им предстоял серьезный разговор...

— У Доровской сегодня был немного усталый и замученный вид, — сказала Тая.

— Она устроилась на вторую работу в частный вуз, — рассказывала Вероника, — и купила трехкомнатную квартиру в ипотеку. У ее сына теперь своя комната появилась. Говорят, такой счастливый ходит.

— Антон скоро на учебу выйдет? — спросил Захаров Дима у Глеба.

— Он только недавно сессию в Горячем ключе закрыл, недельку отдохнет и придет... — ответил Глеб. — Антон в одном вузе рассказывает, что на двух высших учится, его все жалеют и ставят зачеты и самоэкзамены. А потом во второй вуз едет и там рассказывает, как ему сложно, и там его все жалеют и халявные оценки ставят. Так сессии и сдает! Антон даже учиться лучше стал. Практически хорошист!

Все рассмеялись.

Чтобы получить легкие оценки, студенты прибегали к разным хитростям, в основном, давили на жалость. Антон Ктавиди рассказывал преподавателям про второе высшее. Работающие студенты — о том, как сложно совмещать учебу и работу и как им нужны деньги. Замужние, семейные и с детьми — как сложно совмещать работу и дом — несколько девчонок из сорок восьмой на третьем курсе вышли замуж и воспитывали маленьких детей, пропуская пары. Студенты «заливали» преподавателям, что учиться они очень хотят, но у них никак не получается, ну просто никак — то работа отвлекает, то семья... И делали все, чтобы добиться лояльности преподавателей и получить оценку повыше.

Знания давно перестали быть самоцелью. Теперь нужно было любыми способами сдать экзамены и зачеты: заплатить, списать со шпаргалок, выклянчить, договориться, использовать таких, как Катя Сидорова — переспать с преподавателем. Закрывать сессию любой ценой...

— Тайка, нам одна птичка на хвосте принесла, что вы со Славой на пятом курсе пожениться собираетесь?

— Интересно, эту птичку случайно не Ника зовут? — спросила Тая, недовольно глядя на Веронику.

— Я никому ничего не говорила! — отпиралась Ника, наигранно улыбаясь и выставив вперед ладони.

— Ну, мы планируем... — ответил Слава за Таю и обнял ее.

— Ну и правильно! Сколько вы уже встречаетесь? С первого курса! Хоть на свадьбе погуляем!

— Мне кажется, вы уже женаты, — сказала Ира. — Я даже не представляю Таю без Славы, а Славу без Таи.

— Я тоже!.. А когда вы в ЗАГС? — спросила Олеся, глядя на Степана и Женю. Вопрос был актуален, Женя тоже повернула голову и внимательно посмотрела на Степана, как будто ответ полностью зависел от него.

— Не знаю, — замялся Степан.

— А вы? — не отступала Олеся, обращаясь к Егору и Нике.

— Когда мальчики захотят, — ответила Ника, в недоумении покачав головой.

– Хватит уже их пытаться... А как вам тактика Бабосова? – спросил Слава, чтобы переменить тему разговора.

– Как обычно! Ничему не учит, ничего не объясняет, ничего не требует!..

В восьмом семестре введение в программирование и администрирование преподавал Бабосов Владимир Михайлович. Как и на третьем курсе, он также бессмысленно улыбался, смеялся невпопад, мычал на парах, ничего не объяснял, говорил читать справку и тем, кто ходил, обещал поставить халявные самозачеты и самоэкзамены...

На одной из пар в середине семестра, когда Бабосов в начале пары как всегда сказал читать справку, а сам собирался уходить на кафедру, Глеб Бухаров спросил у него:

– Владимир Михайлович, почему вы так делаете? Ничему нас не учите? – Глеб не в первый раз вступал в конфронтацию с преподавателем.

– Если я буду всех учить, мне ведь самому работы не останется... – сказал Бабосов, как обычно смеясь. – Если все будут разбираться, представляете, что тогда будет!..

– А что будет?

– Глеб, если хотите – учите! Книжки читайте! Я вам не мешаю...

– Но и не помогаете...

– Ну почему... У вас есть вопросы по теме, которую мы проходим? Спрашивайте, задавайте вопросы, будем вместе разбирать, что непонятно...

– Вот например... – и Глеб прочитал первое попавшееся, что нашел в справке... Бабосову пришлось остаться в 111 и вместе со студентами разбирать справку и даже что-то объяснять.

В конце семестра, когда Бабосов диктовал оценки по самоэкзаменам, конфликт Глеба и преподавателя возобновился.

– Владимир Михайлович, а если я хочу экзамен сдавать?! – спросил Глеб.

– Бухаров, вы хотите сдавать экзамен? – Бабосов от души рассмеялся. – Вы, наверное, шутите!

– Да, хочу! – с вызовом сказал Глеб.

– Ну сдавайте! Кто вам мешает? Вот вам вопросы, учите, приходите в свое время! – Бабосов протянул белый листочек формата «а-четыре» с напечатанным недлинным списком вопросов. Глеб взял листик и начал смотреть вопросы.

– Но ведь вы на лекциях не рассказывали ответов на эти вопросы?

– Читайте справку, там есть вся информация. Я вам порекомендую пару пособий, возьмете в библиотеке... Кто-нибудь, кроме Бухарова, не согласен с самоэкзаменом? – спросил Бабосов у аудитории.

Вся сорок шестая дружно молчала: «Все согласны... Да!» Остальные студенты обрадовались легкому экзамену, рассчитывали на незаслуженные оценки и ничего не имели против тактики Бабосова. Ира с Олесей

и Верой как обычно после пар пили чай в лаборантской 111 и обсуждали конфликт Глеба и Бабосова.

– Вот у нас в вузе классно! Преподаватели не хотят преподавать, студенты – не хотят учить. Так и живем!

– Думаете, Глеб пойдет экзамен Бабосову сдавать? – в голосе Веры появилась небольшая хрипота, так она хотела казаться старше. Ей больше не нравился имидж маленькой девочки.

– Пойдет, почему нет? Глеб, по сути, прав, преподы никого нормально учить не хотят, конкуренции бояться...

– Я программистом работать не буду, мне просто одним экзаменом меньше учить. Глеб будет работать программистом, пусть он и учит.

– А если бы ты собиралась работать программистом, хотела бы, чтобы Бабосов так преподавал?

– Как говорил мой репетитор по математике: «В вузе вас должны научиться учиться. Где найти нужную информацию, а дальше вы учитесь сами».

– Зачем тогда нужно высшее образование? Для корочки?

– Чтобы научить учиться... Как говорила Доровская: «Формируют правильное мышление»...

– Да, тут мышление сформируют...

– Я не знаю, какие мне книжки читать, чтобы чему-то научиться...

– Читай все подряд...

– Осталось только время найти... Столько сил тратится, чтобы в этот вуз поступить, чтобы пройти по баллам на бюджет. Такой конкурс большой, особенно на информатику. Нужно столько дополнительно, столько репетиторам платить. А договор вообще столько денег стоит... А отсюда выйдешь, и ничего знать не будешь... Как пять лет и не учился!

– Учись, кто тебе не дает! Бери вопросы у Бабосова и сдавай с Глебом!

– Если бы Бабосов лекции нормально читал...

– Открывай справку... Ира, ты только отмазываешься! Плохому танцюру, как говорится... Ты серьезно собираешься сдавать?

– Я не думаю...

– Вот видишь...

Ира замолчала.

– Серебристой Бабосов самоэкзаменом тройку ставит, она ни на одной паре за семестр не была. У нее вообще сессия летит коту под хвост. Диана опять загуляла с Бнидертом. Я говорю ей: «Оставь его. Что ты делаешь? Он с другой встречается, жениться уже собрался! Сколько можно? Хватит мучить друг друга!»

– Она тройку самоэкзаменом не хочет?..

Вдруг в лаборантскую 111 вошла Даша Владимирова, довольная как слон, оборвав разговор подружек на полуслове... Даша только что обменялась любезностями с ГП.

– Привет, девчонки, – сказала Даша.

– Привет...

Даша осталась в лаборантской, поэтому дальше говорили осторожные общие фразы об учебе.

Даша Владимировна дорабатывала лаборантом последние дни. Она уже заканчивала универ с красным дипломом и подумывала остаться преподавать. Чтобы определиться, она решила проконсультироваться с теми, кому доверяла. Она простодушно спросила у Горового, стоит ли ей оставаться в аспирантуру и потом работать преподавателем. Будучи его любовницей, она надеялась на откровенность. Горовой чистосердечно отговорил ее: — Да, зарплаты маленькие. Что тут делать? — И Даша решила пойти работать в крупную фирму, где зарплаты большие. — А что еще делать преподавателям? — объяснял потом Ире Дима Шеламов. — Вон студентов сколько, по сто человек набор каждый год. И многие хотят остаться преподавать при вузе. А мест преподавателей немного, если каждый, кто хочет, будет оставаться, работы на всех не хватит. Вот преподады и отговаривают наивных студентов...

Через десять лет Даша Владимировна будет работать в крупной торговой кампании начальником отдела программирования. Ее связь с Нагорбским универом не закончится... Он женится, в браке заведет детей, но Даша будет его эпизодической любовницей и родит от него девочку, крупную, похожую на Дашу. С женой он не разведется, но Дашу с ребенком будет поддерживать. Даша через брачное агентство познакомится с немцем, низеньким, щуплым очкариком, выйдет за него замуж и уедет с дочерью в Германию. В браке родит вторую девочку, тоже похожую на нее — Даша будет улучшать внешний вид немок. Больше Ира о ней не услышит...

Не считая Дианы Усановой, сессия сорок шестой прошла без сюрпризов. Экзамен Бабосова не стал исключением. Глеб все-таки пошел сдавать программирование и администрирование и потянул за собой Васю Нечаева. Они вместе, единственные из сорок шестой, сдавали экзамен Бабосову, остальные решили не напрягаться. Глеб получил четыре, Вася — три. Самокатом у них были бы четверки. Дима Захаров сначала тоже собирался с Глебом сдавать Бабосова, но потом передумал, сказал, что и так знает ответы на все вопросы. Самоэкзаменом у него была пятерка. Остальным Бабосов поставил самокаты за посещение. Ханзадяну многомерный статистический анализ сдавали легко, у большинства по итогам работы были самокаты.

На четвертом курсе жизнь экономспециальностей шла по накатанной. Ира была по уши в личной жизни.

Образовался еще один любовный треугольник, Бнидерт завел новую девушку, с которой у него было все серьезно, но не упускал случая позаигрывать с Усановой Дианой и возобновить старые связи. И каждый раз Диана, подгоняемая Настей, бежала к нему в объятия. И каждый раз Бнидерт бросал Диану и возвращался к своей девушке, которой опять был не прочь изменить с Дианой.

Тая со Славой готовились к свадьбе.

Не отличавшийся верностью Егор «поддерживал компанию», встречаясь с Вероникой.

Степан стал для обеих своих девушек идеальным мужчиной и внушал каждой из них, что она для него единственная, а с другой — несерьезно и скоро закончится. Девушки ненавидели друг друга и ни в чем не обвиняли Степана, «прощали его, что он такой».

Олеся полностью посвящала себя неразделенной любви: пока другие сходились, расходились, меняли молодых людей, заканчивали один роман и начинали другой, Олеся оставалась верна БС, другими словами — одинока.

Вера регулярно ездила на море.

Потрясения младших курсов были позади. Впереди были потрясения пятого курса.

Пятый курс

Девятый семестр

Пятый курс как обычно начался с новостей. В первый день учебного года на однокурсников обрушилась страшное известие – умер Бокари из пятидесят восьмой. О его смерти много говорили на факультете.

– Как это произошло? – спрашивали одногруппники у Дианы Пожаровой, стоя у расписания.

– Он летом внезапно заболел. Рак печени четвертой степени. Ничего не успели сделать. Буквально за пару месяцев сгорел. В середине июня он узнал, а в августе похоронили. Прах отравили родителям на родину.

– Вот ужас какой, – вздохнула Вера.

– Бокари был в семье старшим сыном... У него еще несколько младших братьев и сестер.

– Бедные родители! – добавила Олеся.

– Бокари заболел летом. Если бы в течение учебного года Кругов бы спас. Он бы что-то сделал, он бы нашел средства, – Егор верил в справедливость своего декана.

Вспомнили Бокари, еще несколько месяцев назад такого живого и здорового. Вспомнили, как вместе сдавали летнюю сессию на четвертом курсе и молча пошли на пару.

После занятий Олеся собиралась в 111.

– Пошла я горбатиться на университет за копейки...

– Бокари умер, а ты все шутишь...

– А что мне еще делать? Я все, конечно, понимаю, но он мне близким другом не был... Просто знакомый из параллели. Однокурсник. Я ему искренне сочувствую... И если я сейчас отпрошусь с работы и пойду домой весь вечер рыдать, Бокари это никак не вернет. А мне работать надо...

Жизнь продолжалась, и уже через полчала в 111 Олеся искренне смеялась рассказанному Геней анекдоту. Ира после пар поехала на работу и весь оставшийся день улыбалась, предлагая подарки за покупку сигарет...

Амака после окончания учебы останется в Краснодаре, она также будет работать фотомodelью в элитном рекламном агентстве, а потом, как и хотела, попадет в гарем к местному олигарху. Бузиба получит диплом и вернется на родину.

В последнем семестре многие на пары ходили нечасто. Некоторые показывались раз в две недели, узнавали, какие новости, и опять пропа-

дали. Но Резцова, Обликова и Тюканова посещали все пары без исключения.

Бисарян рассказывала программирование на одном из современных языков по бумажке, как теоретический предмет, без каких-либо задач или примеров.

Доровская преподавала регрессионный анализ, решала сложные задачи, и многие считали ее предмет одним из самых сложных на курсе.

Никитов читал лекции по известной бухгалтерской программе.

Александр Владимирович Бесчанов на последнем курсе вел у всех экономических специальностей системы управления базами данных. Бесчанов, доцент, кандидат технических наук, работал на кафедре математического моделирования факультета, где завкафедрой был ректор. Под шестьдесят, седой, с большими залысинами, он обычно ходил в строгих темных костюмах и иногда свитерах с высоким горлом.

Бесчанов всегда улыбался и никогда не размыкал челюстей. Он говорил, не разъединяя челюстей, и растягивал рот в зубастой улыбке. Он читал лекции в 141, несменяемой лекционной экономспециальностей. На парах Бесчанов говорил что-то невнятное и абстрактное, и создавалось впечатление, что он сам не понимает свой предмет и, рассказывая о системе управления базами данных, не понимает, о чем говорит.

Старшая дочь Бесчанова уехала учиться в Америку, а младшая удивленно ходила по факультету или целыми днями сидела в 111 с Борисом Станиславовичем, и Олеся уже ревновала БС к ней.

Практики по управлению базами данных вел Бабосов. Они с Бесчановым работали в паре.

Предмет, который преподавал Клудинский Александр Константинович, назывался как специальность пятьдесят шестой – математическое моделирование. Профессор, доктор физико-математических наук, заведующий кафедры матметодов экономического факультета, Клудинский был высокий, с красным лицом, усами и небольшой бородкой. Он был коротко подстрижен, только сзади пучок длинных волос закрывал широкую шею. Он всегда ходил в строгих деловых костюмах с рубашками или водолазками.

Пары матмоделирования проходили за компьютерами в 111. На парах Клудинский что-то долго и непонятно объяснял, показывал свои программы, которые магическим образом что-то высчитывали и строили разноцветные вращающиеся графики. Именно на парах Клудинского Ира не понимала ничего, абсолютно ничего. Предмет казался невероятно сложным, и чем больше Ира стремилась его понять, тем меньше понимала. Она чувствовала, что чем ближе был зачет, тем сложнее предмет и тем меньше шансов его сдать.

– Я не сдам Клудинского. Это вообще нереально выучить. Это просто нереально! – Ира билась в истерике. – Я ничего не понимаю! Ничего! Огромные файлы с какими-то цифрами, что с ними делать? Как это все работает? Я вообще не понимаю! Я не сдам... Я точно не сдам... Это выучить нереально...

– Вот Клудинский умный... – отвечала Олеся, не обращая внимания на Ирину истерику. – И программирует, и в экономике разбирается. – Ве-ра кивала головой и округляла глаза, мол: «Точно, какой Клудинский умный!»..

На одну из пар пришел менеджер по персоналу крупной торговой фирмы, рассказал о своей компании и предложил всем выпускникам факультета информатики работу. Из пятидесяти шестой его предложение никого не заинтересовало.

Никита Матродский опять собирал комиссию пересдать методы социально-экономического прогнозирования, он уже использовал две свои пересдачи Доровской. И Никита так и не сдал ей курсовую третьего курса по эконометрике.

Диане в деканат взяли помощницу – Диана через год заканчивала, чтобы новенькая успела втянуться и за год разобралась с делами. Диана надеялась остаться при универе, но никто ее не обнадеживал и ничего не обещал.

Летом Ира отправилась по студенческой рабочей программе в Америку на четыре месяца. Она работала официанткой в небольшой забегаловке, а по утрам – горничной в отеле.

Осенью Ира с Алексеем ездили с его работой на выходных за город отдыхать и смотреть живописное ущелье. На обратном пути их автобус перевернулся. Многие пострадали, Ира сильно ушиблась и несколько дней ходила в корсете, фиксирующем шею.

В середине семестра выбирали научных руководителей дипломных проектов. Диана принесла образцы заявлений и сказала, что лучше определиться сразу и не затягивать, потому что каждый преподаватель может взять максимум три или четыре дипломника. Сама Диана собиралась писать диплом у Кругова.

У Олеси, как говорится, «было все схвачено». Все сложные экзамены она проставляла через Галину Павловну на тройки, диплом писала «у своих» в 216, собиралась пойти к Саше Нинельскому. Вероника сразу записалась к Ханзадян.

Ира решала, к кому идти писать диплом. Сидацкая ей отказала, сказав, что у нее уже три дипломника и больше она брать не будет.

Ира подумывала подойти к Доровской и написать диплом по регрессионному анализу. Но случайно увидела в коридоре Наташу, бывшую девушку Бориса Станиславовича, которая поступила в аспирантуру на кафедру информационных технологий. Наташа начала убежденно рассказывать Ире, как классно писать диплом у Полозина. Как она легко написала ему программу и защитила диплом. Какой он классный преподаватель. Наташа сияла счастьем, убеждала, что «Полозин лучший», и сверкала лучезарной улыбкой. Более эффективную рекламу сложно было придумать. И Ира решила писать диплом у Полозина.

Не долго думая, она пошла на кафедру информационных технологий, где в этот момент находился Полозин: – Дмитрий Викторович, можно

у вас диплом писать? — Полозин равнодушно посмотрел на Иру и одобрительно кивнул: «Хочешь — пиши, мне все равно с кем возиться». Он сразу подобрал тему: «Автоматизация договоров малого предприятия» и оставил номер телефона: — Звони после зимней сессии. Приходи сразу с работками.

Договорившись с Полозиным и написав заявление в деканате, Ира решила пойти к Олеся в 216.

Когда Олеся узнала, где Ира будет писать диплом, она только pokrutila пальцем у виска:

— Ты совсем дура что ли? Ты куда идешь писать диплом? Ты что делаешь? Ты же вообще программирование не любишь!

Но Ира уже написала заявление в деканате.

— Ну как знаешь. Ты б еще у Горового диплом писала, — Олеся была откровенна.

В лаборантской 216 кроме Олеси находились Ваня Казимиров, ГП и Гена. Хотя Ваня и закончил вуз, он все еще работал лаборантом у ГП и жил в общежитии, пока не заметили и не выгнали, «ну хоть не бомж». Когда Олеся только начинала работать в 216, Галина Павловна не разрешала никому, кроме сотрудников, ознакомленных с техникой безопасности, сидеть в лаборантской. Гена за этим строго следил. На третьем и четвертом курсах, когда не было Галины Павловны, Гена обычно делал покровительственный жест рукой, мол: «Ладно, сидите, ГП ничего не скажу». На пятом курсе сама ГП разрешала Олеся сидеть в лаборантской с подружками, даже не заикаясь о технике безопасности: «Пятый курс — им можно все!» Вера часто после пар сидела у Олеси. Она училась на тройки, не работала и от нечего делать «торчала» допоздна с Олесей в универе.

Ваня спросил у Иры:

— Думаешь, у тебя будет красный диплом?

— Думаю, нет. У меня тройка Горового и несколько четверок.

— Ну, ты хоть не трахалась с половиной факультета, как Владимирова.

Даша закончила, можно сказать!

Ира давно рассталась с мечтами о красном дипломе. Она была разочарована в высшем образовании. Ей уже было все равно, какой у нее будет диплом — синий, зеленый, красный, хоть фиолетовый. Она успокаивала себя тем, что не спала ни с кем ради оценок, ни перед кем не заискивала ради покровительства на сложных экзаменах, ради ее пятерок никто не звонил в деканат из администрации. Она просто сама училась. Ну и пусть диплом будет синий.

Дома Ира заявила, что красного диплома у нее не будет, эту новость мама и бабушка восприняли равнодушно: «Ну не будет и не будет»...

Неожиданно для Иры возобновился разговор, начатый на втором курсе после Ириной темы на форуме:

Помнишь, ты когда-то спрашивала, как поступают на факультет информатики? — сказала Гена.

Да, я помню... Ира замерла.

— Чтобы поступить на бюджет, нужно заплатить взятку в размере одного года обучения на договоре, — как бы ненароком сказал он. — Год обучения — семьдесят тысяч. Значит, декану семьдесят тысяч за экзамен. Так ваш Вася Нечаев на бюджет и поступил. А эти деньги Кругов или препода, через которых договариваются, делят и себе в карман кладут, — ГП и Гена занимались Ириным присвоением.

На пятом курсе оказалось, что только Женька, Настя и Ира поступили по общему конкурсу, как золотые медалистки. Остальные — по льготам, спортсмены, военные, малоимущие. Вера тоже перестала стесняться и рассказывать всем, что поступила в вуз, как золотая медалистка с одним профильным экзаменом, а, наконец, призналась, что поступала по льготам для детей военнослужащих.

Вася поступил на бюджет через взятку Кругову.

— Взятка — стоимость одного года договора... Нехило... Хорошо живут.

— А ты думала. Так у нас и дебилы и поступают.

— На договор еще ладно, но бюджет...

— А вузам просто невыгодно умных набирать. Представляешь, что будет, если все умные поступать будут? И экзамены будут сами сдавать? И взятки не будут давать? И курсовые и дипломы будут сами писать? Сколько денег препода потеряют! Вот поэтому и зачисляют непонятно кого — дополнительные заработки себе гарантируют!

Ира, несильно удивившись, на некоторое время замолчала, а потом сказала:

— Препода сами осознают, что непонятно кого набирают, — она посмотрела на ГП, которая все время молчала, якобы занимаясь своими делами.

— Конечно, понимают. Еще бы они не понимали! — продолжал Гена. — Вот они ходят и говорят: «Плохо, что у нас дебилы поступают! Плохо!», а что им еще говорить? «Хорошо, что у нас дебилы поступают! Хорошо!? Теперь заработаем? На следующие пять лет зарплатой обеспечены?» Как это будет со стороны выглядеть? Поэтому они и говорят, что плохо. Что им еще говорить?.. Ты только представь: Кругов на собрании факультета поздравлял бы преподавателей: — Молодцы, что набрали идиотов! Молодцы! Заработки на следующие пять лет гарантированы!

— Мда, такое представить сложно...

— Кстати, как тебе Клудинский?

— Умный, а предмет сложный...

— Да... Клудинский ... — Гена на мгновение замолчал, а потом продолжал. — Он сначала себе кандидатскую и докторскую написал, а потом жене. Его жена кандидатскую уже защитила. Теперь он ей докторскую пишет... Она у него на кафедре работает, точнее, числится, а не работает.

— А так можно?

– Нет, а кто проверяет? Сотрудники кафедры молчат. У Кругова жена тоже на кафедре информационных технологий числится. Он тоже ее уже доцентом сделал. Такой подарок судьбы. Она ни дня в универе не отработала. А уже доцент. Сейчас назначили проверку университету и обнаружили. Кругову назначили полтора года поселений. И выплатить два миллиона. Теперь всю ее зарплату за десятилетия возвращать придется. Он уже миллион выплатил, еще миллион остался.

– Обворовывают государство...

– Бедное государство! – саркастически сказал Гена.

Олеся и Ваня молчали, они работали в универе и не понаслышке знали о несправедливостях университетской жизни.

– А где поселения? В Сибири? – спросила Ира, вспомнив ссылку декабристов.

Гена ничего не ответил, только задумчиво посмотрел на Иру и подавил смех...

– Вот так они на бюджетных местах злоупотребляют служебным положением, – вставила свое слово ГП. – Сплошное беззаконие! Творят, что хотят. Непуганые. Прилипли к кормушке, и управы на них нет, безнаказанность, длящаяся десятилетиями. И это наш цвет науки!

Работники университета, видя произвол влиятельных сотрудников, судачили украдкой, шушукались, но открыто с заявлениями никто не выступал...

... – А что с Круговым? С поселениями? – спросила Ира у Гены через пару недель, опять зайдя к Олеся в 216.

– Да скандал замяли... Он как-то договорился...

– Понятно.

Болезнь

На пятом курсе Слава Якушенко стал хуже видеть, появились головные боли. Он надел очки и начал проходить обследования. У него обнаружили злокачественную опухоль головного мозга в запущенной стадии.

Слава перестал посещать пары. Он и до болезни нечасто ходил в универ, сейчас перестал ходить вообще. Собирался взять академ, но передумал, решил, что на последнем курсе проще с горем пополам доучиться.

Сдав необходимые анализы, Слава лег на операцию в дорогую клинику, где был самый лучший уход, его мама взяла отпуск за свой счет и старалась не отходить от сына.

В один из первых дней в больнице Тая собиралась навестить его... Плохие анализы, пугающий диагноз – все произошло слишком быстро.

Только две недели назад Слава получил результаты анализов, а сейчас уже лежал в больнице и готовился к скорой операции...

Тая появилась в дверях его одиночной палаты, принесла апельсины:

– Привет, ну как ты? – она чмокнула его по привычке в носик.

– Нормально, как видишь, – сказал Слава как можно веселее и спокойнее.

– Я тут принесла кое-что, смотри... – она протянула пакет с апельсинами. И безжизненно опустилась на стул около его кровати.

– Как там дела в универе? – стараясь казаться беззаботным, спросил он. – Что нового?

– Все так же... Все спрашивают о тебе. Передают приветы... Егор договаривается со всеми преподами. Объясняет ситуацию. Помогает тебе, как может. Сказал, чтобы ты не переживал. Он проставит самокатом все, что получится... сдашь экзамены, когда сможешь... На парах пока ничего нового, я тут принесла тетрадки, чтобы ты посмотрел, если хочешь... Конспекты по Никитову и Бесчанову, – Тая порылась в сумке и достала несколько тетрадок.

– Я потом посмотрю... – Слава мельком взглянул на тетрадки и усмехнувшись махнул рукой. – Лучше иди сюда. Как ты держишься? – Слава потянул Тая к себе и обнял... – Ты сильно не переживай, хорошо?

Тая пересела к Славе на кровать, закрыла лицо ладонями и разрыдалась.

– Перестань... Ну не надо, – тут же начал ее успокаивать Слава.

– Я должна тебе кое-что сказать... – всхлипывала Тая.

– Хорошо, говори.

Она молчала, вытирала слезы и только отводила глаза.

– Ну говори же.

– Я хотела кое-что сказать... Понимаешь... – Тая замолчала на полуслове и сильнее заплакала...

Ради Таи он решил держаться, как только мог.

– Ну, не переживай ты так. Все будет хорошо! – картавил Слава, стараясь подбодрить ее, и широко вымученно улыбался. Он погладил Тая по голове, пытаясь скрыть свое беспокойство. – Операцию будет делать заведующий отделением, мама договорилась. Скорее всего, понадобятся курсы химиотерапии, возможно еще облучения, решат уже после операции, когда придут результаты биопсии. Врач сказал, что химиотерапию нужно будет начать как можно раньше. Все будет хорошо... – Он хотел успокоить Тая и старался уверить, в чем сам не был уверен. – Ты, главное, не переживай. Все наладится! Вот увидишь! – Он старался приободрить ее, и получалось, что не Тая успокаивала и приободряла его, а наоборот он ее.

Слава думал, что Тая растеряна перед операцией, очень беспокоится за него, боится, что операция пройдет неудачно, и хотел, чтобы она меньше переживала.

Тая продолжала плакать, вытирая слезы рукой и размазывая их по щекам:

— В общем... Слава, я не смогу! — Тая опять закрыла глаза ладонями. — Я не смогу, — все повторяла она. — Не смогу. Просто не выдержу всего этого!

— Ну что ты... Перестань, — Слава обнял ее. — Не плачь, все образуется...

Но Тая только разрыдалась еще больше и уже не вытирала льющиеся из глаз слезы.

— Я не смогу, не смогу, не смогу... понимаешь?

— Я все понимаю, все будет хорошо, я понимаю... не надо так... Не расстраивайся. Не плачь, пожалуйста, — старался успокоить Таю Слава. Она, всхлипывая и задыхаясь от слез, повторяла:

— Я не смогу этого вынести. Смотреть, как ты умираешь... Я не смогу... — она продолжала горько плакать навзрыд, уткнувшись в его грудь, и не могла остановиться.

— Все образуется, — повторял он, глядя ее по голове. — Все будет хорошо, ну перестань плакать. Не надо, не плачь... Мы еще в следующем году свадьбу сыграем, как и планировали. Вот увидишь! Только не плачь. Пожалуйста. Ты уже выбрала, в каком магазине платье купишь? Вот операцию сделаем и сразу свадьбу сыграем! Не переживай, все образуется... Я вон какой крепкий! Не переживай ты так! Все будет хорошо. Врач говорит, что сделает все возможное и невозможное...

— Я не могу... Просто не могу... — Тая продолжала плакать. Она вытерла опухшие от слез щеки, растерла слезы по лицу и, чуть заметно выдохнув, сказала: — Я не могу остаться с тобой... Я не выдержу смотреть, как ты умираешь...

Слава сначала не совсем понял, что она имеет в виду. Он удивленно посмотрел на нее, как будто увидел в первый раз.

Только сейчас он начал понимать, куда она клонит...

— Я не могу. Я просто не могу... — все повторяла Тая.

На секунду Слава как будто отпрянул от нее и замолчал, внимательно глядя на Таю. Он молчал недолго — буквально несколько секунд — обдумывая, что сказать. Она так же взахлеб плакала рядом с ним. Потом Слава опять прижал Таю к себе и продолжал:

— Я понимаю... — он также гладил ее по голове и приговаривал. — Я понимаю... я все понимаю... Конечно, ты не должна связывать себя с умирающим, со мной...

— Ты меня понимаешь? Слава Богу! — Тая выдохнула с облегчением, как будто у нее упал камень с сердца, и, моля и всхлипывая, сказала:

— Отпусти меня! Я не смогу! Я не выдержу всего этого! Отпусти меня, пожалуйста!

Она сидела у его кровати, продолжала плакать и что-то говорить. Он уже понял, что...

- Я не выдержу наблюдать, как ты умираешь, видеть твою смерть...
- Я все понимаю, конечно... Я отпускаю тебя...

Тая заливалась слезами. Она сползла с его кровати на пол, положила голову ему на колени, как на плаху, а потом уткнулась ему в ноги. Когда она говорила, она поднимала красное от слез лицо к нему и, постоянно всхлипывая, доверчиво спрашивала:

— И тебе не нужна моя жертва? Мое самопожертвование и самоотречение?

Он гладил ее по волосам и повторял за ней:

— Мне не нужна твоя жертва...

Тая заплакала еще громче.

— Я отпускаю тебя и желаю тебе счастья! — с улыбкой сказал Слава.

— Правда? — тихо спросила Тая, неуверенно глядя исподлобья.

— Конечно, я все понимаю... я отпускаю тебя, ты достойно лучшего...

Зачем тебе связывать свою жизнь со смертельно больным? Умирающим? Ты еще будешь счастлива... У тебя все впереди... Зачем тебе я?

Тая сидела, уткнувшись ему в ноги.

— Ты еще будешь счастлива не с таким, как я. Ты достойна лучшего. Я все понимаю...

— Я так рада, что ты понимаешь...

— Я все понимаю...

Они оба плакали у его кровати, Тая на коленях у ног Славы, он, склонившись над ней. Слава так проникся ситуацией и расчувствовался, что на глазах у него тоже появились слезы. Они заблестели маленькими капельками и сбежали струйками по щекам.

Он поднял ее голову, посмотрел в ее лицо, красное, опухшее, залитое слезами, и открытый рот. Тая сидела на коленях, доверчиво и беззащитно глядя на него. Слава опустил на пол рядом с Таяй, взял ее руки в свои и повторял:

— Я все понимаю...

— Ты отпускаешь меня и не сердиться?

— Не переживай, я все понимаю... Отпускаю тебя и не сержусь...

— Ты так любишь меня, что отпускаешь? Ты так желаешь мне счастья и хочешь, чтобы я была счастливой? Ты настолько сильно любишь меня? — Тая рыдала навзрыд.

— Да, я так сильно люблю тебя, что отпускаю и желаю счастья...

— Ты такой замечательный... — Тая зарыдала еще громче.

Теперь они оба стояли у его кровати на коленях и заливались слезами... Тая рыдала не переставая. Слава тоже плакал, и слезы потоками струились у него из глаз, они скатывались по его щекам, оставляя влажный след:

— Только бы ты была счастлива. Я так люблю тебя, что отпускаю... Я все понимаю...

— Ты... ты такой... такой... хороший... Я недостойна тебя!

— Я все понимаю...

Так они поплакали, и Тая ушла домой готовиться к парам, а Слава остался в больнице собираться с мыслями перед операцией, возможными последующими курсами химиотерапии и облучения. И надеяться, что он сможет все это пережить... Один... После четырех лет отношений он хотел сделать ее своей женой и матерью своих детей, а она его тут же бросила, узнав плохой диагноз.

Слава надеялся, когда узнал о болезни, что у него есть любимая, что она не бросит его, когда вся жизнь рушилась, и было неизвестно, что ждет его в будущем и будет ли у него это будущее. Любимая, которая поддержит его, поможет пройти через сложное лечение, победить болезнь... Разделит с ним все трудности... Оказалось, что любимой у него нет... И он остался один на один с опасной болезнью в жуткой больнице, наполненной историями мучительных смертей.

После операции его диагноз подтвердился — рак третьей степени. И на пятом курсе Слава, лысый, с головой в шрамах, ходил по коридорам факультета и смеялся, рассказывая, как Тая его бросила на смертном одре. И после он говорил о ней только смеясь. А что ему еще оставалось?.. Только смеяться...

— Она бросила меня, когда я заболел раком... — он показывал лысую в шрамах после операции голову. — Вот такая любовь...

А его одноклассники тихо и задумчиво говорили: — Мы мечтали погулять на их свадьбе, а Тая бросила Славу... — они качали головой и отрешенно смотрели в сторону...

Флешмоб

В середине девятого семестра на практику по регрессионному анализу в девять сорок Резцова Женя пришла с большим бумажным пакетом, в котором сверху лежало синее кружевное нижнее белье. Пару поставили на четвертом этаже нового корпуса. Женя была в синих прямых джинсах, светлой трикотажной кофте и приталенной кожаной куртке лилового цвета, она зашла в аудиторию и села рядом с Таей за первую парту среднего ряда. Кулек поставила на пол около стола. Кулек был битком набит, но белье лежало именно сверху и практически вываливалось из пакета.

— Ну как? Рассказывай! — с видом заговорщицы нетерпеливо спросила Тая.

— Давай потом, хорошо? После пары, — ответила Женя без тени смущения, своим равномерным обстоятельным тоном, только слегка улыбаясь. — Я немного опоздала, — как бы оправдывалась Женя. — Просто

у Степана ночевала... — объяснила она. Женя обронила эту фразу как будто случайно, мимоходом, но так, чтобы услышали все одноклассники.

Намек был понят однозначно. Жене не терпелось продемонстрировать группе изменение своего сексуального статуса. Ира с Олесей и Верой понимающе переглянулись.

По такому случаю Женя даже пропустила работу. Обычно Женя приезжала в банк к шести утра, а только потом ехала на пары.

В аудиторию вошла Доровская, и разговоры, не относящиеся к учебе, мгновенно прекратились.

После пары Тая с Женей уединились в дальнем углу обсуждать подробности первого соития Жени со Степаном. А одноклассники пошли поздравлять Степана с победой.

Степан краснел и бледнел, когда одноклассники и одноклассницы Жени многозначно смотрели на него, буквально показывали пальцем.

Неприступная крепость в лице Жени Резцовой, в конце концов, пала под натиском победителя. Упорная оборона завершилась капитуляцией. Крепость выдержала длительную осаду — борьба за ее овладение велась долгих четыре года, была взята штурмом, покорена и сдалась на милость победителя.

Ира, Олеся и Вера тоже не могли обойти такую волнительную, щекочущую нервы тему первой интимной близости Резцовой. Они шушукались втихомолку:

— Я не понимаю, Резцова ждет поздравлений с дебютом? — спросила Ира.

Олеся и Вера хмыкнули.

— Вот и Женька вступила в наши ряды! — воодушевленно сказала Олеся, как будто подняла бокал со спиртным напитком и произнесла тост.

Ира засмеялась.

— Что-то она припозднилась! Мда... Женька могла оставить кулек на квартире у Степана, а после пар забрать.

— Могла... Но не оставила... Видите, — Олеся подтянула поджатые губы, выставила сморщенный подбородок и кивнула, немного наклонив голову набок — получилась небольшая перевернутая улыбка.

— Долго она держалась. Она же хотела сохранить девственность до свадьбы...

— Хотела, но ей же Настя на пятки наступает, надо Степана чем-то удерживать. Решила сексом... Степан же с Настей параллельно общается. Женька начала половую жизнь со Степаном, чтобы он с Настей спать не начал. Степан бы не с одной начал сексом заниматься, так с другой. Женька первая сдалась. Настя с Женькой друг о друге знают. Видишь, какая у них конкуренция...

— Классная тема, начать половую жизнь, чтобы удержать парня...

Вера весь разговор молчала, только иногда качала головой или округляла глаза.

— Тебе не кажется, что ты перестала учиться? — спросила у Иры Олеся. — Ты так рьяно училась на первых курсах... А теперь вообще учебу забросила.

— Ну почему забросила. Я хожу практически на все пары, делаю все домашки. Просто еще работа и... Алексей... Ну ты понимаешь...

— Понимаю... Любовь и все дела, — сказала Олеся, немного закатив глаза.

— А как у вас с Алексеем? — полушептала с придыханием Вера, вставив свои пару слов и сделав восторженно-большие глаза.

— Все нормально, как раньше.

— Я так рада за вас! — Вера покачала головой...

Последние годы Вера ездила отдыхать в одну и ту же турбазу в Геленджик, и с разницей в год возобновляла старые отношения. После первого курса Вера случайно приехала на ту же базу, что и перед универом, и встретила свою «первую любовь», местного, который лишил ее девственности после школы, и их роман вспыхнул вновь. Местный был высокий, синеглазый блондин с накаченной загорелой фигурой. Весь год Вера жила воспоминаниями их встреч и жарких ночей. Через год она опять приехала в Геленджик, опять встретила его и снова поддалась страсти. Он сказал, что мог бы приезжать к ней в Краснодар и предложил переписываться. Но Вере было неудобно знакомить его с друзьями, в ее представлении он был просто деревенским парнем и не подходил такой городской девушке, как она. Он не соответствовал нарисованному ей образу «парня». Для Веры это был просто периодический курортный роман. Она отказалась. Через год она опять приехала в Геленджик и встретила другого местного, такого же высокого, симпатичного и накаченного, и закрутила с ним, а еще через год встретила их обоих — ее два бывших курортных возлюбленных оказались приятелями. Они оба ходили за ней по пятам, но Вера выбрала свою «первую любовь» и опять погрузилась в пучину страсти. Поехав в конце лета в другой курортный город, Вера попала под очарование взрослого одинокого мужчины, приехавшего издалека, и поддалась его обаянию и мужскому шарму. Очнулась Вера уже на пятом курсе с букетом венерических заболеваний — заразилась даже несмотря на презерватив... Еще полгода потом Вера лечила многочисленные венерические болезни в тайне от матери.

— Тайка бросила Славу, вот ужас! Я в шоке!

— Я тоже никак привыкнуть не могу, что Тая могла так поступить...

— Тая, конечно, удачный момент выбрала, чтобы бросить Славу, как раз перед операцией.

— А тут какой момент не выберешь, любой неудачный. До операции — неудачный, сразу после операции тоже не скажешь, а потом химия и облучение, тоже неудобно. Подходящего момента, чтобы сказать, что ты бросаешь умирающего, нет. Лучше сразу все отношения рвать. Так проще.

— А как Женька отнеслась к тому, что Тая бросила Славу перед операцией?

— Тайка говорит, как обычно с философской интонацией одобрения, что Женька поняла ее.

— Ясно...

После пары Антон Ктавиди посмотрел на Женю с сочувствием:

— Пропавшая женщина, секс без мужа... Отдалась неизвестно кому...

— Но почему же неизвестно кому? — возражали Вероника и Олеся. — Очень даже известно — Степану! Они уже четыре года встречаются!

— Все равно падшая женщина, — Антон только махнул рукой.

Антон всех девчонок группы считал шлюхами. Они ведь не сохранили девственность до свадьбы и вступили в половую жизнь со своими парнями. Антон собирался жениться только на адыгейке и обязательно девственнице, а если девушка начала половую жизнь до свадьбы, то она автоматически становилась легкодоступной. В женщине он ценил чистоту, что она сумела сохранить себя для единственного мужчины в жизни — своего мужа. В пятьдесят шестой уже все девушки, кроме Дианы Пожаровой и Насти Тюкановой, вступили в половые отношения, не выйдя замуж, и поэтому автоматически попали в разряд шлюх. — Просто разные культуры, — примирительно говорил Глеб.

Летом родители познакомили Антона с его будущей женой, красивой двенадцатилетней адыгейкой из соседней станицы, и после ее совершеннолетия собирались обсудить дату свадьбы...

В этот же день Степан обсудил Женю за пивом с Егором в кафешке напротив универа...

Через несколько дней Вера тоже пришла с черным нижним бельем, вываливающимся из кулька. — Женька хоть девственницей была, — хихикали на экономспециальностях. — А Вера что? С пятилетним опозданием белье принесла? У нас теперь все девушки белье таскать начнут? Завтра Обликова белье принесет? А послезавтра Молодицына? Резцова начала новый флешмоб? Остальные его подхватили?..

Резцова на самом деле задала новый модный тренд — принести нижнее белье на пары. Ее последователями стали Антоненко Олеся, Катя Сидорова, Вера Моканова, Ника Молодицына и еще несколько девчонок из пятьдесят восьмой. Все по очереди не сговариваясь приносили белье. Даже девственница Диана Пожарова принесла недавно купленное специально для «флешмоба» дорогое синее белье...

— Ну и как у них? — иногда спрашивали однокурсники про Женю и Степана, интересуясь подробностями чужой сексуальной жизни.

— Женька в детстве занималась художественной гимнастикой — Степану нравится.

— У Женьки большая грудь, четвертый размер, Степан в восторге!

А через пару месяцев:

— Резцова Степана уже заездила совсем. Он все время ходит, спать хо-

чет. Если так и дальше будет продолжаться, то даже не знаем, что с ним будет... Женьке надо уgomонить свой пыл!

Женя думала, что после их первой ночи любви Степан оценит ее жертву и расстанется с Настей, но не тут-то было. Из постели Резцовой Степан отправлялся опять к еще девственнице Насте, внушая теперь ей, что если она примет его условия, капитулирует и отдастся ему, он обязательно бросит Женю...

Любовные развязки

Вместе с окончанием учебы заканчивались некоторые многолетние романы и любовные привязанности. В середине последнего семестра Диана Пожарова и БС, которые со второго курса обжимались по коридорам, по необъясненным причинам расстались. Без взаимных обид или скандалов — просто тихо разошлись.

Диана Пожарова не любила одиночество и начала незамедлительно действовать, искать себе пару. Однажды перед зимней сессией она спросила Иру:

— Сходишь со мной в деканат?

— Схожу...

— Знаешь, почему я пошла поступать на факультет информатики? Я занималась дополнительно у одного старичка по математике вместе с одним парнем. Мы вдвоем ходили. Препод с нами двумя занимался... И мне так понравился этот мальчик, так понравился... Такой мальчик! — она повернула голову и закатила глаза, сложила опущенные руки в замок, стала на цыпочки и усиленно заморгала, и я поступила туда же, куда и он... А потом мы попали с ним в одну группу и — ничего... Она развела руками... И знаешь, кто был этот мальчик? Это был Димчик...

— Так ты пошла на матметоды из-за Димчика?

— Ну да...

— Понятно...

Диана рассказала эту историю еще нескольким одноклассникам, чтобы быть уверенной, что кто-нибудь донесет Диме. На пятом курсе она решила, что если с БС не получилось, надо успеть вернуться к первоначальным симпатиям и отхватить Диму.

Дима Захаров как раз начал встречаться с новой симпатичной шепелявой блондинкой Ясей, у которой Диана пыталась его отбить. Но ей это не удалось, шепелявая девушка в Диму крепко вцепилась.

На пятом курсе постоянный Саша, с которым Катя Сидорова встречалась с одиннадцатого класса, со скандалом расстался с ней. Она говорила

себе, что легко найдет нового молодого человека и, недолго думая, зарегистрировалась на сайте знакомств.

Диана Усанова, побуждаемая младшей сестрой, решила, наконец-то, положить конец отношениям с Бнидертом. Она поняла, что Бнидерт никогда не сделает выбор в ее пользу. Его в принципе все устраивало: постоянная надежная девушка, будущая жена, прощала ему измены, а Диана периодически грела постель. Диана объяснилась с Бнидертом, сказала ему, что между ними все кончено и пожелала счастья в личной и семейной жизни. Она окончательно решила, что лучше перестрадать, но забыть Бнидерта и жить дальше, чем быть просто любовницей и всегда второй. После объяснения Диана рыдала неделю...

Диане начало не нравится, что с подачи Насти Тюкановой все вокруг называет ее «Серебристой». — Меня вообще-то Диана зовут. Называйте меня, пожалуйста, Дианой...

Олесина любовная история тоже близилась к развязке. Олеся уже дальше не могла ждать: если не признаться в своей любви БС сейчас, то не признаваться вообще: — А куда уже тянуть, последняя сессия, а потом диплом. Больше тянуть нельзя. Вот Скуленко же женился на бывшей студентке... БС как раз с Дианой расстался. Сейчас или никогда.

Олеся решилась, тем более БС и так догадывался о ее чувствах после признания на форуме на первом курсе и всех этих лет заигрываний и молчаливых страданий.

В конце семестра у Олеси с БС произошло объяснение. Олеся расплакалась и сказала БС, что любит его и не может без него жить...

Олеся не рассказывала подружкам подробностей, но ее многолетняя любовь к БС сошла на нет. БС рвал отношения со всеми влюбленными в него девушками. Олесе надоело безответно любить и ждать непонятно чего. Ее чувства остались без ответа. Она повздыхала, погрустила, для приличия попереживала и... переключилась на соседа по общежитию. Тоже Бориса. За пять лет она привыкла любить Борисов.

Борис жил в Олесиной общежитии на третьем этаже, сам приехал из Усть-Лабинска. Он учился на физтехе и уже с третьего курса подрабатывал си-с админом. Борис был высокий, очень худой, темноволосый, коротко подстриженный, в очках и с кривыми зубами в два ряда.

Олеся с Борисом пару раз увиделись на общей кухне, Олеся «по секрету» рассказала соседке по комнате, что Боря ей понравился. Боря «по секрету» узнал. Он «совершенно случайно» зашел в комнату Олеси, когда ее соседок не было, а сама Олеся, полуголая, читала на кровати книгу. Без лишних слов они занялись сексом и... начали встречаться.

Последняя сессия

В последнюю сессию пятьдесят шестая сдавала только два экзамена — Доровскую и Бесчанова, остальные зачеты.

Добрый старичок Никитов, из-за которого на первом курсе отчислили половину основной специальности, улыбался, в середине семестра дал лекции в электронном варианте и ставил зачеты направо и налево.

Бисарян всем поставила самозачеты, решила не напрягать пятый курс.

К зачету Клудинский раздал вопросы и индивидуальные задачи, сказал, что «их делать не обязательно, но желательно. Сделанная задача будет дополнительным плюсом на зачете». Ира весь семестр паниковала из-за зачета по матметодам, а когда увидела список вопросов, ее смятение только усилилось. Пятьдесят вопросов и в каждой задаче по программированию.

Программирование в экономическом предмете Иру просто доконало:

— Пятьдесят вопросов — я не выучу! Это сдать нереально, я вообще ничего не понимаю. Я не сдам! Ну какое матмоделирование и программирование!

— Да успокойся ты! — говорила Олеся. — Никто не сдаст и никто ничего не понимает.

— Настька сдаст! И Женька наверняка. Ей Степан задачу сделает. А Веронике сделает Егор. А у Таи старший брат учился, она все его бывшие задачи сдает! Все сдадут, кроме меня... Я не сдам, я не сдам, я Клудинского точно не сдам...

— Успокойся...

— Я не могу! Я даже не знаю, как шпаргалки сделать, где информацию брать. Я даже по шпаргалкам не понимаю!

— Я тебе говорю: «Успокойся!» теряла терпение Олеся. Вера тоже была на удивление спокойна.

Зато Иру била мелкая дрожь.

В день зачета Ира свою задачу не сделала, не смогла она ходить почти на все пары по матмоделированию в течение семестра, но все равно не понимала, что нужно сделать в задаче и что в итоге должно получиться. Ира только вооружилась шпаргалками и мысленно приготовилась к передаче. Остальные одногруппники выглядели спокойными и не разделяли Ириных тревог.

Зачет поставили в восемь утра в 111. Ровно в назначенное время Клудинский зашел в аудиторию и сразу позвал к себе старосту через Диану предложил скинуться по пятьсот рублей за зачет.

Диана тихонько подошла к одногруппникам и шепотом рассказала:

— Слушайте... — и озвучила предложение Клудинского. Кто сдает, только тихо, давайте деньги... — все полезли доставать кошельки. — Ира, ты

тоже сбрасываешься? – удивленно просила Диана, когда Ира протянула банкноту...

– Да! – эмоционально сказала Ира, выдохнув с облегчением. Она округлила и расширила глаза и немного присела от счастья. – Диана, я сбрасываюсь, слава Богу!

Диана в ответ только хихикнула.

Староста собрала деньги и зачетки и отнесла их Клудинскому. Ириной радости не было предела:

– Боже мой! – повторяла она Олесе. – Слава Богу! Слава Богу! Какое счастье! Неужели можно сдать просто пятьсот рублей и не пытаться разобратся в этом бреде!

– Ну, вот видишь, я же говорила, что все будет нормально! – отвечала Олеса.

Наверное, это был самый счастливый день для Иры за все время обучения на факультете информатики, когда Клудинский разрешил заплатить ему деньги и не сдавать зачет...

Клудинский привык к взяткам, на экономе поговаривали, что он специально очень сложно преподавал, чтобы студенты и не думали ему учить, а сразу скидывались. Зачеты он принимать ни у кого и не собирался. Он был очень богатым для преподавателя университета и на взятках очень хорошо зарабатывал.

На сессии однокурсники впервые за несколько месяцев увидели Славу Якушенко. Он договорился в деканате, что будет сдавать некоторые экзамены и зачеты досрочно, а некоторые – с отсрочкой, чему во многом способствовал Горовой, не в первый раз продемонстрировав порядочность и великодушие. У Кругова Слава договорился писать диплом.

– Все будет нормально, мы все сделаем, – активно поддерживал Славу Егор. Он очень суетился, чтобы помочь Славе. И конечно, этим очень нравился преподавателям. Под шумок болезни Славы Егор договорился о передаче многих своих четверок.

Первым экзаменом у пятьдесят шестой поставили Бесчанова. Но еще на зачетной неделе Бесчанов сказал, что желающие могут прийти сдавать экзамен по системам управления базами данных, а остальные – скинуться по пятьсот рублей на четверку. Бесчанов, как и его протезе Бабосов, не стремился требовать со студентов знания.

– Что-то дешевый у нас экзамен. За зачет по Клудинскому столько же платили.

– У нас вся сессия по пятьсот рублей – одна цена на все предметы.

Когда староста Диана собирала деньги у расписания, она спросила у Иры:

– А ты будешь скидываться или пойдешь учить?

– Я сдаю!.. – Ира сделала выжидательную паузу... – деньги! – и протянула пятьсот рублей, с радостью скинулась на четверку с однокурсниками.

– Вы же сдали по пятьсот рублей, ну вот, вы сдали экзамен! – смеялся Глеб, доставая из кошелька пятьсот рублей.

– Слава Богу, можно не учить! Можно сдать деньги! – истерично смеялась Вера, положив голову Олеся на плечо.

К расписанию подошли парни с основной специальности.

– Привет, – Ира махнула рукой Воле Будинцеву.

– Привет, Ирочка, – Вова на ходу приобнял Иру, как когда-то в школе, – Верочка, – Вова отпустил Иру и приобнял Веру.

– Как ваши дела, девчонки? Как сессия?

– Да нормально все. Как ты?

– Тоже нормально, – и Вова побежал на консультацию.

Троечник Вова Будинцев, одноклассник Иры и Веры, к пятому курсу уже неплохо учился. По программированию у него были в основном четверки.

Дима Захаров решил сдавать экзамен по системам управления. Он хотел в дипломе только пятерки по программированию. Резцова и Тюканова тоже собирались учить. И в пятьдесят седьмой и восьмой нашлась пара принципиальных фанатиков. Ира даже не раздумывала. У нее было уже несколько четверок и тройка, одной четверкой больше, одной меньше – в сущности какая разница?

– Ну, хотят учить – пусть учат. Нам их не понять, – говорила Олеся Ире, сдав деньги.

– Не понять, – поддакивала Ира, качая головой и с непониманием глядя на Настю и Женю.

– Хотят сдавать экзамен – пусть сдают. А нам есть чем заняться!

– Точно!

– Ну вот и правильно! Ну наконец-то! Свой человек! Ну вот, а то все «взятки – это не правильно. Так не должно быть!» – сказала Олеся с исковерканной Ириной интонацией.

– Да когда это было? На втором курсе! Наивная, глупая была! – оправдывалась Ира.

– Ну, хоть поумнела наконец-то! Слава Богу! К пятому курсу! Лучше поздно, чем никогда!

Олеся перекинула руку через шею Иры и прижалась к ее щеке. Так в обнимку с Олесей, под ручку с Верой, Ира, довольная и счастливая, пошла в кафешку праздновать чаем с сочником «сдачу» экзамена Бесчанову...

Собираясь уезжать из универа, Ира случайно столкнулась с Димой Захаровым. Он подошел к ней:

– Бесчан думал, что ты тоже пойдешь сдавать ему на пять.

Ира подумала, что Дима искал компанию, с кем сдавать экзамен.

– Нет, я не пойду. Мне и четверка нормально, – сказала Ира, когда-то отличница, золотая медалистка.

– Ну, как знаешь.

Раньше Ира переживала из-за четверок, на втором курсе боролась за правду и создавала темы про взятки, а на пятом сбросилась, как все, по пятьсот рублей за зачет по математическому моделированию и за четверку по Бесчанову и вздохнула с облегчением, хоть одним экзаменом меньше учить.

Ира давно поняла, что к чему в универе и уже перестала гнаться за пятерками. Если ей предлагали скинуться на какой-нибудь экзамен и не учить, она не задумываясь скидывалась и не учила. И когда ей ставили очередную четверку на экзамене, вообще не переживала.

Получая второе высшее, досдавая экзамены на втором курсе, Ира уже сама будет предлагать преподавательнице по психологии пятьсот рублей за четверку. Та ее гневно отвергнет и поставит три. Ира даже не расстроится.

В пиццерии

Новый год Ира с Алексеем встречали на турбазе в горах, ездили на несколько дней неизменной тусовкой: с Сашей Павлеевым, Наташей и ее парнем, пытались кататься на лыжах и любовались живописными снежными видами.

После экзамена Доровской, который прошел легко и предсказуемо, одногруппники решили пойти в пиццерию отметить окончание последней сессии. Антон, Глеб и Ваня не пошли, сразу после экзамена решили разъехаться по домам.

Вокруг универа пиццерии множились, как на дрожжах — недорогая вкусная еда и современный дизайн привлекали голодных студентов. Когда Ира поступала, около универа не было ни одной пиццерии, только пирожковая около трамвайной остановки. На третьей курсе их было уже две, одна напротив, двухуровневая, в подвале и на первом этаже, а вторая через остановку.

В первой пиццерии были одноразовые приборы и самообслуживание. Пиццу приносили в картонных коробках, ели белыми одноразовыми вилками и «пилили» пиццу одноразовыми ножами. Сок пили из белых пластиковых стаканов. В пиццерии продавали тот же сок, что и в соседнем супермаркете, но на двадцать рублей дороже. Чай заваривали с помощью пакетиков, продающихся в любом магазине, и пили из одноразовых картонных кружек с мягкими картонными ручками, которые постоянно гнулись. Держать за такие ручки горячие чашки не получалось, держали за сами чашки и обжигали ими руки. Чай нужно было отпить быстро, чтобы у края чашки появилось негорячее место, где чашку можно держать.

На последнем курсе одногруппники могли позволить себе выбрать пиццерию посolidнее и отправились через остановку.

Двухэтажная пиццерия с космическим дизайном пряталась среди светлых пятиэтажек с желто-коричневыми балкончиками. Здание было выкрашено в сине-желто-серебряный. Синяя лестница с металлическими перилами вела на второй этаж.

Интерьер тоже был космический. Лампочки, круглые, серебристые, встроенные в синий потолок, были разукрашенные под звезды. На одной из стен была нарисована испещренная кратерами серая планета, похожая на Меркурий. Около стен стояли большие столы синего цвета, вокруг них мягкие кожаные диванчики-скамейки тоже ярко-синие. В центре зала стояли небольшие прямоугольные столики с серебристыми ножками и синими, под мрамор столешницами. Около каждого стола по четыре металлических стула с мягкой синей обивкой и круглыми сидениями.

В космической пиццерии не было табличек «У нас самообслуживание». Официанты приносили пиццу не в картонных коробках, а на больших тарелках, сок подавали в стеклянных стаканах, вилочки и ножики, не одноразовые, заворачивали в бумажные салфетки и подразумевали увеличение стоимости заказа за счет чаевых официанту.

Когда пятьдесят шестая группа после экзамена пришла в «космическую» пиццерию, там был аншлаг, все большие столы с диванчиками были заняты. Пришлось сесть на втором этаже в центре зала, сдвинув три столика.

Второй этаж был светлый и просторный, большие панорамные окна открывали вид на трамвайные пути за невысокими голыми платанами и трамвайное депо...

Быстро сделали общий заказ.

— Как вам экзамен?

— Быстро и не больно, — как обычно за всех ответила Настя. Она была в светло-фиолетовом свитере с вышитыми темно-фиолетовыми, белыми и розовыми цветочками вокруг воротника и синих потертых джинсах-клеш.

— Все! Последний экзамен сдали! Ура! — Олеся выдохнула. Она как будто хотела поднять стакан с соком и выпить за окончание сессии. — Мы это сделали!

— Даже не верится, что мы закрыли последнюю сессию. Теперь остались только госы и защита дипломов, — обстоятельно сказала Женя.

— И мы выпускники! Да! — подхватила Ника, наигранно улыбаясь и вытянув вверх сжатые в кулаках руки как будто от радости.

— Последняя сессия вообще была халявная, только два экзамена, за Бесчана и Клудинского сдали деньги, — сказал Дима.

— Да, решили нам под конец облегчить жизнь.

— Диана, а когда у нас госы? — спросила Женя. Ей не терпелось опять начать что-то учить.

- Да, кстати... – добавила Ника.
- Девчонки, ну что вы сразу настроение портите, только последний экзамен сдали, а вы сразу госы, диплом... – недовольно сказал Рома.
- Ну почему, мне тоже интересно, когда у нас госы и защита... Я думаю, всем интересно, – поддержала Настя.
- Говорят, весной, в марте или апреле, – ответила староста Диана.
- А когда дадут вопросы? – спросила Тая.
- Где-то за месяц...
- Дуня, ну мы же будем в курсе?
- Ну да... – Диана прищурила глаза и, смотря по сторонам, наигранно и невесело захихикала.
- Когда это мы были не в курсе? – риторически спросила Женя.
- Благодаря Диане, мы, по-моему, всегда все первые узнаем! – поддержала Настя.
- А когда защита? – спросила Женя.
- Обычно в начале июня, а предзащита где-то в мае.
- Совсем чуть-чуть осталось...
- Вы там с дипломами не затягивайте... – посоветовала Диана и опять хмыкнула, – лучше сразу начинайте писать. Созвонитесь с преподами... Кстати, к госам будем по три тысячи собирать...
- Диана, ты любые посиделки превращаешь в организационное собрание, – недовольно сказала Олеся.
- Ну, а когда еще вас теперь вместе соберешь? К защите и предзащите тоже будем скидываться, так что готовьте деньги... – сказала Диана.
- Диана, ну ты опять... – Рома откинулся на спинку стула.
- Ты как сборщик податей, – сказал Дима, – только и слышишь от тебя: «Деньги. Деньги, деньги! Давайте деньги! Гоните деньги. Готовьте деньги»...
- Ну я так.... На всякий случай... я вас предупредила, – опять хмыкнула Диана, растянула рот в широкой улыбке, невесело сделала глаза-щелочки и посмотрела по сторонам...

В это время Жене позвонил Степан. Она ответила прямо за столом.

– Да, я слушаю, зайчик, говори, – Женин голос звучал весело, уверенно и немного кокетливо. – Да. В пиццерии с одноклассниками...

Вдруг Женя изменилась в лице: Степан сказал ей что-то неприятное.

– Да. Понятно, – Женя повесила трубку и начала плакать. Слезы бесконтрольно текли по ее щекам, капали на стол. Женя достала из сумки платок, начала вытирать слезы, струящиеся из глаз, потом прислонила платок к губам. И продолжила плакать.

Все взоры мгновенно обратились на Женю, еще минуту назад такую веселую и спокойную. Одноклассники немного растерянно смотрели на ее плач, испытывая смущение и неловкость, удивляясь, что же могло так огорчить Женю. До этого жизнерадостные и беззаботные, они не знали, как себя вести и что делать, что сказать ей, чтобы ее успокоить и нужно ли ее успокаивать... Спросить, что у нее произошло? Можно ли спрашивать?

Они молча, остолбенев, смотрели на Женю. Стихли разговоры и смех за соседними столиками. Всем вокруг стало неудобно.

Женя горько плакала не сдерживаясь. Иногда она неудержимо, во весь голос всхлипывала. Слезы лились из ее глаз потоком. Иногда она задыхалась от рыданий.

Женя не ушла из-за стола, не вышла из пиццерии, не пошла в туалет, а просто сидела за столиком и плакала у всех на глазах. Она только молча рыдала в уже мокрый платок, зная, что одноклассники на нее смотрят, что все вокруг обращают внимание. Что на нее удивленно и с любопытством смотрят со всех столиков. Она сидела и плакала, а все вокруг смотрели на нее и, безусловно, жалели ее, испытывали сочувствие, растерянность и стеснение. Жене хотелось, чтобы все видели, как ей плохо, какое у нее горе, как она страдает.

Настя и Тая стали подавать Жене одноразовые бумажные салфетки, когда ее платок стал совсем мокрым. Женя продолжила плакать в салфетки. Ее глаза опухли и покраснели, губы распухли от рыданий... Так прошло четыре-пять минут. Оцепенение одноклассников стало спадать, первый шок прошел. Разговоры за соседними столиками начали понемногу, тихо и неуверенно возобновляться... Первая опомнилась Настя. Смотря на Женю и как бы извиняясь перед ней, она негромко сказала:

— Я, наверное, пойду... — и, схватив сумку, с Усановой Дианой выскользнула из-за стола.

— Я, наверное, тоже, — неуверенно в себе хихикнула Диана и тоже вышла. Она не знала, как себя вести, поэтому только хихикнула.

— Мы тоже пойдем, — сочувственно проговорила Олеся, глядя на Женю, и дернула за рукав Иру. Под ручку с Верой она тихо вышла из пиццерии. Ника и Ира молчаливо поспешили за ней.

— Ну, и мы пойдем, — Дима с Ромой тоже незаметно ушли.

Женя осталась плакать за столиком. Одна Тая, как лучшая подруга, осталась успокаивать Женю и узнавать причину ее слез. Оказалось, что Жене Степан прямо по телефону сказал, что они расстанутся, потому что Степан любит Настю. Пока Женя с одноклассниками сидела в кафе, «обмывая» последнюю сессию, Степан как раз лишал Настю девственности. Настя, шантажируя ситуацией, в истерике пихала Степану телефон, заставляя звонить Жене и расставаться с ней: — Видишь, как мне больно, а ты все еще с ней! — Степан посмотрелся на слезы Насти, расчувствовался, под впечатлением от увиденного, чтобы успокоить Настю, тут же позвонил Жене и, недолго думая, порвал с ней...

Сочувствие Резцовой не вышло за пределы пиццерии. Ее страдания никому не были интересны — каждый был занят своей жизнью — и вызвали в лучшем случае равнодушие, а в основном — лишние сплетни и пересуды.

— У Резцовой деньги Степана из кармана уплывают? — говорила Олеся, обсуждая ситуацию в пиццерии. — Настя молодец! Быстро сориентировалась! Не упустила момент! Чтобы Степан Женю куинил...

– Мда, Женька Степану такие концерты не устраивала...

Настя сдалась через несколько месяцев после Жени. И никто на экономе, кроме Настиной близкой подруги, не узнал, о первой близости Насти и Степана.

Женя потом стояла на коленях и умывалась слезами, прося Степана вернуться... Он вернулся, но с Настей не расстался...

После зимней сессии

После зимних каникул Диана обзвонила всех одногруппников и сообщила, что каждую субботу в одиннадцать организационное собрание. Диана предложила встречаться именно по субботам, чтобы не пропускать работу. Потом стали встречаться реже. Многим ставили консультации по дипломам до или после организационных собраний.

На одной из первых субботних встреч Диана сказала, что госы в марте и раздала список вопросов для подготовки — организационные собрания стали консультациями к госам.

Субботние встречи проходили в недавно построенном «новейшем» си-нем корпусе. Одногруппники рассаживались за столы и начинали трещать без остановки — за неделю успевали соскучиться. Четыре с половиной года они виделись практически каждый день и теперь учились отвыкать друг от друга.

Ира ходила в засосах на шее — ее молодой человек не скрывал свою страсть. Степан показывал друзьям-одногруппникам расцарапанную спину...

Однажды Настя во время страсти расцарапала Степану спину, это увидела Женя и устроила скандал. Степан оправдывался: — Это ты мне расцарапала. — Я не царапала, я-то знаю, царапала я или нет. — Потом была ссора с выяснением отношений, и совместный вечер был испорчен.

Потом Женя в отместку расцарапала Степану спину, и теперь уже Настя устроила ему скандал. Так Женя и Настя по очереди царапали спину Степану, оставляя друг другу нечитаемые послания и не давая забыть о своем существовании. А Степан ходил с расцарапанной спиной и просил своих женщин во время страсти вести себя поспокойнее. — Ты не могла бы себя контролировать? — говорил он Жене. — Как в момент страсти можно себя контролировать? — удивлялась Женя, пожимая плечами, и еще сильнее царапала спину Степану...

После девятого семестра Ира оставила работу промоутера и устроилась работать «по специальности» в крупную иностранную компанию, занимающуюся торговлей зерном, специалистом отдела логистики. «Девуш-

ка на побегушках», «подай-принеси» — так потом назовут ее должность на Ириной следующей работе. Работа была с девяти до шести каждый день, поэтому Ира готовилась к госам и писала диплом в основном на выходных.

Настя Тюканова рассталась с девственностью с Петром на круглой кровати в своей однокомнатной квартире. Как она и хотела, все было «быстро и небольно». Антон Ктавиди только поцокал — Настя, как и все остальные одногруппницы, упала в его глазах и стала шлюхой.

Артем Джанаров в пух и прах разругался с Настей Тюкановой и Дианой Усановой. Закадычные друзья первых курсов, они больше не хотели друг о друге слышать.

После зимней сессии Женю взяли в банк отца на полставки на должность экономиста.

На одной из консультаций Диана прочла список тех, у кого могут получиться красные дипломы. Список был предсказуемым: Тюканова, Резцова, Пожарова, как работница деканата, Ира, если пересдаст тройку Горового, Тая, если пересдаст тройку Горового и пару четверок.

— Девчонки, мы не сомневаемся, что у вас будут красные дипломы, — сказал Глеб Насте и Жене.

Все дружно закивали.

— Ну, Женькин средний балл равен четыре и девяносто девять, — сказала Настя Тюканова. Ее средний балл равнялся пять и ноль.

— А у тебя, Ника, красный диплом не получается? — спросил Глеб.

— Нет, слишком много четверок и... тройки, — ответила Вероника, махнув рукой и сделав глаза-щелочки и скруглив щеки, тем самым придав лицу весело-доброе выражение.

— А у тебя, Димчик?

— У меня пара троек первых курсов.

— Ну, если их пересдать? — подбадривал Глеб.

— Слишком много четверок.

— А у тебя, Диана? — спросил Глеб Усанову.

— Нет, — она засмеялась, прикрыв рот рукой. — Какой красный диплом! — Подразумевай: «Какой Глеб шутник».

— А у тебя Олеся?

— Нет, не получается!

— А у тебя, Веруха, красный диплом не получается? — спросил Глеб у троечницы Веры. Она удивленно хихикнула и покачала головой. — Нет, не получается.

Ира подумала: «Глеб еще бы у Антона Ктавиди спросил про красный диплом. Вдруг получится».

— Глеб, а у тебя красный диплом не получается? — в ответ спросил у спортсмена Глеба Дима.

— Нет, ну о чем вы? — Глеб немного откинулся на спинку стула и погладил себя по животу, завершив тем самым обмен любезностями.

— А ты диплом где будешь писать? Я имею в виду сама или ... — спросила у Иры Вера. Она наводила справки и узнавала расценки на кафедрах. Олеся с Ирой и Верой сидели за второй партой у двери.

— Я буду дома писать... сама... — все еще надеялась Ира.

Староста Диана делилась последними новостями:

— А вы знаете, что Дима из пятидесят седьмой повесился. Его обнаружили несколько закадычных друзей с эконома...

— А что произошло? — спросила у старосты Настя.

— Я не знаю... — уклончиво ответила Диана.

Почти все были шокированы этой новостью и замолчали... Еще одна смерть на экономспециальности. Ира подумала о Диме, пыталась вспомнить все, что о нем знала... немного... Из богатой семьи, перевелся с эконома на договор, предлагал легкие наркотики на дискотеке на первом курсе... На пары ходил нечасто, учился плохо, все, что мог, проплачивал... На втором курсе, женился, рано и неудачно, с женой не ладили. На третьем курсе купил машину и хвастался перед одногруппниками... Ира Диму совсем не знала, но все равно стало грустно. Ранняя смерть ровесника, не просто смерть — самоубийство. Что же произошло, почему он сделал этот шаг? До какого же отчаяния он дошел, что сам лишил себя жизни?.. Ира не узнает ответы на эти вопросы... В выпускных альбомах фото Димы будет уже в траурной рамке...

Вспомнили Диму, немного помолчали...

— Видели, Сидорова еще один пирсинг сделала! — сказала Олеся Ире и Вере, возобновив прервавшиеся разговоры.

Во втором полугодии пятого курса Катя Сидорова проколола еще и подбородок. Теперь у нее были пирсинги в пупке, на языке и подбородке, три дырки в ухе и небольшая татуировка на копчике.

— Боже мой, она и подбородок проколола! Хорошо, хоть нос не проколола и кольцо не вставила!

Олеся хмыкнула.

— Егор рассказал Нике, что какой-то первокурсник занимался с Круговым по математике, готовился к поступлению. Он принес решить один пример по тригонометрии из учебника. Так Кругов весь урок решал — решить не смог. Хоть денег за урок не взял...

— Мне кажется, Кругов посредственный программист, но талантливый управленец, — сказала Ира.

— Кругов программист просто офигенный, — сказал Дима, который сидел за Ирой, Верой и Олесей и слышал разговор. Он писал диплом у Кругова.

— Знаете, Антон пришел к Глебу в общагу и сказал, что дружил с ним, чтобы Глеб помогал ему по учебе. Глеб сильно не расстроился, он сказал, что знал это.

— Да, Глеб такой, необидчивый.

Ира подумала о мальчике, который повесился...

— Диана Усанова решила тоже прийти к Настьке и сказать, что дружила с ней ради оценок, — в этот момент Настя присутствовала в аудитории, а Диана вышла. — Настька ответила, что знает, что Диана дружила с ней, чтобы Настя помогала ей с учебой. В общем, они поругались и Настька выпалила, что специально подталкивала Диану спать с Бнидертом.

— Так Настька Бнидерту красавицу-подругу подсуетила?

— Ага! Вот Настька стерва! Она специально сводила Серебристую с Бнидертом.

— Диану под Бнидерта подкладывала... Вот пипец! — покачала головой Вера.

Теперь Диана Усанова держалась подальше от Насти и поближе к Вере, Олесе и Ире. А Настя Тюканова — поближе к Жене с Таей. И возобновила активную дружбу со старостой Дианой.

— Настька Диану под Бнидерта подкладывала, а Резцова и Обликова с ней дружить хотят. Они не думают, что она их тоже начнет под кого-нибудь подкладывать? Опыт ничему не научил?.. — сказала Ира уже тише, как для своих.

— Ну, ты же знаешь, что я дружила с тобой не ради оценок? — спросила Вера у Олеси.

— Я знаю, Веруха, — ответила Олеся и обняла Веру.

— Я тоже дружила с вами не ради оценок, — присоединилась к заверениям Ира.

— Да мы знаем, мы вообще-то троечницы. Да, Веруха? Какие тут оценки...

Все рассмеялись.

— Мы все так и дружим, чтобы учиться легче было.

Ира опять подумала о повесившемся Диме...

— На пятом курсе все сбрасывают маски и все становится на свои места. Сразу видно, кто есть кто, — сказал Глеб.

В этот момент в аудиторию вошел Урвицин и началась консультация к госам.

После окончания университета Саша Бнидерт женится на своей девушке с эконома, которой изменял с Усановой Дианой. В браке у них родится дочь. Карьера Бнидерта сложится удачно: он устроится программистом в крупную компанию, быстро станет начальником отдела, самостоятельно, без кредита, купит иномарку и трехкомнатную квартиру в ипотеку, которую быстро выплатит. Но люди не меняются. Как когда-то Бнидерт изменял Усановой Диане, также в браке он будет изменять жене. Как когда-то Усанова Диана порвала с Бнидертом, жена разведется с ним через несколько лет из-за его неверности. Еще через несколько лет Саша женится во второй раз. В этом, более долговечном браке у него родятся два сына... Дочь от первого брака, очень похожую на Бнидерта, он будет, несмотря на развод, поддерживать и очень любить. Вторая жена будет иногда устраивать ему скандалы из-за перио-

дически всплывающих измен, но в целом закрывать на его неверность глаза.

Когда Ира собиралась домой, она столкнулась в Интернет-центре с Димой Шеламовым. Он шел в том же направлении. Им было по пути. Пошли вместе.

Шли минут двадцать, дышали свежим воздухом, лучше, чем сидеть в пыльном трамвае. Сначала шли от Интернет-центра мимо общежитий, потом дворами мимо краснокирпичных пятиэтажек, потом по узкой заасфальтированной дороге между Карасунами — двумя небольшими озерами в центре Краснодара, опять дворами и к троллейбусной остановке. За вторым мостом Дима выходил, а Ира ехала до центра.

Пока шли пешком, Дима рассказывал Ире все последние сплетни.

— У тебя же тройка на третьем курсе?

— Да, Горовой — местный самодур! — После того, как Горовой поставил Ире три, она в глубине души его недолюбливала. Дима был в курсе. — У нас знакомый мальчик из параллельной группы повесился.

— Я слышал. На экономе много об этом говорили... Весь эконом гудел...

Дима не рассказал Ире ничего нового. Некоторое время он шел молча, глядя себе под ноги, как будто раздумывал о чем-то, а потом сказал:

— Кстати, Ира, сейчас можно сыграть на золоте. Говорят, оно сильно вырастет в цене, — Дима тянул Иру. Он помогал на кафедре математического моделирования Клудинского, разбирался в котировках и наверняка знал, о чем говорил.

— Мне все равно нечего вкладывать.

— Нужно примерно двести тысяч. Можно у кого-нибудь занять.

— Мне не у кого занимать. И я не знаю, как потом буду отдавать...

— Ну, как знаешь... Я тебя предупредил.

— Спасибо.

Остальное время до троллейбусной остановки шли молча...

Госы

В середине марта сдавали государственные экзамены. Вопросы для госов состояли из трех разделов: математики, информатики и экономики. По тридцать в каждом разделе, всего девяносто. К госам скидывались по три тысячи.

— Диана, а на что деньги? — поинтересовалась Тая на одной из субботних встреч.

— Чтобы накрыть стол преподавателям.

– Неплохой стол получается, три умножить на пятнадцать, сорок пять тысяч. Нормальный стол можно и за пять накрыть.

– Остальное преподы поделят.

– Остальные сорок тысяч?

– Ну да... – Диана хмыкнула. – А ты что-то имеешь против?

– Нет, я ничего не имею против... – сказала Тая как обычно тихо, но ее интонация подразумевала, что она не в восторге от идеи скинуться на коллективную взятку преподавателям.

– Вот в пятьдесят восьмой не хотят деньги сдавать, стол накрывать, – громко сказала Олеся, которая сидела неподалеку. – Вот у них проблемы на госах будут! Сидорова как всегда! Вообще деньги сдавать не хочет! Не знаю, как она вообще госы будет сдавать!

Глеб почему-то рассмеялся. Диана продолжала рассказывать:

– Зато пятьдесят седьмая хороший стол накрывают. Они по пять тысяч сбрасываются! Вот у них стол будет! Вот посмотрите, они госы все нормально сдадут! А мы по три собрать не можем...

– Если они по пять тысяч на госы сбрасываются, сколько они на диплом собирать будут? – поинтересовался Глеб.

– Не знаю...

– Девчонки, а кто-нибудь шпоры уже писал? – спросил Глеб.

– Ну я писала... – как обычно первая ответила Женя.

– Я думаю, все писали... Что уж там, – добавил Дима.

– Ну и как вы шпоры пишете?

– «Контрл Ц – Контрл В», – сказала Настя Тюканова.

– Я имею в виду, у вас ответы на вопросы большие?

– У меня полторы-две страницы, если писать от руки, – сказала Вероника.

– Я на компьютере набираю, у меня примерно полстраницы или немного больше, – сказала робкая Ира.

– Полстраницы нормально. Ника, а у тебя сколько-сколько? Полторы-две страницы? – Глеб хотел уточнить. – Это же сколько страниц будут заимать ответы на все вопросы?... Думаете, студенты могут запомнить столько информации за пять лет? Девчонки, вы разу спалитесь, что со шпор списываете! Ответы должны быть маленькие... Несколькo строчек, максимум пару абзацев, только основные формулы. То, что студенты смогли бы реально запомнить без шпор. А то вы, девчонки, напишете! Вам никто не поверит, что вы сами писали! – Глеб опять рассмеялся.

– Запомнили, сколько Глеб сказал? Пару абзацев? Не больше! – повторила Олеся и погрозила пальцем.

– Ну да, точно, если много написать, нам никто не поверит, – задумалась Ника.

– Да все оценки заранее известны, выставляют по среднему баллу, иногда балл завышают, редко занижают, – сказал Дима.

И все решили писать маленькие ответы на вопросы.

К госам студенты готовились по-разному. Кто-то искал ответы по своим конспектам, учебникам, Вероника ответы на все вопросы конспектировала в тетрадку, ей нравилось много писать. Она работала полный день и писала ответы ночами, а потом на работе весь день ходила и засыпала на ходу — и так весь месяц подготовки к госам. Женя, Тая и староста Диана делали «медведи» — на листиках формата «а-четыре» аккуратно писали готовые ответы на вопросы и надеялись на экзамене заменить выданные листочки для ответов своими «медведями». Ира искала ответы в Интернете, копировала несколько основных строк из какого-нибудь краткого справочника — пара абзацев на ответ, как и сказал Глеб. Свои сохраненные тетрадки с конспектами даже не открывала. Некоторые даже найти не могла.

Госы поставили в «новейшем» корпусе, где проходили консультации. В незнакомой светлой просторной аудитории. Стол для преподавателей был сдвинут из двух столов. На столе были документы и бутылки с водой для комиссии. На каждом столе для студентов тоже стояла небольшая закупоренная бутылка с негазированной водой. Перед членами комиссии лежал список группы и напротив каждой фамилии был выведен средний балл за все годы обучения.

Комиссии накрыли большой стол в соседней аудитории: поставили фрукты, напитки, сыры, мясную нарезку и спиртное под столом. Ведь за несколько часов госов преподаватели могли проголодаться. В комиссии был Кругов, Ушанков, Никитов, Урвицин и Каркошин.

Каркошин Геннадий Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент, преподаватель кафедры информационных технологий. Седой, за пятьдесят, с плоским лицом и в больших очках. С лысиной со лба до затылка и редкими, отдельными торчащими волосками на макушке. У него были длинные густые светлые ресницы, в молодости он был блондином. Он на самом деле чем-то напоминал ворону или сороку. В выражении его глаз было что-то птичье, он смотрел быстро, любопытно и часто перемещал взгляд с одного предмета на другой. Говорил он сразу много и практически не делал пауз между словами, тараторил или трещал, тоже как сорока. Когда он улыбался, то закусывал нижнюю губу...

На госы все пришли нарядные, «белый верх — черный низ», вооруженные шаргалками и «медведями» и уверенные в себе: на госах уже не отчислят, даже если плохо сдашь, диплом все равно получишь! Ника принесла свою тетрадку с законспектированными ответами и немного переживала:

— Я тут конспекты делала, у меня по некоторым вопросам совсем мало получилось... По три строчки...

— Три строчки ответ на вопрос на госах? А не мало? У меня тоже ответы на некоторые вопросы совсем маленькие, — тоже начала переживать Женя.

— Ну не три строчки... — подлила масла в огонь Диана Пожарова.

— Много напишем — плохо, мало напишем — тоже плохо! — возмутился Глеб. — Все, что ни сделай, все не то!

– Почерк если что растянем. Все равно со шпор списывать будем! – успокоила Олесья.

– Надо что-то среднее написать... И не много, и не мало... – сказала Диана.

– Да, какая разница, – махнула рукой Ира. Ей было все равно. – Сколько напишем, столько напишем.

Ире недавно сделали операцию по отслойке сетчатки, и она ходила в очках. Ира сделала небольшие шпаргалки – с медведями еще возится – и ответы на многие вопросы даже не прочитала, забила на госы по полной.

Студенты, как и на любом другом экзамене, заходили в аудиторию по пять или шесть человек, подходили, брали билеты и садились писать ответы. Раздали листочки формата «а-четыре» с печатью факультета – вариант с «медведями» не прокатил, поменять листочки не получилось бы. Некоторые сразу открыли бутылки с водой. У Иры вода в горло не лезла. Экзаменаторы предупредили, что через сорок минут начнут приглашать отвечать.

Пока студенты писали ответы на вопросы, члены комиссии сидели, уткнувшись в свои документы, и даже боялись поднять глаза на студентов, чтобы не дай Бог, не увидеть шпаргалку и не оказаться в неудобном положении. Несколько преподавателей, в том числе и Кругов, предпочли сразу выйти из аудитории, чтобы не мешать студентам списывать – они сразу перешли в соседнюю аудиторию подкрепиться, выпить и закусить.

На госах студенты совсем обнаглели. Кто-то потихоньку доставал шпаргалки, спрятанные в пеналы, или записывал их среди листков для ответов и списывал. Кто-то скатывал с конспектов на колени. Те, кто принес «медведи», списывали с них, как со шпаргалок или конспектов, положив их на колени или прямо на стол. Ника села на одну из задних парт и не стесняясь достала тетрадку со своими записями, положила ее на стол и стала «сдирать». Все бесцеремонно, но молча списывали.

Когда стали вызывать отвечать, студенты подходили к экзаменационному столу и начинали отвечать «свободному» преподавателю. Каждый раздел вопросов рассказывали своему преподавателю. Математику принимал Ушанков или Никитов, информатику – Каркошин, а экономику – Урвицин и Ушанков, который преподавал экономику недавно. Урвицин пенял Ушанкову на это, у преподавов тоже существовала своеобразная конкуренция. Кругов все еще сидел в соседней аудитории с накрытым столом.

Экзаменующие ставили три оценки, а потом выводили общий балл за госэкзамены. Они не задавали дополнительных вопросов, молча кивая, выслушивали и отпускали. Только когда Ушанков слушал ответ Захарова Димы, он удивленно посмотрел на его листочек, на котором было написано ровно три, списанные со шпаргалок строчки, и усмехнулся, как Дима ни растягивал почерк, строчек было все равно три. Ушанков ничего не сказал и поставил «пять»...

– Вот халява, а не госы! – громким эмоциональным шепотом, сильно жестикулируя, сказала Настя, когда вышла из аудитории.

– Это точно! – поддержала Женя. Она стояла, выставив перед собой вывернутую ногу.

– Я же говорил, – сказал Глеб, – девочки, только тихо, ведите себя как обычно! Не надо кричать на весь коридор, что госы халявные!

– Вот видите, как мы легко госы сдали! Я же говорила, – победоносно сказала староста Диана, чтобы слышали только одноклассники.

– Тихо! – сказал Глеб, – а теперь говорите о чем-то отвлеченном. – Когда госы закончились, все ждали в коридоре объявления оценок.

Обсуждать оценки преподаватели пошли в соседнюю аудиторию. Накрытый стол сыграл свое действие, члены комиссии были добрыми и лояльными.

– А если бы мы не накрыли преподам стол, они бы никому не дали списать и начали придираться, – рассказывала староста Диана. Олеся закивала в подтверждение слов Дианы.

Через сорок минут из аудитории с накрытым столом вышел подвыпивший Кругов, в коридоре огласил абсолютно предсказуемый список оценок и пошел дальше праздновать с коллегами сдачу госов пятьдесят шестой группой. Разъехались преподаватели только через несколько часов.

Пятьдесят шестая накрыла хороший «богатый» стол, не поскупилась на дорогой коньяк. Преподавателей накормили, напоили алкогольным и безалкогольным – все студенты благополучно списали ответы со шпаргалок, «медведей» и конспектов. И «на ура» сдали госы.

У БС

Из всех предметов, преподаваемых на факультете, Ира меньше всего любила и понимала программирование. Из всех возможных дипломов она пошла писать диплом именно по программированию, на самую сложную для себя кафедру информационных технологий. Из всех возможных преподавателей кафедры выбрала самого разбирающегося и требовательно – Полозина.

Проблемы с дипломом начались быстро.

Уже через месяц после зимней сессии, когда Ира по книге Полозина начала писать диплом, как на третьем курсе, она поняла, что ее диплом отличается от программы Полозина третьего курса. Ира создала базу данных и начала писать клиента, но она не представляла, как сделать генерацию документов в текстовый редактор. С генерацией ничего не получалось. Под предлогом генерации Ира решила искать помощи.

Первого человека «из своих», которого увидела Ира, когда «по делам» приехала в универ, был Шеламов Дима.

– Привет, что ты забыла в универе? Пары вроде бы закончились...

– Мне надо в деканат, а потом в 111, к Олесе.

– Понятно.

Когда Ира шла из деканата мимо компьютерных аудиторий, внезапно наткнулась на Горового. От неожиданности даже забыла поздороваться.

– Ну как встреча? – спросил довольный Шеламов, наблюдавший эту встречу. Он ждал Иру у 111.

– Спасибо, нормально... Не знаю, что с дипломом делать. Даже не представляю, как сделать генерацию документов в текстовый редактор. Ты случайно не знаешь?

– Я тоже не знаю, а разбираться некогда, помочь не смогу, сам сейчас очень занят на кафедре.

– Понятно, ну ладно... – Ира зашла в 111.

В этот день Олеся проводила в 111 диагностику компьютеров, запускала программы проверки дисков, памяти, дефрагментацию, удаляла временные и ненужные файлы, освобождая место.

– Привет. Не ожидала тебя здесь увидеть. Ты зачем в универ приехала?

– Диплом не получается... Генерация документов...

– Я тебе говорила! Я тебя предупреждала! – первое, что сказала Олеся на Ирины жалобы.

– Я знаю...

Ира вспомнила слова своей мамы, которая постоянно твердила, что «Олеся очень здравомыслящая».

– И зачем надо было идти писать диплом по программированию к Полозину? – не уставала повторять Олеся.

Ира тоже мучилась этим вопросом, но не находила ответа.

– Хоть у Полозина, слава богу, догадалась. Хоть не у Горового, и на том спасибо.

– Ты уже говорила. Как говорит Настька, я тебя тоже очень люблю. Я сама себе удивляюсь, нужно было идти к Доровской на регрессионный анализ. А я пошла, блин, на программирование. О чем я думала? Ну, уже поздно что-то менять... Мне диплом делать влом! Мне дипВлом! – Иры хмыкнула.

– Диплом влом? Так у тебя не диплом, а дипВлом?

– Точно...

– Тебе диплом влом? Тебе дипВлом? И тебе не стыдно?

– Очень стыдно! Очень! – преувеличенно сказала Ира. – Мне дипВлом! Пряма не знаю, что делать!

Ира с Олесей рассмеялись.

– У Настьки самокрасный самодиплом, а у тебя дипВлом?

Ира опять хмыкнула:

– Да у нас в универе всем все влом! Преподам влом учить, студентам влом учиться! Я удивляюсь, как эта система вообще держится

и до сих пор не развалилась. И это образование считается одним из лучших в мире!

— Может, потому и не развалилась, что все всех устраивает... — философски ответила Олеся.

— Может быть... — равнодушно сказала Ира.

— Ты Бесчанова вспомни. И Клудинского. Как хорошо, что им было влом зачет и экзамен принимать! Как ты радовалась, когда разрешили не сдавать. А сама всему потоку курсовые по Бабосову писала. И как радовалась, что заработать смогла. Вспомни!

— Да я помню...

— Студенты учат предметы, которые им нужны. Димчик, например, — программирование.

— Есть те, кто ничего не учит...

— Это их дело... Работа все расставит по своим местам. За границей именно так учеба построена, студенты сами выбирают себе предметы, которые учат, и только их посещают и сдают.

— А Никита Матродский опять пересдает? Что на этот раз?

— Доровской регрессионный анализ. Опять комиссию собирает... Две пересдачи уже завалил... Что-то Доровская его недолюбливает...

— Не повезло ему... У нас уже старая добрая традиция — Никита Матродский пересдает с комиссией.

Олеся хихикнула.

— Что мне с дипВломом сейчас делать?

— Обратись к БС. Он тебе поможет с генерацией документов в текстовый редактор.

Ира так и сделала, но когда БС начал смотреть ее программу, он увидел ошибки на уровне базы данных и предложил Ире переписать всю программу заново. Ире ничего не оставалось, только согласиться. Договорились, что программа без текста диплома будет стоить шесть тысяч. Ира в месяц зарабатывала десять. Нормально.

БС сказал, что у него много работы, и он закончит программу примерно через месяц. Доверив свой диплом Борису Станиславовичу, Ира успокоилась и решила отложить все мысли, переживания и действия по поводу диплома до получения программы.

Недели через три БС позвонил и сказал, что программа почти готова и он может ее отдать Ире.

У Иры как назло задерживали зарплату. И везде нужны были деньги... Олеся просила занять, и надо было оплатить телефон и Интернет... И в больнице назначили дорогие платные анализы... Денег катастрофически не хватало. Ира переругалась со всеми дома, у мамы и бабушки не займешь...

На следующий день БС мельком показал Ире код программы в 111:

— Когда ты сможешь оплатить?

— У меня просто зарплату задерживают...

— Хорошо, тогда приходи сегодня вечером ко мне домой. Часов в шесть. Посмотрим программу более подробно.

— Хорошо...

— Не дрейфь, — напоследок подбодрила Олеся. — БС нормальный.

— А че мне дрейфовать? Я и не собиралась...

БС жил в пятиэтажной хрущевке около старого центра, недалеко от медколледжа и дома Жени Резцовой. Ира не сразу нашла нужную квартиру, позвонила в дверь. БС открыл, он был не в домашней одежде, а в своем обычном твидовом полосатом костюме коричневого цвета, как будто только что пришел с работы.

— Привет, проходи в мою «холостяцкую берлогу». Я только недавно приехал.

— Привет. Я опоздала, пока нашла квартиру...

БС проводил Иру в комнату.

— Может, будешь чай?

— Нет, спасибо.

БС жил в однокомнатной обшарпанной хрущевке без ремонта, с обоями, отваливающимися от стен, деревянными рамами на окнах и продавленной мебелью. Желтый линолеум на кухне, фанерные полы в комнате и коридоре. На стене висел пыльный толстый ковер. Его подпирал желтоватый раскладывающийся диван-софа с потертой обивкой. На полу перед диваном лежал небольшой тонкий выцветший коврик, наступая на который Ира чувствовала разный мусор, грязь и крошки.

Ира подумала: «Вот как у нас живут аспиранты, кандидаты наук»...

— Мне эта квартира от бабушки досталась, — объяснил БС. — У меня бабушка недавно умерла. Я только несколько месяцев, как сюда переехал. Раньше она здесь жила, — сказал он всхлипывая. — Я у родителей жил, а потом на съемной квартире... Бабушка долго болела, я ей ездил, помогал... Вот она мне квартиру и оставила, — БС практически прослезился и всем своим видом показывал, что не нужна ему эта квартира, лишь бы бабушка была жива.

— Мда, — Ира ему искренне посочувствовала.

Квартира на самом деле выглядела по-стариковски. Ира скорее могла представить, что здесь живет престарелая бабушка, чем молодой холостяк-программист. В квартире был запах старости и дряхлости.

Только уголок программиста был новый, «инновационный». Напротив двери большой современный деревянный компьютерный стол. На столе широкий жидкокристаллический монитор, сбоку, отодвинутый, еще один монитор поменьше, а внизу на полке темно-синий системный блок без боковой крышки, издающий странное гудение. Корпус системного блока был навороченный, наверняка дорогой, дутый, современный, с несколькими сидиромами, не как у Иры, серый, самый простой и дешевый. На компьютерном столе еще закрытый тонкий ноутбук БС, который он иногда приносил в университет.

Наверное, самым дорогим в этой квартире были именно компьютер и ноутбук.

Рядом со столом удобное черное кожаное вращающееся кресло, визитная карточка и излюбленный предмет хвастовства программистов. На компьютерные кресла программисты не скупались — стоимость некоторых кресел приравнивалась к стоимости компьютеров. На полках компьютерного стола толстые учебники по программированию. Рядом со столом несколько системных блоков и ноутбуков «потестить». Квартиру программиста видно сразу.

Руководствуясь принципом холостяка, чтобы создать в своем «логове» уют, БС повесил красивую хрустальную люстру и тюлевые занавески. Квартира была неубрана, разбросанные вещи, грязные тарелки на столе у окна... Ира обратила внимание, что в квартире было очень пыльно...

— А у тебя есть братья и сестры? — спросила Ира у БС.

— Да, младшая сестра с родителями живет. А у тебя?

— Нет, я одна в семье.

— Эгоистка, значит. Понятно. Ну посмотрим программу?

БС пригласил Иру за свой компьютерный стол, для Иры принес из кухни деревянную табуретку, а сам сел во вращающееся кресло. Он пару раз крутанулся, положил руки на подлокотники, а шею уместил на специальные подушки и гордо откинулся.

— Посмотри, какое у меня кресло! Геймерское! Есть вибромассаж и динамики! — сказал БС, описав все достоинства своего дорогого кресла.

— Классное...

— Хочешь посидеть?

— Нет, спасибо.

— Ну смотри, — и он стал более подробно показывать Ире доделанную программу, рассказывать, что и как работало. Программа получилась сложной, БС загрузил много дополнительных картинок, поменял все иконки «по умолчанию» и перекрасил все цвета программы в свои, акварельные. Ирина программа работала, чудесным образом генерируя документы в текстовый редактор. Ире осталось сделать только текст диплома.

— Ну что? Могу скинуть тебе программу сегодня!

— У меня просто зарплату задерживают, в который раз сказала Ира. — Я сегодня не смогу оплатить, — повторилась она. БС замолчал.

Он как-то неловко чего-то ждал... Тянул время, молчал...

— Смотри, у меня есть фотки с прошлых дней факультета и физкультурминутки! Хочешь посмотреть?

— Давай.

БС начал показывать Ире разные фотографии с общими знакомыми:

— Какая тебе музыка нравится?

— Разная...

БС поставил громкую клубную музыку.

Еще год назад Олеся многое бы дала, чтобы БС вечером у него дома ставил ей музыку и показывал фотографии... Ира не хотела задерживаться:

— Я лучше пойду... — неловко сказала она. — Мне надо идти.

Ладно, так когда ты оплатишь?

Я думаю, на выходных...

Ну хорошо...

БС скинул Ире на флешку готовую программу.

— Ты тогда позвонишь, когда получишь зарплату, я подъеду за деньгами.

— Хорошо.

Ира через пару дней получила зарплату, оплатила программу диплома БС и следующий месяц старалась экономить...

Через десять лет Якутенко Борис Станиславович, Змий, будет работать в институте дополнительного образования при университете, станет старшим преподавателем кафедры информационных технологий... Также он откроет свою фирму по торговле офисной техникой и оборудованием. Через десять лет он будет также не женат.

Предзащита

Во втором полугодии пятого курса у Иры резко испортились отношения с Алексеем, и, немного помучив друг друга, в апреле, после госов и перед защитой, они решили расстаться.

— Ты же без меня прожила двадцать один год и дальше проживешь, — говорил Ире Алексей, когда она плача спрашивала его, как будет жить без него дальше.

— Будет кто-то другой, — успокаивала близкая подруга.

Олеся и Вера были шокированы Ириным разрывом с Алексеем, они были уверены, что бурный роман Иры закончится свадьбой.

После расставания с Ирой, Макаров Алексей еще повстречается с парой-тройкой девушек, а через несколько лет женится на своей давней знакомой, лучшей подруге Елены, жены отца, тоже Елене, которая будет на несколько лет его старше. Через десять лет он будет бездетен и вместе с женой будет выплачивать в ипотеку двухкомнатную квартиру, которую купит поближе к друзьям, на другом конце города от работы. Он будет работать в той же фирме начальником того же отдела. Его младшая сестра уедет учиться в Москву, а мать будет досматривать девяностолетнего дедушку.

В конце апреля поставили предзащиту. Сначала говорили, что предзащита будет в конце мая, но неожиданно ее на один месяц перенесли. Пре-

дупредили за неделю, Ира не успевала сделать текст диплома. Всю неделю работала допоздна — как назло на работе был завал, приходилось задерживаться, совсем не было времени садиться за текст, и Ира в который раз радовалась, что заказала программу у БС. Она все откладывала текст на последний день. Сначала думала сделать его ночью перед предзащитой, но ее опять задержали на работе, она вернулась поздно, очень устала и уснула. Предзащиту поставили в восемь утра. Ира собиралась проснуться в пять, чтобы сделать хоть какой-нибудь текст, но проспала. Пошла без текста.

Предзащита проходила по кафедрам. Информационные технологии сдавали в 111. На предзащите присутствовали студенты всех трех групп экономспециальностей, которые писали дипломы на кафедре информационных технологий.

В аудитории сдвинули два стола, поставили бутылки с минеральной водой, в соседней 112 для голодных преподавателей накрыли праздничный стол к предзащите скидывались по две тысячи.

В 111 присутствовали только преподаватели кафедры информационных технологи. За столом сидели Кругов, Каркошин и Полозин.

Студенты по очереди заходили в аудиторию, складывали на стол тексты дипломов, запускали презентацию со слайдами и рассказывали по бумажке доклад. На предзащиту все пришли нарядные, студенты и преподаватели. Диана Пожарова специально к предзащите купила строгий черный костюм. Пока студенты отвечали, члены комиссии листали текст диплома и иногда делали пометки, что добавить или убрать. Преподаватели не смотрели программы студентов, только читали тексты. Сдающие не слушали ответов других студентов, ответив выходили в коридор.

Когда подошла очередь Иры, она тоже запустила презентацию, что-то рассказала по бумажке.

— А где текст диплома? — спокойно поинтересовался декан.

— Не готов.

— Хорошо, идите.

Комиссия недолго совещалась. Когда озвучивали оценки за предзащиту, дойдя до фамилии Иры, Кругов остановился:

— Шмонова, у вас нет текста диплома, значит, нет самого диплома. Это двойка. Ничего не готово, — строго сказал декан, многозначительно и бегло посмотрев на Иру, других студентов и преподавателей.

Полозин, сидя за столом, только разводил руками и красноречиво махал кучерявой косматой головой, мол, сами виноваты...

— Вам надо поработать с вашим преподавателем, — добавил Кругов, повернувшись к Полозину. — Дмитрий Викторович, обратите внимание, ваша студентка, — Кругов указал на Иру, не сказав, но подразумевая, мол, двоечница, и продолжил читать список оценок.

Ира была удивлена, она была уверена, что ей поставят четыре, три, но только не два. На предзащите оценки в основном были хорошие, мало троек, только Ирина двойка портила всю картину.

Напоследок декан решил приободрить студентов:

– Предзащита – это еще не защита. Еще есть время доработать программы, дописать тексты дипломов. На предзащите мы отметили, на что нужно обратить внимание каждому студенту. У вас еще больше месяца. Есть время подготовиться. Надеемся, что вы учтете все наши замечания и исправите все к защите.

Все стали расходиться.

– Шмонова, подождите меня! Не уходите! – громко сказал Полозин Ире, когда она направлялась в коридор с остальными одногруппниками.

– Хорошо...

Самой неожиданной оценкой в пятьдесят шестой была именно Ирина двойка.

– На предзащите, как и на госах, тоже вроде бы по две тысячи сдавали и стол накрывали. А у Иры двойка. Может, мало сдавали? – спросила у Глеба Олеся.

– Ну, надо не только деньги сдавать, но и учить, диплом писать, текст делать... – ответил Глеб. Диана Пожарова и Дима Захаров тоже были удивлены.

– Да не парься ты по поводу текста, – успокаивала Олеся. – Навставляй скриншотов, скопируй какой-нибудь текст – диплом все равно никто читать не будет, – советовала она.

– Посмотрим, – ответила Ира.

Кругов и Каркошин, выйдя из 111, сразу пошли в 112. Последним вышел Полозин:

– Пойдемте на кафедру, – сказал Полозин Ире. – Я вам скину пару дипломов прошлых лет. Будете по ним ориентироваться. Вы же работаете? Поэтому не успели?

– Да, полный день...

– Ну вот... Предзащита – это еще не защита, – повторил слова декана Полозин, подбадривая Иру, когда пришли на кафедру. – У вас еще все майские праздники впереди... – Он скинул на Ирину флешку в качестве примеров нескольких похожих дипломов и назначил время следующей консультации. – Приходите уже с готовым текстом, чтобы только вносить исправления. Времени осталось мало! Звоните, если будут вопросы!

Все майские праздники Ира писала текст диплома. Он оказался легким, намного легче, чем она думала. Как и говорила Олеся, навставляла скриншотов. Кое-что списала из дипломов Полозина, кое-что скопировала из Интернета. И в итоге сделала текст за пару выходных дней.

К консультации Ира принесла распечатанный текст и скинула на дискету Полозину программу – все дипломы принимали только на дискетах. Дмитрий Викторович внимательно прочитал диплом, внес свои замечания и после исправления замечаний диплом утвердил, сказал сдать текст диплома на проверку в деканат, а сам взял себе экземпляр писать рецензию и отзыв.

Итоговые пересдачи

Последние организационные встречи проходили уже не по субботам, а среди недели, чтобы, когда присутствовало большинство преподавателей, студенты могли решить все организационные вопросы по дипломам и пересдачам. И каждый раз Ире приходилось отпрашиваться с работы. На одной из последних встреч раздали итоговые оценки для проверки самими студентами. Глядя в оценки, Олеся спросила у Иры:

— Ты не будешь пересдавать какую-нибудь четверку?

— Нет, не буду... Только тройку Горового для красного диплома.

Олеся была в синих прямых джинсах и черной майке на ляпочках, Ира — в розовой футболке и кремовых шортах.

— Ты разве не собираешься пересдавать четверку по дискретке Скуленко второго курса? — удивилась Олеся.

— Нет, не собираюсь, — Ира хмыкнула. — Ты че? Смеешься? Конечно, нет!

Олеся замолчала, вопросительно посмотрев на Иру, как будто ждала объяснений.

— Выучить еще раз дискретку с задачами, все теоремы и доказательство — это уже для меня слишком... На втором курсе практику сдавали Овикяну, а сейчас пересдать практику самому Скуленко! Я уже все забыла, это не вспоминать надо, а учить заново! Нет, спасибо. Мне бы Горового пересдать как-нибудь и с дипломом разобраться. На предзащите двойка. Мне уже не до дискретки! Если бы не работала, то может быть... А так все равно не успею выучить... Я ни за какие коврижки четверку по дискретной математике пересдавать не буду! Еще на три пересдам...

— На три пересдашь! — рассмеялся Глеб. Он сидел на соседней парте.

— Ну как знаешь!.. Кстати, как твой дипВлом?

— Знаешь, после двойки на предзащите мне уже не смешно!

— Тогда ладно...

Ира подумывала пересдать четверку Полозина четвертого курса по программированию, надо было только немного разобраться с задачами, но давила двойка на предзащите, пересдача Горового и работа с девяти до шести каждый день — Ира отказалась.

Ира в своих оценках нашла ошибку, пошла в деканат и сказала, что у нее должна быть четверка по информатике на первом курсе, а не пятёрка. Ей ответили, что информатику ставят итоговую, а по итоговой у Иры пять. Ира поблагодарила...

— Скажи мне, зачем тебе пересдавать Горового? Зачем тебе этот красный диплом нужен? — Олеся убеждала Иру не пересдавать криптографию. При словах «красный диплом» Вера только недоверчиво качала головой и истерично хихикала.

— Зачем тебе красный диплом? — повторял Дима Захаров. — Работодатель сейчас вообще диплом не смотрит, а оценивает, что ты знаешь. Вот я работаю, у меня вообще никто диплом не спросил.

И все вокруг твердили Ире, что диплом вообще не смотрят. И красный диплом никому не нужен. И пересдать Горовому сложно. Ира решила философски подойти к вопросу: получится красный диплом — хорошо, не получится — и не надо. Попробовать стоило. Два по криптографии не поставят, какой-нибудь диплом все равно дадут.

В итоге Ира взяла бегунок и записалась пересдавать Горовому злополучную тройку третьего курса. У Таи за пять лет тоже была единственная тройка по криптографии, и она тоже собиралась ее пересдавать.

Тая уже взяла на кафедре численного анализа новые вопросы: за пару лет предмет успел усложниться. Когда сдавали криптографию на третьем курсе, вопросов было тридцать, на пятом их стало уже шестьдесят.

Рома Антошин сказал Ире, что Тая специально записалась на пересдачу к Горовому, чтобы посмотреть, как Ира будет пересдавать.

— А Горовой будет на пересдаче спрашивать только то, что нам преподавал или уже усложненный предмет? Там еще столько же вопросов добавилось, — спросила Ира у Таи, когда делала ксерокс вопросов.

— Сказал учить все.

— Понятно... А где брать лекции остальных вопросов?

— Я взяла их у одной третьекурсницы, можешь сделать ксерокс... — Тая протянула толстую тетрадку, у нее как всегда было все схвачено.

С Горовым договорились о пересдаче через неделю в понедельник.

Ира все свободные вечера и выходные вспоминала, что учила на третьем курсе по криптографии. Даже не все вспомнила. Новые вопросы успела только немного разобрать. Половину времени потратила, чтобы понять почерк незнакомой третьекурсницы. Новые вопросы были еще более абстрактные, было много нестандартных решений и доказательств. К понедельнику ничего из нового не выучила. Опять отпросилась на работе — в последнее время Ира часто отпрашивалась и на работе на нее уже косились, — сделала шпаргалки и пришла к восьми на пересдачу. С Таем встретились у расписания. Пересдачу поставили в 141, пересдать Горовому было много желающих.

К Тае с Ирой подошла Олеся.

— Пересдаете Горового? Камикадзе! — Олеся в этот день сидела лаборантом в 216 и напоследок решила подбодрить одногруппниц. — Ну что? Готовы?

— Ага... — Ира многозначно посмотрела на Олеся: «Даже не спрашивай».

— Главное, перед экзаменом усердно читайте лекции, чтобы Горовой видел, как вы стараетесь, — Олеся похлопала Иру по плечу и побежала дальше на кафедру матмоделирования по поручению ГП.

— Ты все выучила? — поинтересовалась Тая.

— Нет, что успела, то и выучила. По новым темам сделала шпоры. Я не все ответы поняла.

— И как будешь сдавать?

— Не знаю. Так и буду... А ты? Все знаешь?

— Так... — неопределенно сказала Тая, но ее вид предполагал, что она все билеты выучила и все вопросы поняла.

На самом деле Ира осознала, что пересдать Горовому усложненную криптографию на четверку было мало шансов. К Горовому со шпаргалками можно было не приходиться, сразу бы два поставил. У Иры была большая вероятность пересдать тройку на двойку. Двойку бы Горовой не поставил. Но красного диплома Ира бы не получила.

В последние минуты перед передачей Ира с Таей стояли у расписания, читали лекции по новым вопросам, пытались «надышаться перед смертью», как советовала Олеся. В это время к ним тихо со спины подошел Горовой и негромко сказал:

— Ну что, скидывайтесь по две тысячи и приносите зачетки.

Он шел с кафедры, был в хорошем настроении и сам, наверное, понимал, что до предела усложнил предмет.

Через полчаса Ире по старой дружбе две тысячи занял и привез к университету Алексей, уже бывший молодой человек. Деньги с ведомостями и зачетками отнесли на кафедру. Горовой через пять минут вынес зачетки и ведомости. — И куда делась вся принципиальность? — так потом об этом поступке сказал Рома Антошин. Хотел бы завалить — обязательно завалил. Решил не портить Ире красный диплом. Тае для красного диплома нужно было пересдать одну или две четверки.

Через несколько лет Горового выгонят из университета. Горовой проработал более двадцати пяти лет на факультете, посвятил всю жизнь преподаванию... Вася Нечаев, Ваня Казимиров и его друг из общаги Витя Семендяев считали Горового святым, поклонялись ему, как иконе. Боготворили его в прямом смысле слова. Устраивали полоничества в церковь в его честь, когда Горовой болел. Каждый раз ставили свечи за его здоровье, когда Горовой чихал или сморкался...

Горового, грозу младших курсов, основную фобию студентов, Кругов просто выгонят с должности завкафедрой пинком под зад. И никто и слова не скажет... На его место Кругов пригласит своего друга из Челябинска... Горовой устроится работать в небольшой частный вуз, где тоже станет заведующим кафедрой численного анализа.

Ира не любила Горового из-за тройки по криптографии. К Горовому вообще относились по-разному. Он, как сложный и неоднозначный человек, вызывал разные чувства. Некоторые его обожали, некоторые — ненавидели. Как многие сильные личности, Горовой был спорен. Но когда чихал Кругов, никто из его учеников не бежал ставить свечи в церковь, а за Горового бежали... И за Скуленко никто не ставил. И за Ушанкова, и за ГП.... И за Иру, когда она станет работать преподавателем... А за Горового стави-

ли... Только за Горового ставили... И Ира думала, что, может быть, в жизни Горовой сделал больше, чем все остальные преподаватели факультета информатики вместе взятые...

Защита дипломов

Защиту поставили в начале июня. К защите, как само собой разумеющееся, сбросились по три тысячи на стол преподавателям. За последнее время скидываться для преподавателей стало делом самым обыденным.

Полозин в последний день перед защитой сказал Ире доделать отчетность по выполненным договорам. Ира села дома за программу, написала скрипт, появлялась непонятная ошибка. Ира, как она думала, исправила скрипт, программа вообще перестала запускаться. Ира скинула еще раз с флешки программу БС, последнюю версию до Ириных изменений, и решила ничего не трогать. Ну нет у нее отчетности по выполненным договорам, остальное же готово, а вдруг прокатит, не заметят... Как-нибудь...

Перед защитой каждому студенту сказали подготовить по два вопроса по теме диплома и раздать одногруппникам, чтобы они потом спросили на защите. Ира свои вопросы раздала Олесе и Захарову Диме. Отдавать второй вопрос Вере было слишком «палевно».

– Думаешь, тебя завалят? – спросил Дима у Иры перед защитой. – У тебя же красный диплом? А на предзащите двойка.

– Не знаю.

Ира думала, что невыгодно заваливать краснодипломников уже на защите. Но все может быть.

Если предзащита проходила по кафедрам, то защита – по группам. Пятьдесят шестая сдавала в 111, где у информационных технологий была предзащита. В составе комиссии был Ушанков, Ханзадян, Каркошин и Кругов. Горового на защите не было. «Ну и слава Богу», – подумала Ира. У Урвицина защищалось несколько студентов, но он на защите не присутствовал. Как и на госах, перед членами комиссии лежали ведомости с примерными оценками студентов, которые им поставили руководители дипломных проектов. Полозин на защиту не пришел, но поставил Ире свою оценку в ведомость – пятерку.

Напротив доски повесили экран, подключили компьютер. Около доски сдвинули два стола для комиссии. На столах поставили несколько ноутбуков, чтобы комиссия могла смотреть программы студентов. В 112 также накрыли стол.

Каждый студент рассказывал о своем дипломе пять-семь минут, тыкал слайды, потом одногруппники задавали ему вопросы.

Во время защиты члены комиссии не только листали диплом отвечающего, но и смотрели программу, если диплом был по программированию, иногда задавали вопросы по теме.

В отличие от предзащиты, на защите сидели все студенты пятьдесят шестой и слушали ответы друг друга. Ире подумала, что у Вероники был легкий теоретический диплом. Она писала у Ханзадяна. У Димы была сложная программа с графиками и всплывающими окнами...

Настя писала диплом по программированию у Скуленко. Она создала клиент-серверное приложение, разобралась во всех сложных терминах и абстрактных понятиях, сделала красочные графики и формирование отчетов в текстовом редакторе. Другими словами сделала все, что так и не получилось у Иры.

У Дианы Пожаровой тоже была клиент-серверная программа. Она начала писать диплом у Кругова, а закончила у Каркошина.

Тая писала диплом по математическому моделированию у Урвицина, она обдумывала поступление в аспирантуру, и ее диплом мог стать основой для будущей диссертации.

Женя за Таей пошла писать диплом к Урвицину. Диплом у Жени долго не получался, она часто ходила на консультации, многие вычисления пересчитывала, и Тая, которая обычно училась хуже Жени, делала для Жениного диплома некоторые расчеты. В итоге диплом Жени получился намного слабее Таиного.

За пять лет учебы на факультете информатики Женя и Вероника так и не научились программировать, переложив все программы, задачи, курсы по программированию на широкие надежные плечи своих парней. Те были только рады им помочь. Тая тоже не особо разбиралась в программировании, ей сначала помогал с программированием Слава, а потом ее старший брат.

Вера писала «экономический» диплом по математическим моделям финансового рынка у Сидачкой, которая в свое время отказала Ире.

Олеся писала диплом у Каркошина, он был другом ГП.

Когда Ира отвечала, она тоже потыкала слайды презентации, прочитала текст доклада по бумажке. Ушанков обратил внимание на измененные иконки и перекрашенную программу. Как и было задумано, Олеся и Дима с умным видом задали заранее придуманные Ирой вопросы.

— У комиссии есть вопросы к отвечающему? — с победоносным видом спросил довольный Кругов. Ему понравился Ирин ответ.

— Ну, какие тут вопросы, все понятно, — торжествующе сказал как всегда улыбающийся Ушанков. У комиссии вопросов не было. Про отчетность по выполненным договорам никто не спросил. Ира прям почувствовала, что ее программа, написанная БС и незаконченная, и текст диплома, сделанный за пару дней, на самом деле классные.

— Спасибо, вы можете садиться, — сказал Кругов.

Когда все ответили, одногруппники, как и положено, вышли ожидать оценки в коридор, комиссия, как и положено, полчаса совещалась. Преподаватели не пошли в 112 перекусить, а остались в 111. За время говов, защит и предзащит они и так набрали лишние килограммы. Каждый год декан, завкафедр и преподаватели, сидящие на госах и защите, поправлялись и боялись, что сопьются. Каждая группа накрывала им стол и стремилась накормить посытнее и напоить покрепче. Многие после экзаменов садились на диету. Говорили, что один препод, не уточняли кто, однажды за время выпускных экзаменов набрал пятнадцать килограммов! «Конечно, столько жрать!», — думала Ира.

В 112 пошел только Каркошин — защита пятьдесят шестой была первой защитой, на которой он сидел.

Через полчаса пятьдесят шестую группу пригласили в 111. Кругов стоя оглашал оценки, когда дошел до фамилии Иры, сделал паузу:

— Шмонова... Вот у Шмоновой на предзащите была двойка. Как вы это объясните? — спросил он у Иры.

Ира сказала себе, что декан не должен все обо всех помнить, запоминать причины двоек всех своих студентов. У него вон их сколько, одних пятикурсников около ста двадцати человек, и у всех на защите нужно присутствовать и всех держать в памяти, а декан один. Как тут всех запомнить?

— У меня не был готов текст диплома.

— А программа была готова?

— Да, программа была.

— Ну, если была программа, значит, — сказал декан примиряюще, обращаясь к комиссии, — диплом был, по сути, готов. — «Ну, по сути, готов», — дружно закивали Ушанков и Ханзадян. — Шмонова — пять, — убедительно сказал декан без тени сомнения, глядя в ведомость. Его тон не предполагал возражений. И продолжил обычной интонацией читать список оценок.

В конце Кругов огласил список тех, кого рекомендуют в аспирантуру.

— Обликова, Пожарова, Резцова, Шмонова, Захаров — вам рекомендуется дальнейшее обучение в аспирантуре!

В целом оценки были положительные, абсолютно предсказуемые и немного завышенные. Тройка была только у Васи Нечаева, его научным руководителем был Каркошин, но диплом Вася писал не сам, а заказывал его у Вдольской. Даже у Антона Ктавиди была четверка. Вася очень обиделся на Вдольскую, говорил, что Анна Борисовна гарантировала ему четверку на защите.

— Да, Вдольская сама писал мой диплом! Деньги взяла, двадцать пять тысяч — большие сейчас деньги! — жаловался Вася. — Наобещала золотые горы. А в итоге у меня тройка.

Вася собирался идти разбираться с Вдольской и жаловаться Кругову или еще кому-нибудь, кому, Вася пока не решил.

– Забей! – сказала ему Олеся. – Сдали и ладно! Ну что ты Кругову скажешь? Что диплом тебе писала Вдольская? Тебя и отчислить могут за такие слова!

– Успокойся! – говорил Васе Глеб, тормоша его за рукав. – Какая теперь разница, как будто у тебя красный диплом или единственная тройка в дипломе! Защитился, и слава Богу! Пошли лучше отметим защиту! Пивком! – И Вася в очередной раз послушался Глеба и не пошел разбираться в деканат...

В последние дни группа стремилась как можно больше времени проводить вместе, предчувствуя скорую разлуку. После защиты все, кроме Антона, Глеба и Васи, пошли в кафе у главного входа обмывать защиту. Скромно по-студенчески заказали чай, слойки и кексы.

– Ну, защита прошла нормально, – сказала Женя, когда все расселись. – Вася только расстроился.

– Мда, он думал, что получит четыре, как Антон и Глеб...

– Ну что? По сколько в пятьдесят седьмой на защиту собирали? – спросил Дима у Дианы Пожаровой.

– Тоже по пять!

– Они сдулись? На госы по пять, на защиту по пять... – Дима усмехнулся.

– Кто собирается поступать в аспирантуру? Женька, ты будешь поступать? – после некоторой паузы спросила Олеся у Жени.

– Нет, спасибо. Да кому нужна сейчас эта аспирантура? Работодатель все равно на аспирантуру не смотрит... Хватит уже учиться, – и Женя быстро отшвырнула тетрадку с конспектами, которую зачем-то принесла на защиту и сейчас достала, как будто еще несколько лет учебы она просто не выдержит. Ира удивилась – ей училось легко.

– Я точно в аспирантуру поступать не буду! – сказала Вера и захихикала своим невеселым, нервным и больным смехом, закрывая рот рукой с зажатым сопливым платком.

– А ты, Тая? – спросила Олеся у Таи. – Пойдешь в аспирантуру?

– Не знаю еще, – уклончиво ответила Тая. – Думаю, что буду...

– Я собираюсь поступать в аспирантуру к Кругову, если возьмет... – сказала Диана Пожарова, сделала глаза-щелочки, улыбку, посмотрела по сторонам и хмыкнула.

– Ну, ты как работник деканата, тебе сам Бог велел, – сказала Женя.

– Ну да... Я надеюсь поступить на бюджет, – сказала Диана и опять невесело хмыкнула. Она двумя руками держала за верх одноразовый стаканчик с горячим чаем.

– А ты, Ира, будешь поступать? – спросил Дима.

– Я вряд ли, – ответила Ира.

– Я тоже... я работать пойду, – сказал Дима. – За аспирантуру еще каждый год платить надо! Единственное, что хорошо, это отсрочка от армии. Но от армии можно и так отмазаться, один раз заплалил взятку ше-

стдесят тысяч и все! А в аспирантуре учиться надо, диссер писать! Сколько учиться? Три года?

– Да, три года, – подтвердила Диана.

– Я еще понимаю, пацанам в аспирантуре учиться, а девчонкам что? – сказала Женя.

– Диана, а сколько стоит год обучения в аспирантуре? – спросил Дима.

– Тоже шестьдесят тысяч, по-моему...

– Символично...

Опять повисла пауза. Все прикидывали стоимость обучения в сравнении с зарплатами.

– Я тоже не пойду! – сказала Настя Тюканова. – Хватит уже учиться! Эта аспирантура никому не нужна, работодатель на диплом не смотрит, на степень кандидата тем более! Ну будешь ты кандидатом наук, за ученую степень доплата – копейки. И только если работать в бюджете! А сколько сил надо, чтобы диссер написать, а потом защититься! На хрена это надо! – Настя говорила как обычно эмоционально. – Мне и Петра хватает! Сколько можно учиться! Он «вечный студент». Пора бы уже и повзреть!

После окончания Петр собирался поступать в аспирантуру на факультет информатики или физики, куда возьмут на бюджет.

– Стесняюсь спросить, а что там у Матродского? – вспомнила о Никите и спросила, обращаясь к Диане Пожаровой, Настя.

– Он курсовую Доровской так и не сдал, – ответила Диана.

– Доровская так и не подписала ему зачетку? – удивилась Ника.

– Неа...

– Не повезло ему.

Матродский Никита из пятьдесят восьмой все бегал, пытался сдать курсовую с третьего курса по эконометрике Доровской. Просил Кругова назначить ему пересдачу с комиссией. – Курсовые с комиссией не пересдают, – ответил Кругов, и у Никиты остался хвост.

Все замолчали и подумали о Никите...

– Доровской предложили работать в институте дополнительного образования при университете. Она отказалась, сказала, что студенты тупые, не хочет с ними работать, – рассказывала Тая между делом.

Диана Пожарова хмыкнула в ответ.

– Женька, так когда у вас свадьба? – спросила Ника.

Ира переживала мучительный разрыв отношений, Женя Резцова готовилась к свадьбе.

В конце пятого курса в пятьдесят шестой произошло одно расставание – Ира рассталась с Алексеем – и было сделано одно предложение – весной Степан предложил Жене выйти за него замуж. Расставание и предложение пятьдесят шестой были главными событиями пятого курса, не считая получения дипломов.

Когда Степан выбирал между Женей и девушкой с эконома Настей, с ним по-мужски поговорил Слава, и Степан выбрал Женю. Егор сказал Степану самому разбираться: — Вот Егор — настоящий друг! А Слава больной, у него рак. Как можно отказать другу, больному раком третьей степени? — так ситуацию описал сам Степан. Именно прикрываясь смертельной болезнью друга, Степан оправдывался перед Настей. И сделал предложение Жене. Настя рвала и метала.

Отношения трех пар экономспециальностей развивались на глазах у однокурсников. Женя со Степаном начали встречаться на первом курсе на даче у Таи. Однорूपники видели появление вечной соперницы Резцовой — Насти. И все эти годы гадали, расстанется все-таки Степан с Настей или нет и кого в итоге выберет. Их вечный любовный треугольник вызывал любопытные споры и пересуды. На глазах у однокурсников они ссорились и мирились, сходились и расходились. И вот в конце пятого курса было сделано предложение.

Из трех пар Тая уже рассталась с больным раком Славой, Егор изменял Веронике направо и налево. И только Женя и Степан собирались пожениться. Теперь все гадали, будет ли Степан изменять Жене в браке...

Сначала при Ире, боясь ранить ее чувства, старались не обсуждать предстоящую свадьбу Резцовой, но через месяц после Ириного расставания при ней уже не стесняясь говорили о свадьбе — новой излюбленной теме девчонок пятьдесят шестой.

После защиты Женя хвасталась одноклассникам:

— Все как полагается, Степан на коленях просил моей руки, подарил кольцо, — Женя показала золотое кольцо с большим камнем на безымянном пальце. — С ней переспал. А предложение мне сделал!.. А со свадьбой все никак. Я уже говорю: «Ну что? Когда уже?.. Надо же подготовиться! Свадьба же не за один день делается». Родители у него тоже спрашивают, когда же свадьба? Ну вот, все никак.

Предложение Резцовой сделали, но дату свадьбы так и не назначили. Женя только разводила руками:

— Мне наняли тренера, Владимира Александровича. Он рассказывает мне основы этикета. Как себя вести в обществе, как сервировать стол.

Как невеста Степана, Женя должна была пройти определенные мастер-классы.

— Недавно сидим с родителями за столом, обедаем, — продолжала Резцова, будущая Дашевицкая. — Говорю маме: — Рожать — такая боль. Женщины всю жизнь помнят. Говорят, с этой болью ничего не сравнится. Не представляю, как можно ребенка родить... А мама мне говорит: — Посмотри, сколько людей вокруг, и всех родили! — получив предложение руки и сердца, Женя начала всерьез задумываться об ощущениях при родах.

— Я боюсь уколов! Боюсь, когда мне из пальца кровь берут, из вены еще ничего, но из пальца! Намного больнее. А как я рожать буду?

Вера только показала головой.

Иру абсолютно не беспокоили вопросы будущего деторождения.

Поболтав об аспирантуре и свадьбе Резцовой, только что защитившиеся одногруппники, практически выпускники, решили разъехаться по домам.

Женин тренинг по этикету не оставил Олесю и Иру равнодушными. Выходя из университета они обсуждали:

— Мне так понравилось, как Резцова сказала, что Степан с Настей переспал! — Олеся хмыкнула. — Он с ней, извините, регулярно спит!

Ира подумала, что Женино хвастовство выглядело смешно.

— Они любую мартышку оденут, как леди, и вести себя научат, говорить тонким, легким голосом. Тренера наймут. Женьке вот наняли. Спину держать научили. Хотя также выпендрежно разговаривает.

— Женька вроде и до этого спину держать умела. У нее вроде нормальная осанка. Она же художественной гимнастикой занималась.

— Если уж Степан Женьку не выдрессировал, не научил нормально разговаривать — уже никто не научит...

Ира переживала болезненное расставание со своим первым молодым человеком, но она всегда находило успокоение сначала в учебе, а потом в работе. Хорошо, что она работала с девяти до шести. Диплом был защищен, Горовой пересдан. Ира решила забыть в работе...

Через несколько лет, уволившись с очередной работы, Ира придет в свой универ на кафедру численного анализа — к тому моменту Горового уже уволят — и попросит нового завкафедрой, седого высокого старичка в очках, взять ее преподавателем матанализа, линейной алгебры или численных методов. Завкафедрой внимательно посмотрит на Иру, проведет собеседование, запишет номер, скажет, что «на тот момент новый преподаватель на кафедре не нужен, если им понадобится преподаватель математики, они позвонят, вот если бы программирование, тогда другое дело». Но с универа никто не позвонит... Ира станет работать частным репетитором...

Диплом Сидоровой

Сидорова Катя попала писать диплом к одному из самых строгих преподавателей факультета информатики. Катя долго бегала, выбирала себе преподавателя, в итоге пропустила все сроки и ее распределили к профессору кафедры прикладной математики, доктору наук Федичко Людмиле Ивановне. Бойкая, энергичная старушка под семьдесят с удивительно ясным умом и хорошей памятью, она всю жизнь посвятила универу, не имела ни семьи, ни детей. Ее суровый вид внушал страх не только

студентам, но и сотрудникам кафедры и даже заведующему кафедрой Урвину. Они все дрожали при виде ее худощавой фигуры и звуке ее громогласного скрипучего голоса. Сначала Катя предложила профессорше самой написать ей диплом, но та отказалась, аргументируя, что много работы и совсем нет времени. Тогда Катя заказала диплом за двенадцать тысяч в маленькой частной фирме, где уже писала курсовые и делала задачи по программированию.

На фирме Катя как обычно заключила договор об оказании информационных услуг, получила все чеки, передала методичку и через несколько недель получила первую часть диплома, которую сразу же отправила на почту научному руководителю. Людмила Ивановна первую часть не посмотрела, сначала уехала по делам на месяц, а потом ушла в отпуск и вернулась только в конце апреля, поэтому Катя принесла ей практически готовый диплом уже перед предзащитой.

Людмила Ивановна посмотрела диплом, попросила добавить статьи, материалы из диссертаций последних лет и придиралась к ссылкам. Катя по почте отправила диплом сотрудникам фирмы и на следующий день получила переделанный диплом, который опять сразу же переслала преподавателю.

На следующий день Катю вызвали в деканат, где в присутствии Кругова и еще нескольких преподавателей кафедры профессорша кричала, что диплом в принципе готов, но еще сырой. Что все ссылки в дипломе не те. Что введение нужно сделать по образцу, а в заключении нужны выводы по каждой задаче из введения, что все нужно оформить по госту. Людмила Ивановна орала и брызгала слюной, кидала отдельные листки Кате в лицо и кричала, что так нельзя работать, что такими темпами Катя не защитится, и риторически спрашивала, куда смотрят родители Кати. Опозоренная и униженная, Катя, садясь в такси, набрала номер фирмы и устроила скандал по телефону. Сотрудники фирмы ее успокоили, как могли, сказали, что внимательно внесут все исправления, оформят по госту, сделают речь и презентацию для предзащиты.

За день до предзащиты Кате опять позвонила Людмила Ивановна и сказала переделать все оформление списка использованной литературы по новым требованиям. Катя убрала из ссылок на интернет ресурсы дату обращения. В день предзащиты основной сайт, на который указывало большинство ссылок, оказался недоступен, и Кате сказали переделать весь диплом. Лаборантка кафедры подсказала Кате, что так бывает: сайт был доступен в определенный день, а в другой день уже недоступен, что, возможно, на сайте проводились профилактические работы.

За несколько дней до защиты профессорша кричала, что оригинальность диплома тридцать процентов, а должна быть шестьдесят, что первая часть вся скачена из Интернета. Что Катин диплом единственный, который не прошел проверку на оригинальность. Что в универе своя программа проверки, что теперь все дипломы на факультете завернули из-за одного

ее диплома и не принимают в министерстве образования. Что осталось несколько часов и ничего сделать уже нельзя.

Катя сидела в коридоре под дверью деканата и плакала. Потом ее научный руководитель вышла и сказала, что так и быть, она сама исправит диплом. Поднимет уровень оригинальности с тридцати процентов до шестидесяти за полдня. Конечно, не бесплатно. Благодарная Катя пообещала любые деньги...

Катя поехала в частную фирму разбираться, закатила скандал. Она требовала назад свои деньги. Сотрудницы, тоже студентки, частично деньги вернули и стали оправдываться, говорили, что писали все сами. Что проверяли оригинальность по всем известным программам. И процент оригинальности был не меньше шестидесяти. Что за полдня процент оригинальности с тридцати процентов до шестидесяти не поднять. Что все доработки, которые Катя требовала, они сделали. Что речь и презентацию написали...

Потом уже после защиты, лаборантка кафедры скажет Кате тихо в коридоре, что первая часть попала в плагиат по программе универа просто потому, что была написана из учебников. А Людмила Ивановна только поменяла в дипломе некоторые слова, добавила непечатаемые символы и «продала» Кате свой «переделанный» диплом еще за двадцать пять тысяч. И диплом готов, и ничего делать не надо, и деньги получила. Хороший способ заработать... Катя возмущаться уже не станет, диплом-то она сдала... зачем воду мутить...

Через несколько лет после окончания универа Сидорова Катя уедет в Тимашевск работать экономистом в фирме своей матери, и Ира о ней больше не услышит...

Диплом турфирмы

В июне Ира помогала с дипломом пятикурснику-заочнику из Абхазии, который учился на факультете международных отношений. Он принес ей свой готовый диплом по туризму, сказал оформить по методичке, написать речь и сделать презентацию. Ира внимательно прочитала диплом. Чтобы набрать необходимый объем, студент в середину диплома добавил несколько страниц рекламного текста из сайта турфирмы, не имеющий к диплому никакого отношения: «Хотите забронировать тур? У надежного туроператора? По выгодной цене? Оставьте нам свой номер», дальше шло описание туров по России, за границу и детских лагерей. Студент, наверное, копировал страницы сайта целиком и в скопированное попали и рекламные блоки — реклама обуви, косметики и расценки при продвижении

сайтов. Сам диплом был около шестидесяти страниц, при этом текста с сайта турфирмы, не имеющего к диплому никакого отношения, около десяти. В работу Иры не входило убирать текст заказчика или вставлять свой. За исправление диплома ей не платили.

Ира перезвонила студенту и уточнила, нужно ли оставлять этот текст, как он туда попал и что с ним делать. Студент спокойно и откровенно объяснил, что этот текст для увеличения объема и его нужно оставить. Как будто вставить десять страниц описания туров в диплом является само собой разумеющимся. Ира подкорректировала диплом, убрала рекламные блоки, слоганы, номера телефонов и адреса турфирмы, бронирование отелей и стоимость туров, чтобы не пострадал объем, но бредовые страницы не бросались в глаза, сделала презентацию и речь.

После защиты студент позвонил и рассказал, что сдал на четыре.

— А как же текст в середине диплома? У вас же там брошюра турфирмы?

— Так его же никто не читал. Я с преподам договорился...

— Понятно...

Последние потрясения

Перед получением диплома в деканате сказали «пройти обходной лист». Ира сдала студенческий и должна была получить подписи из профкома, учебной и научной библиотек и читального зала, что нет долгов. Кто жил в общежитиях, собирал подписи еще из общаг. Пока Ира бегала с обходным листом, в Интернет-центре случайно наткнулась на Диму Шеламова, который решил «пробежаться» с Ирой «за компанию».

Поднимаясь по лестнице, Дима говорил Ире:

— Преподы сами за деньги сдают вступительные экзамены за своих учеников. Так высокие баллы и получаются. За учеников пишут препода или студенты-отличники... А ты думала, как у нас дебилы поступают...

— Понятно...

— Ты знаешь, что Кругов за семьдесят тысяч за учеников вступительные экзамены сдает.

— Ну, семьдесят тысяч — примерная стоимость одного года обучения. — Ира уже поняла, как складываются расценки в вузе.

— Семьдесят — это первые годы обучения, потом дешевле. — Дима как обычно улыбался, «как зайчик», закусив нижнюю губу и показывая крупные передние зубы. — Ученик в аудитории сидит, а Кругов решает ему в соседнем классе, потом ученик выходит в туалет и забирает решения. Кругов одной сотруднице отстегивает, чтобы она его покрывала. Помнишь

парня, с которым встречалась Диана Пожарова на первом курсе? В него еще Аня Тротурская была влюблена? Сережа, кажется? Ему Кругов вступительные решал...

Наверное, Дима рассчитывал, что Ира опять за правду будет бороться, тему на форуме создаст «Декан сдает вступительные экзамены за учеников», и тогда ее точно отчислят, как раз перед получением диплома. Нет уж, спасибо.

– Не знаю, я ничего подобного не слышала.

«Кругов так подставил Кроткову, а сам за учеников вступительные сдает», – только и подумала Ира.

– Да, все преподы вступительные за учеников сдают, чтобы заработать, – продолжал Дима. – Так все делают... На нашем факультете только Скуленко пока держится. Он верующий, у него принципы. Остальные все пишут. Доровская долго держалась. А сейчас пишет, ходит радостная. Ипотеку выплачивает. Расценки от шестидесяти и выше. У всех кредиты, ипотеки, кто откажется от лишних шестидесяти тысяч?

Дима показал пальцем темноволосого троечника с основной специальности:

– За него Полозин вступительные решал. А за этого – Горовой, – Дима указал на рядом идущего низенького студента-качка в очках, который оказался Ириным одноклассником Будинцевым. – Вот они и дружат, – перед получением диплома Дима решил заняться Ириным просвещением. Будинцев готовился к поступлению с Горовым. Ира все спрашивала себя, как Будинцев, троечник, поступио на бюджет на такой сложный факультет. Теперь понятно.

Когда Ира поступала, вступительные экзамены сдавали в университете. Апрельское тестирование было пробное и добровольное: министерство образования тестировало новую систему. Через несколько лет апрельское тестирование назвали единым государственным экзаменом и стали сдавать в июне. ЕГЭ стало обязательным, выпускные экзамены в школе стали вступительными в вузе. Ученики в начале июня писали экзамен в школе, через десять дней получали результаты в баллах, предоставляли их в вуз и по результатам тестирования поступали. Но и здесь нашли лазейку.

Дима рассказал, что теперь преподы вуза и студенты-отличники зарабатывали тем, что решали ЕГЭ за школьников. Родители учеников заранее находили, кто будет решать их детям экзамены. Обычно заранее договаривались с преподавателем, аспирантом или студентом-отличником. В день экзамена в шесть утра за «сдающими» приезжали родители учеников, за которых писали, увозили на тонированных машинах в свои квартиры в Адыгее. Там преподы или студенты сначала ждали задания, а потом решали их. Ученики в школе в аудитории во время ЕГЭ фотографировали задания. Их прикрывали свои же учителя. Все договорено, оплачено. По телефонам ученики высылали фотографии заданий родителям, а дома студенты или преподаватели решали эти задания и отправляли снимки ре-

шенных примеров ученикам. На всякий случай делали сразу несколько фотографий. В одной квартире сидело сразу несколько решающих, которые делали задания сразу нескольким ученикам, чтобы, если что-то не получается, советоваться друг с другом. За час до окончания экзамена сдавали все решения и чистовики, чтобы у учеников было время переписать. Иногда сами родители отвозили в школу чистовики. Ученики переписывали и сдавали. Расценки от двадцати тысяч и выше... Сразу оплачивали. Потом преподавов увозили обратно. И они даже не знали, кому решали и где находились. Самое интересное, что даже преподаватели и студенты-отличники с калькулятором, учебниками и формулами не сдавали школьную математику на сто баллов, в лучшем случае, больше девяносто.

Когда Ира поступала, преподавы сдавали за учеников вступительные экзамены в вуз, когда Ира оканчивала университет, они сдавали ЕГЭ, выпускной экзамен в школе. Преподавы говорили, что коррупция из университета перешла в школу.

— Да это на каждом шагу, везде преподавы пишут курсовые и дипломы, везде берут взятки и сдают вступительные экзамены. Так все делают... И все, боясь уголовной ответственности. Все тут в вузе под статьями ходят. За получение взятки статья. Сдавать экзамены за учеников — это вообще подлог, мошенничество, сговор, злоупотребление служебным положением. До десяти лет лишения свободы. У нас одни преступники по вузу ходят, одни преступники преподают. Тут, по-хорошему, всех посадить нужно. А студенты и преподавы знают и молчат, покрывают друг друга. Рука руку моет. Партизаны. Хорошо отлаженная система. Годами проверенная. Так студенты сами просят за зачет заплатить, чтобы не учить. А потом еще благодарят. И студентам хорошо и преподам. Всем хорошо! А знания... да кому нужны сейчас эти знания? Главное, чтобы деньги были. Все можно купить! Особенно в университете, — пожал плечами Дима.

Ире почему-то показалось, что Дима расстроился, замолчал, вздохнул и посмотрел в сторону.

«Но так не должно быть», — с горечью подумала Ира, но отмахнулась от этой мысли, вспомнив, что сама писала курсовые всему потоку и младшим курсам...

Дима крутился в универе, знал все ходы выходы и предлагал Ире писать ЕГЭ по математике за двадцать тысяч. БС сказал, что за двадцать — слишком дешево. Он, как аспирант и преподаватель вуза, брал больше и мог найти клиентов побогаче... Он собирался писать ЕГЭ еще и по информатике. — Так все делают, — говорил Дима. И повторял эти слова, как молитву.

Преподавы вуза решали ЕГЭ от шестидесяти тысяч и выше — они давали гарантию поступления...

Вручение дипломов

После защиты диплома остался последний штрих — получить непосредственно диплом. Через несколько недель в субботу Кругов вручал заветные корочки. Все пришли нарядные в предвкушении долгожданного вручения диплома. Прийти нарядным уже давно не означало «белый верх — черный низ», парни были в светлых рубашках и джинсах, брюках или костюмах, а девушки — в платьях, кофтах и юбках, или тоже джинсах. Дипломы вручали в амфитеатре, где однокурсники пять лет назад записывали под диктовку Елены Владимировны расписание первого дня занятий. Было символично, что именно в этом амфитеатре через пять лет они получали дипломы.

Дипломы вручали трем «неразлучным» экономспециальностям факультета информатики. Кругов в дорогом темно-синем костюме, белой рубашке и галстучке в тон стоял около кафедры, а Елена Владимировна и Диана Пожарова подносили ему стопочки дипломов.

Единственные родители, которые приехали на вручение дипломов были Степана и Жени. Ира впервые увидела родителей и сестру Степана: мама крупная блондинка с высоко уложенной прической, отец такого же роста, как мама, темноволосый, с большим «пивным» животом. Младшая сестра Степана Юлия тоже крупная темноволосая, выше Жени Резцовой.

Выпускники, вчерашние студенты, выходили, жали руку декану и радостно забирали долгожданные корочки. Сначала объявляли красные дипломы.

Настя получила свой «самокрасный самодиплом» без четверок.

Женя получила красный диплом со средним баллом четыре, девяносто девять.

За красным дипломом пригласили Иру. С учетом двойки на предзащите она до последнего не знала, получится у нее красный диплом или нет. И, защитившись на пять, искренне удивилась, когда красный диплом у нее все-таки получился.

Рядом ниже Иры сидел Шеламов Дима, который тоже пришел на вручение дипломов экономспециальностей, и когда объявили, что у Иры красный диплом, он одобрительно повернул голову и, глядя на Иру, кивнул. Ира подумала, что Дима кивнул в знак уважения к ее все-таки красному диплому...

Шеламов Дима получит второе высшее образование, красный диплом, на факультете физики. Он, как и хотел, останется в универе. Сначала поступит в аспирантуру и защитит кандидатскую «физико-математическую» диссертацию. Через несколько лет после окончания универа он женится на дочери преподавателей с факультета общей физики, отличнице Даше. У них родится дочь, а потом сын. Дима удачно сыграет на золоте: слитки,

которые он купил на пятом курсе, он продаст, когда золото вырастет в цене в четыре раза, и вскладчину с родителями Даши купит двухкомнатную квартиру.

Дима специально пойдет работать преподавателем, чтобы «бесплатно» снимать хорошеньких молоденьких девочек – за проституток платить дорого, а тут студентки сами предлагают себя за оценки. Сначала он будет работать на экономе на кафедре матмоделирования, но после того, как Клудинского выгонят, родители жены устроят его к себе на факультет. Дима будет постоянно изменять жене на зачетах «групповухах»... Даша будет ревновать Диму к Ире, поэтому они практически прекратят общение.

Когда Ира открыла свой диплом, она увидела, что по информатике первого курса ей поставили четверку, а не пятерку, как обещали, Ира разбираться уже не стала.

Последней из пятидесяти шестой получать красный диплом пригласили Пожарову Диану, сотрудницу деканата.

Из пятидесяти седьмой красные дипломы получили Соколов Егор и Иваненко Вова. У Егора красный диплом все-таки получился – он много оценок исправил на гребне болезни Славы Якушенко.

Многим получить красные дипломы помешали тройки первых курсов, так Вероника и Дима Захаров могли еще «побороться» за красные дипломы, но у них было пару троек и слишком много четверок. Тая сама решила не пересдавать необходимые для красного диплома четверки, но собиралась в аспирантуру к Урвицину. Уже окончив университет, Тая будет вспоминать четверку Чеконского третьего курса, как решающую в своем синем дипломе, и каждый раз будет поминать Чеконского «добрым словом».

Когда красные дипломы закончились, Кругов начал вручать синие, Джанаров Артем, отличник первых двух курсов, получил свой троечный диплом.

Степан Дашевицкий был уверен, что у него тоже получится красный диплом. Но... Кругов вручил ему синий. Гордые родители сидели и, рассчитывая получить красную корочку, рассматривали синюю... Родители Степана засуетились, начали в недоумении переглядываться и перешептываться.

К Кругову подбежала Диана Пожарова, потом Елена Владимировна и что-то усиленно зашептали: – Давайте после, – строго сказал декан и категорично отстранил их от кафедры. Они сразу притихли и отошли.

Когда Кругов вручил все синие дипломы и пожал всем руки, он схватился за голову:

– Да, вышло недоразумение, – сказал он, – что-то напутали в деканате, Дашевицкий Степан также получает красный диплом!

Все захлопали, и Степан спустился еще раз, теперь за красным дипломом.

– Подойдите в деканат. Мы внесем необходимые изменения... – декан еще раз радостно пожал Степану руку.

Перед каждым выпускником лежал его диплом, синий или красный, доказательство законченного высшего образования. Пять лет жизни студенты отдали университету и, наконец, очное обучение завершилось. Свои дипломы о высшем образовании они получили...

— Ну вот, все дипломы розданы, — продолжал Кругов. — А один студент получает не диплом, а справку. — Кругов сделал паузу и достал листочек формата «а-четыре», — Матродский Никита, подойдите, заберите...

Никита из пятидесяти восьмой быстро спустился по лестнице и подбежал к декану.

— Здесь перечень всех предметов, которые вы проходили, — Кругов показал рукой перечень и перевернул справку: список предметов продолжался на другой стороне справки. — Но вы не расстраивайтесь, и с такой справкой можно устроиться на работу, — успокаивал Кругов, пожимая Никите руку, похлопывая его по плечу и вручая ему справку.

Никита Матродский так и не сдал курсовую по эконометрике третьего курса Доровской. Все получили дипломы. Никита получил справку. Он повертел ее в руках, свернул пополам и беспечно, ребячливо и «безбашенно» махнул рукой и ухмыльнулся: — Ну что ж.... Справка так справка... Ну и ладно! Где наше не пропало...

— Я хочу поздравить вас с окончанием университета, — завершал торжественную часть Кругов. — И пожелать дальнейшего удачного трудоустройства, Я знаю, что некоторые студенты уже работают... И дальнейших успехов во всех начинаниях. Окончание факультета информатики — это хороший старт для любого специалиста. Студенты, по привычке говорю: «Студенты!» Выпускники! Уже выпускники! Специалисты! Коллеги! Но я не прощаюсь — встретимся на выпускном! — заключил декан. Все начали расходиться.

— Вот уж этот Кругов, — выходя из аудитории, качала головой Женя. Степан, направляясь в деканат за новым дипломом, ничего не сказал, только посмеивался.

Сделали памятные фотографии у расписания с синими и красными корочками и договорились увидеться через несколько дней на выпускном в ресторане.

У Иры было шесть четверок в дипломе: одна пересданная тройка Горового, одна четверка Скуленко и четыре четверки по программированию: одна на первом курсе Кругова, которая в предварительном списке оценок была пятеркой, четверка Полозина на четвертом курсе, купленная четверка Бесчанова на пятом и четверка по практике третьего курса Горового... Четверки Горового было две. Один экзамен и сразу две четверки в дипломе. Что тут скажешь, одним словом — Горовой.

— Вот мы и стали дипломированными специалистами! — сказала Олеся, прижимая к груди синий диплом, под ручку с Верой, которая диплом сложила в сумку.

— Мой диплом точно не был «самокрасным», — сказала Ира Олеся и Вере, вертя в руках красную корочку. — Тройка Горового на третьем курсе, двойка Одронинского на втором, двойка на предзащите диплома, вот такой у меня красный диплом, — Ира усмехнулась. — Я посчитала, мой средний балл равен четыре восемьдесят три. При балле четыре семьдесят пять еще дают красный диплом. Диана говорит, еще бы одна четверка или на одну пятерку меньше, и диплом был бы спорный. Я бы согласилась и на синий. Как говорится, на грани.

— Ну, так всегда и бывает...

— Только не у Женьки с Настькой.

Олеся только улыбнулась:

— Диплом все-таки красный.

— Ну да...

Через несколько дней Ире позвонила Пожарова Диана и сказала захватить за заверенной копией диплома в деканат. Ира отпросилась с работы и в последний раз зашла в стены величественного здания университета. Ее у входа ждала Диана, просто так, без студенческого, в универ уже не пускали.

Ира вспомнила, как пять лет назад в первый раз зашла в стены этого внушительного здания наивной вчерашней школьницей и вспомнила обманчивое впечатление, им созданное... Зашла в просторный коридор с лестницей, ведущей в актовый зал. За пять лет учебы у Иры уже не осталось иллюзий. Она поняла, что почем в универе. Чего стоят красные дипломы Владимировой, договор Вани Казимирова или тройки по сложным экзаменам Олеся. За эти пять лет Ира не заметила никакой научной работы, открытий или достижений, но, может быть, она не туда смотрела...

Ира сходила с Дианой в деканат за заверенной копией диплома и в последний раз взглянула на одну из лучших «альма-матерей» города, да что там города, даже страны. Все то же монументальное здание, та же царица наук, математика, выложенная мозаикой, с факелом просвещения в руках, приветствовала спешащих на пары и экзамены студентов и абитуриентов. Все те же светлые коридоры и огромные аудитории создавали такую обманчивую атмосферу величия. Вот только за стенами молодые талантливые ученые шли работать в преподаватели университета за небольшую зарплату, чтобы «бесплатно» снимать молоденьких студентов. Молоденькие студентки спали с преподами за оценки. Симпатичные мальчики «отдавались» преподавателям за оплату договора, а аспиранты — за продвижение по службе. Преподаватели отказывались нормально учить, боясь конкуренции, писали своим же студентам курсовые и дипломы, брали взятки, прямо на кафедрах предлагали заказать работы. Взятки оформляли через деканат, как «помощь вузу», и ремонтировали здание, красили

аудитории, создавая внешнее благополучие. Преподаватели и деканы за своих учеников школ сдавали вступительные экзамены... Дипломы, которые даже никто не читал...

Но Ира недолго предавалась этим мыслям, ей нужно было вернуться на работу к двенадцати...

Выпускной

Через несколько дней после вручения дипломов отмечали выпускной. К нему скинулись по пять тысяч. Те, кто обещал много не пить, скинулись по три. На вопрос: — А почему так дорого? — Диана Пожарова без стеснения отвечала: — Ну, аренда зала в ресторане и все дела. Сейчас все рестораны заняты, у всех выпускные, сложно найти место. Надо заранее бронировать, оставлять залог.

Глеб сказал, что ему слишком дорого сдавать еще пять тысяч на выпускной — и так было много расходов, госы, защита, предзащита — и что на выпускной он не придет. Антон уехал по делам в Горячий ключ...

После окончания университета Антон Ктавиди ни разу за десять лет не придет на дни встречи выпускников. Через десять лет он будет, как и говорил, начальником управления экономики в администрации города Горячий ключ. Его серьезная фотография будет висеть на сайте администрации, где он, вытянув одну руку вперед и прикрыв себя другой рукой, немного польсевший и поправившийся, сидя за столом, будет смотреть с экрана на посетителей сайта. Он женится на своей невесте, с которой его познакомили родители после четвертого курса, когда ей было двенадцать, и через десять лет у них будет уже двое детей — мальчик и девочка.

Вася тоже не пошел на выпускной, то ли из-за денег, то ли за компанию с Глебом, то ли обидевшись на весь факультет из-за тройки на защите. Глеб с Васей отбивались от коллектива и собирали компанию отметить выпускной пивом в кафе. К ним решили присоединиться Дима Захаров и Диана Усанова, которые тоже хотели сэкономить. Еще недавно неразлучные Дима и Рома больше не дружили: после защиты диплома Рома сказал Диме, что дружил с ним из-за оценок и теперь знать его не хочет. Просил, чтобы Дима с ним больше не общался и никогда не звонил ему. Говоря это, Рома зло смеялся. Выслушав эту речь, Дима пришел домой и расплакался: — Рома злой какой-то, — говорил он потом одноклассникам.

Рома собирался на выпускной в ресторан, Дима — пить пиво в компании Глеба и Васи. Вера решила «усидеть на двух стульях» и собиралась пойти и на выпускной с одноклассниками, и в кафе с Глебом, отметить выпускной два раза — ей нравилось праздновать.

Дима Захаров женится на своей симпатичной, немного шепелявой девушке Ясе на несколько лет младше его. У них родится дочь. Он купит трехкомнатную квартиру в ипотеку и кроссовер в кредит, откроет свою фирму и будет работать программистом сразу на нескольких работах, чтобы выплачивать взятые кредиты. В популярной социальной сети Дима часто будет мелькать в новостной ленте, набирая очки в виртуальных знакомствах и показывая фотки, где он отдыхает за границей один, без семьи.

После окончания Глеб Бухаров женится на своей девушке Вере с биофака, с которой познакомился в общежитии и встречался со второго курса. У них родятся два сына. Он останется в Краснодаре и будет работать инженером в айтиотделе небольшой фирмы.

Вася Нечаев сильно поправится, от атлетической фигуры не останется и следа. Он, как и Глеб, женится на своей девушке с биофака и переедет в Краснодар. Как и Глеб, будет работать инженером в айтиотделе. В браке у него родится дочка.

Усанова Диана тоже останется в Краснодаре. Она выйдет замуж и будет работать программистом в телекоммуникационной компании. Через десять лет она будет уже начальником айтиотдела. С Настей они так никогда и не помирятся.

Выпускной на факультете информатики отмечали вместе основная и экономспециальности. Ресторан и меню заказывала Диана Пожарова. Она сначала узнавала мнения студентов, декана и всех преподавателей. Но мнения не совпадали, и она выбрала все на свой вкус. Вкусом Дианы многие остались недовольны.

Однокурсники собирались в ресторане к шести. Вчерашние студенты отмечали выпускной в центре, в одном из самых известных ресторанов города, где снимали два зала. Выпускной поставили в рабочий день, Ира с утра была на работе, где говорили, что ее раньше не отпустят, но в последний момент передумали. Но на выпускной Ира все равно опоздала – очень долго делали прическу в парикмахерской, и она подъехала в ресторан только к восьми, когда все уже поели и веселие было в самом разгаре.

В ресторане был приглушенный свет, залы были украшены цветами. Длинные столы с белыми скатертями накрыты для каждой группы, три стола для экономспециальности и пять для основной. Основная и экономспециальность сидели в разных залах, но танцевали на общем танцполе. Когда Ира приехала, на танцполе «зажигал» декан, без стеснения отплясывали Ханзадян и Каркошин. Ушанков, Никитов и Полозин тоже приехали, но не танцевали, а сидели и разговаривали со студентами за столами. Как и на защиту, Горовой на празднование не пришел. Парни были в костюмах и белых рубашках, девушки – в вечерних платьях и с красивыми прическами, залакированные и надушенные. За два часа празднования однокурсники успели перемешаться. Ира подсела к однокурпникам:

— У тебя красивая прическа, — сказала Вероника, которая была в коротком блестящем платье, купленном специально для выпускного, и с цветком в распущенных волосах.

— Спасибо, — Ира тоже для выпускного купила красное вечернее платье с большим вырезом и сделала высокую прическу.

Ника и Женя Резцова была с распущенными волосами, остальные девушки пятьдесят шестой — с высокими прическами. Многие студентки ждали выпускной, именно, чтобы продемонстрировать однокурсникам новое платье и прическу. В жизни девушки не так много поводов, когда можно надеть вечернее платье.

К пятому курсу прическа Дианы Пожаровой становилась все короче и короче, на выпускном она была подстрижена «под мальчика» с мелированной челкой и тонким пучком длинных волос, своеобразным хвостиком, сбоку. Диана была в брючном костюме и белой рубашке навыпуск с рукавами клеш. Также она выглядела на защите диплома. Она отличалась от всех остальных девушек группы.

За столом Ира оказалась около Вовы Иваненко из пятьдесят седьмой. Выпивший Вова рассказывал Ире:

— Мне одна девчонка с эконома рассказывала о каком-то новом накопителе информации. Говорит, новый такой. А я все понять не могу. Думаю, может быть, флешка? Или диск? Прошу ее показать, а она мне дискету показывает! Представляешь! — Иваненко Вова негромко хихикнул. — А это дискета... Вот какой новый накопитель... — Ира тоже хмыкнула в ответ.

В конце стола пятьдесят шестой группы сидела бессменная кампания: Егор с Никой, Женя со Степаном, и Тая — со Славой, и всех однокурсников мучил один и тот же вопрос, который они тайком задавали друг другу. Ира не стала исключением:

— Тая со Славой снова вместе?

— Не думаю, просто в одной компании сидят.

Но Ира решила на всякий случай уточнить у Таи.

— А вы со Славой помирились?

— Нет, просто общаемся... дружим — сказала Тая тихо и уверенно, как будто, что они с Славой теперь дружат, а не встречаются, было само собой разумеющимся и разве что тугодумы этого не понимали. После четырех лет отношений, бросив Славу перед сложной операцией, Тая хотела хорошо выглядеть со стороны и остаться с ним друзьями.

Подвыпившая Жени Резцова решила сказать тост. Это был длинный тост-притча:

— В некотором королевстве царило процветание, — Женя говорила как всегда медленно, неестественно растягивая гласные и делая паузы между словами, как будто добавляя значимость своей речи. — Веками люди хорошо жили в этой стране. Счастье прочно поселилось в их домах. Но однажды взошел на престол новый молодой король и начал разбираться с делами. Умирая, его отец завещал ему хранить веками сложив-

шийся уклад жизни. Молодой король решил не перечить отцу и выполнить его предсмертное желание. Но в начале царствования, выясняя расходы казны на содержание своих подданных, король посчитал, что содержание Верности обходится слишком дорого для королевского двора. И беречь ее нужно, и хранить. Слишком сложно. Король был молод и неопытен и предпочитал поощрять других своих подданных: Влюбленности, Бесчисленные Романы, Интрижки, Кутежи, Привязанности, Флирт и даже Измены. Легкомысленный король решил, что в стране можно вообще обойтись без Верности и, недолго думая, объявил ей об этом. Верность перестали беречь и хранить. Верность обиделась, ушла странствовать по свету и искать себе новый дом, где ее оценили бы по достоинству.

Теперь во всех домах королевства завелись Измены, появилась брань и ругань, начали распадаться семьи и увеличилось количество разводов. И не заметил король, как Счастье тоже стало уходить из домов и засобиралось в дальний путь. Молодой король не на шутку обеспокоился. Вековой уклад жизни был нарушен именно в его царствование. Семья — ячейка общества — распалась на глазах, и все общество начало покачиваться и шататься. И издал король новый указ, согласно которому приказал найти и вернуть Верность в королевство и урезать содержание таких подданных, как Бесчисленные Романы и Измены. С трудом его подданные отыскивали Верность и на коленях умоляли ее вернуться. Добрая Верность расчувствовалась и согласилась. И когда вернулась Верность в королевство, стали охранять ее от посягательств Измен и беречь как зеницу ока. И Счастье опять поселилось в домах жителей королевства...

Так давайте же выпьем, чтобы Верность никогда не покидала наших домов, и в них всегда жило Счастье!

За Женин тост выпили все, молча переглянувшись, — Женя говорила о наболевшем.

— И не надо Верность из дома выгонять! Чтобы Счастье не уходило! — сказал Слава, который во всем всегда поддерживал Резцову.

Преподаватели и студенты вместе отплясывали на танцполе, сидели за одним столом и пили. Кругов говорил тосты и желал выпускникам дальнейших побед, успешного трудоустройства, продвижения по карьерной лестнице, парням — счастливой женитьбы, а девушкам — удачного замужества. Преподаватели и студенты поднимали тосты и желали друг другу счастья и успехов во всех начинаниях.

Через десять лет Кругов также будет деканом факультета информатики. Он будет числиться номинальным заведующим кафедрой информационных технологий, исполняющим обязанности и реальным завкафедрой будет Полозин.

Через десять лет Полозин похудеет, станет доцентом и кандидатом физико-математических наук, он тоже будет долго писать дипломы для своих студентов и студентов других вузов. Он допишется до того, что его вызовут в отделение полиции города и потребуют объяснений — сдадут собтвен-

ные студенты. Он «отмажется» – студенты заберут заявление. Но писать дипломы продолжит, надеясь на безнаказанность. В университете ему пригрозят, что или он прекращает писать оптом дипломы за деньги, или его выгоняют из университета. Он скрепя сердце прекратит свой прибыльный бизнес и устроится работать программистом на полставки в частную фирму. Зарабатывать станет в разы меньше.

После девяти преподаватели стали по одному разъезжаться, последним уехал Кругов. Стоило декану скрыться в дверях, многие однокурсники засобирались домой. Из пятьдесят шестой уехала только Ника.

Как только выпускники остались без контроля преподавателей, начались факультетские разборки. Девчонки с основной специальности решили «под занавес учебы» выяснить отношения с Дианой. Теперь с ней уже не надо было «дружить», она, как сотрудница деканата, больше была не нужна – все получили дипломы и могли не скрывать свои чувства.

Выпускницы основной специальности были недовольны рестораном. Им не понравилось, что Диана выбрала именно этот ресторан, они хотели другой. И меню было не то, и они вообще хотели праздновать отдельно, и не надо было приглашать преподавателей – за пять лет надоели уже, опять кормили их за свой счет.

Но по поводу оплаты они были не совсем правы: в этот раз Кругов и несколько других преподавателей, не все, наравне со студентами скидывались на праздничный стол и уже не ели за счет студентов.

Однокурсники разделились на три лагеря. Те, кто поддерживал Диану и кому все понравилось. Те, кто ее не поддерживали и кому ничего не понравилось. И те, кому было все равно. Олеся и Вера относились ко второму лагерю, Ира – к третьему.

Напряжение нарастало. Один парень с основной, маленький, полный, черноволосый, с короткими руками, квадратным лицом и небольшими глазами под густыми черными бровями, начал отчитывать Диану. Ему, как и большинству, не понравился выпускной. Вова Иваненко начал ее защищать. Между ними завязалась ссора, парень с основной специальности в пылу драки схватил бутылку водки и разбил ее о голову Вовы.

Тут же началась массовая потасовка. В эпицентре драки оказалась Диана. Парни из разных лагерей неистово колотили друг друга, давая выход накопившейся за пять лет агрессии. Иногда друзья оказывались по разные стороны «баррикад» и не жалели друг для друга кулаков. Толпу дерущихся утихомирили быстро, пригрозив милицией.

Глядя на окровавленного Вову, вызвали скорую и милицию. Пока ждали скорую, Вова еле сидел покачиваясь и держался за разбитую голову. Кровь стекала у него со лба, и все белая рубашка была в крови. Однокурсники не знали, как себя с ним вести, гадая, куда делась все знания по медицине, полученные на ОБЖ и медподготовке. Однокурсники решали, то ли Вову положить на пол, то ли посадить, то ли самим забинтовать ему голову, то ли подождать скорую. То ли положить ему под голову валик,

то ли ее запрокинуть. То ли делать ему искусственное дыхание, то ли брызгать и плевать в лицо воду, то ли подносить зеркальце ко рту. Но Вова был в сознании, поэтому искусственное дыхание ему решили не делать, воду в лицо не плевать и зеркальце ко рту не подносить. Пока думали и гадали, приехала скорая и милиция.

Милиция стала снимать показания у очевидцев. Скорая оказывала первую помощь, Вове забинтовали голову, и, как только следователь разрешил, забрали в больницу накладывать швы.

Через десять лет Вова Иваненко будет начальником отдела программирования. Он женится, и в браке у него родится дочь.

Следователь предупредил всех, что, возможно, придется подъехать в отделение, если возникнут вопросы или нужно будет уточнить показания.

Несколько однокурсников тоже подошли за первой помощью – пошмели медперсонал, после драки у них осталось несколько синяков и ссадин.

Следователь с помощником подходили к каждому и снимали показания. Диана, как «козел отпущения», слушала всеобщие упреки и укоры. Со всех сторон на нее все кричали. Она даже не оправдывалась.

Егор отчитывал Диану и говорил, что все произошло из-за нее. Диана стояла с виноватым лицом, чуть не плача. Она, держа руки за спиной и виновато наклонив голову на бок, смотрела на Егора и покорно выслушивала его обвинения.

После универа Егор Соколов поедет в Чечню работать программистом, зарабатывать себе на квартиру. Потом уедет в Москву. К нему переедет Ника, и они будут работать в одной крупной фирме, он программистом, а она маркетологом. Егор со Степаном останутся лучшими друзьями.

Тае тоже не понравился ресторан. Она поддерживала девчонок с основной специальности и активно критиковала Диану. Как и Тая, Степан с Женей не остались в стороне и не упустили случая напоследок отчитать работницу деканата:

– Ты понимаешь, что ты нам всем выпускной испортила, можно сказать, воспоминания на всю жизнь. Диана, ты как обычно! Это все из-за тебя. У всех выпускные нормально проходят! Одни мы... Ты как всегда! Из-за тебя драка началась и Вове голову разбили. А если бы Вову убили? Это ты была бы виновата... Теперь один из-за тебя калека, а другой из-за тебя сядет!..

Олеся, не любившая Диану, тоже на нее накинулась.

– Ты во всем виновата! Ты как обычно в своем репертуаре!

Вера рядом только кивала.

Диана не выдержала всеобщего напора и расплакалась. Она как всегда нашла поддержку у Насти Тюкановой, которая кричала:

– Хватит обижать ребенка! Иди ко мне, Дианочка.

Диана, опустив голову, подошла к Насте и положила голову к ней на плечо. Настя обняла ее и начала успокаивать, глядя по голове:

– Она не виновата, что этот придурок решил о Вовину голову бутылку разбить! Это же не она бутылку разбила!

– Да, но зачем она пошла Вове жаловаться!

– Она ему просто рассказала... Кто знал, что он полезет драться?

– Просто Диана как всегда! Все ее постоянно обижают, все вокруг плохие, одна она хорошая. Вот и получилось!

– Ну хватит, – Ира тоже защищала Диану.

– Просто все нормально надо было организовать!

Диана пряталась за неширокой спиной и большой грудью Насти Тюкановой. Она опускала голову и виновато смотрела в пол.

Подающая надежды в программировании Настя Тюканова не захочет работать программистом и сначала устроится экономистом в косметическую фирму. После универа Настя и Петр «по залету» поженятся, у них родится дочь. Настя будет жаловаться подругам на непонимание Петра и равнодушие к дочери. – Когда выучишь слово «логарифм», тогда и приходи, – будет повторять он. После многочисленных скандалов они с Петром перестанут мучить друг друга и через несколько лет разведутся из-за «непреодолимых разногласий». Петр будет часто менять девушек и со всеми «тетями – девушками папы» знакомить их совместную дочь. Петр станет аспирантом на факультете информатики и будет работать частным преподавателем по математике, физике и информатике. Как и все он будет писать ЕГЭ за своих учеников. Через десять лет Настя будет не замужем и, как Петр, будет работать частным репетитором по математике и информатике.

Ира собиралась домой – празднование выпускного закончилось, и началась обычная заварушка... Она оглянулась на одноклассников: в одном углу Рома Антошин по-приятельски разговаривал с Якушенко Славой – происходившие разборки их не трогали.

Якушенко Слава после удачного лечения, операций, курсов химиотерапий и облучений поправится, его анализы нормализуются, и врачи будут говорить о полном выздоровлении. Через несколько лет он женится тоже на азиатке, в браке и него родится трое детей. Он сначала вместе с Егором и Степаном откроет фирму по программированию, потом магазин по торговле компьютерами и комплектующими, а через десять лет будет работать в бизнесе свекра.

Рома Антошин будет работать в фирме по страхованию. Через десять лет он будет не женат и бездетен.

В другом Тая отчитывала Настю, что Диана не права и не надо ее защищать.

Таисия Обликова поступит в аспирантуру к Урвину, которую не закончит. Через десять лет она будет работать в нефтяной кампании экономистом и выплачивать однокомнатную квартиру в ипотеку... Она будет встречаться то с одним молодым человеком, то с другим. Через десять лет она будет не замужем и без детей.

В третьем Олеся жаловалась Вере, что Диана всем испортила праздник...

Окончив универ, через пару лет Олеся Антоненко выйдет замуж за Бю, с которым познакомилась в общежитии и начала встречаться в середине пятого курса, у них родится сын. Они купят в ипотеку однокомнатную квартиру, пустят туда квартирантов, чтобы эту квартиру выплачивать, а сами будут жить за городом в частной разваливающейся временке без удобств. С непостоянными квартирантами у них постоянно будут проблемы: то задержали оплату, то уехали, не оплатив, оставив ключи соседке или бросив в почтовый ящик... Олеся будет сначала программировать в частной фирме, а потом пойдет работать в крупную компанию сотового оператора финансовым аналитиком и через десять лет будет уже начальником отдела.

Вера Моканова сложит свой бесполезный, вымученный диплом в стол и никогда не будет работать по специальности. Сначала она устроится в страховую кампанию, а потом откроет с мамой и сестрой турфирму. В личной жизни она найдет то, что так долго искала: Вера выйдет замуж за мужчину на десять лет старше ее, Глеба, очень высокого — под два метра, симпатичного крупного преподавателя страхования в частном вузе. Он станет для нее и мужем, и отцом. Они познакомятся двадцать девятого февраля, и раз в четыре года будут отмечать день знакомства. Рядом с ним она будет чувствовать себя маленькой и беззащитной девочкой, как всегда и хотела. Для него это будет уже второй брак. В Ростове, откуда Глеб родом, у него останется сын. У Веры и Глеба родится дочка...

Диана Пожарова останется на факультете, защитит диссертацию на кафедре математического моделирования у Урвицина и будет работать преподавателем линейной алгебры. Через несколько лет ее «выживут» на географический факультет, где она будет преподавать высшую математику для географов. Она останется верна своему желанию сохранить девственность до свадьбы, но через десять лет после окончания универа будет все еще не замужем и даже не будет ни с кем встречаться.

Выпускной на факультете информатики, как и полагается, не обошелся без драки, скорой помощи и милиции.

Ира не стала вмешиваться в факультетские разборки, сказала следователю, что ничего не видела, как на самом деле и было, попрощалась с Олесей и Верой, вызвала такси и уехала домой.

Встречи выпускников

Закончив вуз, студенты в большинстве случаев прекращали отношения с одногруппниками. В бурном потоке событий «взрослой жизни» только тоненькой ниточкой сквозь годы тянулись дни встреч выпускников, нанизывая, как яркие бусинки, новые воспоминания и сведения об одногруппниках на волокна, вплетаемые в канву жизни.

Обычно, случайно встретив однокурсников, бывшие студенты факультета информатики, после стандартных приветствий и неловкой паузы: «О чем бы поговорить» задавали стандартный вопрос: «Ну что, видишь кого-нибудь из наших?» И получали разные ответы: от Ани Тротурской с гордостью: — С тех пор, как закончили, ни с кем не общаюсь. Ни разу не была на дне встречи выпускников. — Или однокурсники начинали перебирать знакомые имена и рассказывать общие быстрые факты из чужой жизни: женился, замужем, дети, работает...

Дружба Иры с Олесей и Верой закончилась вместе с окончанием университета. Бывшие лучшие подруги «разошлись любовно» и виделись только раз в несколько лет на днях встречи выпускников. Факультет информатики переименовали, добавили пару современных, привлекающих абитуриентов слов.

Первый день встречи выпускников пятьдесят шестой группы состоялся осенью, через несколько месяцев после получения дипломов. За день до встречи Ира созвонилась с Олесей.

— Женька же замуж вышла, я видела фотки в интернете, — сказала Ира. — У них свадьба осенью была. Тайка с Женькой собирают одногруппников, чтобы неприлично дорогое кольцо продемонстрировать?

— Похвастаться как обычно. Покрасоваться. Ну что ты Женьку не знаешь?.. — Олеся замолчала на минуту. — Даже Тайка, Женькина лучшая подруга, после окончания вуза сказала, что Женька любит повыпендриваться... Степан на Женьке женился, потому что у них общая компания...

— Или потому что его попросил большой раком Слава.

— Да, если бы не Слава, Степан, может быть, на Женьке и не женился. Болезнь друга — хорошая причина сыграть свадьбу.

— Ну, Женька рассталась с девственностью со Степаном.

— Настя тоже со Степаном девственность потеряла. Так что это не аргумент. И не причина жениться.

В день свадьбы Дашевицких грустили половина мужского населения факультета информатики: одна из самых красивых девушек факультета выходила замуж...

Вера попросила Иру и Олесю встретиться заранее, за час до назначенного времени, и вместе прийти в кафе. Вера не хотела заходить в кафе од-

на. Пока не забыли дорогу в универ, первый день встречи выпускников решили провести в новом кафе напротив универа. Когда Ира с Олесей и Верой подошли, в кафе уже сидели Тая, Женя, Настя и Диана Пожарова. На первую встречу выпускников пришли только девчонки и ... «мармазетки» Дима с Ромой.

На безымянном пальце Жени Резцовой красовалось широкое полосатое обручальное кольцо.

— Ну вот, поженились... — Женька как всегда говорила громко, тянула гласные и сильно жестикулировала.

— Ну поздравляем! — сказала Олеся, рассматривая кольцо.

— Поздравляем! — скромно добавили Ира и Вера.

— Подружкой невесты была Тая...

— А дружком — Слава? — подхватила Олеся. — Так коллективно Женьку замуж и выдали! — громко сказала довольная Олеся улыбаясь.

«Подколола Женьку», — подумала Ира.

— Вы сейчас тут живете? — Олеся мотнула головой в сторону пятиэтажной хрущевки, где была квартира Степан.

— Да, пока здесь. Родители хотят купить квартиру новой планировки, с большой кухней и высокими потолками. На Юбилейном. Поближе к моим родителям.

Про Настю никто не спросил. Женя сама сказала:

— А та с эконома все еще пишет ему. Когда она уже успокоится? Он уже женат! Сколько можно!

«Та с эконома» — так Женя обычно называла Настю. В браке Степан продолжал мутить с Настей.

— Ну, кто у нас следующей замуж? — спросила Диана Пожарова, и вопрос повис в воздухе.

— А Ника с Егором свадьбу не планируют? — спросила Ира. — Они уже столько лет встречаются, а он на ней до сих пор не женился!..

Вероника с Егором поженятся через несколько лет, а еще через пару лет разведутся из-за постоянных внебрачных «любовей» Егора. И еще много лет каждый раз, когда Ника будет вспоминать его, она будет плакать...

После окончания универа Женя осталась работать экономистом в банке, где директором был ее отец, она собиралась делать карьеру в банковском бизнесе.

Когда совместный бизнес Егора, Славы и Степана распался, Степан начал работать программистом в небольшой частной фирме. Через пару лет у Степана и Жени родилась дочь Стефания, — Жене всегда нравилось это имя — похожая на Женю, светлорусая, но с такими же длинными и густыми ресницами, как у Степана. Как Женя и говорила, они со Степаном перееха-

ли в квартиру новой планировки. Дашевицкие устроила смотрины своей квартиры в двух уровнях и пригласили старых друзей: Егора, Таю, Нику и Славу.

Степан еще сильнее поправился. Он и дальше изменял Жене с «той с эконома». Он снял Насте большую квартиру и настоял, чтобы она ушла с работы. Целыми днями Настя сидела в снятой квартире, смотрела телевизор и ждала Степана, а когда он приходил, закатывала ему сцены ревности.

Уже после окончания универа Ира случайно познакомилась с коллегой по работе Степана Витей, невысоким толстым, с иссиня-черными волосами и бородой. Он был из многодетной семьи.

— Так ты с четой Дашевицких в параллельной группе училась? — спросил Витя у Иры. — Женя часто заходит к нам на работу к Степану... Он же очень богатый. Они не афишируют, что его отец владеет несколькими заводами и элеваторами и сотрудничает с крупнейшими компаниями края, производит продукцию под их торговыми марками.

— Я не знала, хотя училась в параллельной группе.

— Они особо не распространяются. Настю я тоже пару раз видел. Редкая красавица. Она тоже иногда к нам заходит...

Пара Дашевицких оказалась самой популярной для обсуждения среди одноклассников. Ира с Олесей тоже после очередной встречи выпускников созвонились.

— Ну, я догадывалась, что Степан очень богатый... Наследник большого состояния, — уклончиво сказала Олеся, когда Ира передала ей разговор с Витей. — Кстати, Слава Якушенко недавно женился. Его жена была девственницей до свадьбы.

— Он до свадьбы маструбировал?

— Да, ждал ее... — Олеся замолчала на мгновение, а потом переменяла тему разговора. — Егор говорит, Женька, выйдя за Степана, попала «из грязи в князи», пришла на все готовое, ничего с ним вместе не добивалась... У Женьки проблемы со свекровью. Каждая встреча с родителями заканчивается скандалом и Женькиными слезами. То свекровь где-то пыль увидела, то стол неправильно сервирован...

— Вот ей свекровь жизнь портит...

— Резцова... уже Дашевицкая, — поправилась Олеся, которая откуда-то знала самые интересные подробности, — чайную ложку с десертной перепутала, когда стол сервировала. Со свекровью был скандал.

— Да, это проблема — ложки перепутать, — насмешливо сказала Ира. — Их все путают.

— Там нормально было, можно было отличить. Вот Степан краснел, говорят.

— Степану лишь бы краснеть. Он знал, на ком женился. Женился бы на Насте, и краснеть бы не пришлось, она и разговаривает нормально, и в ложках разбирается.

- Степан говорит, у Насти ноги не такие, кривоваты, что ли...
- Степану все не то, он ищет идеал, долго же он его искать будет. Вот если бы Настю и Женьку соединить, говорит Степан.
- Ага, соединить... А вдруг получится кто-то с ломотным голосом и кривыми ногами? — Олеся хихикнула. — Настя говорит, что Резцова одеваться не умеет, не знает, как себя в обществе вести... Общество Степана Женьку так и не приняло, говорят, она для них слишком бедная.
- По-моему, Женька сильно не переживает по этому поводу. Она их не часто видит, пару раз в год максимум...
- Видишь, Женька работать пошла, Степану это не нравится, он хотел, чтобы она дома сидела, занималась воспитанием дочери и их огромную квартиру в двух уровнях с утра до вечера убирала. А Женька хочет карьеру делать, домработницу завела. Степан говорит, что деньги не проблема, их всегда можно взять у родителей. А Женька не хочет просить у родителей. А хочет сама зарабатывать.
- Ой, что она зарабатывает по сравнению с деньгами родителей Степана.
- Степан говорит, что Женьке можно не работать. Что его отец им сколько надо денег даст. Его отцу приятно им помогать, деньги давать. На что им еще деньги тратить, как не на детей? А Женя все равно работать хочет. Карьеру строить, она самостоятельная. В общем, по меркам Степана рассуждает, как бедная...
- Не такая уж Женька и бедная. Папа — директор в банке.
- Он же наемный директор... Бедная по сравнению с миллиардером Степаном.
- По сравнению с ним мы все бедные!..

Через пару лет на дне встречи выпускников Женя сама рассказала одноклассникам:

— Я однажды застала Степана в постели с нашей няней, ему в этот момент как раз звонила Настя. Я подняла трубку и сказала, что «он изменит нам с няней»: — Как? Не может быть. — Да я как раз смотрю на них... Хочешь с Степаном поговорить? Они передо мной в кровати лежат...» — Я только хотела передать Степану телефон, но Настя бросила трубку.

— Молодец, Женька! — одобрила Олеся. Так Женя надеялась хоть от давней соперницы избавиться. Но нет, Настя появилась снова.

— Настя опять ему пишет. А я к ней уже даже не ревную, мы как одна семья... — О Насте Женя говорила спокойно, за столько лет она привыкла к ее существованию.

— Бывают же шведские семьи, — вставила свое слово Тая. — И нормально живут...

– Не знаю, что со Степаном делать... – Женя всплескивала руками. Она была серьезно настроена, полна решительности и как будто спрашивала совета у одноклассников или производила мозговой штурм, как перевоспитать Степана.

Степан потом прислал Жене свое излюбленное эсэмэс: «Прости меня, что я такой». После стольких лет измен это эсэмэс перестало работать. Но Женя прощала, а что ей оставалась – у богатых свои причуды... Вместе с деньгами в жизнь Жени пришли вечные измены и долгие ожидания неверного мужа...

Все послушали Женю, покивали, посочувствовали ей. А после встречи перемили все косточки. Ира стандартно созвонилась с Олесей:

– Это Женя одноклассников собирала, чтобы всем рассказать, что Степан ей изменяет? Или чтобы ее коллективно пожалели?

– Чтобы мы на Степана повлияли...

– Как на него повлияешь? Он взрослый человек, как будто он кого-то послушается. Пять лет параллельно с Настей и Женькой жил, ни у кого разрешения не спрашивал. Хоть бы Резцова не позорилась, никому про измены Степана не рассказывала... Хоть бы уже сор из избы не выносила...

– Мда, Степан верностью не отличается. Их вечный любовный треугольник, Степан кочует из одной постели в другую.

– Если бы он изменял Женьке только с Настей. Он же еще с нянями зажигает.

– Интересно, Степан сам нянь выбирает?

– Это же не первая няня, с которой он Жене и Насте изменял! Степан, по-моему, ту няню тоже девственности лишил. Он специализируется на девственницах. Как Егор когда-то...

– Вот у них за Степана война идет...

– Да, за Степана надо бороться... Вот Женька и борется...

– Женя сама говорит, что она к Насте уже не ревнует.

– Да куда уже ревновать... У них один на двоих неверный мужчина. Вместе лечат венерические заболевания, которые Степан цепляет от нянь...

– Ну, есть свои плюсы. Женя всегда знает, где Степан, если не на работе и не дома, значит, у Насти!

– Или в постеле с няней!

– Да, не скучно им...

Еще через несколько лет одноклассники решили собраться в день встречи выпускников в первую субботу февраля. Дима с Ромой и Диана Усанова с Настей Тюкановой как ни в чем не бывало сидели за одним столом, разговаривали и смеялись над общими шутками, как будто между ними не было взаимных обид.

Вера очень похудела, сбросила все, набранные за время универа килограммы.... Олеся тоже заметно похудела после родов. Остальные, кроме Васи Нечаева, выглядели, как на последних курсах универа, словно только вчера закончили университет.

Женя немного опоздала на встречу, она подстригла свои длинные светлорусые волосы и также наращивала ногти, теперь у нее были волосы только ниже плеч. Она сразу поставила на стол неприлично дорогую сумку, чтобы все успели прочить название известного бренда и примерно оценить, сколько она стоит. Сама Женя пошла снимать пальто. Глеб, как настоящий джентльмен, ей помогал. Женя также ни капельки не изменилась, и на нее также засматривались все сидящие в ресторане мужчины.

Все рассказывали вкратце о себе и вспоминали разные студенческие истории.

— Я на Новый год прилетела в Краснодар. Папа так радовался, Он сказал, что давно не было такого Нового года... когда все дети дома, — сказала Вероника и практически прослезилась, она пару месяцев как развелась с Егором.

Женя не так давно поменяла работу, перешла в другой банк. Из банка, в котором директором был ее отец, Женю просто выжили.

— Как классно иметь домработницу! — рассказывала Женя. — Я ее нашла через агентство. Она приходит три раза в неделю, понедельник, среду и пятницу, в одиннадцать. Пылесосит, моет полы и вытирает пыль. Я иногда ее прошу помыть посуду, почистить картошку. Она иногда моет, но не любит, ворчит всегда. — Женя хихикнула. — Это не входит в ее обязанности. Раз в неделю оставляю ей гору глажки. Она гладит несколько часов, обычно до двух. Однажды Степану любимую рубашку прожгла... Ну, со всеми бывает... Вот Степан ругался! Его рубашка дорогая была!

— И как убирает?

— Нормально! — Женя опять сильно жестикулировала. — Конечно, если вглядываться, то там пыль, то там... Но если сильно не придираешься... Так вроде нормально. Мне нравится... Если генералить квартиру, то ее дополнительно нанимать и оплачивать... Ну я готовлю каждый день... — как будто оправдывалась Женя.

— О! Да!... — Одногруппники дружно закивали. — Мы видим фотки твоих блюд в соцсетях... Ты уже лучше любого шефповара готовишь.

— Я таких названий, как ты готовишь, даже не слышала... — призналась Пожарова Диана.

— Мы тут все Степану завидуем.

Женя поблагодарила и продолжила:

— Мы отдали Стефанию в частный детский сад, пятнадцать тысяч в месяц. Поехали, сад сначала посмотрели. В саду главное — чисто! — Женя особенно выделила слово «чисто», — и воспитатели понравились...

— У вас Стефания на целый день ходит?

— Да, утром я ее отвожу, мне по пути на работу, а вечером или я, или Степан забираем.

— А когда Стефания болеет?

— В прошлый раз меня не отпустили. Сидела няня...

— Понятно...

— А сейчас с кем ты Стефанию оставила?

— С моей мамой! Степан тоже на встрече, — ответила Женя. — Мама с ней занимается, играет, лепит!

— Вот Женьке повезло с мамой. Всем бы такую маму! — сказала Олеся, зная, что Жене нравится, когда хвалят ее маму.

— А вы второго не хотите? — спросила Ника.

— Ну я пока не хочу... — ответила Женя. — Может, лет через пять-семь...

— А сколько сейчас Стефании? — спросила Ира. Женя искренне удивилась такому вопросу. Она была уверена, что все вокруг должны знать наизусть возраст ее дочери.

— Ей сейчас пять.

— Как сыну Олеся и дочери Настьки. У вас дети ровесники?

— Ну да... Мы с Настькой вместе ходим в развивающий центр... Недавно Степан сильно проигрался в карты. Идеальных людей не бывает... — развела руками Женя.

— А вы там же живете? — спросила Диана Пожарова.

— Да, в той же квартире на Юбилейном... Ну я была с Степаном, когда он еще жил в маленькой двушке без ремонта. — Женя намекала на квартиру около универа. — Прошла с ним огонь и воду... Можно сказать, мы всего добились вместе... Поженились, когда были бедными студентами...

— Женя, — хмыкнул Глеб, — только Степан никогда не был бедным студентом... И поженились вы уже после окончания! Ага, это сколько лет вы женаты? Семь? Женя, ты еще добавь: «Разделила все тяготы жизни в лишениях», — уточнил Глеб смеясь.

Женя ничего не сказала, пропустив замечание Глеба мимо ушей, а потом весело продолжила:

— Возвращаюсь как-то с работы. А дома Степан со Стефанией делают задания, играют. Спрашиваю: — Ну как? — Как-то просто... — Да ладно! Просто? Тебе легко делать задачки для пятилетнего ребенка? Да ладно! Не может быть. — Степан так смеялся. — Да ладно! — повторяла Женя как обычно громко и ломотно.

Женя замолчала, а потом сама сказала, уже тише и задумчивее:

— А она все ему пишет... Ну, сколько можно! Он уже чужой муж. У него ребенок. А она его любовница. Уводит мужа из семьи и забирает отца у ребенка, — больше эту тему за столом решили не поднимать.

Одногруппники продолжили разговаривать о себе... Когда возникла неловкая пауза, Диана Пожарова, как бы рассуждая вслух, сказала:

— Что-то у нас все в разводе, — намекая на развод Насти и Вероники.

– Ну вот, у меня все хорошо... – ответила Женя.
– Хорошо? – Глеб рассмеялся. – Ты посмотри на себя! Ты такая классная во всех отношениях. А Степан тебе изменяет с нянями... и до сих пор крутит с Настей...
Все замолчали...
– Как Глеб Женьке сказал, слышала? Как он ее... – сказала Олеся, когда вышла провожать Иру, которая уходила раньше.
– Ну, хоть кто-то ей правду в глаза сказал, а то она так хвастается, а хвастаться, по сути, нечем...
– Интересно, у них Стефания разговаривает, как мама и бабушка? Также выпендрежно? Степан в шоке? Или он смирился?..

Женя Резцова продолжит череду разводов пятьдесят шестой. Она разведется со Степаном, когда уже не будет сил сохранять видимость счастливого брака, станет невыносимо слышать Настино сопение в трубку и нестерпимо стыдно перед родителями. Степан оставит ей огромную квартиру и будет платить приличные ежемесячные алименты... Сам Степан соберет вещи и переедет к Насте...

Однажды Ира увидела Олесю на Красной. Олеся ехала на небольшом голубом хетчбэке, купленном в кредит. Решили посидеть в кафе и перекинуться парой слов. Рассказав о себе, вспомнили одноклассников:

– Ну что там у нас? Видишь кого-нибудь.
– Я нет, а ты?
– Резцова развелась, слышала?
– Я видела, у нее обновился статус в соцсети. И она все свадебные фотки поудаляла... и совместные фотки со Степаном...
Ира с Олесей задумчиво замолчали на некоторое время.
– Резцовой деньги Степана не принесли счастья... Хорошо, что она с ним развелась, а то ее рога уже потолок шкребли...
– Да, ничего хорошего из их любовного треугольника не получилось.

– Ну почему же? У них общий ребенок – Стефания...
– Мда... Какой бы выпендрежной Женька ни была, она была достойна, чтобы ей не изменяли. Она была Степану хорошей женой... Спину держать училась, с тренером занималась, училась одеваться, как себя в высшем обществе вести... Училась десертную ложку от чайной отличать... На курсы кулинарные пошла, чтобы Степану вкусно готовить... Хорошо, что она с ним развелась. Я думаю, все вздохнули с облегчением. Хоть свекровь терпеть не придется...

Олеся ухмыльнулась.
– Выйди Женька замуж за кого-то попроще, своего круга, она наверняка была бы счастливее, жила бы нормально... Кто знает...

– Ну, это не Женька за Степаном бегала, он за ней... эээ, – Олеся подбирала слова, – ухаживал...

– И за Настей тоже... Думаешь, Степан теперь на Насте женится?

– Наверняка.

– Интересно, ей тоже изменять будет?

– Не знаю...

– Думаю, будет. Он привык изменять женам. Ему все равно, кому изменять. Сначала Женьке, потом Насте. Жены богачей по-другому относятся к изменам. Одна моя знакомая, жена сына директора молочного завода, говорит так: «Мне все равно, с кем он сейчас тешится, все равно женой буду я. И матерью его детей». Я думаю, Настя будет закрывать глаза на измены Степана.

Олеся и Ира опять на секунду замолчали.

– Думаешь, Женька замуж еще раз выйдет?

– Думаю, выйдет.

– Я тоже так думаю. А че? Она была Степану хорошей женой... Верная, старательная...

Оглавление

Эпопея студенческой жизни	4
Первый курс	6
Первое впечатление	6
Факультет информатики	12
Дискач	17
В кафешке	20
Футбол	27
Перед информатикой	30
Новый год у Славы	33
Первые экзамены	45
У старосты	51
Линейка	54
Второй семестр	57
Первое свидание	62
Четырнадцатое февраля	64
На перемене	70
День факультета	76
После праздника	84
На пушке	87
Пересдачи Кругову	100
В парке	102
Любовное послание	108
Аня–Сережа–Диана	111
Летняя сессия	112
На даче	119
Второй курс	126
Новости математодов	126
Ваня	130
Третий семестр	131
Проведывание больной	135
Ночь откровений	139
Староновый знакомый	146
Личные жизни	149
Тема на форуме	152
Зачет Тарарирам	156
Сюрпризы зимней сессии	160
Третий курс	166
Пятый семестр	166
Общага	170

Сетевой маркетинг	174
Мировая экономика	178
Экономика фирмы	182
Криптография	188
Шестой семестр	192
В 216	196
Программа Полозина	199
Программист	205
Четвертый курс	209
Седьмой семестр	209
Профобразование	216
Кроткова	218
На концерте	219
У Таи	225
Сети	227
Восьмой семестр	231
Пятый курс	238
Девятый семестр	238
Болезнь	243
Флешмоб	247
Любовные развязки	251
Последняя сессия	253
В пиццерии	256
После зимней сессии	260
Госы	264
У БС	268
Предзащита	273
Итоговые пересдачи	276
Защита дипломов	279
Диплом Сидоровой	285
Диплом турфирмы	287
Последние потрясения	288
Вручение дипломов	291
Выпускной	295
Встречи выпускников	303

Инга Полякова

ДипВлом?!

Очка – Факультет Информатики